УДК 821.512.133
ББК 83.3(5У)

Е.В. Маслова.

У34 Узбекская литература: учебник-хрестоматия для учащихся групп с русским языком обучения академических лицеев и профессиональных колледжей / С.Э. Камилова, О.Н. Гибралтарская, И.А. Циндидис, Е.В. Маслова. – Ташкент: Изддательство Национальной библиотеки Узбекистана им. Алишера Навои, 2014. – 492с.

В учебнике-хрестоматии изложен курс истории узбекской литературы в виде критико-биографических очерков о ярчайших представителях узбекской литературы и текстов произведений узбекской литературы как в классических, так и в современных переводах.

Перед авторами учебника-хрестоматии стояла задача не только обеспечения информацией педагога при подготовке к занятию, но и максимального облегчения самостоятельной работы учащихся. Особенностью этой книги является то, что материалами данного учебника могут воспользоваться не только учащиеся и педагоги колледжей и лицеев, но также студенты-филологи и преподаватели высших образовательных учреждений, что обеспечит преемственность в образовании.

Содержание и структура предлагаемой книги обусловлены актуальными задачами современного учебно-воспитательного процесса. В учебнике-хрестоматии обобщается практический опыт авторов как в традиционном русле, так и с использованием элементов новых педагогических технологий и интерактивных методов обучения.

УДК 821.512.133
ББК 83.3(5У)

Рецензенты:

кандидат филологических наук, доцент кафедры узбекской литературы ТОГПИ **З. Бурханов,**
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы ТГПУ им. Низами **А. П. Цой**

ISBN 978-9943-06-514-7

© Издательство Национальной библиотеки Узбекистана имени Алишера Навои, 2014 г.

ВВЕДЕНИЕ

Обучение и воспитание подрастающего поколения, формирование гармонично развитой личности невозможы без глубокого осмысления богатого культурного наследия нашего народа, проникновения в сущность национальных ценностей, знакомства с запасом знаний, накопленных поколениями. Истинная гражданственность невозможна без глубокого проникновения в сущность событий, диалектического осмысления мира, необходимости разобраться в смысле происходящих явлений, иногда противоречащих нашему пониманию или глубоко скрытых.

«В настоящее время, когда растет национальное самосознание народов, важно через призму современной эпохи брать на вооружение мудрые заветы великих предшественников. И те, кто стремится донести эти слова до потомков, делают большое и благородное дело», – говорит Президент нашей страны И.А.Каримов.

Общеизвестно, что литература как вид словесного искусства, это явление, которое динамично развивается и является объектом изучения современной науки. Результаты научных изысканий плодотворно внедряются в учебный процесс. Не является исключением и узбекская литература. На протяжении последних десятилетий курс узбекской литературы был и остается предметом изучения в общеобразовательных школах, академических лицеях, профессиональных колледжах, в иноязычных группах высших образовательных учреждений республики.

Цель данной книги – дать критико-биографические очерки о представителях узбекской литературы с позиций сегодняшнего дня; выявить специфику и особенности изучения произведений узбекской литературы; ознакомить учащихся с наиболее хрестоматийными произведениями узбекской литературы как в классических, так и в современных перево-

дах. Перед авторами учебника-хрестоматии стояли и задача обеспечения информацией педагога при подготовке к занятию, и задача максимального облегчения самостоятельной работы учащихся. Особенностью этой книги является то, что материалами данного учебника могут воспользоваться не только учащиеся и педагоги колледжей и лицеев, но также студенты-филологи и преподаватели высших образовательных учреждений, что обеспечит преемственность в образовании.

Содержание и структура предлагаемой книги обусловлены актуальными задачами современного учебно-воспитательного процесса. В учебнике-хрестоматии обобщается практический опыт авторов как в традиционном русле, так и с использованием элементов новых педагогических технологий и интерактивных методов обучения.

Устное народное творчество

Эпос

Совершенно особое место в узбекском фольклоре принадлежит *народному эпосу*, который уходит своими корнями в глубокую древность. Однако вплоть до второй половины XIX века о существовании произведений народного эпоса имелись лишь незначительные и разрозненные сведения. Лишь благодаря усилиям любителей и знатоков фольклора, а иногда и по инициативе народных сказителей стали записываться отдельные произведения узбекского народного эпоса.

В 20-х годах XX века произошло эпохальное событие в истории узбекского эпоса: обнаружены талантливые народные сказители, со слов которых было записано огромное количество замечательных эпических произведений.

Народный эпос в узбекском фольклоре функционирует в форме *дастана*. Дастан – наиболее крупный жанр узбекского фольклора. Классический дастан состоит из рифмованных стихов, которые перемежаются с рифмованной прозой. Исполняется он в сопровождении музыкальных инструментов. По своей тематике дастаны бывают нескольких типов по аналогии с дастанами литературного происхождения. Именно поэтому, когда речь идет о эпических произведениях, созданных и исполняемых исключительно народными сказителями, их называют *народными дастанами*.

Жанр дастана в узбекском фольклоре имеет синкретический характер. Сказитель дастана – *бахши*, кроме создания и воссоздания литературно-художественного текста, должен уметь хорошо играть на музыкальном инструменте (кобызе, домбре, дутаре), иметь хороший голос и владеть мастерством пения.

До настоящего времени выявлены имена почти трехсот народных сказителей, в том числе таких выдающихся бахши, как Эргаш Джуманбульбуль-оглы (1870–1938), Фазыл Юлдаш-оглы (1872–1955), Пулкан-шаир (1874–1941) и мно-

гих других. Результатом огромной работы узбекских фольклористов явились записи более трехсот дастанов, охватывающих свыше ста текстов.

Узбекские народные дастаны делятся на несколько основных видов[1]:

- *героические;*
- *исторические;*
- *типа воинских повестей;*
- *романтические.*

АЛПАМЫШ

Узбекский эпос «Алпамыш» – большое и сложное произведение, в котором воспеты патриотические чувства, любовь к родной земле и народу. Имея в основном героический характер, эпос включает и многие элементы социально-бытовой лирической поэмы. Существенны в нем тема верности любви и дружбе, тема осуждения междоусобиц, призыв к сплочению, единству. Главный герой – мужественный и неуязвимый в бою Хакимбек, прозванный Алпамышем (от слого «алп» – богатырь, великан), – отправляется на выручку своей невесты, отважной и доброй Барчин-ай, которая также играет в эпосе большую роль. Интересны и образы остальных положительных персонажей эпоса: калмыцкого богатыря Караджана, сестры Алпамыша Калдыргач-аим, табунщика-раба Култая и других.

Начинается эпос с рассказа о том, как поссорились два брата - Байбуры и Байсары, первый из которых был глава Конграта, а второй, младший, управлял десятитысячеюртовым байсунским родом. Не желая платить подать старшему

[1] Мирзаев Т. Бессмертный памятник узбекского героического эпоса// Алпамыш: Узбекский народный эпос. Ташкент: Шарк, 1998. С.6.

брату, Байсары вместе с подвластным ему народом откочевывает в страну калмыцкого шаха. Народ не согласен с этим решением Байсары; он не хочет расставаться с родной землей – Байсуном. Пастухи понимают, что причина откочевки – спесь Байсары, и осуждают его. Не хочет уезжать из родных мест и дочь Байсары – Барчи-ай. Не оставила она помыслов вернуться в родные края и позднее, оказавшись вместе с родителями на чужбине…

Особенностью узбекской версии «Алпамыша», записанной в 1927 году от Фазыла Юлдаша (1872–1955), является то, что стихотворный текст перемежается прозой, передающей основной сюжет.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Отрывки

Из десяти тысяч юрт своего племени выбрала Барчин десять джигитов-гонцов, из многочисленных коней, пасшихся на девяноста пастбищах, выбрала она десять коней, снарядила их и такое письмо написала Алпамышу:

«Барчин твоя, прибывшая в страну калмыцкую, которая находится на расстоянии шестимесячного пути от родного Конграта, очутилась в руках сильного врага. Девяносто батыров калмыцких замуж меня взять хотят, угрожают мне. Удалось мне отсрочку получить от них на шесть месяцев. Если имеет Алпамыш надежды на меня, пусть, не мешкая, приезжает за мной, а если нет – пусть развод пришлет, чтобы знала я, как судьбой своей распорядиться».

Вручила она послание свое десяти джигитам, счастливого пути пожелала им, такое слово сказав:

Полная луна сиянье льет вокруг.
Лучник в бой берет свой самый лучший лук…
Чужедальный край-земля горчайших мук.
Выручить Барчин придет далекий друг…
Я желаю вам в пути не ведать бед,
Родине прошу мой передать привет,
Коккамышским водам, всем родным местам,
Нашему народу, что остался там,

И привет особый другу школьных лет!
Скажите: такой красавице, как я,
Вовсе от калмыков больше нет житья,-
Плачет и горюет Барчин-ай твоя!
Вас, мои гонцы, прошу я об одном:
День и ночь скача, быть дальше с каждым днем.
Да хранят чильтаны вас в пути степном!
Провожая вас, я слезы ливнем лью,
На чужбине злой, в постылом мне краю.

От Барчин письмо захватив,
На коней горячих вскочив,
Густо пыль дороги всклубив,
Скакунов своих горяча,
Их сплеча камчами хлеща,
Гикая на них и крича,
Десятеро тех смельчаков
Едут из калмыцкой страны.
Скачут их тулпары, фырча,
Радуя сердца седоков,
Держать путь джигиты в Конграт.

[За девяносто дней доскакали гонцы до Конграта и вручили послание Барчин-ай Байбуры. Хорошо принял Байбуры гонцов, но привезенное ими послание Барчин-ай спрятал в ларец, ни слова о нем никому не сказав. Когда же отпускал гонцов обратно, припугнул их, наказав ничем не выдать причину приезда Алпамышу. Так и уехали гонцы…

Но однажды дочь Байбуры Калдыргач-аим, зайдя с подругами в юрту отца, открыла ларец, увидала письмо и, взяв его, отдала своему брату Алпамышу. Она настояла на поездке Алпамыша на выручку невесты - Барчин-ай.]

В последний раз напутствуя брата, такое слово сказала ему Калдыргач-аим:

- С трусом не водись, ему не доверяй,
Болтуна себе в друзья не выбирай,
В долгом размышленье воли не теряй.
Будь счастливым, брат, живи – не умирай!
К небу за тебя мольбы я возношу.

По тебе тоскуя, глаз не осушу,
К стону моему прислушаться прошу:
Поклянись мне, брат, и клятвы не нарушь,
Мальчиком не будь, веди себя, как муж,-
Львиную природу в битве обнаружь.
Смерти все равно: кто – шах, а кто – байгуш,
Но спешит она по следу робких душ…
И еще, мой брат, тебе скажу я так:
Как зеницу ока скакуна храня –
И во тьме ночной, и среди бела дня –
Дальше от худых людей держи коня…
Третий мой совет послушай от меня:
На врага идя, как хочешь свирепей,
Но коня, смотри, по голове не бей.
К сроку, милый брат, в калмыцкий край поспей,
Сладкий мед бесед с возлюбленной испей.
С головы твоей да не спадет джига,
Да сразишь в бою сильнейшего врага.
Пусть народ наш будет счастлив, милый брат,
Пусть разлука наша будет недолго!..
Без тебя остаться страшно мне, мой брат.
Под тобой играет конь на всякий лад,
На боку твоем каленый твой булат,–
Поезжай, да будет счастлив твой поход!
Там откочевавший ждет тебя народ,
Там Барчин-сестрица, задыхаясь, ждет,
День и ночь с дороги глаз не отведет:
Долгожданный брат на помощь ли нейдет?
Дан ей срок в полгода, каждый день ей – год.
Не поспев, умножишь их страданий счет,
В срок придя, найдешь любовь там и почет.
Всех родных, узбекских ты сплотишь людей,
Чтоб ни злоумыслил недруг наш, злодей,
Если все узбеки будут сплочены,
Нам тогда и козни вражьи не страшны!..

Распростившись с сестрой и с дедом Култаем, Алпамыш отправляется в путь.

Песни

Своеобразен и древний *песенный фольклор* узбекского народа. Он включает в себя множество жанровых разновидностей, причем некоторые из них присущи только узбекскому фольклору.

Узбекские народные, особенно обрядовые песни, чрезвычайно популярны. Они сопровождают жизнь человека от рождения и до глубокой старости.

Обрядовые песни делятся в свою очередь на *календарно-обрядовые, семейно-обрядовые, заговоры, причитания и плачи.*

Сугубо национальный характер носят особенно семейно-обрядовые песни. Среди жанровых разновидностей этой группы песен можно выделить, например: *лапар, яр-яр, улан, келин салом.* Их можно отнести и к песням любви, так как часто в них воспеваются любовь и красота, достоинства молодых, пожелания семейного счастья и многие другие мотивы благополучной семейной жизни. При этом каждая группа народных песен обладает своими жанровыми особенностями. Например:

– Говорят, лицо твое румяно?
Эй, сестрица, дай взглянуть, яр-яр!
Я прошел для этого немало
И проделал долгий путь, яр-яр!

– Братец, что за странные вопросы?
За насмешку я почту, яр-яр!
Разве цвет обычной красной розы
Не встречали вы в саду, яр-яр?[1]

Тесно примыкают к обрядовым и так называемые *трудовые песни.* Изначально они были связаны с временами года, а позднее стали более самостоятельными, ибо наполнялись сугубо социальным содержанием. Подобные песни, связан-

[1] Перевод А.Наумова.

ные с трудовой деятельностью народа, бытуют в фольклоре многих народов.

Чрезвычайно развита в узбекском устном народном творчестве такая жанровая разновидность фольклора как *исторические песни*. Они прошли длительный путь своего развития, совершенствуясь и обогащаясь, и оказали серьезное влияние на узбекские народные дастаны. По своей тематике узбекские исторические песни можно разделить на три основные группы:

- *историко-героические;*
- *отражающие национально-освободительную борьбу узбекского народа;*
- *посвященные реальным историческим личностям.*

Яркими примерами песен первой группы могут служить отрывки исторических песен из «Дивану лугатит турк» Махмуда Кашгари.

Вторую группу составляют в основном исторические песни, в которых нашли свое художественное воплощение события начала XX века. Это, прежде всего, песни о событиях 1916 года, а также о событиях, имевших место в начале прошлого века в Хивинском ханстве.

И, наконец, третью группу составляют песни, которые посвящены конкретным историческим личностям, например, Хамзе и некоторым другим.

К особым песенным разновидностям узбекского фольклора относится *терма*. Это песни-размышления на самые различные темы, которые создаются и исполняются народными сказителями – *бахши*. Для терма характерен свободный ритм, свободная строфика и четкая афористичность многих строк:

Певец не может обойтись без струн,
Охотник не обходится без пса.
Тот не джигит, немолод или юн,
Кто болтовне напрасной предался.
Еда без соли – просто не еда.
Овце негоже без ягненка быть.
И холода без льда – не холода.
И озеро без уток – не вода,
Ее, похоже, и не станут пить.

Каждый чтоб спокойно жил,
Чтоб закон добру служил,
Волк с ягненком чтоб дружил,-
В мире всем ужиться нам!

Сказки

Среди жанров устного народного творчества узбекского народа одно из ведущих мест занимают *сказки.* Многие из них отличаются глубоким идейным смыслом, определенной социально-дидактической направленностью, огромной художественной выразительностью.

Сказка – это исторически сложившееся, с устойчивыми жанровыми признаками художественное произведение фольклорной прозы необычного, а иногда и глубоко фантастического содержания.

Узбекские сказки, как и сказки других народов, традиционно делятся на три основные жанровые разновидности:

- *волшебные сказки;*
- *сказки о животных;*
- *социально-бытовые сказки.*

Последняя группа включает в себя и так называемые сатирические сказки.

По своей тематике узбекские сказки мало чем отличаются от сказок других народов. И все же отличия есть: они заключаются, прежде всего, в образной структуре сказок и особой психологии персонажей.

БЕЙ-ДУБИНКА!

Давно-давно жил один старик-охотник со своей женой-старушкой.

Однажды поставил старик силок и сел караулить. Смотрит – в силок попал большой аист. Подбежал

старик и стал вытаскивать аиста! Вдруг аист заговорил человечьим голосом:

– Отпусти меня, старик. Я у аистов вожак. Отпусти меня – дам тебе всё, что ты ни пожелаешь. Мой дом – вон за теми горами. Кого ни спросишь, где дом аиста, всякий тебе покажет.

Старик отпустил аиста на волю.

Назавтра старик встал с утра пораньше и пошел в путь-дорогу – к аисту за подарком. Шел он мало ли, много ли, стороной ли, дорогой ли, шел-шел и дошел до места, где паслись бараны.

– Чьи это бараны? – спросил старик у пастуха – Это бараны аиста, – ответил пастух. Пошел старик дальше. Видит – пасется табун лошадей.

– Чьи это кони? – спросил старик у табунщика – Это табун аиста, – ответил табунщик.

– Послушай-ка, – сказал старик, – аист обещал мне подарок. Что мне просить у него?

– У аиста есть корчажка. Как только скажешь: «Кипи, моя корчажка», она сразу закипит и из нее посыплется золото. Проси эту корчажку, – посоветовал табунщик. Старик продолжал свой путь. Шел он мало ли, много ли, стороной ли, дорогой ли, через степи, через горы, через, реки и озера, шел семь дней и семь ночей и, наконец, подошел к дому аиста.

– Мир вам! – сказал старик, перешагнув через порог. Аист щелкнул клювом.

– Ляк-ляк. Если б не твое приветствие, я клюнул бы тебя раз и проглотил. Ты, должно быть, пришел за подарком? Ну, что ты хочешь? Проси!

– У вас есть «кипи, моя корчажка», – сказал старик, – дайте мне ее. Аист задумался.

– Старик, зачем тебе корчажка? Лучше я дам тебе полное блюдо золота, – стал уговаривать аист.

Но старик не соглашался.

Подарил аист старику корчажку.

Взял старик корчажку и отправился домой.

Шел он мало ли, много ли, шел он степью, шел дорогой и, наконец, добрался до кишлака. Зашел он отдохнуть к знакомому.

– Посмотрите за этой корчажкой, – попросил он хозяина, – я немного отдохну, а быть может вздремну. Но только не говорите: «Кипи, моя корчажка», – предупредил он.

Едва старик уснул, хозяин закричал: «Кипи, моя корчажка!» Из нее посыпались золотые монеты. Хозяин спрятал волшебную корчажку, а вместо нее принес простую корчажку, с виду точно такую же.

Проснулся старик, взял корчажку и отправился в путь.

Шел он мало ли, много ли, шел знакомою дорогой, шел семь дней и семь ночей и, наконец, пришел домой.

– Ну, старуха, расстилай скатерть, сейчас наберем золота и разбогатеем.

Старуха расстелила скатерть – Старик поставил корчажку на середину и закричал, что было силы:

– Кипи моя, корчажка!

Но корчажка не кипела, и золото не появлялось. Старик опять закричал, но корчажка не закипала. Разозлился старик, раскричался:

– Ах, проклятье тебе, аист. Обманул ты меня, дал простую корчажку. Завтра пойду и буду просить другой подарок.

На другой день рано утром старик отправился в путь. Пришел он к табунщику и говорит:

– Аист меня обманул. Какой подарок попросить мне теперь? Пастух подумал и сказал:

– Есть у аиста «скатерть, раскройся!» Расстелешь ее и как скажешь: «скатерть, раскройся!», тотчас же появятся на ней разные яства. Проси ту скатерть. Пришел старик к аисту и, переступив через порог, говорит:

– Мир вам!

– Ляк-ляк, – щелкнул клювом аист. – Если бы не твое приветствие, я клюнул бы тебя раз и проглотил. В прошлый раз я дал тебе корчажку, которая сама кипит. Что, ты ею уже не доволен? – спросил он. Старик рассказал обо всем, что случилось, и добавил:

– Ты меня обманул, вместо кипящей корчажки дал простую. Вот я и пришел теперь просить у тебя «скатерть, раскройся!». Аист подарил старику «скатерть, раскройся!». Взял старик скатерть и отправился в обратный путь. Шел он

мало ли, много ли и, наконец, пришел в тот самый кишлак, где он уже был.

– Вот вам скатерть, – сказал старик своему знакомому, – посмотрите за ней, пока я отдохну, а быть может вздремну немного – Только не говорите: «скатерть, раскройся!». Когда старик уснул, хозяин крикнул: «Скатерть, раскройся!» и сразу же на ней появилось семьдесят различных яств. Хозяин быстро все унес в другую комнату, а вместо волшебной скатерти положил другую, с виду совсем такую же. Старик проснулся, взял эту скатерть и отправился в путь. Придя домой, он сказал:

– Ну, старуха, угощу тебя, чем ты хочешь, говори, сейчас всё будет готово.

Он расстелил скатерть и крикнул:

– Скатерть, раскройся!

Но, как он ни кричал, на скатерти было пусто, никакие кушанья не появлялись. Старик разозлился.

– Второй раз обманул меня аист, завтра же пойду, буду просить другой подарок, – сказал он.

На другой день на рассвете старик отправился в путь. Пришел он к табунщику, рассказал ему все и спросил: – Что же теперь просить мне у аиста?

– Видно, у тебя много врагов, – сказал пастух. – Проси у аиста дубинку, которая сама бьёт. Как только скажешь: «Бей, дубинка!», кто бы ни был перед тобой, всех побьёт. Старик не стал медлить и пошел дальше. Войдя в дом аиста, он сказал:

– Мир вам!

– Ляк-ляк, – щелкнул клювом аист. – Если бы не твое приветствие, я клюнул бы тебя раз и проглотил. Зачем опять пришел? Кипящую корчажку получил, волшебную скатерть получил, чего еще надо?

– И в этот раз ты меня обманул, – сказал старик. – Вместо волшебной скатерти дал мне другую. Теперь я прошу у тебя совсем настоящую вещь: дай мне дубинку, которая сама бьет.

– Хочешь взять дубинку, бери, она мне не нужна, – сказал аист и подарил старику дубинку, которая сама бьет. Взял старик дубинку и отправился в обратный путь. Шел он

мало ли, много ли, но, наконец, пришел в тот кишлак, где и раньше останавливался.

– Подержите-ка вот эту дубинку, – сказал он знакомому, – я немного отдохну, а быть может и засну. Только не говорите: «Бей, дубинка!» – предупредил он.

Как только старик уснул, хозяин крикнул: «Бей, дубинка!»Тут дубинка и пустилась колотить всех, кто был в доме. Старик проснулся и прибежал на крик. Все с плачем бросились к нему и стали просить.

– Остановите дубинку. Мы взяли вашу корчажку и скатерть. Простите нас, мы все отдадим, только остановите дубинку!

– Стой, дубинка! – крикнул старик, и дубинка остановилась. Тогда хозяева вынесли из другой комнаты волшебные корчажку и скатерть и отдали старику. Старик отправился в путь – Шел он много ли, мало ли, долго шел, прошел через степи, через горы, через реки и озера, шел семь дней и семь ночей и, наконец, дошел до своего дома.

Поставил он корчажку и крикнул:

– Кипи, моя корчажка!

Корчажка закипела, и из нее посыпались золотые. Старик со старухой не успевали собирать. Потом старик крикнул:

– Скатерть, раскройся!

Скатерть раскрылась, и на ней оказалось семьдесят различных яств. Ни разу в жизни своей ничего подобного не видали старик со старухой. Они пили и ели, что хотели. Узнал хан той страны, что старик-охотник где-то достал волшебную корчажку и такую же скатерть, и послал к нему своего визиря.

– Отдай корчажку и скатерть, – сказал визирь. Старик крикнул:

– Бей, дубинка!

Отколотила дубинка визиря, еле-еле он ноги унес. Хан собрал тогда семитысячное войско и наутро выстроил его перед домом старика.

– Ну, старик, выходи на бой, если есть еще у тебя душа в теле! – закричал хан.

Старик раскрыл двери, да как крикнет: – Бей, дубинка!

И пошла дубинка колотить ханских воинов, еле-еле они ноги унесли.

Под конец дубинка добралась до хана и стала его бить. Хан завопил:

– Старик, останови свою дубинку! Спаси меня от смерти.

А старик стоит себе у дверей своего дома, посмеивается:

– Не будешь другой раз зариться на добро бедняков. Так старик-охотник и его старушка-жена достигли своих желаний.

Алдар Куса и воры

Однажды Алдар Куса возвращался домой из далёкого путешествия.

–Когда Алдар Куса был уже близко от родного кишлака, одной пулей он застрелил четырёх зайцев и сварил себе похлёбку. Плотно поужинав, он лёг на спину и стал смотреть на небо. Вдруг послышался конский топот и человеческие голоса.

Алдар Куса притаился.

Семь воров остановились у подножия холма. Алдар Куса протянул ружьё и выстрелил. Все семеро воров упали ничком и так остались лежать.

Подошёл Алдар Куса, видит на всех конях тяжёлые вьюки. Погнал Алдар Куса коней домой. Жена встретила его громкими воплями: – Вай-дод! Караул!

– Жена, что ты плачешь? – спросил Алдар Куса с удивлением. Я же вернулся живой и здоровый!

– Лучше бы ты не возвращался, – причитала жена, - пропал наш дом. Сегодня ночью явились грабители и унесли все наши вещи! - и стала кричать пуще прежнего.

Поохал Алдар Куса и стал сгружать с коней вьюки. Жена засмеялась.

– Чему ты смеёшься? – спросил Алдар Куса.

– Да ведь ты привёз наши вещи! – ответила жена. Алдар Куса увидел, что он отобрал у воров своё собственное имущество.

Эгры и Тугры

В старые времена жил в одном кишлаке юноша. Звали его Тугры. Кроме лошади у него ничего не было. Поискал он работу в одном, в другом кишлаке – не нашел. Тогда сел на лошадь и поехал в дальнюю сторону искать счастья. Ехал Тугры, ехал – встретил пешего путника. Разговорились. Тугры спросил путника, кто он, откуда и куда идет.

– Иду искать работу, – ответил тот. – Как тебя зовут? – спросил Тугры.

– Эгры.

– А меня Тугры. Давай подружимся, будем вместе работать, вместе жить.

И уговорились они быть друзьями на всю жизнь.

Тугры пожалел своего пешего товарища и предложил ему проехать немного верхом. Эгры сел на лошадь, хлестнул ее нагайкой да и ускакал. Только его и видели.

Ахнул Тугры: человек, который клялся быть верным другом, поступил с ним, как самый подлый враг. Но делать нечего, поплелся Тугры дальше пешком.

Когда стало темнеть, увидел Тугры узкую тропинку, пошел по ней. Тропинка привела его в глубь дремучего леса.

Вдруг Тугры увидел на лужайке старую печку для лепешек – тандыр.

Все-таки опасно идти по лесу темной ночью.

Посплю-ка я здесь до утра , – подумал он и залез в печку. А на лужайке, где стояла печка, собирались по ночам именитые звери: лесной шах – лев, лесные визири – тигр и медведь, лесной горнист – волк, лесной флейтист – шакал, лесной сказитель – лис. Когда взошла луна, прибежал шакал и завыл. На его зов собрались звери, стали пировать Пришел шах–лев, важно сел на свое место и пошёл рассказывать ему обо всех диковинках. Лис-сказитель начал рассказ:

– Недалеко отсюда есть пещера. Уже десять лет я живу в ней. Десять лет я собираю там всякое добро: ковры, занаве-

си, одеяла, одежды... Все, что ни есть у людей, можно найти в моем доме. А сколько вкусных вещей у меня, припасов! Тугры в своем убежище подумал: Ого! Неплохо было бы пойти мне в гости к этому лису.

После лиса заговорил визирь-медведь:

– Это тоже не диво. А вот в нашем лесу есть высокое дерево – карагач, а под ним два молодых ростка. Нет болезни, которую не излечили бы листья этих ростков. Дочь шаха нашего города семь лет болеет. Шах велел кликнуть клич: Кто вылечит мою дочь, за того ее отдам! Кто вызовется лечить и не вылечит, того казню. Многих лекарей уже казнил шах. Вот если бы кто-нибудь нарвал листьев с ростков карагача, отварил их да напоил девушку, она сразу выздоровела бы. После медведя начал рассказывать волк-горнист:

– На опушке леса пасется байское стадо в сорок тысяч овец. Я каждый день съедаю двух овец. Как ни ловчатся пастухи, не могут меня поймать. Ведь они не знают, что недалеко на холме живет старик, у которого есть пес. Если бы пес охранял стадо, он разорвал бы меня в клочки. Заговорил тигр-визирь:

– У бая, про которого рассказывал волк, есть конский табун в десять тысяч голов. Он пасется у опушки леса. Я каждую неделю уношу по одной лошади. В табуне есть белый с черным конь. Если бы кто-нибудь сел на этого коня, то мог бы меня догнать. Хорошо, что никто об этом не знает.

Тигр закончил свой рассказ. Забрезжил рассвет. Звери стали расходиться по своим логовам.

Вот лужайка опустела, и Тугры вылез из тандыра. Он пошел и разыскал карагач, о котором говорил медведь, сорвал с ростков немного листьев.

Потом отправился к овечьему стаду. Нашел пастуха, поздоровался, спросил его, как живется. Пастух пожаловался:

– Плохо мое дело. Повадился ходить в отару волк, таскает баранов. Хозяин за это не знаю что со мной сделает. А как избавиться от волка мне несчастному!

– Не горюйте. Я вас избавлю от волка, – сказал Тугры.

Он пришел к старику, попросил у него пса и отдал пастуху. Пастух избавился от беды.

Пес набросился на волка и порвал ему шкуру.

Тугры отправился в путь, разыскал табун лошадей. Поздоровался с табунщиком. Тот пожаловался на тигра. Тугры посоветовал:

– Оседлай белого с черным жеребца и дай мне длинную толстую жердь.

Сел Тугры на жеребца, взял жердь и стал подкарауливать тигра на тропинке.

Ночью пришел визирь-тигр и бросился к табуну. Тугры так ударил тигра жердью, что зверь упал замертво.

Пастух подарил Тугры жеребца.

Тугры сел на коня и поехал в город. На городском базаре кричал глашатай:

– Дочь шаха семь лет болеет. Кто ее вылечит, того шах сделает своим зятем. А кто вызовется да вылечить не сумеет, – того шах казнит.

– Я вылечу дочь шаха! – сказал Тугры.

Тугры пошел во дворец. Шах допустил к дочери нового лекаря.

Тугры истолок карагачевые листья, отварил их и напоил девушку. Через три дня девушка выздоровела. Шах устроил пир-веселье, выдал дочь за Тугры.

– Ну, в какой город назначить тебя правителем? - спросил шах у зятя.

– Я не хочу быть правителем, – ответил Тугры. – Постройте на горе около леса для меня дом. Я буду жить своим трудом.

Шах удивился, но сделал, как просил его зять. Тугры с женой стали жить на горе.

Однажды к Тугры пришел Эгры.

– Друг мой, как ты добыл все это? – спросил он. – И дом у тебя есть, и двор. Вот я украл у тебя лошадь, думал, разбогатею. А куда ни поеду – везде мне не везет.

Не хотелось Тугры вспоминать вероломство Эгры, и он сказал только:

– Я проспал одну ночь в лесу в старой печке и все это добыл.

– Покажи мне то место, я тоже посплю в печке.

Тугры рассказал ему про лужайку, где собирались звери. Когда стемнело, Эгры залез в печку.

Опять ночью пришли лесные звери. Пришел лесной шах – лев, пришел визирь – медведь, пришел сказитель – лис.

– Ну-ка, начнем рассказы! Почему же нет моего визиря-тигра?– спросил шах-лев. Поднялся с места шакал:

– Нет, теперь мы ничего не будем рассказывать. Из-за наших рассказов ваш визирь-тигр погиб.

Тут поднялся медведь:

– Листья с нашего карагача тоже оборваны, – пожаловался он.

– А я остался без еды, – сказал волк. – Пастух взял того пса, про которого я говорил. Теперь я и подойти боюсь к стаду – всего меня искалечил пес.

– Кто же это смеет рассказывать о наших тайнах?! - зарычал грозный лев. Приказываю поймать и убить предателя!

Но звери не знали, кто подслушивал их тайны. Стал медведь спрашивать у шакала, шакал – у лиса.

А фазан крикнул: В печке! – и улетел.

Звери бросились к печке, вытащили Эгры и разорвали на куски.

Так честный Тугры достиг всего, чего желал, а бесчестный Эгры был наказан по заслугам.

Бай и казий

Было ли то не было, только недалеко от Заамина жил один бай. Работал у него молодой батрак.

Однажды бай из-за пустяка изругал батрака. Тот обиделся и ушёл от хозяина.

Бай не отдал батраку заработанных денег. Тогда он пошёл к казию (судье).

– Ты что? С жалобой? – спросил казий.

– Жалоба-то у меня есть, казий, только скажу её вам с глазу на глаз.

Казий задумался: «Похоже, что от малого будет польза, поговорю-ка с ним с глазу на глаз».

Казий выслал своих служащих и говорит: – Ну, рассказывай!

– Господин, я батрачил у бая, а он мне не заплатил.

Взыщите с него долг, пожалуйста.

Казий подумал и говорит:

– Сначала скажи, сколько ты мне дашь, а уж тогда я улажу твоё дело.

– Господин, я бедный человек...

– Половину долга получишь ты, половину – я, иначе не возьмусь, – объявил казий. – Я сам вызову бая, взыщу твои деньги. Завтра утром приходи сюда.

На следующий день утром к казию зашёл бай, поздоровался и уселся на ковёр.

– Господин, – заговорил бай. – Изругайте, пристыдите моего батрака. Говорят, он к вам приходил. Не пускайте к себе такого бездельника, госпэдин...

Но бай не успел договорить, как вошёл батрак.

Казий сказал баю:

– Бай, вам не удастся присвоить деньги вашего батрака.

Тут же, не вставая с места, отдайте их ему.

Бай смекнул: «Эге, батрак что-то обещал дать казию».

Он улучил минуту, когда батрак на него не смотрел, широко развёл руки, как будто обхватил что-то большое, и подмигнул.

Казий подумал: «Он, кажется, сулит кое-что. Лучше не упускать бая: от него будет мне больше пользы, чем от батрака».

Казий поднял голову и украдкой взглянул на бая. Тот опять широко развёл руки и подмигнул. У казия ещё больше защемило сердце.

– Проклятие твоему отцу! – сказал он батраку. –

Клеветник! Вор! Вон отсюда! Прочь с моих глаз! А не то засажу тебя в тюрьму!

Обиженный батрак ушёл от казия.

Только он вышел, казий и говорит баю: «Ну, несите, что вы хотели».

Бай поднялся с места и пошёл на базар.

А казий ликует, сердце у него чуть не лопается от радости: «Что это может быть, да ещё в целый обхват?! Наверно, кувшин, полный серебра или золота.

Когда же он принесёт?»

Пусть казий сидит, поджидает, а вы послушайте про бая.

Выйдя от казия, бай прямо пошёл на базар, купил большой арбуз, величиной с барана. Обхватил он арбуз обеими руками и притащил к казию.

«Ого, бедняга-бай ещё и арбуз мне принёс!» – подумал казий.

Тут бай подошёл и положил арбуз перед казием. – Бай, вы даже и за арбузом сходили!– умилился казий.

– Мы пообещали, значит сдержим слово, господин. Сердце казия дрогнуло от плохого предчувствия, но бай разрезал надвое арбуз, одну половину придвинул казию, другую – себе.

– Берите, господин! – угощал бай.

Оба вдосталь наелись, а что осталось, – осталось. Наконец, бай сказал:

– Ну вот, арбуз вы покушали, теперь того дурня не слушайте. А нам позвольте уйти, господин.

Но казий сказал:

– Не откладывайте, бай. Несите то самое.

– Господин, казий, не понимаю, про что вы говорите?

– Как? Вы забыли? Вы же тогда показали, что дадите мне что-то большое. Потому я изругал батрака, прогнал его.

– Ага, господин, теперь я понял. Да ведь это же арбуз. Вы сами видели, обеими руками не обхватишь, насилу притащил. Чего же вам ещё?

– Ступай, – сердито сказал казий, – убирайся отсюда! Я тебе поверил и потерял большие деньги.

Бай поднялся и ушёл.

А казий от огорчения заболел даже.

Латифа

Примыкают к сказкам *латифы* – своеобразный прозаический жанр узбекского фольклора. Это юмористические небольшие рассказы типа анекдотов, тесно связанные с реальной действительностью. Главным героем латиф выступает, как правило, Ходжа Насреддин.

1

Однажды Апанди весь в черном вышел на базар. Увидев его, люди спросили:

– Эй, Апанди, кто у вас умер, что вы в траурном одеянии?

Апанди отвечал:

– Все свершается по воле бога. У меня умер отец моего сына.

2

Однажды ходжа взобрался на помост, чтобы произнести речь.

– О люди, знаете ли, что я вам скажу?

Те отвечали:

– Нет, Апанди, не знаем.

Апанди ушел с помоста говоря:

– Нет нужды говорить для тех, кто не знает.

В другой раз, взобравшись на помост, он спросил:

– О братья, знаете ли, что я вам скажу?

– Да, ходжа, знаем.

Насреддин ушел с помоста, сказав:

– Как я буду говорить людям знающим?

Народ удивился его поведению, и все условились, что в следующий раз, когда ходжа взберется на помост, часть ответит ему, что знают, а часть, что не знают.

Действительно, Насреддин как-то опять взобрался на помост и спросил:

– О правоверные, знаете ли вы, какую я вам речь произнесу?

Они отвечали:

– О ходжа, часть из нас знает, а часть не знает.

Услыхав от них эти слова, ходжа Насреддин сказал:

– И что вы за хорошие люди! Пусть те, которые знают, объяснят тем, которые не знают.

И опять ушел с помоста.

3

Как-то ходжа сварил гуся и нес его в подарок к царю. По дороге он проголодался и съел одну ножку.

Царь спросил:

– Эх, ходжа, где же вторая ножка?

Ходжа ответил:

– В этом году все гуси одноногие.

Во дворце у царя были гуси, все они стояли на одной ноге, и ходжа указал на них.

Царь приказал одному из слуг вспугнуть гусей палкой. Слуга исполнил приказание, и гуси убежали, спустив поднятые ноги.

И царь сказал ходже:

– Зачем ты говоришь неправду?

На что ходжа возразил:

– Если той же палкой пригрозить вам, то у вас появятся четыре ноги и вы пуститесь бежать.

4

Один мулла набирал в свою школу учеников. Апанди тоже решил учиться, о чем и заявил мулле.

На другой день Апанди появился на занятии. Придя, он увидел: все ученики перекапывали землю кетменями, а мулла, держа в руках длинную трость, прохаживался между работающими учениками, наблюдая за их работой. Апанди взял в руки хворостину и, подражая мулле, стал ходить следом за ним.

– Почему ты, Апанди, пришел учиться, а не работаешь? – спросил мулла.

– О мулла, – отвечал Апанди, – я хочу учиться у тебя, а не у твоих учеников.

Пословицы и поговорки

Одним из самых популярных и любимых жанров узбекского устного народного творчества являются *пословицы и поговорки.* В них в концентрированном виде заключен многовековой опыт, мудрость, жизнь и культура народа. Национальное своеобразие узбекских пословиц

и поговорок заключается и в их идейно-художественном содержании, и в образной структуре. Именно поэтому метафорическая мысль, выраженная в словесной формуле, несет в себе неповторимую информацию и особенности образного мышления народа. Вот несколько характерных примеров[1]:

Родина лучше, чем трон Сулеймана;
Если трещина в стене – дом спешат поправить.
Если трещина в душе – мир спешат поправить;
Не все кони – иноходцы, не все птицы – соколы.

Соловей цветник любит,
Человек – Родину.

Земле дашь, – земля вернёт,
Народу дашь, – народ.

Весна любви – не есть любовь сама:
Придут за нею осень и зима.

Чем раньше за дело возьмешься,
Тем богаче урожая добьёшься.

Скромного милостями осыпают,
Хвастуна – камнями.

Где твоё слово не ценят,
Там и тебе грош цена.

С глупцом не водись,
Зря не срамись.

Не суди по рукам,
Суди по сердцу.

[1] Примеры пословиц взяты из издания: Узбекские народные пословицы и поговорки/Пер. и сост. Наумова А. Ташкент: «Узбекистан», 1985.

Чем зря губами шлепать, скажи сразу: персик.

Река сладка, и арык сладок,
Река загниет, – и в арыке не мёд.

Страданья приходят, страданья проходят-проходят,
На мысли о радости жизни наводят.

Железо ржавчина точит,
Человека – тоска.

Исцелит не тот, кто табибом стал,
А тот, кто болезнь на себе испытал.

В гости приходят по желанию,
Уходят с разрешением хозяев.

Что толку, что мир широк,
Если сапоги тесны?

Лучше незрячим родиться,
Чем невезучим.

Бедняк на базар пойдет,–
С дурными вестями вернётся.

Своя джугаровая лепёшка
Лучше байской пшеничной.

Бай душу отдаст, – не заметят,
Бедняк куском хлеба поделится, – оценят.

Байская дочь приданым красна,
Бедняцкая дочь – лицом.

Бедняка и на верблюде
Собака укусит.

Счастье жены – в муже.
Счастье сироты – в земле.

Как ни кричи: «Халва, халва!» – во рту сладко не будет.

Если умеешь разводить огонь, то растопишь и снег.

Было бы что в котле, а половник всегда найдется.

Одного барана два раза не режут.

Тот, кто двигается всегда вперед, одолеет любой холм.

Здоровое яблоко не падает с ветки.

Ребенок падает, падает – и становится большим.

Пустой мешок не будет стоять прямо.

Под мышкой два арбуза не удержишь.

Загадки

Сказанное о пословицах в полной мере можно отнести и к другому малому жанру узбекского фольклора – *загадкам*. Их национальное своеобразие также заключается в их образной структуре, отражающей национальную психологию. Обусловлено это все теми же причинами универсальностью жанра и его функционированием. Вот характерные примеры[1]:

Вот он прямо перед вами –
Круглолицый, пухлый, малый,
С одним ухом, нос смешон,
В тюбетейку наряжен (Чайник);

[1] Примеры пословиц взяты из издания: Книга изречений. Восточные миниатюры. Ташкент: «Фан», 1992.

Длинноногий Хасан горбат,
Сотрясает двор, как набат.
Над очагами дымок если вьется, –
Топот детворы раздается (Карнай).

На берегу Каусара сидит жена султана.

(Лягушка)

Маленький котел, внутри пища вкусная.

(Орех)

Ходит быстро туда и сюда, Коран читает и ткет решета.

(Паук)

Круглый, толстый – жира нет, кожа толстая – шерсти нет.

(Арбуз)

Полна печь маленьких лепешек.

(Арбуз)

Маленький котелок, полный маленьких гвоздей.

(Гранат)

Идет и идет, назад не оглянется.

(Река)

По воде и по земле ходит.

(Змея)

Тук-тук: с крыши снег падает.

(Решето и мука)

Бежал – не догнал, руку протянул – не поймал.

(Тень)

Когда вдали идет – шумит и кричит; а близко подойдет –молчит.

(Арба)

Двадцать четыре звезды связали четыре месяца.

(Подковы и гвозди)

ДРЕВНИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ

МАХМУД КАШГАРИ
«Словарь тюркских наречий»

Махмуд ибн ал-Хусайн ибн Мухаммад ал-Кашгари (1029–1101) – тюркский учёный из Кашгара. Родился Махмуд Кашгари между 1029 и 1038 годами. Из самого произведения известно, что, кроме «Дивану лугат ат – турк», Махмуд Кашгари создал еще один труд, – «Китаб джавахир ан-нахв фи лугат ат-турк» («Книга драгоценностей синтаксиса тюркских языков»). Ее обнаружить пока не удалось.

О жизни Махмуда Кашгари известно только то, что он принадлежал к высшим кругам караханидской знати. Аристократическое происхождение позволило ученому получить, по всей видимости в Кашкаре, – крупном политическом и культурном центре того времени, прекрасное образование. Кроме ряда тюркских языков, Махмуд Кашгари знал также арабский и персидский языки. Возможно, что свое образование он продолжил в Бухаре, Нишапуре, Самарканде, Мерве, Багдаде, где не только бывал, но и подолгу жил, собирал необходимые для его книги материалы.

Знаменитая книга Махмуда ал-Кашгари «Дивану лугат ат-турк» представляет собой тюркскую энциклопедию в полном смысле этого слова. В ней собран и обобщен обширный историко-культурный, этнографический и лингвистический материал. «Диван» ал-Кашгари – памятник тюркской культуры, запечатлевший этические ценности и нормы поведения, специфическое мировосприятие тюркских народов в XI в., впитавшее в себя все предшествующее наследие предков.

Нельзя дать лучшей характеристики книге Махмуда Кашгари, воплотившей в себе весь его жизненный опыт

и изыскания, чем его собственными словами. «Эту книгу, – пишет Махмуд, – я составил в алфавитном порядке, украшал ее пословицами, саджами (рифмованная проза), поговорками, стихами, раджазами (стихи воинственного содержания) и отрывками из прозы. Я облегчил трудное, разъяснил неясное и трудился годами. Я рассыпал в нем из читаемых ими (тюрками) стихов для того, чтобы ознакомить (читателей) с их опытом и знаниями, а также пословицы, которые они употребляют в качестве мудрых изречений в дни счастья и несчастья с тем, чтобы сказитель передавал их передатчику, а передатчик другим. Вместе с этими (словами) я собрал в книге упоминаемые предметы и известные (употребительные) слова и, таким образом, книга поднялась до высокого достоинства и достигла отличного превосходства». «Словарь тюркских наречий», посвященный халифу аль-Муктади, был составлен Махмудом Кашгари в 1072–1074 гг. Здесь он представил основные жанры тюркоязычного фольклора – обрядовые и лирические песни, отрывки героического эпоса, исторические предания и легенды (о походе Александра Македонского в область тюрков-чигилей), более 400 пословиц, поговорок и устных изречений.

«Диван» («Словарь») Махмуда Кашгари – единственный памятник тюркской диалектологии раннего периода, дающий представление о фонетических и морфологических явлениях и специфике диалектных форм. «Словарь» содержит также тексты устно-поэтического творчества тюркских племен и народов Средней Азии, Восточного Туркестана, Поволжья, Приуралья. Труд Махмуда Кашгари, написанный с применением научных методов арабской филологии, имеет и сегодня исключительную ценность для языковедов, фольклористов и литературоведов.

Единственный экземпляр труда Махмуда Кашгари был обнаружен в 1915 году турецким ученым и библиофилом Али Эмири в копии на стамбульском рынке и хранится в настоящее время в Национальной библиотеке в г. Стамбуле. Переписчиком рукописи был Мухаммед ибн Абу-Бакр ибн Абу-л-Фатх ас-Сави.

На узбекский язык «Диван» Махмуда Кашгари был переведен профессором Салихом Муталлибовым и издан в Ташкенте в 1960–1963 годах.

Некоторое представление о взглядах Кашгари дают приводимые ниже отрывки из его книги:

«Дни времени торопят, истощают силы человека, лишают мир мужей… Таков ведь его (времени) обычай, кроме (этого) здесь – равный удел (всех). Если мир, прицелясь, пускает стрелу, рассекаются вершины гор».

«Мой сын, я оставляю тебе в наследство наставления в добродетели. Найдя доброго мужа, следуй ему (букв.: смотри на него)».

«Ночи (и) дни мира проходят (как) странники. Того, с кем пересекутся (их пути), они лишают сил».

«Вещи (и) имущество человека – его враги. Собрав (скопив) богатство, думай, что (это) не извергся поток воды – словно валун, катит оно своего обладателя вниз. Все мужи испортились из-за вещей. Увидев имущество, они кидаются (на него), словно гриф на добычу. Они держат свое имущество, заперев (его), сами не пользуются, плача от скупости, они собирают (копят) золото. Из-за имущества, не памятуя о боге, сыновей (своих), родственников они в самом деле душат».

«Стремись к добродетели, (а) приобретя (ее), не будь гордым».

***

Взметнулось красное знамя,
Поднялся черный прах.
Подоспело (племя) оврах,
Сражаясь с ним, мы задержались.

***

Мы крепко подвязали коням хвосты,
Многократно восславили бога,
Погнав коней, мы настигли (их),
Обманув(их), мы снова бежали.

***

Сев в лодки,
Мы переправились через реку Ила (Или).
Направившись в сторону уйгуров,
Мы завладели страной Мынглак.

В «Словарь» включено также несколько стихотворений, представляющих собой призывы к бою, в них названы имена предводителей противника, места, где происходили сражения:

Выступим-ка мы (в поход) ночью,
Переправимся через реку Ямар,
Напьемся родниковой воды,
Пусть будет разбит вдребезги слабый враг.

***

Припустим-ка мы коней на рассвете,
Будем искать крови Будрача.
Сожжем-ка мы бека басмылов,
Пусть теперь собираются юноши(йигиты).

***

Крикнув, двинем-ка мы коней,
Сшибемся мы щитами (и) копьями,
Зарубим (и) снова стихнем,
Пусть смягчиться жестокий враг.

Чрезвычайно ценные сведения приводит Махмуд Кашгари о любовной лирике древних тюрков:

Меня пленяют темные глаза,
Черная родинка, румяное лицо.
Они источают совершенную красоту.
Пленив (меня), она снова (от меня) убегает.

***

Поклонившись, она сделала мне знак,
Отерла слезы с моих глаз,
Исцелила раны моего сердца.
Став странником, проходит она (теперь мимо).

***

Плача, я смотрел ей вслед и погибал,
Я бередил раны своего сердца.
Я искал убежавшее счастье,
Словно дождь, брызжет моя кровь.

***

Поймав (меня) в сети, уже не бросайте!
Дав обещание, не отрекайтесь!
Мой истекающий слезами глаз-море,
По краям вокруг него летают птицы.

***

Ее глаза – колдовские,
Ее душа – непостоянная,
Ее лицо – полная луна.
Она разбила мое сердце.

Довольно много Кашгари включил в свой словарь образцов пейзажной лирики:

Когда восходит светлая звезда,
Я просыпаюсь (и) гляжу, –
Щебеча и чирикая,
Сладкими голосами поют птицы.

***

Течет река Итиль(Волга),
Бьет в подножия скал,
Множество рыб глядят (в воде),
И ею наполняются водоемы.

ЮСУФ ХАС ХАДЖИБ БАЛАСАГУНИ

Среди выдающихся мыслителей прошлого особое место принадлежит автору великой этико-дидактической поэмы «Кутадгу билиг»– Юсуфу Хас Хаджиб Баласагуни, который, вне всякого сомнения, был «выдающимся поэтом, высокообразованным человеком, многомудрым знатоком человеческой души, философом, ученым-энциклопедистом, стихотворцем, владевшим всеми тонкостями арабской и персидской поэзии и тюркского фольклора; он был сведущ в астрономии и математике, в медицине и элоквенции, в игре в шахматы и народных спортивных играх, в охоте и птицеводстве и во многом, многом другом»[1].

Автор преподнес поэму «Царю Востока и Китая» Тавгач-Богрaхану, который в знак благодарности пожаловал поэту звание Хас Хаджиб – министра царского двора.

Язык, на котором создана поэма, принято считать древнеуйгурским или караханидско-уйгурским.

Название поэмы «Кутадгу билиг» переводилось поразному на русский язык. Вот только несколько таких переводов: «Знание, приносящее счастье», «Наука быть счастливым», «Знание, образующее царей», «Осчастливливающее управление», «Наука об управлении». Автор первого полного перевода поэмы Юсуфа Баласагуни на русский язык известный ученый-востоковед, поэт С.Н.Иванов предложил свой вариант, являющийся, по мнению многих ученых, наиболее удачным, – «Благодатное знание».

Кроме упомянутого русского перевода и издания, «Кутадгу билиг» издана на турецком, уйгурском, немецком, азербайджанском и некоторых других языках. На современный узбекский язык поэма была переведена и издана известным ученым К.Каримовым в 1971 году.

---

[1] К о н о н о в А.Н. Поэма Юсуфа Баласагунского «Благодатное знание» // Баласагунский Юсуф. Благодатное знание. Издание подготовил С.Н.Иванов. М. «Наука», 1983. С.517.

Поэма содержит 6520 бейтов, разделенных на 85 глав, и три приложения, содержащих 124 бейта, разбитых на три главы. Основная часть написана в форме двустиший *месневи, арузом*, размером *сокращенный мутакариб*; первое приложение написано *полным мутакарибом*.

Основная идея поэмы «Кутадгу билиг» воплощена в четырех составляющих разумной и счастливой жизни, которые олицетворены в ее главных героях::

1. Твердый правильный закон, олицетворением которого является Кюнтогды (в переводе это имя означает «взошло солнце»).

2. Счастье. Его олицетворением является образ справедливого визиря Айтолды (в переводе это имя означает «полная луна»).

3. Разум. Его олицетворяет сын визиря Огдюльмиш (в переводе это имя означает «благоразумный»).

4. Будущее, загробная жизнь. Это понятие олицетворяет брат визиря Одгурмиш (в переводе это имя означает «пробуждающий»).

В основе сюжета поэмы – беседы и переписка героев на различные темы: о неотвратимости смерти и необходимости готовиться к будущей вечной жизни, о морали и духовности. В вводной главе автор в соответствии с традицией восхваляет Всевышнего, пророка мусульман и его четырех праведных халифов, унаследовавших власть после смерти пророка. Затем переходит к воспеванию весны и «поет гимн» правителю Тавгач-Богра-Карахану. Автор говорит о семи планетах и двенадцати знаках зодиака, повествует о достоинствах людей, пользе языка.

Лишь с 398 го бейта начинается повествование о главном действующем лице поэмы – правителе (элике) Кюнтогды:

На свете жил бек, и премудр и умен,
И долгие годы страной правил он.
То был Кюнтогды, был он славой покрыт
И счастлив, всесветно он был знаменит.
В делах справедливый, был прям он и строг,
Правдив был в речах он и духом высок...

Основное содержание «Кутадгу билиг» заключается в следующем: восхищенный мудростью элика, некто Айтолды решил пойти к нему на службу. Проявив незаурядные способности и знания, он получает пост визиря. Правитель и визирь часто ведут беседы на самые разнообразные темы: обсуждают такие понятия, как *счастье, справедливость*, говорят о достоинствах языка и пользе речи. Вот небольшой отрывок из их беседы:

Сказал Айтолды: «Сила слов не слаба:
Уместная речь вознесет и раба.
Из глубей земли силой речи взнесет
До горных небес, до почетных высот.
А ежели речь не умом рождена,
С небес до низин низвергает она!»

На старости лет Айтолды принимает решение отойти от дел и представляет элику своего сына Огдюльмиша. Сын становится преемником отца в должности визиря. Теперь он ведет беседы с эликом. Они говорят о сущности власти и послушания, о великой роли смелого и отважного правителя, о том, какими качествами должен обладать бек, каким должно быть его отношение к слугам:

Когда у несмелых отважный вожак,
В любом оробевшем проснется смельчак.
И есть подтверждение этому слову,
Всем сердцем усвой этой мысли основу:
«Когда над собаками лев – голова,
Любая собака похожа на льва.
А если над львами главенствует пес,
Собачьего будут все львы естества!»

По совету Огдюльмиша элик приглашает во дворец Одгурмиша. В заключительных главах поэмы повествуется о беседах и переписке элика и Огдюльмиша с Одгурмишем. В аллегорической форме излагаются философские, политические и эстетические взгляды автора.

ЛИТЕРАТУРА XIV– НАЧАЛА XV ВЕКА

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ АЛИШЕРА НАВОИ

ПАХЛАВАН МАХМУД

Одним из наиболее ярких предшественников Навои был замечательный поэт, автор обширного рубайята **Махмуд Пахлаван (1247–1326)**. Он был пахлаваном - богатырем-борцом, выступавшим на состязаниях. Славу непобедимого борца и благородного человека Махмуд приобрел, состязаясь с сильнейшими пахлаванами разных стран и городов. Известна легенда о том, что однажды в Индии, победив всех своих соперников, он в награду себе попросил местного правителя освободить хорезмийцев, находящихся в неволе. По другому преданию, Махмуд не раз в трудную для родной Хивы минуту возглавлял народное ополчение против внешних врагов. Легенды и сказания о Махмуде Пахлаване доносят до нас все своеобразие и незаурядность его личности.

В старинных антологиях Востока Махмуд Пахлаван известен под именем Пурейвали. Он является автором газелей и почти ста рубаи. Расположенные в определенном порядке, эти рубаи образуют своеобразный цикл о трудной и прекрасной человеческой жизни, о любви и ненависти, горе и радостях.

РУБАН

***

Дорогу бытия борьба и горе метят.
Иначе жизнь прожить нельзя на этом свете.
Пока мы средь людей, бежать от них – беда:
Общенье – жизни дар, а разобщенье – смерти …

***

Уже сгорел закат, но жар внутри внезапный
Мне сердце опалил, и стон исторг надсадный.
Чего мы ждали так – сегодня уж прошло.
Чего же станем ждать, чем жить мы станем – завтра?

***

Мы – ты и я – лишь волны в океане,
Нас гонит суета существованья.
Мы – пузыри: лишь воздух да вода…
Без зёрен, шелухи, без мужества и знанья.

***

Любое из сердец, что ранено любовью,
Навек закалено той пламенною болью.
Ведь для того кувшин и обожгли в огне,
Чтоб воду он держал, не пропуская боле…

***

Увы, их никого сегодня с нами нет,
Пылинку радости – и ту утратил след.
Согласные во всём, всегда бывали вместе –
И вот по одному исчезли в бездне лет.

***

Судьба, как пьяный шах, свой помнит путь, однако,
И метит каждого его законным знаком:
Аскета, как скота, за бороду влачит,
Зато бокал гуляк передаёт гулякам.

***

Одни всё в жизни ждали, думали – а зря!
Другие от страстей безумели – и зря!
Припасов не скопив себе на путь грядущий,
И жили на земле, и умерли – зазря!

***

Сто раз я клятву повторю такую:
Сто лет в темнице лучше протоскую,
Сто гор в домашней ступе растолку –
Чем истину тупице растолкую[1].

[1] Переводы рубаи Махмуда Пахлавана А.Наумова.

***

Грехами к миру бренному прикован,
Души одежды распахнет при ком он?
Простой змеей до хаджа был ходжа,
А возвратясь, он сделался драконом!

***

Господь, не оставляй бесплодным жизни древо,
Не дай мне опьянеть от зависти иль гнева
И под чужим ярмом заветные года
Бесплодно раскидать направо иль налево.

***

Ищу любимую в сиреневом дыму.
Где улица ее и дверь в ее дому?
Хайяма я хмельней, и винными парами
И самый ад, ей-ей, до неба подыму.

***

Сладко жить близ любимой, в томленье и нежном пылу.
Ветер гладит поля, как атласного платья полу.
Это счастье весна, это наша пора, поспешите!
А другая придет – нас не будет на этом пиру.

АБДУРАХИМ ХАФИЗ ХОРЕЗМИ

Абдурахим Хафиз Хорезми жил во второй половине XIV – первой половине XV в. Биографических сведений о поэте не сохранилось. О творчестве поэта можно судить лишь по единственной сохранившейся рукописи его «Дивана», найденного в хранилище индийского музея Салардженг г. Хайдарабада.

Рукопись состоит из 586 страниц, была написана на тюркском языке в г.Ширазе и содержит 9 касыд, 3 тарджибанда, таркиббанд, мухаммас, марсию, 1052 газели, 2 мустазада, 31 кытъа и 12 рубаи. Общий объем поэтического наследия Хафиза Хорезми содержит 18632 бейта.

По содержанию произведения поэта традиционны и своеобразны. Это не только «вечные» восточные образы и мотивы, но и воспевание обычного человеческого счастья, свободолюбие и просветительские мотивы. Можно также отметить, что газели Хафиза Хорезми перекликаются с газелями Алишера Навои. И в тех, и в других ощущается сильное влияние суфизма, но ни мистического толка, а просветительского.

Все творчество узбекского поэта Хафиза Хорезми – типичный образец светской поэзии XV в.

Поэт много путешествовал и прославившую его «Мухаббат-намэ» («Книгу любви») написал в низовьях Сырдарьи, где находился в 1353 г. Поэма посвящена вассалу золотоордынского хана Мухаммед-ходжа-беку, ездившему с посольством в Москву к великому князю Ивану II.

«Мухаббат-намэ», дошедшая до нас в двух списках, состоит из 11 любовных писем, 8 из которых написаны на староузбекском языке, а 3 (четвёртое, восьмое и одиннадцатое) – на персидском. После третьего письма помещена газель на староузбекском, а после одиннадцатого – газель на персидском языке. До «Мухаббат-намэ» Хорезми писал по-персидски, о чем он упоминает в поэме: «Много жемчугов в море твоего сердца, (много) в мире твоих книг (дефтеров-тетрадей, рукописей) на парси» (фарси,персидском). «В лирических стихах ты превзошел многих…». Поэт Камал Худжанди (см. раздел «Таджикская литература» говорит о Хорезми как знатоке поэзии: «Если бы Хорезми услышал стихи Худжанди, одобрил бы (их)».

Родина Хорезми страдала под гнетом монгольских завоевателей, но дух Хорезми не был сломлен, он полон надежд на будущее. Большое значение в возрождении могущества своей страны он придает художественному слову, поэзии, поэме «Мухаббат-намэ». Хорезми пишет:

Я начал Книгу любви теперь,
И в Миср, и в Шам она откроет дверь.
Я книгу напишу для всех людей,
И будет десять в ней всего частей.

Перевод А.Старостина

Позднее, как мы упоминали, Хорезми добавил к этим десяти частям-письмам еще одиннадцатую. Ниже приводится газель из вступительной части к поэме.

Книга любви

Газель

Бровь милой – словно месяц, что возвестил байрам.
Ему я в жертву душу и жизнь свою отдам.
Пусть не взойдет и солнце – ведь свет твой ланит
Светить, как солнце, будет всем землям и краям.
Платон, тебя увидев, любил бы лишь тебя,
Оставив ум и мудрость в дар четырем ветрам.
Коль скажет только слово язык твой-попугай, –
Всех хумаюнов сердца метнет к твоим ногам.
Удача с красотою сопутствуют тебе,
И одеянья счастья идут к твоим чертам.
Пусть слава о великой красе твоей летит
Зарею благодатной по долам и горам…
О милости прошу я к бедняге Хорезми, –
Султаны благосклонны к несчастным беднякам.

***

Газель

Вино лишь изольется прочь, и опорожнится сосуд –
Самой живой воде невмочь: в стыде сокроется она.

И сердцу и душе светло, когда достигнешь высших благ:
Неизъяснимое чело увидеть милость мне дана.

Всему, что создано вокруг, Хафиз возносит похвалу, –
Звучит его газелей звук в сии благие времена[1].

[1] Перевод С.Иванова.

ЛУТФИ

Среди поэтов, творивших в XV веке, особое место занимает и выдающийся лирик **Лутфи**.

Родился он в 1366 году в селении Дехиканор близ Герата. Он жил и служил в Самарканде при дворе сына Темура – Шахруха, был близок с сыном последнего – великим ученым и будущим правителем Самарканда Мирзо Улугбеком. Всю жизнь его не покидало страстное желание видеть мир. Он много путешествовал по Золотой Орде, был в Крыму, на Кавказе, в Азербайджане и Карабахе. Позднее Лутфи вернулся на родину. Здесь в Герате он и умер в 1465 году, дожив почти до ста лет.

Таковы основные вехи биографии самого талантливого предшественника Алишера Навои, который назвал Лутфи «шахом красноречия своего времени, непревзойденным в знании персидского и тюркского языков»[1].

Лутфи рано начал изучать светские науки, классическую литературу. Как и все поэты его времени, Лутфи писал не только на фарси, но и по-тюркски.

Газель была основным его стихотворным жанром, впрочем, как и для многих других поэтов XV века. Газель – небольшое лирическое стихотворение, не менее трех и не более двенадцати бейтов, объединенных монорифмой. Его основное содержание, как правило, – воспевание любви к женщине, печаль неразделенной любви.

Несмотря на жесткие рамки жанра, газели Лутфи ярки и неповторимы. Они выражают любовь в различных ее ипостасях, раскрывая широкую палитру чувств поэта:

Она – кумир мой! Если б не она –
Темна, как осень, стала бы весна.

---

[1] Алишер Навои. Соч. В десяти томах. Ташкент: «Фан», 1970. Т.IX. С.55.

Но что мне жизнь, когда ее рукою
Моя глава от плеч отделена?

Степной травою лягу под копыта
Ее играющего скакуна!

Мечом ее бровей сражен я насмерть.
Готовьте склеп для гробового сна!

Не одинок Лутфи! Предсмертным стоном
Сраженных ею вся земля полна.[1]

При всей традиционно-печальной интонации газели Лутфи содержат жизнеутверждающее начало. Поэт славит любовь, верность, дружбу, доброту и справедливость, задумывается о сложностях жизни:

Нежные! Взглядами нас невзначай одаряя, пройти не спешите!
Нищего чарами глаз с падишахом равняя, пройти не спешите!

Хоть и прольете вы кровь дервишей, что сидят при дороге, –
В горький мой час мимо нас, красотой ослепляя, пройти неспешите!

Как человек прогрессивных взглядов, образованный и интеллигентный, Лутфи не мог не видеть несправедливостей жизни и не писать об этом, хотя осуждение власти всегда гибельно. Тем не менее, газели Лутфи поражают остротой и смелостью:

Лжет на меня мухтасиб, и моих он не ценит услуг, -
Низкой душе оставаться навеки в грязи суждено.[2]

---

[1] Здесь и далее, кроме специально оговоренных, перевод В.Державина.
[2] Перевод Н.Заболоцкого.

Лирика Лутфи традиционна: орнаментальность, эмоционально яркая образность и музыкальность делают его любовные газели запоминающимися и неповторимыми. Искусство редифа он довел до совершенства; богатство аллитераций и ассонансов придают особую выразительность его бейтам, яркие сравнения и метафоры обращают читателя к живой жизни, к земным радостям и разочарованиям:

Птица души стремилась туда, где она,
Сколько б обид ни творила мне дева-весна.

Если она не верна мне, то что же... пускай,
В мире лукавом и жизнь никому не верна.[1]

Вместе с тем поэзия Лутфи и по приемам, и по духу близка народной поэзии; самые мелодичные его газели до сих пор поются как лирические народные песни.

Гуль и Навруз

После традиционного вступления, где прославляются Аллах, пророк и хан, которому посвящено произведение, рассказывается о рождении у Фарруха, царя страны Навшад, долгожданного сына, названного Наврузом:

Настал навруз, и новый год услышал:
Из раковины ценный жемчуг вышел!

На радостях добро свое Фаррух
Стал раздавать, разбрасывать вокруг.

Устроил он пиры, увеселенья,
Он обратил к всевышнему моленья,

Он узников освободил от уз –
Счастливым днем для многих стал навруз!

[1] Перевод Л.Гумилева.

Наврузом сына царь нарек: звучало,
Как счастье, года нового начало! [1]

Сказочный сюжет развивается в соответствии с требованиями жанра. Принц стал прекрасен, возмужал, постиг науки, достиг величия и славы. Однажды ему приснилась необыкновенной красоты девушка по имени Гуль, дочь царя страны Фархар. Навруз думает только о ней и решает найти ее.

Через некоторое время, преодолев сопротивление родителей, он отправляется в страну Фархар и встречается с возлюбленной. Однако ее отец решает выдать дочь за китайского хакана. Навруз и Гуль совершают побег, терпят невзгоды и лишения, обстоятельства разлучают их. После длительных злоключений и поисков страны Навшад Гуль попадает в страну Аден и выдает себя за китайского царевича. Ей были оказаны почести как спасителю страны, убившему льва, долгое время свирепствовавшего здесь.

Не менее драматичны и чудесны приключения Навруза. В конце концов его продают в рабство визирю йеменского царя, который признал в нем царевича и устроил по этому поводу пир. Во время пира Навруз так понравился царю Йемена, что тот решил усыновить его.

В то время два соседних государства - Аден и Йемен – вели войну. Гуль и Навруз становятся предводителями враждующих войск и вступают в смертельную схватку. В самый кульминационный момент битвы влюбленные узнают друг друга. Они благополучно завершают войну и совершают хадж в Мекку, где встречают своих приемных родителей. Счастливая встреча заканчивается объединением четырех государств, и Навруз в конце концов становится правителем объединенной страны и справедливо правит долгие годы.

Завершается поэма восхвалением шаха Искандера, которому она и посвящена:

Да будет счастлив наш великий шах,
Как счастлив был Навруз в своих делах!

[1] Перевод С.Липкина.

Пусть шах последует его примеру,
Пусть благо станет другом Искандеру.

Пусть успокоится его страна,
Сиянием добра озарена...

Газели

* * *

Если б свет лица ее погас, –
Осенью была б весна для нас.

Мне страшней меча над головой
С идолом моим разлуки час.

Пылью стать бы под ее конем,
Чтоб по мне проехала хоть раз,

Душу я за бровь ее отдам.
Стройте склеп мне – бог меня не спас.

Не один Лутфи, – о розе той
Горек сотни соловьев рассказ.

* * *

Птица души устремилась туда, где она,
Сколько б обид ни творила мне дева-весна.

Если она не верна мне, то что же... пускай.
В мире лукавом и жизнь никому не верна.

«Дам я тебе наслажденье», – раз она молвила мне.
Но не любовью, а снова горечью доля полна.

Больше терпеть я не в силах, кровь да падет на нее,
Но осужденной за это нежная быть не должна.

Лика ее отраженьем светится стих у Лутфи,
Так соловьиному пенью розой лишь прелесть дана.

* * *

Степь зелена, но роза лика где?
Где стройность кипариса, где?

Сегодня встретил розу соловей,
А юности моей гвоздики где?

Я пеплом стал у дома твоего,
Но ты не спросишь: «Где мой дикий, где?»

Твою терпеть я должен красоту!
Где мой покой? Досуг мой тихий где?

Прости вослед идущего Лутфи -
Ты знаешь, где любви улики, где?

ДУРБЕК

Дурбек – выдающийся узбекский поэт второй половины XIV – начала XV в. Из его произведений сохранилась в двух рукописях лирическая поэма «Юсуф и Зулейха», написанная на старо-узбекском языке в 1409 г. в городе Балхе.

В основе поэмы известный библейский и коранический рассказ об Иосифе Прекрасном (Юсуфе) и жене египетского вельможи Пентефрия-Зулейхе. Дурбеком эта легенда передана в виде светской повести с многочисленными, бытовыми картинками.

Дурбек-один из ранних борцов за равноправие староузбекского языка с персидским. В этом смысле характерен выбор им рассказа об Юсуфе и Зулейхе для лирической поэмы, так как эта тема уже разрабатывалась его ираноязычными предшественниками. Тем ответственнее была задача, поставленная и удачно разрешенная Дурбеком.

Основное сюжетное развитие поэмы «Юсуф и Зулейха» почти полностью повторяет кораническое повествование. События происходят в Древней Палестине и Египте. В пер-

вых главах автор показывает детство Юсуфа, недоброжелательность и интриги его братьев, заключение и рабство героя. Затем показано его необыкновенное возвышение, долгие годы тюрьмы и страданий и вновь свобода и признание и т.д. При этом узбекский поэт стремится не просто показать событийную сторону своего повествования, но и глубоко проникнуть во внутренний мир своего героя, показать его благородство и великодушие. При этом Дурбек показывает нам и других действующих лиц, которые помогают полнее понять мысли и поступки Юсуфа.

Характерной особенностью произведения Дурбека является тот факт, что любовная история главного героя и Зулейхи – лишь одна из многочисленных сюжетных разветвлений в поэме. Вынесение имени девушки в заглавие произведения объясняется, прежде всего, стремлением следовать восточной традиции. Взаимоотношения Зулейхи с Юсуфом носят лишь эпизодический характер и помогают лучше понять психологический портрет главного героя.

Академик Е.Э.Бертельс не без основания образно сравнил произведение узбекского поэта Дурбека с картинами итальянских художников эпохи Возрождения, которые через романтическое изображение событий древнего мира рисовали реальные картины жизни в новых исторических условиях.

Поэма «Юсуф и Зулейха» – оптимистическое произведение. В ней добро торжествует над злом. И воплощено это талантливо и ярко.

«Юсуф и Зулейха»

Поэма

Отрывки

Сказали братья: «Грех нам убивать!
Не дело кровь без пользы проливать.
Да будет наше слово таково:
На дно колодца бросим мы его.
Пусть сам собой Юсуф погибнет там
И солнца свет уже не застит нам!»

Довольные, с Юсуфом разлучась,
Убили агнца братья в тот же час
И перепачкали в крови его
Цветное платье брата своего.
Потом, посыпав на головы прах
И разорвавши вороты рубах,
Хоть не был ложный пламень их горяч, –
Они такой подняли вой и плач,
Так голосили, что у всех вокруг –
Чужих и ближних – сокрушили дух.

Весь Канаан был скорбью омрачен.
Всяк говорил: «Беда постигла нас,
Юсуф – прекрасный месяц наш – погас!»

В те дни язычник некий в Мисре жил.
Всегда хмельной он и по земле ходил,
Богатством, властью, славою велик, –
Он был купец по имени Малик.
Остановил Малик свой караван,
И, любопытством сильно обуян,
Бадью с веревкой приказал добыть
И поскорей в колодец опустить.
Юсуф, – обрадованный, – сел в бадью.
Малик всю силу применил свою,
Но вытащить бадью наверх не мог
И пал без чувств на огненный песок.
Двух добрых слуг, каких не видел мир,
Имел он: Битр один, другой Батыр.

Взялись они согласия полны,
И подняли бадью из глубины,
И юношу прекраснее луны
Увидели в бадье, изумлены.
И ослепительный увидев лик.
Сто кликов испустил купец Малик.

С Маликом шел к Египту караван,
Событьем дивным развлеченный стан

Теснился вкруг колодца и галдел.
Всяк на Юсуфа поглядеть хотел.
В ту пору братья шли путем своим,
Глядят: Юсуф здоров и невредим!
И братьями мгновенно окружен,
В отчаянии громко вскрикнул он,
Стал желтым, как солома, лунный лик.
Малик сказал: «Повремените миг!
Какое с ним связует вас родство,
Что вы взялись так крепко за него?»
А те: «О чистый верой господин!
Он – беглый раб, рабыни нашей сын.
Его в степи мы ищем третий день,
А он в колодец спрятался, как тень!
И мы, найдя его, связать должны,
Хоть нам рабы такие не нужны.
Ни для каких работ не годен он
И лишь в зловредных умыслах силен.
Он – лгун, болтун и прирожденный вор,
Наскучил нам его нелепый вздор!
Давно его хотели мы продать,
Да некому в пустыне покупать.
Тебе, коль пожелаешь, продадим;
И за ценой – бог с ним! – не постоим».
Купец Малик сказал: «В наличьи здесь
Со мной едва ль дирхемов двадцать есть,
А те в ответ: «Давай нам двадцать пять!
Да пленника не позабудь связать!»

Купец Малик навету злобных внял,–
Он юношу веревками связал,
И – в знак принятья власти над рабом

Дырявым облачил его ковром.
Бог, испытуя избранных порой,
На них страданий посылает рой.
Кто – рвущий розу – рук не уколол?
Кто – бравший мед – не знает жала пчел?

От первых наших до последних дней
Печаль и радость – спутники людей.
В душе купец Малик доволен был,
Что этого невольника купил.
Но – скорбен, схож с ущербною луной–
Юсуф рыдал, как облако весной.
Когда ж могилу матери своей
Увидел пленник, поравнявшись с ней,
Он бросился с верблюда на песок.
Он страшной муки вынести не мог.
И землю целовал, и слезы лил.
И горько сетовал, и говорил:
«О нежная, о ласковая мать!
Твой сын в оковах осужден сгорать.
Когда б ты в мир живых прийти могла,
Ты б горе сына бурею смела!
В ошейнике,– как беглый раб и вор,–
Одет я лишь в изодранный ковер.
Родные братья продали меня,
На муки рабства отдали меня!
О мать! На сына в рабстве погляди!
Зову тебя! На помощь мне пойди!»

Придворные вельможи, госпожи,
Придя, спросили: «Зулейха, скажи,
Правдив ли слух, – мы верить не могли,
Что ты в раба влюбилась, как Лейли?!
Ущерб своей ты чести нанесла!
Худая слава о тебе пошла!»
«Уж если здесь вы, – как я ни плоха,–
Вы – гости мне! – сказала Зулейха.–
Вы – добрые советчики, друзья,
Живете в счастье вы. Несчастная я!
Со мною проведите этот день,
От сердца отгоните горя тень».

И гости чинно, вслед за Зулейхой
Вошли в прохладный внутренний покой,

Где трапеза дневная их ждала.
Всем женщинам хозяйка раздала
Ножи и яблоки своих садов
И молвила: «Отведайте плодов!»
Кормилице ж велела: «Поспеши
К Юсуфу, о наставница души!
Пусть пальму стана и нарциссы глаз
Увидят все сидящие у нас».
Когда Юсуф правдивый – мир ему! –
Вошел в чертог, как яркий луч во тьму,
Свет полдня пред лицом его померк,
Сердца всех женщин в горе он поверг.
И не могли они ни глаз отвесть
От юноши, – ни слова произнесть.
Все – разрезая яблоки вокруг –
Порезали ножами пальцы рук
И, кровью обливаяся, – взгляни! –
Как мертвые попадали они.
Очнувшись, видят: от крови мокры
Одежды их, подушки и ковры.
Понуря головы, они тогда
Заплакали от горького стыда,
Так говоря: «Умрем подле тебя!
Ты розой счастья стала, полюбя.
Тебя – невежды – упрекали мы...
Ты видела, чем сами стали мы!»
И Зулейха открыла дверь словам:
«Хоть не пришлось сгорать любовью вам,
Как мне, но сразу вы упали с ног,
И жизнь моя – вся мук сплошной поток!
Палит и жжет мне душу огнь любви,
Объявший твердь и сушу огнь любви
От рыбы, мир несущей на спине, –
И до звезды, плывущей в вышине, –
Нить и основу в ткани бытия
Связующий! И вот – любовь моя.

ЮСУФ АМИРИ

Поэт **Юсуф Амири** жил в первой половине XV века в Герате. В «Собрании поэтов» Давлатшаха Самарканди он назван в числе самых талантливых поэтов периода правления Шахруха. Из его литературного наследия до нас дошли диван, включающий газели, туюки, таржибанды, «Десять посланий» и пользующийся огромной популярностью «Спор Бенга и Вина», где он проявил себя великолепным мастером диалога. Юсуф Амири – мастер четверостиший-туюков, отличающихся яркой образностью и выразительностью.

Туюки – один из излюбленных поэтических жанров узбекской классической поэзии; в отличие от рубаи в них рифмующиеся слова являются омонимами.

В историю узбекской литературы Юсуф Амири вошел, прежде всего, как автор замечательного муназара «Спор Бенга и Вина».

Муназара (букв. «спор, диспут») – это литературное произведение, написанное в форме диалога, диспута, в котором каждая из сторон доказывает свое превосходство над соперником. Обычно содержит небольшую панегирическую часть, адресованную лицу, заказавшему это произведение. Этот жанр может быть поэтическим и прозаическим. Образцы поэтических муназара мы находим еще в «Дивану лугатит турк» Махмуда Кашгари, т.е. можно говорить о традиционности этого жанра. «Спор Бенга и Вина» Амири написан прозой, но в нем встречаются и стихи.

Газели

Я лицом прекрасным буду с удивленьем любоваться,
Буду розой без колючек с восхищеньем любоваться.

Мой сердечный жаркий трепет всех обрадовал влюбленных–
Все хотят моим безумьем и смятеньем любоваться.

Все, кто встречи ждет с любимой, могут зрелищем бесплатным,
Яркою моей мечтою, озареньем любоваться.[1]

Болен я в эту ночь, в эту ночь я пьян без вина.
Я готов умереть, – это губ твоих алых вина!

САККАКИ

Одним из самых талантливых последователей Лутфи был поэт **Саккаки,** живший в Мавераннахре (последняя четверть XIV – первая половина XVвв). Значительную часть своей жизни он провел в Самарканде.

Саккаки был одним из образованнейших людей своей эпохи. Его диван, дошедший до нас в неполном варианте, свидетельствует о том, что поэт был автором прекрасных лирических произведений, главным образом, газелей.

Постоянной темой Саккаки была любовь. Воплощается она традиционно. Это гимн прекрасной пери, дивный стан которой изящней кипариса; ее ресницы – стрелы, разящие насмерть, дыхание же – опаляющий огонь любви и т.д. При этом поэт счастлив, хотя любовь принесла ему лишь страдание и горе. Изысканные газели Саккаки отличаются богатством изобразительно-выразительных средств. Можно отметить не только полнозвучную рифму и яркую палитру сравнений, но и разнообразие аллитерации и ассонанса.

Касыды Саккаки совершенно иного содержания. В них сильны социальные мотивы. Нередко поэт восхваляет своего покровителя – великого ученого, главу астрономической школы Самарканда правителя Мухаммада Тарагая, известного всему миру как Мирзо Улугбек. Восхваляя мудрого и справедливого правителя, Саккаки противопоставляет ему «кровожадных волков» – жестоких и властолюбивых тиранов.

[1] Здесь и далее произведения Амири приводятся в переводах Ф.Гаубера

В Самарканде поэта любили и уважали, знали наизусть наиболее известные из его произведений. В знак этой любви и уважения Саккаки увенчали титулом «царя поэтов Мавераннахра», что было вполне заслуженно.

Газели

Ты мне душу растрепала, словно прядь своих волос,
Ты дыханьем опалила сердце мне огнем любви.

Прядь волос твоих - крылатый огнедышащий дракон,
Стережет он клад заветный во дворце святом любви[1].

***

И днем и ночью рыдаю горько и плачу я.
Мой друг - лишь горе по той, что душу мою сожгла.

Приносит горе она, взглянув на Саккаки, –
Ах, сколько бедствий она бедняге приберегла!

Касыда

Да будет славен Улугбек, звезда, жемчужина царей.
Как царь Шахрух, он показал себя Хосровом наших дней...

Ты устроитель дел страны и веры истинный знаток,
В глубь шариата ты проник до глубины, как сам пророк.

Живи на свете сто веков и счастлив будь, великий шах!
На эту землю ты пришел, чтоб быть прославленным в веках!

[1] Здесь и далее произведения Саккаки приводятся в переводах М.Зенкевича и А.Старостина.

АТАИ

Поэт Атаи, сын шейха Исмаила из Бахла, чей род вел свое происхождение от знаменитого поэта-мистика Ахмада Яссави, родился в кишлаке Туркестан между Ташкентом и Сайрамом в конце XIV в. или в самом начале XV в. По словам Навои, он «был человеком с наклонностями дервиша, благонравным и великодушным. Писал по-тюркски. В свое время его стихи были хорошо известны среди тюрок»[1]. До нас дошел лишь один диван Атаи, содержащий двести шестьдесят газелей.

Атаи был лирическим поэтом, который воспевал любовь, прекрасные человеческие чувства, прелесть и красоту природы. Влюбленный поэт ценит не только красоту, но и благородство души. Если возлюбленная неверна и зла, то влюбленный по-настоящему несчастлив. Социальные мотивы не характерны для поэзии Атаи. Встречаются отдельные бейты, в которых поэт сочувствует простому народу, говорит о несправедливости, несовершенстве мира.

Для поэтического стиля Атаи характерны контрастные, меткие метафоры, в которых чувствуется влияние народной поэзии, чеканность стиха, частое использование омонимов в качестве рифмы, выразительная звукопись.

Как лирик Атаи был талантливым продолжателем поэтических традиций Лутфи.

ГАЗЕЛЬ

***

Красоту моей любимой я воспел средь цветника;
Покраснели от смятенья щеки каждого цветка.

С той поры, как сердцу видеть удалось твои уста,
Унесла его куда-то неизвестности река.

[1] Алишер Навои. Соч. В десяти томах. Ташкент: «Фан», 1970. Т.IX. С.56.

Ты души моей дороже, дорогая, для меня,
Без тебя с душою в теле все равно царит тоска.

ГАДОИ

Одним из ярких представителей классической поэзии XV века является Гадои. Его литературное наследие лишь недавно стало достоянием широкой общественности, хотя талантом Гадои восхищались еще при жизни.

В марте 1970 г. из Парижской национальной библиотеки был получен микрофильм уникальной рукописи «Девони Гадои», изучение которой позволило провести тщательный текстологический анализ стихов Гадои. В результате этой работы удалось выявить ряд неточностей в ранее опубликованных сборниках и издать в 1973 году собрание, куда вошли практически все произведения поэта[1]. Подготовка этого сборника дала мощный импульс к всестороннему и глубокому изучению творчества Гадои.

Его стихи приобрели славу во времена Бабура-мирзы. Вот одно из его знаменитых двустиший:

Увы, вновь опечалилось мое безумное сердце,
Из-за этого сердца вновь обрушилось на меня несчастье.
Мавлано более девяноста лет»[2].

Так как Алишер Навои писал в «Собрании избранных» о своем предшественнике в третьем маджлисе, куда включил здравствующих ко времени выхода книги поэтов, то можно предположить, что Гадои родился в конце XIV или в начале

[1] Гадоий. Девон. [Нашрга тайёрловчи ва суз боши муаллифи Э.Ахмадхужаев]. Ташкент: Ғ.Ғулом номидаги Адабиет ва санъат нашриети, 1973.–148 б.

[2] Алишер Навои. Соч. В десяти томах. Ташкент: Фан, 1970. Т.IX. С.91–92.

XV века. Опосредованно о жизни поэта можно узнать из его единственного, как уже отмечалось, сохранившегося рукописного «Дивана Гадо», хранящегося в Национальной библиотеке Парижа.

Основную часть сохранившегося дивана Гадои составляют газели. В соответствии с жанром большая их часть посвящена теме любви. В противовес популярной в то время религиозно-мистической литературе поэзия Гадои несла жизнеутверждающее начало, одним из компонентов которого явилось воспевание большой искренней любви. Поэт не признает жизни без настоящей пылкой любви.

Значительное место в любовной лирике Гадои занимает тема разлуки. Бейты, в которых выражается эта тема, посвящены не только разлуке с любимой и ожиданию встречи с ней, но и времени, жестокому и несправедливому.

Тематика газелей Гадои разнообразна, в них нашли свое отражение раздумья поэта, прожившего долгую и сложную жизнь. И это не только оптимизм и жизнеутверждающее начало его поэзии, но и чувство неудовлетворенности временем, отношением человека к жизни, к бытию.

Гадои справедливо считал себя продолжателем Лутфи. Как и его великий предшественник, Гадои мастерски пользовался художественными средствами языка. Его поэзия чрезвычайно образна и проста для восприятия. Этого поэт добивается, вплетая в ткань своих газелей афоризмы, пословицы, умело используя богатые двойные рифмы, а также применяя редиф для усиления содержательности стихов и их воздействия на читателя. Таким образом, Гадои – одна из наиболее ярких фигур поэзии XV века.

Газель

***

Ты опять меня забыла - как же так?
Верность чтить тебе не мило - как же так!

Нашим прежним уговорам неверна,
Ты обеты преступила – как же так?

Верности в тебе не сыщешь, а терзать
Есть в тебе и злость, и сила - как же так?

Раньше ты других чуждалась, а теперь
Моего страшишься пыла – как же так?

Гадои, чей ум и разум люди чтут,
Ты безумием корила – как же так!

ЛИТЕРАТУРА XV ВЕКА

Алишер Навои

(1441–1501)

Выдающийся узбекский поэт и просветитель Низамиддин Мир Алишер Навои родился 9 февраля 1441 года в г. Герате – крупном политическом, культурном и научном центре того времени.

После смерти правителя Хорасана Шахруха, в 1452 году на престоле был утвержден Абдул-Касим Бабур. Гиясиддин Кичкине был призван на службу при дворе, а через некоторое время назначается хокимом г. Сабзавора. Однако Низамиддин Алишер остается в Герате и продолжает учебу.

Любовь к литературе и поэтическому творчеству у Низамиддина Алишера проявилась чрезвычайно рано.

В 10–12 летнем возрасте Алишер прославился своими стихами и заслужил признательность видных поэтов. В своем знаменитом «Собрании Изящных» Навои пишет, что в возрасте 10–12 лет он переписывался с прославленным поэтом Миршахи, который был в то время в преклонном возрасте. А по свидетельству известного историка XV в. Хондемира, великий поэт Лутфи, прочитав газель молодого Навои, которая начиналась бейтом:

Если пери лик закроет, сколько слез в моих глазах,
Сколько звезд с закатом солнца выступает в небесах, –

произнес, что готов отдать все свои десять-двадцать тысяч стихов за одну эту газель.

Низамиддин Алишер достаточно рано осиротел. Он воспитывался при дворе и в пятнадцатилетнем возрасте вместе с будущим правителем Хорасана султаном Хусейном Байкарой начинает служить при дворе Абдул-Касима Бабура. Он изучает логику, философию, математику, музыку, каллиграфию и многие другие науки. Будущий поэт с большим усердием штудирует произведения классиков персидской и арабской литератур. Низамиддин Алишер становится одним из наиболее образованных людей своего времени.

Именно в этот период Низамиддин Алишер создает прекрасные образцы восточной поэзии и приобретает славу непревзойденного *зулисонайна*, т.е. двуязычного поэта. Произведения, созданные поэтом на узбекском языке, подписывались творческим псевдонимом *махаллусом* «Навои» (мелодичный), а на персидском – «Фани» (переходящий, временный).

В Мешхеде Алишер Навои знакомится с выдающимся поэтом Абдурахманом Джами. «Встреча Навои и Джами действительно имела результатом дружбу, длившуюся до самой смерти Джами. Корни этой дружбы, конечно, не только в индивидуальных чертах характера этих двух выдающихся мужей – она укреплялась общностью их миросозерцания, полным совпадением их взглядов на цели и задачи литературы»[1].

По окончании учебы поэт возвращается в родной город. Однако пребывание Навои в Герате было недолгим. Новый правитель Хорасана Абу-Саид высылает поэта из столицы. Одна из причин этого – дружба Алишера Навои с соперником Абу-Саида Хусейном Байкарой. Навои отправляется в Самарканд и продолжает учебу в знаменитом медресе Фазлуллы Абу-Лейси – видного законоведа и знатока арабского языка.

В 1476 г. Алишер Навои окончательно уходит в отставку, и полностью посвящает себя творчеству. Если первые

[1] Бертельс Е.Э. Навои и Джами. Избранные труды. М., 1965. С.124.

лирические стихотворения поэта были собраны в диван его почитателями в 1465–1466 г., то в начале 1470-х годов поэт сам составил свой первый диван «Байдойи-ул-бидоя» («Редкости начала»), а в 1476–1483 г. – второй – «Наводир-уннихоя» («Диковины конца»).

На Востоке каждый крупный поэт стремился создать эпические произведения, которые становились показателем его мастерства. Особое внимание придавалось жанру «Хамсе» - «Пятерице», состоящей из пяти больших поэтических дастанов[1]. Истории известны «Пятерицы» Низами, Эмира Хосрова и многих других великих поэтов. Почувствовав в себе силы и большое желание, Алишер Навои приступает к осуществлению давно задуманного проекта. В 1483 г. им со дан первый дастан «Хамсы» - «Смятение праведных», в 1484 г. – последующие три дастана «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун» и «Семь планет», а в 1485 г. – «Стена Искандера». После «Хамсы» Алишер Навои написал множество других произведений и научных трудов, однако «Хамса» явилась вершиной гениального творчества Алишера Навои.

Одна из отдаленных областей Хорасана переживала сложные времена. Хусейн Байкара принимает решение послать туда своего доверенного человека, чтобы он навел там надлежащий порядок. Выбор правителя падает на Алишера Навои. При этом он понимает, как трудно будет поэту уехать из столицы в провинцию. Однако этого требует и сложившаяся ситуация: в Герате у Навои возникли сложности во взаимоотношениях с влиятельными чиновниками. Поэт подчиняется решению правителя, но едет туда без особого желания:

Жажду я благоустроить свой прославленный Герат,
Да разлуки рать мешает – высылают в Астрабад.

С 1488 по 1501 г. Алишер Навои пишет огромное количество научных, философских и литературных трактатов. На основе многочисленных исторических источников и таких

[1] В настоящей работе литературоведческие термины «дастан» и «поэма» являются синонимами.

крупных художественных произведений он создает «Тарихи мулуки Ажам» («Свод легендарных и исторических сведений о персидских царях»), в 1490 г.– «Холоти Сайид Хасан Ардашер» («Житие Хасана Ардашера»), в 1491 г. – «Рисолаи муаммо» («Трактат о жанре муамма»). В 1491 г. он приступает к написанию «Мажолис-ун-нафоис» («Собрание изящных»), в котором дает сведения более чем о 450 поэтах, предшественниках и современниках, а также приводит отдельные выдержки из их произведений.

В течение 1492 – 1494 гг. Навои создает произведения («Хамсатул мутахаййирин» – «Пять изумленных») о своем наставнике и старшем друге – о великом таджикском поэте и мыслителе Абдурахмане Джами. В эти же годы Навои собирает все письма, когда-то написанные им Хусейну Байкара и другим знатным вельможам, и создает произведение «Муншаот» («Письма»), пишет сочинение «Мезон ун-авзон» («Весы стихотворных размеров»), посвященное арузу – системе восточного стихосложения, трудится над биографическо-художественным произведением о просветителе и поэте Пахлаване Мухаммаде «Холоти Пахлавон Мухаммад» («Житие Пахлавана Мухаммада»).

Между 1491 и 1498 гг. он объединяет два своих прежних дивана лирических стихов с последующими своими стихотворениями и создает свой знаменитый лирический свод, состоящий из четырех диванов «Хазойинул-маоний» («Сокровищница мыслей»). В те же годы поэт собирает свои стихи, написанные на персидско-таджикском языке, и составляет другой сборник «Девони Фоний» («Диван Фани»), содержащий 12 тысяч строк.

1499 г. ознаменован выходом в свет философской поэмы «Лисон-ут-тайр» («Язык птиц»). В это же время Навои создает свой знаменитый лингвистический труд о староузбекском языке «Мухокамат-ул-лугатайн» («Суждение о двух языках») – своеобразный трактат-манифест, раскрывающий богатство узбекского языка. В этой работе Навои показывает красочность и неповторимость родного языка, обладающего всеми средствами в выражении тончайших оттенков мысли, лучше чем персидский язык. И это несмотря на то, что имен-

но на персидском длительное время создавались наиболее талантливые художественные произведения. И, наконец, в 1500 г. поэт создает одно из крупных философско-дидактических произведений «Махбуб-ул-мулуб» («Возлюбленный сердец»). Помимо этого, Навои пишет произведения, посвященные социально-экономическому строю своего времени, такие, как «Вакфия», сочинения дидактического и религиозного характера: «Назм-ул-жавохир» («Нанизывание жемчугов») – собрание изречений, «Тарихи анбиё ва хукамо» («История пророков и мудрецов»), «Сирож-ул-муслимин» («Светильник правоверных») и некоторые другие. Все эти произведения, к счастью, дошли до нашего времени.

Летом 1500 г. Хусейн Байкара направился с войсками против сына Мухаммада Хусейна, поднявшего мятеж. Выиграв сражение и помирившись с сыном, Хусейн Байкара 28 декабря возвратился в Герат. Алишер Навои, несмотря на ухудшение здоровья, вышел из города для участия в церемонии встречи. По дороге ему стало плохо, и чуть позже он скончался. Произошло это 3 января 1501 года. Весь Герат и близлежащие селения оплакивали выдающегося узбекского поэта и мыслителя.

Перу гениального узбекского поэта, мыслителя и государственного деятеля Алишера Навои принадлежит более тридцати художественных, научных и публицистических произведений. Как и многие другие поэты того времени, Алишер Навои писал свои произведения на двух языках. Однако основные произведения выдающегося поэта были написаны на тюркском языке, и это подняло узбекскую классическую литературу на небывалую высоту. Именно Алишер Навои стал основоположником не только узбекской литературы, но и современного узбекского литературного языка. Творческое наследие Алишера Навои - это не совокупность отдельных ярких и талантливых произведений, а целостная художественная картина мира, жизнь великого Мастера. Безусловно, мысли и мировоззрение, отношение к жизни и обществу – это взгляды и представления не только самого Навои, но и людей той далекой эпохи, переданные через призму авторского восприятия. Именно поэтому ана-

лиз творчества великого узбекского поэта представляется чрезвычайно важным и интересным

Основную часть литературного наследия Алишера Навои составляет его тонкая, изумительная **лирика**. Алишер Навои свое творчество начал с лирики и до самой смерти продолжал писать лирические газели. Этот поэтический жанр не оставлял поэт даже тогда, когда он создавал свои дастаны и прозаические произведения. Более того, над своей лирикой он более плодотворно работал именно в преклонном возрасте.

Стихи Навои, вошедшие в его ранний диван, написаны до 1465 г. в основном в гг. Мешхеде и Герате.

Отношение Навои к литературной традиции в различных формах проявлялось в его ранних стихах. Так, к методу татаббуъ Навои обратился еще в начальный период своего творчества и в основном пользовался им в своих персидских стихах. **Татаббуъ** – это метод творческого состязания двух поэтов, из которых один под впечатлением произведения другого, сохраняя при этом некоторые поэтические особенности (рифму, редиф, ритм) и пользуясь ими, создает свое произведение, соперничающее с оригиналом, а иногда, как в случае с Навои, и превосходящее его. К примеру, в сборнике **«Дивани Фани»** 349 газелей написаны в форме татаббуъ на произведения известных персидско-таджикских поэтов: 23 газели – на газели Саади, 243 – на газели Хафиза, 36 – на газели Хосрова Дехлеви и 47 – на газели Абдурахмана Джами.

Наряду с татаббуъ молодой Навои пользуется еще и другим методом: из стихотворений своих предшественников он берет рифму или редиф, образные выражения или структуру и на этой основе создает свое оригинальное стихотворение. Такой поэтический прием был чрезвычайно популярным на Востоке.

Большое влияние на раннее творчество Навои сыграли произведения его предшественников, творивших и на узбекском языке. Это, прежде всего, Атои, Саккаки и особенно Лутфи. Последнего Навои ценил особенно высоко и считал своим учителем. Возможно, поэтому многие стихи молодого Навои, отличающиеся легкостью стиля и своеобразной творческой манерой, сильно напоминают газели Лутфи.

В формировании тематики ранней лирики Алишера Навои велика роль и лирической традиции восточной поэзии. Так, любовь была и во многом остается основной темой восточной поэзии. И не случайно сам жанр газели – наиболее распространенной стихотворной формы того времени – характеризуется именно тем, что в ней, как правило, выражаются страдания неразделенной любви героя, жалобы влюбленного на судьбу, на злой рок, воспевается неповторимая женская красота. В творчестве Алишера Навои таких произведений достаточно много, особенно в его первых сборниках:

Я красу твою увидел и плененным стал тобой,
В грустный день я стал влюбленным, огорченным стал тобой.
Дни идут, но нет отрады, нет надежды на тебя.
С каждым днем люблю сильнее, покоренным стал тобой.

Основой богатейшего лирического наследия Алишера Навои является его известная **«Сокровищница мыслей»**, состоящая из четырех диванов: «Гароиб-ул-сигар» («Чудеса детства»), «Наводир-уш-шабоб» («Редкости юности»), «Бадоеъ-ул-васат» («Диковины среднего возраста») и «Фавойид ул-кибар» («Полезные советы старости»). В противовес четырем временам года появились четыре дивана, каждый из которых получил соответствующее наименование.

Поэтому *первый диван*, который украшен дивными розами бутонов весны детства и замечательными цветами сада цветника молодости, был назван «Чудеса детства». *Второй диван,* украшенный редкостными событиями в степи и поле, юности и страсти, отрочества и влюбленности, был наречен «Редкости юности». *Третий диван,* в котором описаны состояния изысканных удовольствий от бокала любви и страсти в кабачке среднего периода жизни, получил название «Диковины среднего возраста». И *четвертый диван,* в котором зафиксированы такие муки и результаты любви и страсти, появляющиеся в конце жизни, как мучительные вздохи и последние издыхания, обрел наименование «Полезные советы старости».

...Времена детства, лет с семи-восьми до двадцати, которые представляют собой раннюю весну жизни и бутоны цветника жизни и сам цветник, в похвалу им я растратил на «Чудеса детства».

Пору юности, за которую можно считать возраст от двадцати до тридцати пяти, то есть пору лета, когда начинают бить животворящие родники юности, я описал в «Редкостях юности».

И дни средних лет с тридцати пяти до сорока пяти, пору осени, когда начинают опадать лепестки сада жизни, охарактеризовал я в «Диковинах среднего возраста».

А если определить период от сорока пяти до примерно шестидесяти – это пора зимы, когда человек с согнутой спиной вступает на путь небытия и прощается с современниками, в молитве за него я довел до конца «Полезные советы старости».[1]

Алишер Навои назвал свой знаменитый диван «Сокровищница мыслей». Это совершенно справедливо, так как в традиционной лирической поэзии поэта нашли свое освещение многие серьезные философские, социально-политические и морально-этические проблемы.

Ведущей темой лирики Навои была любовь в самых различных проявлениях. В лирических стихотворениях, как и в других произведениях поэта, мы находим идеи большой, захватывающей человека любви, полной самоотречения и самопожертвования, любви идеальной, чистой. Это, прежде всего, любовь к женщине, но не только. Это и любовь к близким людям, любовь к Родине, к людям вообще, ибо человек – жемчужина жизни. Но на большую, настоящую любовь способны лишь благородные, нравственно чистые люди. И только тогда любовь способна на великие дела:

Пугал меня глупец: погибнет мир!
Мир будет воскрешен рукой любви.
И призовет любовь людей на пир,
Где царь и нищий пьют настой любви.

[1] Серикова Л. Предисловие к «Сокровищнице мыслей» Алишера Навои.// Адабий мерос. 1984, №2. С.56.

Под облаком ее они равны,
Омыты от грехов рекой любви.
И даже на ханжей нисходит свет –
Зачем? – им не понять такой любви.

И все же говоря о лирике Навои, нужно говорить, прежде всего, о любовной лирике в ее вполне определенном, прямом значении. В лучших восточных традициях:

Униженье тех, кто любит, удивлять нас не должно –
И драконы пресмыкаться так же учатся порой.
Ликом огненным сверкая, не сжигай нас – ведь свеча,
Сотни мотыльков сжигая, и фитиль сжигает свой.
Девы стройные трепещут, слыша вздохи Навои.
От дыханья ветра тополь стройной клонится главой.

Главный герой лирики Алишера Навои – сам поэт – великий гуманист и философ своего времени. Вместе с тем, он влюбленный и *ринд* (гуляка, острослов и вольнодумец). Такой лирический герой поэзии Навои отражает во многом его чувства и чаяния:

И в раю молиться буду лишь об улице твоей,
Потому что я из ада в рай войти скорей хочу.
Виночерпий, пьян всю жизнь я, но не ведаю стыда, –
Поселить больную душу у твоих дверей хочу.
Для чего безногим туфли, безголовому тюрбан?
О ханжа, твои советы я забыть скорей хочу!
Розовые щеки милой манят сердце Навои –
И в саду увидеть розу я, как соловей, хочу.

Как тонкий лирик и талантливый художник слова, Алишер Навои стремился к органичному единству формы и содержания, создавал художественные формы, соответствующие содержанию его лирических стихов. Он писал в самых различных жанрах восточной поэзии. Мастерски выражая сложные чувства человека, его духовные переживания, он применял многочисленные художественные приемы и изо-

бразительные средства, творчески используя богатства устной народной поэзии.

Основной диван поэта включает в себя стихи, написанные в 16 жанрах. Ведущим был, естественно, жанр газели. Стихотворения, написанные Навои в жанре *мухаммас, тарджибанд, мусаддас, рубаи, кытъа* и некоторых других, по своим идейно-художественным особенностям близки к газелям. Вот отрывок из одного мухаммаса поэта:

Где тополь мой? О, горе мне! Я с нежным станом разлучен.
С моим смеющимся цветком, с моим тюльпаном разлучен.
Нет песен! С гурией моей я злым обманом разлучен.
Поет ли соловей, когда он с гулистаном разлучен?
И молкнет попугай, с родным шекерестаном разлучен?

Как большой мастер, Алишер Навои позитивно воспринял и творчески переработал лучшее, что было в традициях тюркской и персидско-таджикской поэзии. Относится это ко многим жанрам богатейшего творческого наследия поэта, в том числе и к произведениям в так называемых малых формах восточной поэзии. Поэт создал их, как было отмечено ранее, и на таджикском, и на узбекском языках. Наглядным примером могут служить фарды, туюги, которые включены Навои в «Хазойинул-маоний» («Сокровищница мыслей») и «Девони Фани».

Так, наиболее ярким и своеобразным, на наш взгляд, малым жанром восточной поэзии, который встречается в поэтических сборниках Алишера Навои, является *фард*. Фарды – это отдельные бейты, которые характеризуются афористической завершенностью высказывания. При этом полустишия имеют, как правило, парную рифму, но это не обязательное условие. В «Сокровищнице мыслей» фардов восемьдесят шесть, при этом только пять из них не имеют парной рифмы.

Фарды Алишера Навои достаточно близки по своей структуре к пословицам:

Обманщик должен быть хитер, внимания не привлекать,
Так тихо крадется лиса, чтоб птичку быструю поймать.

Друг обвинит – молчи: он хочет, чтоб в зеркало упал твой взгляд.
Коль мутно в зеркале, не думай, что в этом друг твой виноват.

Или:
Кто тебе приносит сплетни, не щадя в них никого,
Тот пред ними обесчестит и тебя же самого.

В творчестве поэта есть и такой жанр восточной поэзии, как *туюг*. Правда, Алишер Навои создал их немного – всего одиннадцать.

Туюг – это четверостишие любовного или философского содержания, в котором рифмующие строки – первая, вторая и четвертая содержат омонимичные рифмы. Это достаточно сложный жанр восточной поэзии, требующий не только высокого мастерства стихосложения, прекрасного знания языка, но и большого интеллекта.
Алишер Навои виртуозно владел этим жанром и создал ряд прекрасных поэтических образцов.

Рубины губ ее – огонь, они мне душу жгут.
Как лук, мой стан, лишь потяну за тетиву, за жгут.
Я клятвам верить был бы рад, но искренни ль они
И светоч верности в тебе зажгут иль не зажгут?

Практически все туюги Навои о любви, о любви неразделенной. Лирический герой страдает вдали от своей возлюбленной и, видимо, ничто не в состоянии ему помочь:

Бальзам для ран я не нашел, страницы книг листая.
Что тело мне терзает в кровь – не хищных птиц ли стая?
Огонь любви мне душу жег, и в горькой той пустыне
Не отыскал ни одного целебного листа я.

Проникновенная и талантливая лирика Алишера Навои – это не только гимн любви. Воспевая это прекрасное человеческое чувство, Алишер Навои пишет о необходимости к

духовному совершенству, призывает людей к человечности и красоте. Жизнь, в понимании великого узбекского поэта, это самое прекрасное, что есть у людей и потому вся его поэзия – это гимн жизни, жизнестойкости и оптимизму:

Сильней души моей тебя люблю я, жизнь,
Сильней любви своей тебя люблю я, жизнь.
Бывает ведь любовь, сильней которой нету,
И все ж еще сильней тебя люблю я, жизнь!

Выдающийся узбекский поэт Алишер Навои был не только тонким и проникновенным лириком, но и великолепным автором крупных эпических произведений и, прежде всего, **«Хамсы»**.

В XV веке перед узбекскими литераторами, которые все больше и больше создавали свои произведения на родном языке, встали сложные и ответственные задачи. Одной из таких задач было создание на узбекском языке «Хамсы», или «Пятерицы» – эпического повествования, состоящего из пяти поэм. В литературе Среднего Востока «Хамса» была широко популярна, но лишь немногим поэтам удалось создать шедевры в этом жанре. Это были действительно выдающиеся поэты своего времени, такие как Низами Гянджеви, Хосров Дехлеви, Абдурахман Джами.

Алишер Навои предпринял попытку создания своего варианта «Хамсы», понимая, какая ответственность при этом лежит на нем. Это было важно не только для всей последующей тюркоязычной литературы, но, прежде всего, для самого Алишера Навои: проверка на художественную зрелость и поэтический талант. И поэт блестяще справился с поставленной задачей, создав восхитительную собственную версию жанра, имевшего трехсотлетнюю традицию. Признавая и отмечая творческие успехи своих предшественников, он мастерски использует их бессмертные произведения, а также искусно пользуется многочисленными историческими источниками, произведениями устного народного творчества, прекрасным знатоком которого являлся сам поэт. При этом Алишер Навои не замалчивает и некоторые, на его

взгляд, недостатки творений великих поэтов Востока. И все же Алишер Навои пишет:

Я верю – мне поможет Низами,
Меня Хосров поддержит и Джами…[1]

Но в отличие от своих великих предшественников Алишер Навои предпринял попытку создания более реалистического произведения, стремился придать своему повествованию некоторые черты, присущие простым людям, современному времени:

Нам радости дают огонь и воздух, и вода,
Но и земля на что-нибудь пригодна иногда.
И если роза, и тюльпан, и кипарис – товар,
То и для дров, само собой, необходим базар.

Первая поэма «Хамсы» «Смятение праведных» датируется 1483 годом. Поэт написал ее за необычайно короткий срок. Поэма носит философско-дидактический характер и широко отражает основные проблемы общества того времени.

Поэма распадается на шестьдесят четыре главы, первые из которых, по традиции, посвящены Аллаху и пророку. Далее раскрывается мировоззрение автора на самые различные проблемы бытия и сознания. Это и вопросы религиозного характера, взгляды на возникновение Вселенной и, самое главное, судьба и предназначение человека. Именно человек является совершенным творением на этой земле, он является хозяином, так как наделен прекрасными качествами:

Сам стал он царством, троном и царем
Всевидящим и сведущим во всем.
Он суть свою, как книгу, прочитал,
Себя познав, он истину познал.
Дай, кравчий, чашу чистого вина!
Да будет чаша царственно полна!
Я пламя жажды духа утолю,
Как бога, Человека восхвалю!

[1] Перевод отрывки из поэмы В.Державина.

Очень смелое для того времени высказывание.

Излагая свои мысли, Алишер Навои во всех беседах предстает перед читателями не только как поэт, но и как философ, политик, умудренный опытом учитель:

О, устремленный к Истине всегда,
Согнувшийся под ношею труда!

Служа добру, пылинкой ты влетишь,
Глаза высокомерья ослепишь…

…Ты неуклонно путь свой проходи,
И в скромности достоинство блюди…

Несмотря на соблюдение традиций Востока в написании поэм подобного рода (вспомним «Кутадгу билиг»), поэма Алишера Навои – оригинальное авторское произведение, отражающее ту далекую эпоху. А мысли и суждения автора сыграли значительную роль в формировании общественного сознания людей. Поэт этого страстно желал, и желания его сбылись:

И пусть глубины мысли в книге сей
Откроются, сияя, для людей!

По общему признанию исследователей творчества Алишера Навои, наиболее значимым и талантливым является следующий дастан **«Фархад и Ширин»**.

В основу композиции поэмы был положен известный сюжет народного дастана, который в своих «Пятерицах» использовали Низами и Дехлеви.

В поэме Навои ощущается страстное желание вдохнуть новую жизнь в известный сюжет. Если в первой поэме своей «Пятерицы» Алишер Навои теоретически обосновал свое понимание идеала человека, то во второй поэме он от теории перешел к конкретному воплощению своего понимания. Изображая Фархада как главного героя (в отличие от своих предшественников), Алишер Навои нарисовал этот образ с большой любовью, тонким вкусом и высоким художественным мастерством. Он воплотил в себя лучшие качества, ка-

кие только могут быть присущи человеку и о которых он писал в «Смятении праведных».

У хакана наконец-то рождается долгожданный ребенок – сын, которого назвали Фархадом. Он получает прекрасное воспитание и образование и становится лучшим ученым, художником, мастером. При этом он наделен необыкновенной красотой и силой:

Но хоть ученым он прослыл большим
И был, как богатырь, несокрушим,
Он скромен был, как новичок, едва
По буквам составляющий слова.
Он силой не хвалился никогда,
Ни в чем не заносился никогда,
И равнодушен к власти, он скорей
На нищенство сменил бы власть царей.
Он сердцем чист был и очами чист,
Всем существом, как и речами, – чист,
Чистейшее на свете существо!
И весь Китай благословил его.

Однако главный герой чем-то опечален и никто не знает причину этого. В казне своего отца Фархад находит чудесный хрустальный ларец. Чтобы раскрыть его тайну, необходимо отправиться в Грецию, где живет хранитель тайны ларца великий Сократ. Фархад отправляется в путешествие. Для достижения своей цели Фархад совершает ряд подвигов: сражается с драконом и дивом Ахриманом и побеждает их, достигает сокровищницы Искандера. Затем он встречается с Сократом и беседует с ним.

Разгадав тайну ларца, Фархад находит волшебное зеркало судьбы – зеркало Искандера. В нем он видит свою судьбу, видит красавицу, которую полюбил с первого взгляда. Он покидает родину в поисках возлюбленной, но не находит ее. После долгих необычных приключений Фархад знакомится с Шапуром и тот подсказывает другу, что увиденная Фархадом в зеркале страна – Армения. Друзья отправляются на поиски красавицы.

Достигнув страны Армении, Фархад совершает и там подвиг: в скале пробивает русло реки, пускает воду в долину.

И так благодаря его трудам
Все люди воду получили там…
«Рекою жизни» тот арык с тех пор
Зовется у людей армянских гор…

Благородство и красота Фархада покоряет Ширин, и она отвечает ему взаимным чувством. Образом Ширин Алишер Навои выразил свое понимание и женской красоты, и чувств, и идеального характера.

Рисуя образы двух идеальных героев, равных и достойных друг друга, Навои проводит мысль о том, что они являются не просто родственными душами, а двумя половинками единого целого. И не случайно, что когда трагически погибает Фархад, Ширин не в силах жить без любимого.

Таким образом, любовь сына хакана и армянской царевны – основное содержание поэмы. Однако, изображая страстную любовь красивых, мужественных и целеустремленных молодых людей, автор ставит и ряд важных для своего времени вопросов: о справедливом и мудром правителе; о просветительстве и просвещении творческого труда; о защите интересов своего народа и народов других стран и многие другие. Главные герои обладают прекрасными человеческими качествами, необыкновенной силой и трудолюбием. В образе Фархада воплощены не только все прогрессивные силы и идеи того времени, но и мечты о прекрасном, совершенном мире в будущем.

Обилие действия, изумительное разнообразие картин, стройно сложная композиция, пленительные образы главных персонажей, восторженная и необычная любовь, преданная дружба Шапура и Фархада – все это, несмотря на значительные размеры поэмы, позволяет читать ее с большим интересом.

Следующая поэма «Пятерицы» Алишера Навои **«Лейли и Меджнун»** явилась новой страницей в развитии известного и широко популярного на Востоке сюжета. Автор по-

пытался развить и глубже осветить трагическое начало, акцентируя особое внимание на положение женщины. Он внес много изменений и дополнений в характеры персонажей, несколько изменил сюжет и композицию, уделил особое внимание внутреннему миру своих героев, особенно образу главной героини. При этом многие картины и эпизоды отличаются реальностью и взяты автором из жизни общества той эпохи, во многом трагической для восточной семьи.

Единственный сын предводителя племени Кайс, чуткий и впечатлительный юноша, окружен заботой мудрого и достойного отца. С раннего возраста он проявляет свои удивительные способности, особенно умение «облекать слово в живую плоть», т.е. проявил поэтический талант. Встреча в школе с красавицей Лейли была уготовлена судьбой:

Увидел Кайс весеннюю зарю,
И стал он весь подобен янтарю...
По телу слабому прошел озноб,
Росой холодной увлажнился лоб.
Он чувствовал: сейчас конец придет,
В беспамятстве сейчас он упадет.
Его лицо менялось каждый миг.
Он обезумел: он любовь постиг...
Лейли глядит – и видит только страсть.
Да, и она любви узнала власть!

Между молодыми людьми вспыхнула любовь, и ничто не может осудить пыл влюбленного. Он создает прекрасные газели, воспевает Лейли и глубоко страдает по возлюбленной, как безумный. Его нарекают Меджнуном.

Видя страдания сына, отец посылает сватов в дом к Лейли, но получает жестокий отказ. Глупый и зависимый от людской молвы отец девушки считает себя оскорбленным. Его черствость и высокомерие наводят ужас, в том числе и на Меджнуна. Возлюбленный бежит в степь и заводит дружбу с дикими животными.

Родители юноши вновь пытаются вернуть сына к жизни и отправляются с ним в хадж к мусульманским святыням.

Меджнун готов забыть для Кабы все.
Да, Каба исцелить могла бы все!
И, нищих одаряя без числа,
Семья Меджнуна в Мекку понесла.

Однако Меджнун не в силах отказаться от земной любви. Обращаясь к Аллаху, он восклицает:

Достоин места я в твоем раю?
Дай вместо рая мне Лейли мою.

В дальнейшем действия в поэме разворачиваются стремительно. Появляется новый персонаж – влиятельный и знатный глава одного из племен Науфаль. Он обладает самыми благородными человеческими качествами, наделен мудростью и обаянием. Познакомившись с Меджнуном, Науфаль пытается помочь другу, но все его попытки встречают непонимание со стороны отца Лейли. В конце концов между племенами начинается война. Прямолинейность, жестокость и ограниченность отца Лейли ставят возлюбленную Меджнуна на грань смерти. Алишер Навои подчеркивает в этот момент, что никто на совете племени не содрогнулся от бесчеловечных слов отца Лейли, никто не вспомнил, что может быть лишено жизни прекрасное создание и что сама жизнь человеческая священна.

По настоянию Меджнуна война прекращена. Однако это ничего не меняет. Ничто не в силах изменить мнение отца Лейли. Да и Меджнун из-за любви уже не может жить как все «разумно».

Любовь сильней жизненных обстоятельств, и молодые воссоединяются. Правда, жить на земле им остается не долго, но любовь их становится вечной. Финальная сцена поэмы – это гимн страстной, пламенной любви, но, к сожалению, любви трагической. Любовь торжествует, даже если герои умирают. И автор показывает, что в сознании людей все-таки происходят перемены.

Поэма **«Семь планет»** Алишера Навои кардинальным образом отличается от аналогичных произведений предше-

ственников. Это не описание истории правления шаха Бахрама или его увлечение невольницами, это произведение о большой человеческой любви и глубокого социально-философского смысла. Правда, сохранились все семь «небосводу подобных» дворцов, которые были у Низами, но в «Семи планетах» они построены не для семи красавиц, привезенных Бахраму со всех концов света, а для самого главного героя, страдающего от разлуки с Диларом.

Каждой из семи новелл Алишер Навои придает аллегорический смысл. Каждому дню недели соответствует определенный цвет, в который окрашен и один из дворцов. Каждому дню недели соответствует и планета, откуда и название самой поэмы. Эти семь новелл как бы обрамляют основную новеллу – рассказ о любви Бахрама и Диларом.

Любовь является ведущим мотивом поэмы, но не единственным. В произведении автор останавливается на различных социально-политических вопросах, рассуждает о предназначении правителя, о его социальном статусе. И не случайно, что когда Бахрам перестал приносить пользу собственному народу, и стали страдать слабые и беспомощные, то приговор автора суров: Бахрам гибнет на охоте вместе со своей свитой. Тем самым, Алишер Навои предостерегает правителей от совершения неблаговидных поступков и призывает их к справедливости.

И, наконец, последняя поэма цикла **«Стена Искандера»**. При ее написании Алишер Навои тщательно изучал научные источники с тем, чтобы наиболее полно и достоверно изложить исторические факты, связанные с жизнью и походами величайшего полководца Александра (Искандера) Македонского. Вместе с тем, поэма не лишена художественного вымысла и авторских оценок.

Создавая поэму о великом полководце и правителе, Алишер Навои ставил перед собой цель показать сильного, мудрого и справедливого правителя. Не случайно, что вокруг Искандера находятся крупнейшие ученые, философы того времени, являющиеся его наставником. В связи с этим особое место уделено в поэме назиданиям, которые содержатся в беседах Искандера и его учителя Арасту. Мудрый учитель

дает научно обоснованные ответы на все вопросы правителя. При этом все ответы иллюстрируются рассказами, подтверждающими его правильность.

Описывая походы Искандера, автор восхищается его умением везде устанавливать надлежащий справедливый порядок. Войско и народ любят своего правителя.

– Через описание действий Искандера, раскрытием его характера и, прежде всего, его сильных сторон, Навои создал правдивый и цельный образ правителя. Он показал, вместе с тем, и тщетность его суетных стремлений, вложив особый смысл в описание картины его болезни и смерти.

В целом, поэму «Стена Искандера» отличает строгая композиция глав, состоящих из описаний действий, назиданий и рассказов, что придает завершенность каждой главе. Авторские лирические отступления придают произведению особый настрой.

Завершение «Хамсы» именно данной поэмой нужно рассматривать, на наш взгляд, как страстное желание автора еще раз в концентрированном виде изложить свои взгляды на общественное устройство, на жизнь и многие нравственные устои и категории.

В 1499 году Алишер Навои пишет свою шестую поэму **«Язык птиц»**, которая хотя и не входит в его «Хамсу», но тесно к ней примыкает. Написана она под влиянием поэмы «Речи птиц» известного персидского поэта Фаридуддина Аттара, которая произвела в свое время на поэта глубокое впечатление. «Язык птиц» – это сложная философская поэма, в которой посредством аллегорических образов и богатой символики Навои излагает свои взгляды на действительность, религию и многие другие важнейшие вопросы жизни. В центре его поэмы находится человек – тень бога. Но тень, полная мудрости и сознания:

Как сокровище скрыт он, и суть его – тайна,
Блещет в зеркале мира красы его тайна.
И когда он явить себя миру решил,
Он затмил своим блеском сиянье светил.
И в лучах его солнцеподобного блеска
Сто мильонов теней обозначились резко.

И к теням, засверкавшим по дальним просторам,
Вездесущим своим обратился он взором.
Образ птиц всего мира, все их существо –
Знай: то тень многомудрой природы его.

С большим мастерством Навои выражает свое отношение в поэме к суфизму. Представитель суфизма и его проповедник выведен в образе Удода. При этом Навои свои прогрессивные идеи развивает в рассказах, которые приводятся автором как иллюстрация к ответам Удода на разнообразные ответы птиц.

В последние годы жизни Алишер Навои создает прозаическое произведение **«Возлюбленный сердец»**. В этом произведении поэт в художественной форме излагает свои социально-политические, философские и морально-этические взгляды, жизненные воззрения. Он создает яркие характеры и портреты, использует многочисленные художественные приемы. Произведение изобилует стихами, небольшими рассказами, афоризмами.

«Возлюбленный сердец» состоит из трех разделов. В первом разделе «О нравах и поступках людей» автор пишет о социальных сословиях и о людях, занимающихся различными ремеслами. В сорока главах раздела Навои последовательно говорит практически о всех: начиная со справедливых царей и заканчивая кутилами, дервишами и нищими. Он дает им оценку, считая, что лишь люди труда, особенно дехкане, заслуживают почета и уважения. При этом Алишер Навои считает, что жестокость со стороны властей не допустима. Власть должна не подавлять, а создавать условия и контролировать жадных и аморальных ростовщиков и людей им подобных. В этом разделе книги много интересного и поучительного. Важно отметить, что практически после каждого прозаического текста автор приводит небольшой поэтический отрывок (бейт, рубаи, масневи), подтверждающий его суждение.

Во втором разделе, состоящем из десяти частей, автор выражает суждения о морали, об основных человеческих качествах. Можно привести названия некоторых из частей, чтобы убедиться в том, какое важное значение придавал На-

вои нравственности: о покаянии, о довольстве малом, о терпении, о любви и т.д.

В третьем разделе содержатся многочисленные нравоучительные рассказы, мудрые и красивые изречения. Вообще произведение «Возлюбленный сердец» является одним из лучших образцов узбекской прозы.

Алишер Навои был не только выдающимся мастером художественного слова, но и известным литературоведом своего времени. Он создал три замечательных литературоведческих произведения, которые до сих пор не потеряли своей актуальности.

Наиболее значимое литературоведческое произведение Навои – **«Собрание избранных»**. Это сочинение, написанное в жанре *тазкира* в виде небольших статей о жизни поэтов с приведением наиболее интересных образцов их творчества. По своей сути являет собой своеобразную авторскую антологию поэтов, живших до XVI века.

«Собрание избранных» было написано Алишером Навои в 1491–1492 гг. и доработано в 1498–1499 гг. Сочинение содержит восемь разделов – мажлисов, отображающих собой определенную группу поэтов.

Другое литературоведческое произведение Алишера Навои – **«Весы стихотворных размеров»** написано в зрелые годы. Оно не только отражает весь комплекс теоретических познаний гениального поэта в области стихосложения, но и является первым в тюркоязычной литературе обобщением того, чего достиг *аруз* вплоть до XV века. В глубоко теоретическом сочинении автор изложил основы главного типа стихосложения на материале тюркоязычной литературы.

Алишер Навои является автором и лингвистического трактата **«Суждение о двух языках»**. В этом труде автор на основе богатого литературного опыта разрабатывает теоретические основы узбекского литературного языка и показывает его богатство и красочность. При этом он подверг жесткой критике всех тех, кто не верил в неисчерпаемые возможности узбекского языка и его историческую роль.

Алишер Навои – человек передовых взглядов, гуманист, которому были чужды идеи национальной исключитель-

ности. Герои его произведений – представители разных национальностей. Все они наделены самыми прекрасными душевными качествами, дружны и не мыслят жизни друг без друга. И единение людей спасает их от всех бед и невзгод:

Кто одиночество избрал себе судьбу –
Не человек: свою он обокрал судьбу.
Он и с людьми – один, все дни его горьки:
Слыхал ли кто хлопки единственной руки?!

Алишер Навои относится к числу тех художников слова, которые занимают особое место в истории мировой литературы. Его бессмертные творения стоят в одном ряду с произведениями величайших поэтов мира, его гуманистические и патриотические идеи, идеи дружбы и любви близки и дороги всем поколениям людей.

Лейли и Меджнун

Поэма

Отрывки

(Отец Кайса, глава арабского племени Амир, «вымолил» сына уже на склоне лет. Ребенка окружили заботой и лаской, но «страданье было неразлучно с ним и вырастило мальчика больным». Еще в школе, впервые увидев Лейли, Кайс обезумел от любви к ней.):

Любви пригубил чашу в первый раз,
Хлебнул глоток – и опьянел тотчас.

(Лейли не осталась безучастной.)

Волненье Кайса ей передалось.
Он для нее прозрачным стал насквозь.
Лейли глядит – и видит только страсть,
Да, и она любви узнала власть!
И с тонкостью понять ему дала,

В каком она огне, и поняла
Потом сама: «Когда ему сейчас
Не помогу, - для посторонних глаз
Он явной сделает мою любовь,
Мы встретиться тогда не сможем вновь,
Ему не разрешат учиться тут,
Преграду между нами создадут».
И молвила, глаза подняв с трудом:
«Друзья мои! Давайте в сад пойдем,
Всей школой хорошо гулять в саду!..»
Ученики ликуют: раз в году

Такая радость красит долю их:
Учитель отпустил на волю их!
И Кайс, усилье сделав над собой,
Смешался тоже с резвою гурьбой…

(Так уже с первой встречи жестокие нравы того времени мешают счастью Лейли и Кайс. Лейли сдержаннее, сильнее Кайса, но она не в силах противостоять обществу.

В школьном саду силы покинули Кайса, он обезумел от любви к Лейли, стал одержим ею. Но не легко далось ему возникшее чувство. Дома он сгорал от стыда перед отцом и матерью. Он не знал, как примирить свое стремление к Лейли с традициями, с обычаями людей его племени.):

Любви отдаться? От людей бежать?
Но жалко покидать отца и мать.
Найти покой среди домашних вновь?
Но топчет сердце властная любовь!

(Среди этих страданий даже пес из стана Лейли кажется Кайсу счастливцем. «Ты можешь в стан к прекрасной, к ней! Твоя судьба – хранить и хлеб, и кров. Моя судьба – бродить вокруг шатров».

Узнав, что Кайс по ночам уходит из дому к стану Лейли, родители поняли, что у них непоправимая беда.):

И вот Меджнуном прозван с юных лет.
«Меджнун, Меджнун!» – ему неслось во след.

(Отец Лейли, блюдя свою честь, не только не согласен отдать дочь в жены Кайсу, но грозит войной его племени, если Меджнун не будет лишен свободы.)

Безумца притащили в отчий дом,
Надели цепи на него потом…

(Но и прикованный к цепи, Меджнун думал только о Лейли… Между тем в Лейли влюбился знатный и богатый араб Ибн-Селям (Ибн-Салам). Отец Лейли дал согласие выдать дочь за Ибн-Селяма, но просил только потерпеть «некий срок: у розы как бы сломан стебелек…». Узнав о решении отца от болтливой старухи, Лейли лишилась чувств.)

Сознание покинуло ее,
Старуха сердце вынула ее!..
«В одном Меджнуне – царство для нее,
О, как найти лекарство для нее?..»

(Родители Меджнуна, ища средства к излечению сына, отправляют его в паломничество к святыням Мекки. Но и здесь он, обращаясь к Аллаху, думает только о Лейли.)

«…Несчастный пленник, проклятый судьбой,
В цепях любви стою перед тобой!..
Но все же я не говорю: «Спаси!»
Не говорю: «Мой пламень погаси!..»
Я говорю: « Огонь раздуй сильней!
Обрушь трикраты на меня камней!..»
Мне люди скажут: «Вновь счастливым будь,
Забудь свою любовь, Лейли забудь…»
Бесчестные слова! Позор и стыд!
Ужели бог таких людей простит?..
Геенну заслужил я? Раскали
Геенну – страстью пламенной к Лейли!

Достоин места я в твоем раю?
Дай вместо рая мне Лейли мою».

(Паломничество в Мекку только укрепило любовь Меджнуна. С тех пор он также стал поэтом.):

Когда блеснет в мозгу Меджнуна свет, –
Он – дивных слов кудесник, он – поэт.

Войдет безумие в свои права, –
Он говорит нелепые слова…

(Уйдя из отчего дома, Меджнун стал жить в степи, самоистязаясь, делясь своим горем лишь со зверями. Встретивший его здесь глава племени Науфаль был покорен чистотой любви Меджнуна, но упрекал его за уход от людей.):

Творения светило – человек,
Предвидения сила – человек!

(Предложив Меджнуну помочь в его горе, Науфаль берет его к себе. В послании к отцу Лейли Науфаль осуждает его суровость к влюбленным и грозит ему нанести обиду, если он будет и дальше мешать счастью Лейли и Меджнуна. Но отец Лейли не внял посланию Науфаля. И началась война… Победа была уже на стороне Науфаля, и отец Лейли решил, чтобы не быть полоненному вместе с дочерью, убить ее, как внезапно все изменилось. В вещем сне Меджнун узнал о разгоревшейся с племенем Лейли войне. Тотчас он явился к Науфалю и уговорил того прекратить кровопролитие.)

Одобрил весь народ его слова:
«Уйдем назад, пока Лейли жива!»
И с войском удалился Науфаль,
А Кайс помчал коня в степную даль...

(Племя Лейли заподозрило, что внезапно отступивший Науфаль, прибегнул лишь к военной хитрости. Чтобы не по-

пасть в окружение, оно покинуло свои становища. Сюда, к опустевшему жилищу Лейли, направился Меджнун. По дороге встретил он Зейда, бедного одноплеменника Лейли, которого одарил своей одеждой и конем. Зейд покорен любовью Меджнуна к Лейли и становится их письмоносцем.
Образ Зейда, по-видимому, сравнительно поздний. Его нет в ранних списках «Лейли и Меджнуна» Низами. Но связанное с ним посещение Меджнуном места покинутого становища племени Лейли – удачно использованная Навои арабская трагедия. Навои ее оживляет, вводя изумительный по силе рассказ о заботе, проявленной Меджнуном по отношению к покинутому всеми больному, покрытому язвами и гноем псу.

Узнав от Зейда о Меджнуне, Лейли снова загорелась страстью; она пишет ему в ответ, что хочет, «чтобы в мире были только ты и я». Но Лейли понимает свою социальную приниженность, как женщины, свое рабское положение. Она говорит, что не имеет даже той относительной свободы, которой пользуется Меджнун, как мужчина.)

Хотя недугом страсти полон ты,
Но ты мужчина, в страсти волен ты,
Куда захочешь, можешь ты пойти, -
Одни колючки встанут на пути!
Пойдешь ли в горы, побежишь ли в дол, -
Тебе не станет цепью твой подол!
О, мне запрещено покинуть дом,
Я связана и страхом, и стыдом!

(Лейли слышала, что Науфаль хочет женить Меджнуна на своей дочери. Хотя она и не верит этому, но во имя любви к Меджнуну желает ему счастья. То же и Меджнун в своем ответе возлюбленной говорит о дошедшем до него слухе о выдаче Лейли замуж за Ибн-Селяма. Вводя эти моменты в письма, Меджнуна и Лейли, Навои как бы хочет подчеркнуть, что его романтической паре не чужды людские страсти. Характерно также, что Меджнун во всем винит Лейли. «Я, - говорит он, - безумен по твоей вине… Свою вину ты приписала мне». Только в безумии он не мог согласиться на

войну Науфаля против племени Лейли, в чем его упрекнула возлюбленная. Тем временем пришли последние дни отца Меджнуна. Посетив сына в пустыне, он взял его к себе домой, но не в силах был вывести из любовного оцепенения. Меджнун клянет свое безумие, но не может преодолеть его. Он просит лишь прощения себе. Однако в дальнейшем, в минуты отрезвления Меджнуна от любовного наваждения, отец добился согласия его на брак с дочерью Науфаля. В свадебную ночь отданная ему в жены призналась, что любит другого. А тот, скрываясь за стеной, «в руке держал карающий кинжал, от ярости и ревности дрожал…» Дочь Науфаля мужественно высказала Меджнуну волновавшие ее чувства.)

Лейли ты отдал сердце и покой,
Зачем же в брак вступаешь ты с другой?
Отныне тайну знаешь ты мою,
О милости, Меджнун, тебя молю:
Поняв, что я перед другим в долгу,
Что поступить иначе не могу, –

Ты встанешь и покинешь мой шатер,
Не выставив народу на позор.
Из - за меня гонения прими!
Ты строго будешь осужден людьми!..
Меджнун ответил: «В радости живи!
Печальная – счастливой будь в любви!..»
Ей братом стал, ее назвал сестрой,
И вышел он, и скрылся за горой.

(Так, страдая сам от неудовлетворенной любви, он не стал мешать счастью других. Мысли Меджнуна не разошлись с делом.

В ночь, когда Меджнун ушел от дочери Науфаля, состоялась свадьба Ибн-Селяма с Лейли.):

И проповедник высунул язык, –
Он попусту болтать привык,
И закрепил он брачный договор.
И все пошли к Лейли, в ее шатер.

(Лейли решила расстаться с жизнью, но не стать женой нелюбимого человека. Сердечный удар, случившийся с Ибн-Селямом, спас Лейли. Но как не справедливы были законы, как несовершенно устроено человеческое общество, где влюбленные не могут найти счастья! Именно эти мысли выражает Навои, рассказывая о свадьбах Меджнуна и дочери Науфаля, Лейли и Ибн-Селяма. Только вопреки этим законным актам, тайком, Меджнун и Лейли могли увидеть друг друга, смогли встретиться.

В свадебную ночь, воспользовавшись случившимся с Ибн-Селямом сердечным приступом, Лейли тайно ушла из отцовского дома…)

Куда идет? Не ведает сама,
Не видно стана за песком холма!
И в ту же сторону Меджнун идет.
Не сам идет – любовь его ведет.

И приближаются в степной дали
Лейли к Меджнуну и Меджнун к Лейли!..
К Меджнуну подошел его кумир…
Подобной встречи не запомнит мир!..
В едином теле две души сошлись,
В глазу едином два зрачка зажглись…
Слились две капельки живой воды,
Их не разлить, напрасны все труды!..
Не страшен путь греха такой чете:
И даже грех приводит к чистоте.
Кто чистотою равен им, для тех
Во век любовь не превратится в грех.
Влюбленный должен чистым быть всегда:
Любовь желанью грозному чужда!

(Но настало утро. «Ушла Лейли… Пошел безумец по тропам степным». Еще горше стала разлука с любимой. И все же счастье встречи было велико.)

Пускай разлука длилась целый век,
Ты счастлив краткой встречей, человек,

Продлившейся мгновение одно.
Но мне и это счастье не дано!

(Последняя ремарка, вероятно, автобиографична. Навои, как известно, не был женат и не имел детей; видимо, он тяжело переживал это. Не случайно эта тема отражена даже в фольклоре.

Умерли отец и мать Меджнуна. Пролив над их могилами обильные слезы, Меджнун стал сам похож на мертвеца.

Известие о муках Меджнуна сразило Лейли. Она почувствовала приближение конца. И вот,):

Когда, решив покинуть этот свет,
Лейли давала матери завет,
Тогда влюбленный появился вдруг,
Пришел, как верный друг… Нет, вечный друг!
Глаза – глаза желанные нашли:
Глаза одно желание прочли.
Возлюбленная руки подняла,
Возлюбленному душу отдала.
Возлюбленный склонился не дыша:
К возлюбленной ушла его душа.
И поступив, как требует обряд,
Как поступать обычаи велят,
В одних носилках понесли двоих,
С невестой рядом возлежал жених.

(Так, только на смертном одре жестокосердные людские законы стали бессильными перед влюбленными. Меджнуну и Лейли у Навои чужда действенность, активная борьба против гнетущих их условий общественной жизни, против феодальных оков, жертвами которых они стали. Но Навои не только не исключает пути активной борьбы, а призывает к ней. Лейли в своей предсмертной, обращенной к матери песне поет):

Пусть эту розу победил недуг, –
Не плачь, когда цветок уйдет на луг,

И если солнце навсегда зайдет,
Пусть не затмится пылью небосвод.

(В печальных образах Лейли и Меджнуна у Навои выражен протест пртив принижающих человека законов и устоев феодального общества.

В узбекском фольклоре образы Лейли и Меджнуна предстают в глубоко оптимистической трактовке: Меджнун женится на Лейли, и их дети несут в будущее гуманные идеалы своих родителей.)

ФАРХАД И ШИРИН

Поэма

Отрывки

(«Фархад и Ширин» – величественная оригинальная поэма Навои. В ее основу положены предания, к XV в. получившие широкую известность в странах Востока.

Еще в X в. Фирдоуси в «Шах-наме», рассказывая о древнеиранском шахе Хосрове Парвизе, передал волнующую повесть о его любви к Ширин и коварстве сына Хосрова Шируйэ. Низами посвятил этой теме большую поэму «Хосров и Ширин», едва ли не самое выдающееся произведение романтической поэзии на персидском языке. Образ Ширин у Низами заслонил Хосрова; выше Хосрова у Низами и искусный ремесленник Фархад (Ферхад). Лишь путем гнусного обмана Хосров смог убрать со своего пути Фархада: он боялся любви его к Ширин. Но венценосный убийца Фархада сам пал от удара кинжала, направленного рукой его же сына Шируйэ.

После Низами эту тему разрабатывали Амир Хосров (у него Фархад – сын китайского государя), Арифи (поэт XIV в.) и многие другие.

В XIV в. Поэма «Хосров и Ширин» Низами пересказывается на языке тюркских племен. Одну из таких обработок представляет «Хосров и Ширин» поэта Кутба, написанная стихами, по - видимому, в Золотой Орде; тогда же в Египте выходец из кыпчацкого народа Берке - факых снял копию с

этого произведения. Изучив созданные до него поэмы, Навои пришел к выводу, что его предшественники не исчерпали весь ценный жемчуг этой темы. Но поэт не пошел по пути простого состязания с предшественниками):

Соперничать я с ними не дерзнул, –
На путь иной я повесть повернул…
Я сам любовной скорбью угнетен,
Бродить в горах печали осужден.
Настроив сердце на печальный лад,
Создам я повесть о тебе, Фархад,
Нет, о тебе и о Ширин! О вас
Я поведу волнующий рассказ…

(Вначале Навои следует за Амиром Хосровом. У китайского царя (хакана), рассказывает Навои, родился долгожданный сын, отмеченный печатью единственной любви. Отец дает Фархаду блестящее образование. В десять лет «он во всех науках искушен» и имеет «такую стать, какой и в двадцать не дано блистать». Но скорбь Фархада необъятна: он равнодушен к власти, и лишь тема любви волнует его сердце. Чтобы развлечь сына, отец строит Фархаду четыре великолепных дворца; отделка их соответствует четырем временам года. Наблюдая за строительством дворцов, Фархад постигает во всей сложности искусство зодчества. По окончании строительства в каждом из дворцов устраиваются пиры, длящиеся три месяца, но и это не может отвлечь Фархада от скорбных мыслей.

Рассказывая о дворцах и происходящих в них пиршествах, поэт красочно передает картины природы и жизни различных слоев современного ему общества в разные времена года. Вот, например, как говорит он о зиме.)

Жар утеряло солнце, и с утра
Не свет на землю падал – камфара.
А в ясный день был воздух, как хрусталь,
И лед сверкал, как зеркало, как сталь.
От стужи больше всех страдал бедняк:
Он из последних сил дышал в кулак.
В подмышки руки прятал он – и дрог.
И топотом не мог согреть он ног.

Плечами уши закрывал и зяб,
К груди колени прижимал – и зяб…
В ту пору пир шел во дворце Зимы.
Тот зимний пир теперь опишем мы.

(Этот рассказ, помещенный между описанием царских пиршеств, напоминает о царящей в мире несправедливости.

Убедившись в тщетности «весельем сына исцелить», хакан предложил Фархаду взять на себя управление государством. «Горнило государственных забот»», полагал он, «исподволь перекует Фархада».):

О подданных заботясь, что ни шаг,
Верховный страж народных прав и благ,
Усвоит он основу всех основ:
Царь со злодеем должен быть суров…

(Взволнованная речь отца, его завет сыну – управлять так страной, чтоб «счастлив был народ», потрясли Фархада. Он соглашается занять трон, но только через год или два, когда приобретет необходимые навыки. Тем временем в отцовской сокровищнице Фархад находит волшебное «зеркало Искандера» (Александра Македонского) с таинственной надписью, предлагающей нашедшему его отправиться в Грецию и предупреждающей о грозящих ему опасностях.

Вместе с отцом и его войском Фархад отправляется в путь. Народ и знать в Греции их радушно встречают. Хакан заверяет греков, что он пересек пустыни не для грабежа и разорения. Мужественно побеждая опасности, Фархад становится обладателем заветного меча, щита и магического перстня царя Сулеймана (Соломона), а также «зеркала мира». Это волшебное зеркало приводит Фархада в пещеру Сократа. Великий мудрец рассказывает Фархаду об ожидающей его любви и свойствах зеркала Искандера, наставляет его на дальнейший путь и умирает. Вернувшись в Китай, Фархад вновь обращается к зеркалу Искандера. Зеркало оживает, и он видит в нем на фоне горной страны красивую девушку, в которую и влюбляется. Чары ее так велики, что Фархад, подобно Меджнуну, на время теряет силы. Очнувшись он мечтает о побеге в страну возлюбленной. Но как это сделать? Войска отца всегда смогут его настигнуть и вернуть, биться

же против них бесчестно. «Лучше на позор себя обречь, чем на родной народ обрушить меч!» Да и что может сделать он один! Страдания Фархада столь велики, что отец везет его на морской остров для излечения. Но по дороге происходит кораблекрушение, и Фархад, подобранный купеческим кораблем, попадает в Йемен (Юго – Западная Аравия). Прибыв в Йемен, купцы запировали. Но тяжело переживает Фархад разлуку со своей родиной и отцом. Страдая, сводит он дружбу с иноземцем – художником Шапуром (Шафуром). По рассказу Фархада о пленившей его красавице Шапур приводит его в Армению. Здесь друзьям предстает тяжелая картина):

Кляня свою судьбу, самих себя,
Крепчайший камень этих гор долбя,
С надсмотрщиком суровым во главе,
Трудились человек там сотни две –
Изнурены, измучены трудом,
Бессмысленно порученным трудом:
Такой гранит был твердый – ни куска
Не скалывала ни одна кирка!
Да что – куска! – крупинки небольшой
Не отбивалось ни одной тишой!
А те несчастные долбят, долбят…
Поистине не труд, а сущий ад!
Фархад глядел, и сердце сжалось в нем!
Вскипели сразу гнев и жалость в нем!

(Хоть не навсегда Фархад пришел в Армению, но вид несчастных тружеников вызвал в нем такую боль, что он решил им помочь. Выковав себе кирку под стать, он взялся за дело. Знания, приобретенные им в Китае, оказались как раз кстати.):

Киркой взмахнул – и вот уже громит
Он богатырскою рукой гранит…
Так богатырскою своей киркой,
Свершить успел он за день труд такой,
Который непосилен был двумстам
Работавшим три года мастерам…
Теперь звучал не горя – счастья крик:
«Да он один пророет весь арык!»

Спешат начальники к Михин-Бану –
Обрадовать хотят свою луну.

(Прослышав о трудовых подвигах Фархада, правительница Армении Михин-Бану вместе со своей племянницей Ширин едет смотреть его работу. Почувствовав, что близ него та, которую он ищет, Фархад вздохнул так, что «ветер вздоха» сорвал с Ширин покров.):

Едва Ширин свой приоткрыла лик,
Фархад ее узнал и в тот же миг,
С глубоким стоном, мертвеца бледней
Как замертво свалился перед ней.

(Два дня Фархад лежал во дворце без чувств. А едва очнулся, убежал, стал снова пробивать канал. Между тем «стрелой любви внезапной пронзена… Ширин страдала…».

Новая встреча влюбленных произошла на торжестве пуска воды в прорытый Фархадом водоем. Во время пира в построенном Фархадом же дворце):

Ширин к Фархаду подошла: «Я вновь
Пью за тебя и за твою любовь».
И чару осушив свою до дна,
Ему другую поднесла она:
«Пей! Эту чару я тебе даю, –
До капли выпей за любовь мою!»
Два свойства было в винной влаге той:
Одновременно и живой водой
Она была, и ядом. Так Фархад
В живой воде нашел смертельный яд.
Он, сам себя не помня в этот миг,
Взял чару и губами к ней приник…

(Чтобы оценить всю силу этой вдохновенной сцены, закончившейся глубоким обмороком обоих влюбленных от переполнивших их чувств, следует вспомнить, что она создана в конце XV в. В стране, где закон не допускал равенства женщины с мужчиной и где считалось, что до оформления брака не только случайно знакомые юноша и девушка, но и официальные жених и невеста не вправе даже видеть друг-друга. В условиях того времени это звучало как гимн равноправия женщины, песнь торжества человеческой личности,

свободы ее чувств и стремлений. Но пойдем дальше. Слух о любви Фархада и Ширин дошел до иранского шаха Хосрова, в то время искавшего себе новую жену. Подчеркивая, что Хосров уже имеет жену и сына, Навои недвусмысленно осуждает многоженство. Михин-Бану, хотя и понимает выгоду, которую она могла бы извлечь из женитьбы Хосрова на Ширин, отказывает его сватам. Возмущенный Хосров решает начать опустошительную войну против Армении. Любопытна здесь авторская ремарка):

Познанья чару, кравчий, дай скорей:
Глотка вина не стоит власть царей.

Что мощь владык? Обман, насилье, гнет!
Я пью вино страданья за народ!

(Собрав бесчисленные войска, Хосров повел их на армян: «Не помнил мир, чтоб чей-нибудь поход настолько был несправедлив, как тот». Но Михин-Бану не растерялась, она приняла меры к укреплению своей власти в народе. Фархад же, избрав скалу, занимавшую господствующее положение над крепостью армян, решил здесь «осады ждать, чтобы камни в осаждающих метать…». И он метко поражал врагов. На нападки Хосрова влюбленный гневно ответил):

«…Я не хочу, чтоб каждый камень мой
Стал неприятельскою головой.
Но мне, В себе несущему любовь,
Я верю – бог простит и эту кровь.
Тебя он шахом сделать захотел,
Мне – прахом быть назначил он в удел,
Однако дело, коим занят шах,
Стократ презренный прах в моих глазах.
Дорогой гнета день и ночь скача,
Конем насилья все и всех топча,
Ты тем ли горд, что кровь и произвол
Ты в добродетель царскую возвел?
Моею речью можешь пренебречь,
Но странно мне, что ты заносишь меч
И тучу войск на ту страну ведешь,
Куда тебя вела любовь… О ложь!

Свои уста, язык свой оторви –
Ты говорить не смеешь о любви!..»

(Действия Фархада не давали возможности врагу приблизиться к крепости, где заперлись армяне. Неудачны были и дипломатические хитрости Хосрова. В ответ на лживую речь посла Хосрова Михин-Бану превозносит Фархада. Она знает, что Фархад – царевич по крови, но на предпочтение им нищенства царству смотрит как на истинное благородство. После нового свидания с Ширин Фархад стал почти Меджнуном. Как же примирить с меджнунством его активное участие в боевых действиях? Снова и снова возвращается Навои к этому вопросу. Как же, спрашивает Навои, тот, кто сам привержен был к страданьям и слезам, кто проявлял великодушие и человечность, презирал насилье и зло, – теперь поражал войска противника? И Навои достойно ответил на это. Великий гуманист, изобличая вероломного убийцу Хосрова, нашел слова, созвучные и нашему времени.):

Но если спросишь: как же тот, кто сам
Привержен был к страданьям и слезам;
Кто каждому несчастному был рад
Помочь и обласкать его, как брат;
Кто с каждым бедняком сердечен был,
Великодушен, человечен был;
Кто возмущен насильем, гнетом, злом,
Теперь убийство сделал ремеслом? –
То мы напомним: проливая кровь,
Он воевал за верность и любовь
И ужас наводил на тех людей,
Которых на злодейство вел злодей.
Фархад же человеком был – и он
Самозащиты признавал закон.
Да, положенье было таково:
Иль он – Хосрова иль Хосров – его.

Любя Ширин, ее народ любя,
Он поступал как муж, врагов губя.
(Только прельщенный золотом подлец, коварно усыпив

Фархада, предал его Хосрову. Но тотчас «ликующий урод» был наказан Шапуром. Он бросил камень так, что черепки остались от предательской башки. Есть поговорка: «Тверд вловредный лоб, но камень разобьет и медный лоб».

Пленение Фархада не принесло победы Хосрову. Фархад не подкупен, он гневно обличает иранского шаха. Очень выразителен диалог Хосрова с Фархадом):

Х о с р о в. А если я страну тебе отдам?

Ф а р х а д. О шах, становишься ты жалок сам.

Х о с р о в. За дерзость ты заплатишь головой.

Ф а р х а д. Уж лучше казнь, чем разговор с тобой.

(Традиция требовала возвеличения Хосрова. Навои показал его низким злодеем. Фархад, сила и стойкость которого выражают мощь и несокрушимость народа, говорит о готовящемся над ним суде как о несправедливом и недостойном человека зле):

Меня казнить велит он. Таково
Все благородство царское его!
Но это ведь не суд, не казнь, – любой
Ночной убийца так вершит разбой!..
Пока меня палач твой умертвит,
Мне сердце разорвать успеет стыд
За шаха справедливейшего: он,
Обманом победивший, – побежден.

(Хосров побоялся казнить Фархада, ибо даже приставленные к пленнику стражники были покорены его человечностью. Фархад мог бежать из плена, но он знал, что тогда Хосров лишит жизни всех его страдников, - и любовь к человеку не позволяла пойти на это. В этом месте герой Навои несколько непоследователен, он жалеет тех, кто служит злодею. Только в бесплодном меджнунстве находит он выход своей страсти. Но этот путь приводит его к гибели. Поверив подосланной Хосровом старухе о торжестве шаха и гибели Ширин, Фархад разбивает свою голову о камни.

Образ Ширин у Навои отодвинут на второй план. Если у Низами она любит Хосрова и поэтому не может ответить взаимностью Фархаду, то у Навои Ширин Хосрова ненавидит. Наиболее сильно Ширин выражает свои чувства в пись-

мах к пленному Фархаду. Она тоже страдает за свой народ, за то, что ее любовь стала причиной его страданий. С негодованием Ширин отбрасывает даже мысль о том, что палач ее народа может ее любить. Лучше смерть, чем быть его женой, – так пишет Ширин (см. далее).И Ширин остается верной своему идеалу. Проявив заботу о народе, воздав достойные почести останкам Фархада и позаботившись о Шапуре, она расстается с жизнью.

Плененный Фархад пал жертвой обмана. Объявшие его скорбь и печаль были столь велики, что лишили его действенности, беспредельная любовь к Ширин и вера в человека ослепили и не дали ему возможности распознать коварство. Но даже обманутый, Фархад не потерял веру в конечное торжество справедливости. Чувствуя, что часы его сочтены, он завещает месть врагу, он жаждет ниспровержения венценосного злодея.

Это свое желание Фархад поверил ветерку в страстной речи – высоком образе политической лирики. Фархад просит ветерок слетать в Китай и поведать его отцу о бесчестье Хосрова.):

О нечестивце говорить к чему?
Возмездие – один ответ ему!
И потому скажи, – просил Фархад:
«Храбрец Бахрам, мой друг, молочный брат,
Пусть войско соберет и пусть сюда
Придет он для кровавого суда…»

(Фархад требует от Бахрама не откладывать час возмездия.):

И часу не теряй в пути – спеши.
Убийцу моего найти спеши –
Да отвернется небо от него! –
И кровь мою потребуй от него…

(Фархад завещает борьбу против Хосрова; он призывает стенаниями сжечь дворец, престол, венец и Хосрова.

Возмездие свершилось. Хосров пал от руки единокровного сына, а тот был наказан Бахрамом. Молочный брат Фархада заставил отцеубийцу полностью возместить армянскому народу весь ущерб, нанесенный ему вероломным на-

падением Хосрова. На трон Армении Бахрам возвел достойного и мудрого мужа, родственника покойной Мехин-Бану.)

Дабы, держась державных правил там,
По справедливости он правил там;
Чтоб заново страну отстроил он,
Ее богатства чтоб устроил он.
Народам и державам – там расцвет,
Где справедливость есть, где гнета нет!..

Письмо Ширин к Фархаду

«В строках начальных моего письма,
Что за меня напишет боль сама,
Да прозвучит моя хвала тому,
Кто создал в мире черной скорби тьму
И кто обрек на вражий гнев и месть
Людей, чья непоколебима честь,
Кто им разлуку горше яда дал,
Сердцам влюбленным муку ада дал,
Когда он страсти молнию метнет,
И хворост он, и кипарис сожжет;
Низринет он поток любви – беда!
И пустоши зальет, и города;
Он дунет ветром скорби – и для нас
Уже и свет ярчайших звезд угас;
Костер невзгод он разожжет, а дым
Глаза разъест и зрячим, и слепым;
Он камнем гнева, брошенным с вершин,
Равно дробит стекляшку и рубин;
У соловья он исторгает стон,
На пышной розе в клочья рвет хитон;
Он атом на страдание обрек,
Он солнце на сгорание обрек...
Кончаю тут вступление к письму, –
Нет, не к письму, а к мраку самому!
Посланье от лампады к мотыльку,
Увы, гореть уж нечем фитильку!
От саламандры – в капище огня , –
Скажу ясней: Фархаду – от меня.

Тебе, чья крепость горя – горный кряж,
Я, крепости тоски бессменный страж,
Пишу в слезах, измучена судьбой...
О милый чужестранец, что с тобой?
Придавленный горой тоски по мне,
Как ты живешь в той дикой стороне? . .
Тростинку тела твоего, боюсь,
Не изломал бы горя тяжкий груз.
В пучине бед, наверно, тонешь ты?
В костре разлуки как там стонешь ты?
Как корчишься на том огне тоски,
Как сердце разрывается в куски?
Чернеет ли весь мир в твоих глазах,
Чуть о моих ты вспомнишь волосах?
Михраб моих бровей припомнив там,
Как юный месяц, не согнешься ль сам?
Мои ресницы вспомнишь ли, грустя,
Чтоб каждый волос стал острей гвоздя?
Лишь вспомнишь ты мои глаза, скорбя,
Пронзит ли боль стоиглая тебя?
Представишь ли мои зрачки себе
Так, чтобы выжглись клейма на тебе?
Вообразишь мои две розы ты, –
Прольешь ли розовые слезы ты?
О родинке моей мечтать начнешь, –
На ране сердца сколько мух сочтешь?
Без моего лица не в силах жить,
Не хочешь ли и солнце потушить?
Лишен беседы сладостной со мной,
Подолгу ль говоришь ты сам с собой?
Лишь память о зубах моих блеснет,
Не превращаются ли слезы в лед?
Когда вообразишь мои уста,
Блуждает ли в небытии мечта?
Не стали б ямки на щеках моих
Колодцами горчайших мук твоих!
Тебе в плену – моих кудрей узлы
Не будут ли, как цепи, тяжелы?

Не сделаешься ль золота желтей,
Припомнив серебро моих грудей?
Не сделаешься ль тоньше тростника,
Вообразив, как станом я тонка?..
В степи ль, в горах обрел обитель ты?
Обрел постель не на граните ль ты?
Где птица счастья твоего? Увы,
Витает над тобою тень совы!
Лань, говорят, теперь вожатый твой,
Кулан теперь там конь крылатый твой;
В твоей же свите состоят теперь
И птица хищная, и хищный зверь;
Львы у тебя – в стремянных, говорят,
Орлы – в бойцах охранных, говорят;
Царя царей теперь ты носишь сан,
Стал, говорят, велик, как Сулейман.
Но если Сулейману ты ровня,
Царицею Билькис сочти меня.
А если же Билькис я не чета,
Твоей рабыней быть – моя мечта...
О, если бы судьба, чье ремесло –
Творить насилье, сеять в мире зло,
Моей горячей тронута мольбой,
Не разлучила бы меня с тобой!
Была б тебе я спутница и друг,
Всегда бы услаждала твой досуг;
Как солнце, озаряла бы твой день,
Была бы ночью при тебе, как тень;
Ты б ногу занозил колючкой злой, –
Ресничкой извлекла бы, как иглой;
Я волосами подметала б сор,
Чтоб и соринки твой не встретил взор;
А пылью чтоб тебя не огорчить,
Могла б слезами землю омочить;
Хотел бы ты от скорби отдохнуть,
Склонил бы голову ко мне на грудь;
Сгустился б над тобою вечер бед,–
Лицо открыв, я излучала б свет;

А стал бы долгий день тебе невмочь,–
Волос душистых опустила б ночь;
Как амулет надежный от тоски,
Сплела бы на тебе я две руки;
Ты попросил бы зеркало, – и вмиг
Я повернула бы к тебе свой лик;
А воспалился б сердцем и ослаб,
Уст моих сладкий ключ я поднесла б;
Была б твоим светильником в ночи,
А днем хранила б тайн твоих ключи...
Но если мы – всем любящим пример –
Разобщены круговращеньем сфер,
То сможем ли, хотя б расшибли лбы,
Смягчить несправедливый суд судьбы?
Но ты в народах мира знаменит
Тем, что тебе, как мягкий воск, гранит.
Тягчайшие страданья стерпишь ты,
Всех бедствий испытанья стерпишь ты,
И хоть со мной в разлуке ослабел,
Но будь, как витязь, доблестен и смел
И мужество и твердость сохрани,
И в униженье гордость сохрани...
А если скорбь ударит камнем в грудь
И крика ты не сдержишь, – не забудь:
Закон влюбленных не нарушь, Фархад,
Блюди там клятву наших душ, Фархад!
А я, кого разлуки острый меч
На сто частей не пожалел рассечь,

Кого огонь разлуки сжег дотла,
Я – только раскаленная зола.
Но пусть душа на ста кострах горит,
Сильней огня девичий страх горит;
Не испустить на людях вздохов дым,
Не уронить слезы глазам моим!
Будь, женщина, как лилия, скромна,
Будь гордою, как кипарис, она;
Пусть, как луна, сияла б красотой,

Луну хоть затмевала б красотой;
Возлюбленной она примерной будь,
Иль даже ветреной, неверной будь, –
Не дай, господь, ей как-нибудь попасть
В тот плен, которому названье – страсть!
Не дай любви хлебнуть ей через край,
А дашь – мечом разлуки не карай.
Огонь такой любви нет сил снести,
Нет сил, чтоб душу из него спасти!
Спасется ль слабый, малый муравей
От сотни жадных, беспощадных змей?
И хворостинке ль тонкой уцелеть,
Когда ударит молнийная плеть?
О, для влюбленных много страхов есть!
Страшней всего, однако, стыд и честь;
Хоть в судорогах бейся день и ночь,
Лишилась чести – утешенье прочь!
Позора избежать ведь нелегко
Той, кто в любви заходит далеко.
Пускай вздыхает так, что семь завес
Поднимутся со всех семи небес,
Но ей с лица не снять покров стыда,
Ей от людского не уйти суда!
Твоя печаль, я знаю, тяжела,
Но не подумай, что моя мала.
И все же, вспомнив о тебе, Фархад,
Свои страданья множу я стократ.
Я – пленница любви твоей, и вот –
Мой стон, мой вопль пронзает небосвод.
С тобой в разлуке я забыла смех,
Мне без тебя на свете нет утех:
Венец мой царский захватил Хосров.
Мой край родной поработил Хосров;
Я и народ мой жить обречены,
Как совы, в тьму пещер заточены;
Нас всех теперь сравнял надменный враг;
Мы все рабы – царица и бедняк.
Те, кто в плену, – мертвы при жизни тут,

Те, кто спаслись, – от страха перемрут.
Все эти беды, весь позор, вся кровь –
Всему причиной лишь моя любовь.
Меня народ возненавидит. Ах!
Его проклятья у меня в ушах!
Стыд перед ним терзает душу мне,
Стыд пред Бану убьет меня вдвойне...
И все-таки скажу я без прикрас:
Моих страданий будь хоть во сто раз,
Не в сто, а в тысячу раз больше будь,
Но только б на тебя еще взглянуть, –
Клянусь, что буду я тверда, как сталь,
Что отойдет с моей души печаль!
Но и сейчас, в разлуке, в этот час,
Что горше самой смерти во сто раз,
Поскольку я еще дышу пока,
Надежду в сердце я ношу пока.
Конец тогда, когда надежды нет,
С надеждой можно отстрадать сто лет!..
Теперь я об одном тебя прошу:
Письмо, что я в смятенье чувств пишу
Пером смятенья, мертвая почти,–
Внимательно прочти и перечти
И, если хочешь облегчить мне боль
Прислать ответ с посланцем соизволь.
Я сохраню твое письмо-привет,
Как тайный, чудотворный амулет,
Оно послужит для Ширин твоей
Охранной грамотой от всех скорбей!..»

Стена Искандера

Поэма

Морское плавание Искандера

Отрывок

Искатель перлов в этом море слов
Так плыл на парусах в просторе слов:
Когда Сократ великий рассказал

Все, что он сам об Океане знал,
Шах, вечной жаждой знанья обуян,
Решил поплыть в безвестный Океан.
И так он обратился к мудрецу,
Что предстоял творенью и творцу:
«Отец! Да буду разумом твоим
В пути далеком я руководим!
И не противоборствовать тебе –
Нет! Будут все покорствовать тебе.
Все это войско за тобой везде
Пойдет теперь по суше и воде.
Ты мыслью мощной, знаньем нам свети
На дальнем, на незнаемом пути!»
И дал Сократ согласье стать главой –
Вести поход неслыханный морской.
Навел порядок он, и чин, и страх
На всех ему подвластных кораблях.
Он знанием владел. Но в трудный час
Ему на помощь приходил Ильяс.
И корабли, как стан морских жилищ,
Помчались клином деревянных птиц.
И посетил великий шах сперва
Все Рума и Фаранга острова .
Все населенье островов сошлось,
Без боя войску славному сдалось.
Поплыли вдаль. Над ними – небеса,
Под ними – бездны водной чудеса.
Как город, плыли по морю суда,
Земные открывая города.
Отдельным Искандеровым полкам
Сократ идти велел по берегам.
А впереди армады корабли
Дозорные и днем и ночью шли.
Вздымались волны, подымая мысль,
На славный подвиг подвигая мысль.
А те, что двигались на берегах,
Вычерчивали, как велел им шах,
Изгибы и заливы островов,

Расположенье гор, долин, холмов.
Чтоб не рассеяться в пути морском,
Корабль соединен был с кораблем.
Канатами чудовищной длины
Суда их были соединены.
Покамест Искандер свершал поход,
Ученые его вели расчет.
Когда же утро прогоняло тьму,
Всходили на высокую корму.
И все, что было нового у них,
Все описанья рыб и чуд морских,
Явившихся из глубины зыбей,
Привязывали к лапкам голубей,
Которых взяли из родной земли,
Дабы до Рума вести донесли.
Так семь морей гремящих, семь убийц,
Не семь морей – семь жадных кровопийц
Прошли на окрыленных кораблях,
Как на плавучих мощных крепостях.
Грозу и бурю дерзко поборав,
Незнаемого много увидав,
Двенадцать тысяч взяли островов;
Чтоб их воспеть – мне не хватает слов.
И совершили описанья их,
И начертили очертанья их.
Так Искандер с громадой кораблей
Прошел и изучил все семь морей.
И лег пред ним, волненьем обуян,
Неведомый великий Океан.
Был обойден семи морей предел.
И голубь – письмоносец – улетел.
А шах, Фаранг вниманием даря,
Пристал на отдых, бросил якоря.
Прошло уже двенадцать лет с тех пор,
Как начал пенить он морской простор.
Возликовали моряков сердца,
Что в плаванье достигнули конца,
Что кончен их страдной тяжелый труд,

Что в скорости на Родину придут,
Но не достигнут был пути предел,
Что муж Сократ свершить им повелел.
Все описания морских широт,
И островов, и чуд безвестных вод,
Хранились на одном из кораблей
Под наблюденьем знающих людей.
Все свитки описаний моряки
В особые слагали сундуки.
На эти сундуки легла смола,
Чтобы вода проникнуть не могла.
Корабль, что нес запас бумажных вех
Увиденного, был громадней всех.
И сундуки со свитками достать
Шах приказал, и все – перелистать.
Морская влага не коснулась их.
И царь велел: «Хоть много свитков сих,
Пусть счетчики пересчитают их,
Пусть мудрецы перечитают их!»
Но их бы не исчислил человек,
И сон ученых к алгебре прибег.
И все пределы знаемой земли
Они в числе едином изрекли.
И в том числе святом увидел шах
Все, что на дальних повстречал морях.
Он стал размеры мира исчислять,
Сам Афлатун был должен помогать.
И всю измерили поверхность вод
По долготе, по поясам широт.
По долготе и широте частей
Исчислили размер планеты всей.
Тот Океан, что омывает мир,
Подобно чаше обнимает мир,
Хоть необъятен этот водоем,
Они измерили его объем.
Узнав строенье мира и морей,
Так молвил сонм всезнающих мужей:
«Когда корабль крылатый девять лет

И семь, быть может, месяцев вослед
Под парусами Океан пройдет, –
Вновь к месту отправленья приплывет.
Коль он уйдет на солнечный восход,
То с запада обратно приплывет».
И, рассчитав экватора длину,
И вымерив морскую ширину,
Решили – к центру Океана им
Пути три года будет с небольшим.
Коль плыть не уклоняясь, то скорей
Они увидят пуп вселенной всей.
А коль попутный ветер будет дуть,
Они в два года свой закончат путь.
Да и обратно столько же идти
По дальнему, безвестному пути.
Вновь Искандер велел суда снастить
И нужным всем припасом **снарядить...**

Газели

(Из сборника «Диковины среднего возраста»)

***

Ну так что ж, коль в сердце милой восемнадцать тысяч смут?!
Ей ведь только восемнадцать, – разве люди не поймут?
Много лет красивым будет этот нежный кипарис,
Если только в восемнадцать знает столько он причуд.
Лет сто восемьдесят будут верной гибелью грозить
Бедствия, что под бровями у нее нашли приют.
Не склоняйтесь изумленно пред царицей красоты,–
Виден здесь художник вечный, вдохновенный виден труд.
Тело – серебро, а сердце – ясный камень в серебре.
Все о ней сказать сумею ль? Разум мой бессилен тут.
Навои с луной расстался, пролил, скорбный, море слез.
В каждой капле нити солнца отраженного цветут.

***

Мука тяжкая разлуки с сердца будет ли снята?
За тревогою тревога, скорбь, тоска и темнота.
Грусть по милой, по отчизне и печаль в чужой земле,

Зло людей, обиды рока – жизни трудной тягота.
Слезы – словно реки бедствий, вздохи – пламени столбы;
Ведь от малого терпенья многих мыслей суета.
День и ночь в бессонном сердце сотни тысяч мук и бед,
День и ночь душа томленьем и страданьем налита.
Чахнет милая. Сто тысяч бед я на себя приму,
Лишь бы ей вернуть здоровье! Вот о чем моя мечта!
Что пошлю я в дар любимой? О гонец, доставь ты ей
Сердца звонкую монету: хоть одна, зато чиста.
Навои сказал: «Пошлю я описанье бед моих»,
Но перо горит – и вспыхнул свиток этого листа.

ЛИТЕРАТУРА XVI–XVII ВЕКОВ

ЗАХИРИДДИН МУХАММАД БАБУР

(1483–1530)

Одним из наиболее ярких представителей этого периода является выдающийся узбекский государственный деятель, гениальный поэт и ученый **Захириддин Мухаммад Бабур**. Он родился 14 февраля 1483 года, по одним сведениям в Андижане, по другим – в Ахси. Он был старшим сыном Омара Шейха-мирзы, правителя Ферганского удела, потомка Темура. Мать Бабура – Кутлук Нигар-ханум – происходила из рода Чингисхана.

После смерти отца в июне 1494 года одиннадцатилетний Бабур при поддержке большинства эмиров и влиятельного духовенства был провозглашен правителем Ферганы и тут же вступил в войну за сохранение власти в отцовском уезде. Отстояв свои права, Бабур повел борьбу с собственными крупными эмирами, поддержавшими позднее в своих личных интересах другого сына Омара Шейха-мирзы.

Несмотря на чрезмерную занятость государственными проблемами, которыми он был обременен с детства, Бабур получил прекрасное образование. Он рано обнаружил свои поэтические способности и всегда находил время для их раз-

вития. Его отец обладал поэтическим даром, но не уделял этому должного внимания. Здесь необходимо подчеркнуть, что темуридские правители всегда приближали ко двору одаренных творческих личностей, материально поддерживая их.

По существующей на Востоке традиции Бабур начал свою литературную деятельность как поэт-лирик. Он писал, главным образом, на родном староузбекском языке. После бессмертных творений Алишера Навои это уже стало нормой: писать не на фарси, а на своем родном языке, хотя и на фарси Бабур создает ряд прекрасных рубаи и фард.

Бабур был очень восприимчив и учился у более опытных поэтов. Известна, например, его переписка с Алишером Навои незадолго до смерти последнего.

Первую законченную газель, Бабур написал летом 1502 г., находясь в окрестностях Ташкента, в возрасте девятнадцати лет. Здесь необходимо отметить, что практически все газели Бабура содержат сведения биографического характера. Каждую из них он писал длительное время, подолгу вынашивая идею, тщательно вырисовывая образную ткань произведения. Он не писал стихов, которые не прошли через его жизнь; он не отражал в них того, чего сам не пережил. Вот один из характерных примеров:

Что о судьбе думать моей? Слишком всесильна печаль,
Где же приют сердцу найти? Ехать в какую мне даль?

Пьяный вертеп, божий ли дом – все предо мной на замке.
Здесь постучусь, там постучусь – разве бездомного жаль?

В мире земном что мне сказать жалкой природе людской?
Слушать их речь? Но человек – или невежда, иль враль.

Что тебя ждет в мире земном, лучше, Бабур, не гадай!
Что суждено, то суждено! А в размышленьях – печаль!

Подобными газелями Бабур во многом нарушил восточную традицию писать в произведениях этого жанра лишь о

любви в самых различных ее проявлениях, либо через любовь завуалированно о других важных проблемах, волнующих автора.

В первой газели поэта всего шесть бейтов. Ею открываются два сборника стихотворений Бабура, известные по введенным в обиход науки рукописям: *парижской* (хранится в Национальной библиотеке Франции) и *стамбульской* (находится в библиотеке Стамбульского университета). Начинается газель со следующих бейтов:

Я наперсницы, кроме души своей, – не нашел,
Бескорыстней, чем сердце свое, – друзей не нашел.

В человеческом сердце я столько ран не видал
И сердечного плена нигде страшней не нашел.

Всего известно три сохранившихся поэтических сборника Бабура. Кроме уже выше указанных сборников, есть еще *рампульский* (хранится в частной коллекции в Индии). В первой рукописи – стихи «туркестанского» и «афганского» периодов его жизни, в рампульском – «индийский». Стамбульский сборник наиболее полный и содержит стихи со всеми периодами жизни Бабура. Последняя газель Бабура датируется 1528 годом. На сегодняшний день известно, что всего Бабур написал 119 газелей.

Существующей связью между содержанием газелей и биографией Бабура является наличие в произведениях конкретных географических названий. Так, например, в одной из своих газелей, относящихся к последнему периоду жизни, поэтом упоминается Индия.

В другой газели Бабур упоминает Ирак и Персию. В последнем бейте этой газели он, в частности, пишет:

Когда б до Ирака и Фарса дошли эти строки, Бабур,
Быть может, Хафиз их признал бы, Салман[1] похвалил бы меня.

[1] Речь идет об известных иранских поэтах Хафизе Ширази и Салмане Саведжи.

Здесь чувствуется не только страстное желание поэта быть признанным у почитаемых им величайших поэтов того времени, но и просматривается давнее желание Бабура объединить прилегающие к Хорасану и Мавераннахру территории, где жили и творили упомянутые поэты.

Кроме газелей Бабур написал более двухсот рубаи, туюгов, кыта, а также масневи и фарды.

Большое место в поэзии Бабура занимает тема родины, с которой он был разлучен. Он всегда тосковал по любимой Ферганской долине, страстно желал вновь встретиться с ней. Его реалистические, как уже отмечалось ранее, стихотворения были связаны именно с его личным восприятием действительности:

Ты на чужбине – и забыт, конечно, человек!
Жалеет только сам себя сердечно человек.

В своих скитаньях ни на час я радости не знал!
По милой родине скорбит извечно человек[1].

Возможно именно поэтому в лирике поэта много грустных интонаций, да и тональность целого ряда газелей пронизана печалью и тоской:

Мне красавиц жестокостью быть потрясенным доколе?
Остриями щипов этих роз быть пронзенным доколе?

Видеть из-за разлуки, любви и соперников злобных
Скорбь – в душе, кровь – в глазах, а себя оскорбленным – доколе?
О, доколе я буду ее подчиняться указке,
Буду я своей собственной воли лишенным – доколе?[2]

Вместе с тем, многие газели Бабура воспевают жизнь и любовь со свойственной на Востоке образностью. Такие стихи наполнены светом и яркими красками:

[1] Перевод Л.Пеньковского.
[2] Перевод Р.Морана.

Зачем ты укрыла свой стан под волною душистых волос?
Ты пряди свои подбери, чтоб лицом любоваться я мог.

Вдали от пьянящих очей я к вину пристрастился, друзья.
И твердо теперь заучил я дорогу одну – в погребок.

Свечою твоей красоты обожжен безнадежно Бабур.
Когда же ты вновь прилетишь покружить надо мной, мотылек? [1]

Особо следует отметить мастерство Бабура-поэта при написании им рубаи и туюгов. Изящные и совершенные по форме, глубокие и мудрые по содержанию четверостишия поэта являются прекрасными образцами жанра:

Чужбине заплатил своею кровью дань я.
Мое лицо давно покрыла пыль изгнанья.
Мне страшно расспросить о том, как ты жила,
Мне страшно говорить и про свои страданья[2].

Несмотря на то, что Захириддин Мухаммад Бабур является великим узбекским поэтом, наибольшую славу ему принесло его замечательное сочинение «Бабур-наме», которое выдающийся востоковед В.В.Бартольд назвал лучшим произведением «тюркской прозы».

«Бабур-наме» содержит описание событий жизни автора, касающихся, в основном, его военной и политической деятельности. С присущей ему прямотой автор описывает свои удачные и неудачные походы, строит новые планы, сожалеет о неосуществимых надеждах, ищет приемлемые решения в сложных ситуациях, особенно после военных поражений.

Перед читателем предстает жизнь, полная взлетов и падений, побед и неудач. Бабур скитается по труднопроходимым горам, занесенным снегом, и пронизывающими холодными ветрами долинам, полных неожиданностей. Он проявляет

[1] Перевод Р.Морана.
[2] Перевод Р.Морана.

мудрость руководителя, а иногда и малодушие слабого человека. Бабур искренне рассказывает о себе и перед читателями предстает человек, который принимал как сильные волевые решения, так и необдуманные и противоречивые поступки, т.е. таким, каким он был в действительности. Он не боялся осуждения потомков. Он всегда стремился стать лучше, достичь во всем совершенства, внести посильную лепту в развитие своего края. Не всегда и не во всем это ему удавалось. Но стремление было всегда.

В своем сочинении Бабур приводит многочисленные события не только из своей жизни, но и из жизни своих родственников, соратников, друзей, людей, окружавших его. Они большей частью объективные, без лишних украшательств и субъективных оценок. Очень ценными в этом отношении являются слова Бабура, сказанные им в адрес своего великого предшественника Алишера Навои. «Алишер бек был человек бесподобный. С тех пор как на тюркском языке слагают стихи, никто другой не слагал их так много и так хорошо. Он сложил шесть книг месневи: пять – в ответ на «Пятерицу» [Шейха Низами] и еще одну – в ответ «Языку птиц», тоже под названием «Язык птиц». Он [также] составил четыре дивана газалей под названиями: «Диковины детства», «Редкости юного возраста», «Чудеса средней поры жизни» и «Полезные поучения старости». Хорошие рубаи у него тоже есть, есть и еще некоторые сочинения, но они ниже и слабее упомянутых…»

Даже по этому отрывку можно с уверенностью констатировать, что Бабур обладал острым умом, умел правильно и по достоинству оценивать лучшее в людях, давать объективную оценку. Его речь характерна лаконичностью и образностью. Автор произведения является не только всесторонне образованным человеком, но и самобытным, умеющим широко мыслить, тактично, аргументированно высказывать свою точку зрения.

«По совокупности сведений и их достоверности «Бабур-наме», – по мнению видного узбекского историка С. А. Азимджановой, – является самым важным и ценным историко-прозаическим трудом, не имеющим себе равных среди

аналогичных сочинений, написанных в средние века в Средней Азии, Иране, Афганистане и Индии»[1].

«Бабур-наме» – состоит из трех частей. Первая его часть посвящена описанию событий в родном государстве Бабура – в Мавераннахре с 1493 по 1503 г. Называется эта часть «Фергана». Вторая часть «Кабул» охватывает события 1504-1506 гг. Третья часть «Хиндустан» повествует о событиях 1506–1529 гг. Каждому году автор посвящает отдельную главу, которые по объему разные: отдельные главы небольшие, другие более объемные и содержат ряд подразделов.

Среди других произведений Бабура известен его знаменитый «Трактат об арузе», написанный между 1523 г. и 1525 г. В нем автор анализирует теорию арабско-персидского канонического аруза с рядом добавлений, связанных с особенностями воплощения этой теории на тюркоязычном материале. Проявляя завидное знание текстов своих великих предшественников и современников, Бабур сопровождает изложение правил построения размеров аруза не только своими стихами, но и Алишера Навои, Лутфи, Хайдара Хорезми и некоторых других. Он, по мнению ученых-арузоведов, посвятил свой научный трактат «принципиально новой области аруза – тюркскому арузу».[2]

Другим показателем незаурядных способностей Захириддина Мухаммада Бабура является изобретение им нового алфавита, так называемого «Бабурово письмо». В нем он использовал арабский алфавит, который попытался серьезно упростить. Он, видимо, считал, что арабская графика чрезмерно сложна и не отвечает требованиям тюркского языка. Вводя новшество, Бабур переписывает своим новым алфавитом Коран и отправляет его в Мекку. Однако алфавит Бабура не получил необходимого в то время разрешения на его широкое применение и вскоре был предан забвению. И все же поражают не только эрудиция и серьезная филологическая подготовленность Бабура, но и страстное желание ввести конструктивные новшества в язык тюрков.

---

[1] Азимджанова С.А. Бабур и его труд «Бабур-наме»// Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент, 1993. С.6.

[2] Стеблема И.В. Захираддин Мухаммад Бабур. Поэт, прозаик, ученый (1483–1530). Ташкент: Фан, 1983. С.25.

Последние годы жизни прожил в столице своего государства Агре. Там он и умер 26 декабря 1530 года. Останки перевезены в Кабул, где и находится его могила.

Газели

О какой клевете говорить? Все дела соперников–ложь.
И какую мне рану открыть? Ты меня изранила сплошь!
На какие блужданья роптать всей моей заблудшей судьбы?
Колеса коварных небес ты с кривых путей не сведешь.
О какой мне поведать тоске, о каком спасенье кричать?
Кровожадной разлуки рука ведь уже вонзила свой нож.

Если в собственном даже краю ты забыт милой своей,–
На чужбине, о сердце мое, неужели верность найдешь?
Что соперников злоба тому, кто от милой так пострадал?
Если роза так больно язвит, то чего от терния ждешь?

***

Что о судьбе думать моей? Слишком всесильна печаль.
Где же приют сердцу найти? Ехать в какую мне даль?

Пьяный вертеп, божий ли дом – все предо мной на замке.
Здесь постучусь, там постучусь, – разве бездомного жаль?
В мире земном что мне сказать жалкой породе людской?
Слушать их речь? Но человек – или невежда, иль враль.
Что тебя ждет в этом мире земном, – лучше, Бабур, не гадай!
Что суждено, то суждено! А в размышленьях – печаль.

Рубаи

***

Желанной цели должен ты добиться, человек,
Иль ничего пускай тебе не снится, человек,
А если этих двух задач не сможешь ты решить,–
Уйди куда-нибудь, живи, как птица, человек!

***

Ты на чужбине – и забыт, конечно, человек!
Жалеет только сам себя сердечно человек.
В своих скитаньях ни на час я радости не знал!
По милой родине скорбит извечно человек.

***

Я в жизни счастья не встречал, с несчастьем связан стал.
Во всех делах – просчет, за все я всем обязан стал.
Покинув родину свою, побрел я в Индустан,
И черною смолой стыда навек измазан стал.

«БАБУР-НАМЕ»

Отрывки

Самарканд

Мало на свете городов, подобных Самарканду. Он принадлежит к пятому климатическому поясу. Самарканд – город, а область называется Мавераннахр. Никакой враг силой и победой не захватывал его, и потому его называют «хранимым городом».

Он стал мусульманским, в бытность Османа, повелителем правоверных, и туда отправился один из сподвижников Куссам ибн-Аббас. Могила его находится у Железных ворот и известна под названием Мазари- шах.

Самарканд основан Александром; монголы и турки называют его Симиркент. Тимур-бек сделал его столицей, чего до этого ни один великий подобно ему, государь не делал. Я приказал измерить, крепость шагами по верху городской стены: оказалось 10600 шагов.

Население его целиком суннитское, правоверное и религиозное, со времени пророка (да богословит его Аллах!) из Мавераннахра вышло столько имамов ислама, как ни из одной страны...

Сады и окрестности Самарканда и еще некоторые туманы орошаются этой речкой. Пространство до Бухары и Каракуля, которые находятся на расстоянии 30–40 ягаджей пути, орошается и возделывается благодаря реке Кухак. Такая большая река вследствие сельскохозяйственных работ

не только не изобилует водой, но даже в летнее время в течение 3–4 месяцев не доходит до Бухары. Виноград, дыни, яблоки, гранаты и даже все плоды хороши и имеются в большом количестве, но два вида самаркандских плодов приобрели известность: это самаркандские яблоки и виноград «сахиби». В Самарканде зимою бывают сильные холода, но снега не выпадает столько, сколько в Кабуле; летом воздух хорош, хотя и не в такой степени, как в Кабуле.

Построек и садов Тимур-бека и Улугбек-мирзы в пригородах Самарканда много. Тимур-бек построил в самаркандской цитадели большой дворец в четыре этажа, который называется Коксарай; это очень высокое здание. Он построил еще близ Железных ворот внутри крепости каменную соборную мечеть, над которой работали большей частью присланные из Индии камнетесы.

К востоку от Самарканда Тимур разбил два сада: расположенный: подальше -Баги-Булды, а более близкий – Баги-Дильгуша. Отсюда до Бирюзовых ворот он провел бульвар, обсадив его с: обеих сторон тополями. В Дильгуша он построил также большой дворец; в нем нарисовано сражение Тимур-бека в Индии.

У подножия небольшой горы Кухак над Канигильским ручьем, который называется Аби-рахмат, он разбил сад под названием Накши-Джехан; когда я его осматривал, он был в разрушенном состоянии и названия его больше не осталось. К югу от Самарканда находится Баги-чинар, расположенный недалеко от городского укрепления; под Самаркандом – сады Баги-шемаль и Баги-бехишт «. Внук Тимур-бека и сын Джехангир-мирзы Мухаммед Султан-мирза выстроил медресе у самаркандской городской стены; могила Тимур-бека и тех его потомков, которые правили в Самарканде, находится в этом медресе.

Из построек Улугбека внутри Самарканда находится медресе и «ханаках»; купол последнего очень высок, и говорят, что нет в мире такого высокого купола. Близ этого медресе Ханакаха он построил прекрасную баню, известную под названием «бани мирзы»; она выстлана всякого рода камнями, и такой бани нет в Хорасане и Са-

марканде. К югу от этого медресе он построил мечеть, которую называют «Мукатта», а называется она так потому, что,вырезав отдельные куски дерева, сделали из них рисунки в стиле«ислими» и китайском и покрыли ими все стены и потолок. Между киблой этой мечети и киблой мечети медресе имеется большая разница; вероятно, направление первой киблы определяли астрономическим путем.

Еще одним высоким зданием является находящаяся у подножия возвышенности Кухак обсерватория, которая служит для составления астрономических таблиц; она имеет три этажа.

Самарканд – удивительно благоустроенный город, и у него есть особенность, которая редко встречается в других городах: для каждого вида ремесла имеется базар, и друг с другом они не смешиваются. Имеются хорошие хлебопекарни и харчевни. Лучшая в мире бумага целиком идет из Кани-гиля, который находится на берегу Сиях-аба; этот ручей называют также Аби-рахмат. Есть еще один самаркандский товар: малиновый бархат; его отправляют в разные места.

Вокруг Самарканда имеются хорошие луга; есть один, известный под названием Кани-гиль, расположен он западнее Самарканда и немного к северу в 1 шаръи от него. Ручей, который называется также Аби-рахмат, течет через Кани-гиль; его воды достаточно для 7–8 мельниц. Кругом этого ручья находятся пруды. Некоторые говорят, что настоящее имя этого луга Кани-абгир, но в исторических книгах пишут Кани-гиль. Это очень хороший луг; самаркандские государи всегда занимали его для своих летних ставок и, выезжая ежегодно на него, проводили там один – два месяца.

Выше к юго-востоку от него находится еще один луг, называемый Хан-горти; он находится в 1 ягадже к востоку от Самарканда. Помянутый ручей проходит через середину луга и направляется к Кани-гилю. В Хан-юрти этот ручей в верхнем течении так разветвляется, что между рукавами образуется место для стоянки войска; при выходе же местность очень узка. Принимая во внимание выгодность этого места, я во время осады Самарканда находился здесь некоторое время...

В Самарканде также есть хорошие туманы, в том числе туман Согд и прилегающие к нему, все очень хорошие. От Яр-Яйлака до Бухары нет и одного ягаджа пути, чтобы не было селения и возделанной земли. Это настолько известно, что Тимур-бек сказал: «У меня сад протяжением 30 ягаджей». Он говорил об этих туманах. Туман Шавдар прилегает тесно к городу и предместьям; это очень хороший туман. С одной стороны его лежат горы, находящиеся между Самаркандом и Шахрисябзом; его деревни большей частью расположены у подошвы этих гор. С другой стороны – река Кухак, несущая свежесть и чистоту, обильная водой и благами. Это очень хороший туман. Путешественники, видевшие Египет и Сирию, не отмечают такого места. Хотя имеются и другие туманы, но они не таковы, как упомянутые. Поэтому я и ограничился ими.

[Только три месяца пробыл Бабур в Самарканде и был вынужден происками враждебных ему беков сдать этот город. В Самарканде установилась власть Шейбани-хана. Но мысль вновь овладеть Самаркандом не покидала Бабура. Осуществить это он сумел только в 1500 г. По сравнению с другими завоевателями Самарканда перед Бабуром, как он говорит, стояли особые трудности].

Что касается меня, то при взятии Самарканда мне было 19 лет; немного дел я видел, да и опыта не имел. Во-вторых, моим противником был Шейбани-хан, человек опытный, много видевший и в зрелом возрасте. В-третьих, никто не приходил к нам из Самарканда, и хотя городское население и симпатизировало мне, но, боясь Шейбани-хана, никто не думал об этом. В-четвертых, мой противник находился в крепости, и крепость была взята, и противник был прогнан. В-пятых, я пришел один раз и вызвал тревогу противника; когда я пришел второй раз, бог помог мне, и Самарканд был завоеван. Сказанным я не имел в виду пустить людям пыль в глаза, и в действительности дело происходило так, как мною изложено.

[Но снова положение Бабура в Самарканде оказалось непрочным. Шейбани-хан опять заставил его покинуть

город. Бабур отправился в Ташкент, к своему дяде султану Махмуд-хану.]

Находясь в это время в Ташкенте, я влачил жалкое и унизительное существование: государства нет, надежды нет. Большая масть нукеров рассеялась, со мной осталось небольшое число. К своему дяде хану я шел иногда с одним человеком, иногда с двумя. Но хорошо было то, что это был не чужой человек, а родственник.

Повидав своего дядю хана, я ходил в Шах-бегим, как в свой дом с голой головой и босыми ногами. В конце концов я был так удручен этим тяжелым состоянием и такой бездомностью, что сказал самому себе: «При такой жизни, куда бы я ни повернул голову, все будет лучше, и в какое бы место ни пошли мои ноги, будет хорошо». Сказав это, я решил уйти в Китай, ибо с детства у меня было стремление совершить туда путешествие, но вследствие царствования и семейных уз ему не удалось осуществиться. Царская власть ушла, мать была при своей матери и младшем брате; препятствия и беспокойство исчезли из головы.

Взяв посредником ходжу Абуль-Макарима, я подал совет, что с появлением такого врага, как Шейбани-хан, туркам и монголам причиняется ущерб. Об этом нужно подумать сейчас, пока ему подчинилось еще немного улусов и он не очень усилился, как говорится в стихах:

Если можешь убить, то сегодня убей.
Не потушишь огня, он сожжет всех людей.
Не давай неприятелю лук натянуть,
Ибо может тебя он стрелою проткнуть.

[Преодолевая трудности, Бабур боролся за власть. В этой борьбе удачи сменялись невзгодами. После одного из сражений с враждебными ему беками, примкнувшими к Шейбани-хану, Бабур с восемью своими сторонниками был преследуем врагами.]

Проживешь ли ты день или целых сто лет,
Но придется покинуть тебе этот свет.

[На этом месте рассказ обрывается во всех рукописях.]

БАБАРАХИМ МАШРАБ

(1640–1711)

Одним из наиболее ярких представителей рассматриваемого периода был, безусловно, замечательный поэт **Бабарахим Машраб**. Фигура интересная и своеобразная. Он прожил яркую и трудную жизнь, наполненную содержательными и неоднозначными событиями. Поэт Бабарахим Машраб родился в 1640 г. в Намангане в семье бедного ремесленника-ткача. Он много и жадно читает, прекрасно знает классическую литературу Востока. Он много путешествовал: побывал в Самарканде, Ходженте, Ташкенте, Туркестане, Бухаре, Андижане, Хотане, Бадахшане, в различных странах Ближнего и Среднего Востока. Не всегда и не везде его принимали хорошо, хотя приезды его не могли быть незамеченными. Около сорока лет провел он вдали от родины: признанный и разочарованный, обласканный и отвергнутый. Трагически закончилась его жизнь. В 1711 г. правитель Балха Махмуд Катаган по настоянию духовенства приказал повесить поэта, вошедшего в историю узбекской литературы как тонкий лирик и непримиримый бунтарь.

Основная часть произведений Бабарахима Машраба известна нам по широко распространенным в народе сборникам «Девона-и-Машраб» («Дивана Машраб»), содержащим и жизнеописание поэта.

В своих стихах он воспевал человека, его мысли, чувства, страсти. Порицание зла и насилия и противопоставление им гуманизма и любви – вот что лежит в основе творчества поэта.

Машраб умело и ярко «вплетает» в ткань своих произведений социальное звучание. Конечно, и его предшественники делали это также умело и талантливо. Но Машраб более откровенен и изъясняется с «сильными мира сего» вполне определенно, без двусмысленности и излишней вычурности:

Всегда ханжой-святошею влюбленный порицается, –
Найду стрелу хорошую на злобу твердолобую!

В жар преисподней прогнанный, Машраб рыдает горестно, -
Твоей любовью огненной расплавить ад попробую![1]

Многое в лирике Машраба автобиографично. Вслед за Бабуром, он писал выстраданные стихи. Они передавали не только его желания и мечты, надежду и чаяния, но и то душевное состояние, которое было своеобразным ответом и защитой от посягательств на его доброе имя, взгляды и саму жизнь.

Без любви творчество даже такого страстного бунтаря и скитальца было бы нечто нереальным. Он имел чувствительную душу, умел любить и ценить это прекрасное человеческое чувство:

Пойду я к жилищу моей дорогой,
С собачьею сворой затею там вой.

Любимою гостьей узреть хоть бы раз
В убогой лачуге моей горевой!

Нет, лекарь, не вылечить раны любви –
Не сыщешь лекарства от болести той.

Слезами я весь небосвод сокрушу:
Текут мои слезы бурливой рекой.

Мечом твоей злости меня обезглавь, -
Пред кем я еще преклонюсь головой!

Лирический герой поэзии Машраба активен. Не случайно в его стихах часто используются глаголы «страсти и борьбы»: совершу, сокрушу, сожгу. И потому сам поэт восклицает:

Машраба памятью минуя, о нем и слова не скажи:
Едва лишь в Судный день вздохну я –
Сам райский сад-цветник сгорит.

[1] Перевод стихов Машраба С.Иванова.

В историю узбекской литературы Бабарахим Машраб вошел как автор глубоких, страстных и взволнованных произведений. Он смело писал о наболевшем и важном, о том, что волнует, в первую очередь, простых людей. И это волновало и продолжает волновать последующие поколения.

Газели

***

О гнет любовных пут, – что сделал он со мной:
Меня стыдится люд – обходит стороной!

От страсти истекли все очи кровью слез, –
Все семь сторон земли захлестнуты волной.

Ханжа, свой пыл тая, к михрабу преклонен,
Михраб мой – бровь твоя, – молюсь тебе одной.

Нагрянул страж сюда – отнять у нас вино, –
Увы, ему чужда суть тайн любви хмельной.

И хоть терплю я, тих, сто тысяч твоих кар,
Ты с мерой сил моих сверяй их груз шальной.

О, как смятен Машраб, безумьем истомлен, –
Ужель ты не могла б хоть раз побыть со мной!

***

Вид явился мне странный: будто вспыхнул закат,
Образ в нем прямостанный – словно пери, крылат.

То – свет лика любимой иль пылает весь мир?
Весь пустырь непрозримый стал цвести, словно сад.

То не ветер ли мчится, мне смятеньем грозя?
Нет, то пыл чаровницы жаром страсти чреват.

Если злой ее власти меня любо казнить,
Сам себя же на части рвать пред нею я рад!

Пестроцветье пригоже в ее вешней красе,-
Да не тронет, о боже, ее тлен – листопад!

Сколько лет я уныло – снег ли, дождь – жду тебя,-
Чаровница забыла, что я мукой объят.

Путь ищи справедливый, – жизнь уходит, Машраб,
Чужд дороге счастливой пленник доли утрат.

***

Если в лад звенящим струнам ладен твой напев, – прекрасно,
Если светишь блеском юным, средь красивых сев, – прекрасно.

Если ты коня к усладам, к пиршествам веселым гонишь,
Если ты смущаешь взглядом дивных райских дев, – прекрасно.

Если в круге моря страсти точку жемчуга отыщешь,
И найдешь твое ты счастье, жемчуг в душу вдев, – прекрасно.

Ну а если ветром скорым вдруг мелькнет Машраб несчастным,
И к нему, не глянув взором, обратишь ты гнев, – прекрасно!

ЛИТЕРАТУРА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

УВАЙСИ

Творчество Джахан Атын Увайси – чрезвычайно интересное явление в истории отечественной литературы. Поэтесса без преувеличения является одним из крупнейших представителей кокандской литературной среды того времени.

Родилась Увайси в 80-е годы XVIII века в Маргилане в семье образованных родителей. Ее отец был ученым, поэтом, который много сделал для воспитания и образования дочери. Именно он заложил в ней основы свет-

ских наук, узбекского стихосложения, что сыграло положительную роль в ее дальнейшей судьбе. Семейная же жизнь Увайси сложилась крайне неудачной. Она вышла замуж за ремесленника Ходжихана, имела двух детей, но довольно рано овдовела. Дальнейшая ее судьба была сложной, полной взлетов и падений, удач и разочарований. Перебравшись в Коканд, Увайси по удачному стечению обстоятельств стала наперсницей жены правителя Умархана поэтессы Нодиры. Их дружба продлилась много лет.

Лирическое наследие Увайси зиждется на почве традиционной восточной поэзии. Это проявляется во всем: в форме, содержании, средствах поэтической выразительности. Она создала произведения во многих традиционных жанрах восточной поэзии, но при этом в ее творчестве наиболее явно проступает одна характерная особенность: это женский взгляд на происходящее вокруг нее, на то, что ее волнует. А волнует поэтессу практически все. Это и, естественно, любовь, и боль утраты, и красота природы, и взгляды на вечные философские проблемы, и еще многое другое, что может волновать человека, влюбленного в жизнь:

Твоя краса – как солнце свет, сияющий с высот мне,
А без тебя мне солнца нет – не светит небосвод мне.

Мне лань степная не нужна, чей мускус благовонен,
Когда твоих кудрей волна благоуханье шлет мне…

Зазорно ль Увайси от ран в беспамятстве кружиться?
Такой моею страстью дан судьбы круговорот мне![1]

Любовная лирика поэтессы отражает весь спектр чувств, переживаемых лирическим героем: от пылкой страстной любви до печали, разочарования, боли утраты.

Если я перед тобой грешна, скрой мою вину, не попрекай,
Если гнетом мук сокрушена, горько я вздохну, - не попрекай.

[1] Здесь и далее произведения Увайси даны в переводах С.Иванова. См.: Увайси. Избранное. Ташкент, 1981.

Кто бы разделил со мной беду, я нигде на свете не нашла, -
Если кровью слез я изойду у скорбей в плену, - не попрекай.

Или:

О, сколь коварен злобный рок:
ой дом и кров – в степях разлук,
Жить без приюта – что за прок:
готов мне саван – доля мук.
Чего мне ждать – каких угроз,
каких мучений, бед и слез?
В руках счастливцев – ветви роз,
я ж от шипов – почти без рук.

Особая заслуга Увайси заключается в том, что она пытается найти и находит свою нишу в многообразном океане восточной любовной лирики. Ее тональность неповторима:

Сначала любовь осрамит тебя своей страстью, о сердце,
Потом меч разлуки сразит тебя своей властью, о сердце.
Но если друг милый забыт – то хуже несчастья, о сердце:
Хоть мысль о нем и грозит тебе стать напастью, о сердце,
Свой дух к отрешенью приблизь – вот суть и основа желанья.

Ряд исследователей называют Увайси поэтессой печали. Во многом это утверждение верное, ибо в ее поэзии достаточно много стихов, отражающих ее тяжелое внутреннее состояние, состояние «матери, лишенной своей «красной крови» – детей»[1].

Лирическое наследие Увайси – это ярчайшая страница в истории узбекской литературы. Если их оценивать в целом, то можно отметить, что стихи поэтессы – выстраданная история любви женщины, прожившей сложную, трудную жизнь. При этом она сумела не только выстоять, но и стать примером несгибаемой воли и таланта. Как это не парадоксально звучит, но ее «печальные стихи» являются, вне всякого сомнения, гимном жизнестойкости и жизнелюбию.

Кроме лирики, перу Увайси принадлежит и несколько поэм. Две из них – «Поэма о принце Хасане» и «Поэма

[1] История узбекской литературы. В двух томах. Ташкент: Фан, 1989. Т.2. С.149.

о принце Хусейне» – о сыновьях-близнецах халифа Али, объединены в одну под общим названием «Карбаланаме». Третья, незаконченная поэма «Вокеоти Мухаммад алихан» («История Мухаммадалихана») о сыне Кокандского правителя Умархана и поэтессы Нодиры.

Судьба Увайси – жизненная и творческая – была типичной для того времени. Ее поэзия и жизнь во многом способствовали развитию творчества многих других поэтесс того времени. Она была одной из первых. Ей было трудно, но Увайси достойно несла свой талант по жизни и проявила при этом большое мужество и мастерство.

Газели

Ему, чье сердце так черство, ловить сердца – одна забава,
А птице сердца моего безумной быть дана забава.

Но всем хмель единенья пить из чаши вечности придется,
И перст смущенно закусить плоха в те времена забава.

Вот диво: людям жизнь свою ценить бы надо, словно жемчуг,
А я, как жемчуг, слезы лью, – не правда ли: чудна забава!

Уж он не ангел ли – мой друг, иль человек, или кудесник?
Играть сердцами верных слуг – лишь шахам суждена забава.

О Увайси, ты суть свою таи перед своим любимым:
Зовешься гостем – гостем будь, – ведь эта нетрудна забава.

***

Ждать, чтоб любовь явила ум, как вы ни ждете, невозможно,
Ждать от безумцев здравых дум при всей охоте невозможно.

Любви томительный недуг и лучший лекарь не излечит,
Увы, луну во тьме разлук вы не найдете, – невозможно.

Безбедные! Вам пользы нет ждать от меня благоразумья,
Быть жертве неизбывных бед у вас в почете невозможно.

О сердце, прозорливым будь: смысл сокровенного не в блеске -
Постигнуть потайную суть по позолоте невозможно.

О, не считайте за порок, что я сожгла себя любовью:
Любовь познать, как мотылек, не сжегши плоти, невозможно.

О Увайси, ты сил не трать – от пересудов не спасешься,
Поверь мне: просто не внимать им надо, хоть и невозможно!

***

Ищу тебя я день и ночь, – ты, луноликий, – всех желанней, –
Не так ли Кайс уходит прочь – искать Лейли в степи скитаний?

Едва вздохну я – и со мной твоих кудрей благоуханье,
Как будто бы пахнул волной душистый мускус тысяч ланей.

Я красоту бровей твоих хвалой немолчной восхваляю,
В беседах всем хвалю я их, всегда – и в поздний час, и в ранний...

Фархаду – слава и почет, хвала Меджнуну и Мансуру, –
Их – образ избранный влечет превыше всех доступных граней.

Прекрасен стан твой – чаровник, чарующ взор очей миндальных,
А твой подобный розе лик – всех дивных роз в саду багряней.

О, Увайси, во мраке бед ты лик любимый прославляешь, –
В нем тебе виден горний свет – лученье благостных сияний.

***

Каждым утром край восхода озаряет снова солнце,
И зачем высь небосвода красит так пунцово солнце?

Кровь оно на небосводе пьет багряными устами –
Потому и при заходе светится багрово солнце.

День и ночь, вчера и ныне, без единой передышки
Бродит в роковой пустыне, как Меджнун без крова, солнце.

Мнилось мне, лишь я – в обиде, что тебя, мой друг, не вижу, –
Нет! Как я, тебя не видя, хмурится сурово солнце.

Мне подобным горемыкам как не ведать посрамленья?
Перед лунным твоим ликом сдаться в плен готово солнце!

«О коварное светило, будь мне другом!» – я молила,
Но сердито лик свой скрыло, не услышав зова, солнце.

О любимом светлом лике, Увайси, мечтай всечасно –
Ведь блестят пылинки-блики лишь в лучах покрова солнца!

***

Как быть мне? Пологом закрыт весь свет моих ланит,
Судьба добра мне не сулит, и счастье мое спит.

И мыслей не шумит поток, и ливень дум иссяк,
Мертвы, не зреют перлы строк, и строй стихов забыт.

О мое солнце, без тебя и солнце и луна
Свой лик скрывают и, скорбя, тускнеют от обид.

Любой виток твоих кудрей – безбожникам зуннар,
А праведным – твоих бровей михраб всегда открыт.

Рассвет любви, закат разлук – все слил в себе твой блеск –
Так ярко сам небесный круг вовек не заблестит.

Твой каждый зов, о, златоуст, стократ меня живил,
Мой дух нектаром твоих уст и в ночь разлук омыт.

О сердце, душу не тревожь, не лей кровавых слез:
Меня ты стоном выдаешь, и мне – позор и стыд.

О Увайси, будь в стороне от всех забот людских:
В пучине слез твоих – на дне сокровище лежит.

***

Пологом твоих кудрей мир затмило, словно чадом, –
Льнут они к красе твоей, словно змеи к ценным кладам.

Строен, розолик, румян, ты подобен кипарису,
Кудри падают на стан, словно ветви, ровным рядом.

Разум, сердце, ум и взор – все кудрями ты чаруешь,
Вводят все они в разор, словно колдовским обрядом.

Муки страсти, муки смут – от твоих кудрей влюбленным –
Не они ли – Страшный суд, грозно всех страшащий адом?

Как смогла я, не пойму, чарам той красы поддаться?
Кудри сердцу и уму и душе грозят разладом.

В твоем стане - дивный лад, и ничто с ним не сравнится,
Лишь на кудри все глядят столь же восхищенным взглядом.

Увайси, мой друг, невмочь от красы благоуханной:
Мучат день ее и ночь кудри своим пряным ядом.

***

Узрела я красу времен – не друг ли это мой?
Венец, задорно накренен, блестит над головой.

Покорную найдешь ли прядь в клубке его кудрей?
И гребешком не расчесать волны их вихревой.

Сказать, что сонмы мертвецов устами ты живишь, –
То значит – лгать наглей лжецов: ты – сам родник живой!

И каждый час и миг – всегда мой друг в моих мечтах,
И страсть моя – как день суда, гонима я молвой.

О мой любимый, взор твой лих: жжет мое сердце кровь,
И в каждой из ресниц твоих – не меч ли роковой?

Влюбленным ведом ли чертог, где смелой силы власть?
Нет, если ты влюблен, – урок влюбленности усвой!

Где нет тебя – моим очам не видно ничего,
Да верит ли моим речам лукавый разум твой?

Ты, Увайси, тоской полна, а друг твой не спросил:
«Что ж ты смиренно так скромна в печали горевой?»

***

Я муки страсти в тот же миг, как родилась на свет, узнала,
Красавца я – Аллах велик! – какому равных нет, узнала.

Обитель сердца – мой покой сияньем страсти озарило,
И я в темнице сей мирской неизъяснимый свет узнала.

И зажурчал любви ручей под животворной сенью Хызра:
Я – как бывает взор очей потоком слез согрет – узнала.

Сколь тяжко люди сих времен меня за дружбу покарали –
За доброту я лишь урон от них и зло в ответ узнала.

И сердце поняло: пора в хмельной приют уединенья, –
Там я радетелей добра и верности обет узнала.

И там, в развалинах, в глуши, где все равны, юнцы и старцы
Таят любовь на дне души, я тайный их завет узнала.

Я в сердце взор вперила мой, и там, в его душевной смути,
Я стан, и стройный, и прямой, оставивший свой след, узнала,

К зерну свидания влеком, парит печальный сокол сердца –
Я в сердце, Увайси, своем гнездовье мук и бед узнала.

Загадки-прибаутки

***

Что такое: вот невеста,
Вся щербинками покрыта,

А завес на ней, завес-то
Как на гурии навито!

(Кукуруза)

***

Две жемчужины морских –
Вид у них бывает лих.
Что за птица: иногда
Зерна сыплет из гнезда?

(Глаза)

***

Не видались два дружка,
Не увидятся и впредь.
А ведь даже волоска
Между ними не продеть!

(День и ночь)

***

Что за птица: не видна, а у перьев – красный цвет?
Скачет день и ночь она – всадников быстрее нет.
День-деньской при ней вокруг – четверо надежных слуг.
Рдеет кровью самоцвет – вот загадка и ответ!

(Сердце; четверо слуг - глаза, рот, уши, нос)

НОДИРА

(1792–1842)

Замечательная поэтесса Махлар-айим Нодира родилась в 1792 г. в семье андижанского хана Рахманкул-бека. Будущая поэтесса получила прекрасное образование, свободно владела как родным, так и таджикским языками. Когда Нодира была совсем юной, то была отдана замуж за кокандского правителя Умархана, который сам был замечательным поэтом, подписывающим свои произведения тахаллусом Амири. Когда поэтессе было тридцать лет, Умархан умер, и на престол взошел его четырнадцатилетний сын. Нодира имела сильное влияние на сына и фактически

принимала активное участие в управлении государством. Она покровительствовала литературе, сделала исключительно многое для развития науки, культуры и образования в крае. В 1842 году бухарский эмир Насрулла захватил Коканд и, обвинив Нодиру в нарушении основных законов шариата, казнил ее вместе с сыновьями.

Литературное наследие Нодиры составляет около десяти тысяч строк, собранныхе в три дивана. Следуя традициям восточной поэзии, она писала на двух языках: узбекском и таджикском. На родном языке она подписывалась тахаллусами «Нодира» (Редкостная) и «Камила» (Совершенная), а на таджикском «Макнуна» (Таинственная).

Жизнь и деятельность Нодиры были предметом изучения еще при ее жизни. Она была заметной фигурой в жизни Кокандского ханства того времени и во многих исторических летописях, поэтических антологиях и иных материалах XIX века содержатся многочисленные материалы о ее жизни, деятельности, поэзии.

Основу поэтического наследия Нодиры составляет тонкая проникновенная лирика. Поэтесса творила практически во всех жанрах классической восточной поэзии, творчески используя лучшие традиции творчества Лутфи, Навои, Хафиза Ширази, Физули, Бедиля. Как и Увайси, Нодиру волнуют самые разнообразные темы. Безусловно, любовь и утверждение благородных идеалов в противовес низменным страстям – вот основной мотив лирики поэтессы:

Тайну чувств береги от толпы,
В сердце тайну взлелей и – уйди.

В путь любви соберись, Нодира,
Слезы-жемчуг пролей и – уйди[1].

Любовная лирика Нодиры – это огромный океан чувств. Это не только взаимоотношения между двумя молодыми

[1] Здесь и далее произведения Нодиры даны в переводах С.Иванова. См.: Нодира. Избранное. Ташкент: Изд. «Узбекистан» 1979.

влюбленными, но и чистота взаимоотношений, душевность, преданность. Ханжество и притворство – злейшие враги порядочных любящих людей:

Когда от недругов-врагов себя убережешь,
Не выдай и друзьям своим – в пылу бесед – любви.

Притворно четки теребя, гордился тем ханжа,
Но, оплетен безверьем, он забыл обет любви.

Когда увидишь, Нодира, аскетов на пиру,
Ты им не выболтай, смотри, святой секрет любви!

Немаловажное место в лирике Нодиры занимает тема разлуки. Цикл стихов «Песнь о разлуке» производит довольно сильное впечатление. Написанные, в основном, после смерти Умархана, поэтесса сумела личные переживания, личную горечь утраты возвести до уровня художественного обобщения. Стихи этого цикла поражают своей искренностью, трогательностью, высокими художественными достоинствами:

Без любимого на сердце – темнота, темным-темна,
Даже свет дневного солнца затянула пелена.
Тонким месяцем от боли стала полная луна,
Я под тяжкой ношей горя стала станом согбена.
Славен час, когда с любимым я была, а не одна!
О скончанье мук разлуки и мечтать я не должна.
Было время, все прощалось мне – грех мой и вина,
А теперь ушел любимый, счастье отнято сполна.
Боже, пусть никто вовеки с другом разлучен не будет –
От того, кто краше жизни, роком отрешен не будет!

Творчество поэтессы Нодиры – яркая страница узбекской литературы первой половины XIX века. Оно тесно примыкает к прогрессивной литературе того времени, когда поэты смело и талантливо писали о человеколюбии, правде жизни, справедливости, утверждая и воспевая идеалы

чистой любви и дружбы. Но не только своим творчеством продвигала Нодира эти светлые мечты и чаяния, но и своей общественной деятельностью. В меру своих сил и возможностей, поэтесса способствовала улучшению жизни народа, сохраняла мир и спокойствие в стране, была справедливой и толерантной.

ГУЛЬХАНИ

Точные сведения о жизни Гульхани (некоторые свои произведения он подписывал тахаллусом Джурат), к сожалению, не известны. Он родился в 70-е годы XVIII в. в Коканде.

Умер поэт в 20-е годы XIX века.

Лирическое наследие Гульхани невелико по объему. Он, как и многие поэты того времени, писал на двух языках. На сегодняшний день обнаружены лишь его двенадцать газелей и одна касыда. Большая часть газелей приведена в тазкире[1] «Мажмуаи шоирон» («Поэтический сборник») известного поэта, литературоведа и критика Абдукарима Фазли, который был современником Гульхани и возглавлял литературный кружок при дворе Умархана. Отличительной особенностью его лирики является их социальная заостренность. Так, например, в одном из своих стихотворений, написанном на газель Амири с редифом «мой перст», Гульхани в самом конце высказывает некоторое недовольство правлением Умархана (Амири). По тем временам это было достаточно смело.

Однако широкую известность и признание получил поэт Гульхани благодаря своему знаменитому сборнику «Зарбулмасал» («Притча») или известному по другим спискам, как «Рассказы совы».

Художественная структура «Зарбулмасала» сложна. Произведение включает в себя вставные новеллы, басни, не-

[1] Историко-литературное произведение, своего рода поэтическая антология.

большие рассказы, в основном, сатирического содержания, объединенные общим композиционным построением. При этом Гульхани украшает свое произведение большим количеством пословиц и поговорок, что делает «Зарбулмасал» ярким, образным и глубоким произведением.

«Зарбулмасал» – сюжетно законченное произведение, написанное как народная сказка, с понятными и близкими народу образами, простым и доступным языком. Во многом благодаря этому обстоятельству оно пользовалось большой популярностью и любовью.

В аллегорических рассказах из жизни птиц и животных Гульхани с большим мастерством пишет о жадных, мстительных и непорядочных феодалах, которые, прикрываясь религиозными убеждениями, благими намерениями, жестоко обманывали и эксплуатировали простых людей: дехкан и ремесленников.

Интересной представляется рассмотрение некоторых басен, которые в полной мере характеризуют произведение Гульхани. Вот, например, небольшая басня «Верблюдица и верблюжонок». Содержание басни следующее: у ферганского караванщика была верблюдица, которая родила верблюжонка. Караван двинулся в путь, когда маленький верблюжонок был еще совсем слаб. Но верблюжонок также пустился в путь. Он сильно мучился в знойной пустыни, стал отставать от матери. По счастью караван ненадолго остановился, чтобы можно было бы поправить груз, находящийся на спине верблюдицы, сбившийся набок.

Тут верблюжонок, что рысцой трусил,
Догнал ее и жалобно спросил:
«Зачем спешишь, бессовестная мать?
Ты видишь, я совсем лишился сил.

Ваш караван ушел так далеко,
Что мне догнать вас было нелегко.
С тобою рядом я хочу идти,
Чтобы сосать в дороге молоко!»

Смотрела мать на милого сынка,
Из глаз ее струилась слез река.
«Я не сама иду, меня ведет
Всесильная хозяйская рука.

Еще не знаешь ты, что я – раба
И ждет тебя такая же судьба.
Да будь пылинка воли у меня,
Я б эту ношу сбросила с горба?»[1]

Наибольшую известность приобрела басня Гулхани «Черепаха и скорпион». В этом произведении, актуальном и сегодня, автор чрезвычайно емко и образно показывает черты характера низких и недостойных людей, которые за добро платят черной неблагодарностью. Их черная душа вместе с черными помыслами неизменно дадут о себе знать в самый сложный и ответственный момент. Но все равно зло не останется безнаказанным.

О ТЕРПЕНИИ

Терпенье распахнет любую дверь.
Терпи - и в цель поставленную верь.
Бесплодные пески, солончаки
Терпенье превращает в цветники.

Терпенье нас от всякой лечит боли.
Оделись розами кусты, что нас кололи.
Терпенье силу нам дает в степи.
Усталость, боль, обиду – все терпи!

[1] Здесь и далее стихи Гулхани даны в переводах С.Маршака. См.: Поэты Узбекистана. Л.: Сов. писатель, 1977. С.314–318.

МУНИС ХОРЕЗМИ

(1778 – 1829)

Наиболее крупным представителем культурной среды Хорезма того времени был талантливый поэт, историк, переводчик и каллиграф **Шермухаммад Мунис Хорезми**. Он прожил недолгую и сложную жизнь, оставив после себя сравнительно большое литературное наследие.

Шермухаммад Мунис родился в 1778 г. в селении Кият Хивинского ханства в семье мираба Авазбея. Его тахаллус «мунис» означает «друг, собеседник».

Получив неплохое образование, трудолюбивый юноша стал углублять свои знания в арабском и персидском языках, чтобы иметь возможность читать в оригинале бессмертные произведения классиков Востока. Творения Фирдоуси, Низами, Саади, Хосрова Дехлеви, Хафиза Ширази, Лутфи и Алишера Навои сыграли исключительно важную роль в формировании и становлении Муниса как поэта. Этот период жизни был, по словам самого поэта, содержательным, спокойным и интересным. Но вскоре, в 1800 году, умирает его отец, и жизнь поэта меняется кардинальным образом.

В поисках средств существования Мунис Хорезми становится писцом указов, а в 1806 году правитель Хорезма Мухаммад Рахимхан I назначает его придворным мирабом.

Творческое наследие Муниса Хорезми разнообразно и сравнительно велико. Свой первый малый диван поэт составил в 1804 году. В 1815 году он дополнил его и выпустил под названием «Мунисул-ушшок» («Друг влюбленных»). Этот диван содержит около 17 тысяч строк, написанных в форме газелей, мухаммасов, мустазодов, туюгов и рубаи.

Основная особенность поэзии Муниса Хорезми – ее простота и доступность в понимании. Он старался понятными словами донести содержание до простых людей. Именно им, в первую очередь, была адресована поэзия Муниса, хотя

речь в его произведениях идет о понятиях, предназначенных для «сильных мира сего»:

Ты хочешь укреплять свои владенья –
Дай людям справедливое правленье.

Где справедливость, там покой и счастье,
А где покой – там красота всевластья[1].

Традиционно для восточной поэзии большое место в творчестве Муниса отведено просвещению и совершенствованию своих знаний и умений. Это произведения, в которых поэт не только с уважением пишет об образованных людях, но и считает чрезвычайно важным стремиться стать таким человеком, обучаться какому-нибудь ремеслу, быть полезным другим людям. Но такие люди, к сожалению, в жизни терпят унижения и даже гнет:

Небосвод! Ты приносишь крушенье надежд,
Разрушаешь состав человека живой.

Устремленных к познанью и к истине ты
Наделяешь особенно горькой судьбой.

Да, ты знаешь, как боль посильней причинить
Тем, кто рвется к познанью умом и душой.

Мало этого, низким советуешь ты
Посылать в твои жертвы стрелу за стрелой.

Немаловажное место в лирике Муниса занимает тема поэзии. Его мысли о роли и значении поэтов разбросаны по всему дивану:

Стих – это башня твердынь, над коей и время не властно,
Высится башня, и время, и вихрь, и тлен презирая.

[1] Здесь и далее произведения Муниса по изданию: Мунис. Избранное. – Ташкент: Изд. лит. и искусства, 1981. – 128 с. (переводы С.Иванова и В.Державина).

Как и любой другой восточный поэт Мунис много и красиво писал о любви. Его любовная лирика и похожа на произведения многих классиков узбекской литературы и, вместе с тем, совершенно оригинальна и своеобразна. Оригинальность и своеобразие его стихотворений о любви заключается в том, что он воспевает конкретную возлюбленную и практически не пишет о любви в целом. Образ его возлюбленной передается лишь посредством авторского восприятия.

Любимая не мучит.
Любая кара поделом жестокого суда мне.

И если радостных услад и райских кущ лишен я,
Мне и цветник – что сущий ад, и сад – сама беда мне.

В диване «Мунисул-ушшок» был помещен также написанный в 1804 году в стихотворной форме трактат по каллиграфии «Саводи таълим» («Обучение грамоте»).

Мунис Хорезми был талантливой и разносторонней личностью. Об этом свидетельствует не только глубина и художественность его произведений, но и тот факт, что даже его труд об оросительных работах в Хорезми привлек к себе внимание специалистов в то время и является одним из немногих ценных материалов, по которым можно судить об ирригационных сооружениях в Центральной Азии.

Мунис Хорезми был также прекрасным переводчиком. Им переведен первый том и часть второго тома известного труда историка XV века Мирхонда «Раузат ас-сафо» («Сад очищения»).

В 1806–1812 гг. Мунис Хорезми писал исторический труд «Фирдаусуль-икбал» («Райский сад счастья») – своеобразную хронику Хивинского ханства. Впоследствии ее продолжил племянник Муниса Агахи. Этот исторический труд состоит из пяти глав и является чрезвычайно важным источником по изучению истории народов Центральной Азии.

АГАХИ

(1809 – 1874)

Мухаммад Риза Агахи родился в 1809 г. в селении Кият Хивинского ханства в семье мираба Эрниязбека, младшего брата Шермухаммада Муниса. В стенах медресе будущий поэт зачитывается произведениями Низами, Навои, Фузули и Бедиля, сам начинает писать лирические произведения, которые подписывает тахаллусом «Агахи», т.е. «внимательный, бдительный»

В 1829 году умер Мунис Хорезми. Агахи было лишь двадцать лет, и он назначается на должность мираба к Аллакулихану, считающейся семейной. Известно лишь, что умер поэт в 1874 году в своем родном селении Кияте. Однако много различных сведений содержится в самих произведениях поэта, в которых Агахи рассказывает о себе и дает оценку прожитой жизни.

Лирическое наследие Агахи известно нам по его дивану «Таъвизул ошикин» («Талисман влюбленных»), который датируется 1860–1865 гг. Однако он постоянно пополнялся поэтом, а также его учениками уже после смерти поэта.

Диван начинается с довольно обширного вступления, в котором излагаются взгляды поэта на жизнь и объясняются причины, побудившие его к созданию этого сборника стихов.

В диване собраны стихи поэта (около 8 тысячи бейтов), созданные Агахи как на узбекском, так и на таджикском (более 500 бейтов) языках. Среди стихотворных жанров, созданных поэтом и включенных в диван, преобладает газель. Однако следует отметить, что Агахи создал произведения практически во всех жанрах классической поэзии, проявив при этом завидное мастерство и самобытность.

Главная тема лирики Агахи является, естественно, любовь. Эта традиционная для жанра газели тема не могла не получить в лирике поэта своего воплощения.

Влюбился…Уже ли души твоей свет не нужен тебе?
Ты ринулся в пламя…Уже ль твой скелет не нужен тебе?

С любимой ты плачущих кровью очей не сводишь. Ужель
Дар зренья, чтоб видеть зарю и рассвет, не нужен тебе?…

Потоками скорби разрушен мой дом. Ужели, скажи,
Скиталец, кому и пристанища нет, не нужен тебе?

Скажи, почему ты всегда с Агахи суха, холодна?
Уже ль наше время постигший поэт не нужен тебе?[1]

Довольно часто встречаются в лирике поэта прекрасные зарисовки природы, традиционные образы восточной поэзии, сочные сравнения и страстные признания:

Ни от звезды, ни от луны не видеть мне свеченья,
Покуда не откроешь ты свой лик хоть на мгновенье.

Или:

Тоскуя о тебе, стеная дни и ночи,
Печален соловей и горлинка больна.

И ты не тяготись, в саду весеннем мною
И роза от шипа сокрыться не вольна.

Когда ты с Агахи, увидеть он способен,
Что в цветнике весна, что в небесах луна.

Говоря о лирике Агахи, необходимо особо подчеркнуть её яркую социально-политическую направленность. В этом отношении поэт выступает последовательным сторонником свободолюбивой лирики Машраба, и в значительной мере подготовил почву для творчества поэтов последующей эпохи, а именно для Аваз Отара. Агахи протестовал против социального неравенства и высказывался по этому поводу вполне определенно:

[1] Здесь и далее произведения Агахи цитируются по изд.: Агахи. Избранное. Ташкент: Изд. «Узбекистан» 1984. – 128 с.

Невежество своею славой сделай и ремеслом,
Когда в мехах ты хочешь встретить холод морозных дней.

У нищего один дирхем увидев, богач дрожит:
Казной владея, этот грош он хочет отнять скорей.

В газелях подобного типа поэт рисует реальную картину жизни:

Руина ветхая, труха – таков дворец вселенной:
Кто думает ужиться в нем – безумец несомненно.

Какое странное жилье: землей покрыта кровля,
И пыль опасности летит, и расшатались стены.

Мечи коварства обнажив, злой умысел скрывая,
Подвохи вкруг его жильцов толпятся неизменно.

Многие социальные проблемы Агахи в своем творчестве озвучивает своеобразно. Для этого поэт использует даже некоторые специфические жанры восточной поэзии. Так, например, его перу принадлежат четыре чистана (стихотворение-загадка), в которых поэт подвергает резкой критике различные пороки существующего строя.

Особое место в творчестве Агахи занимала переводческая деятельность. Так, им переведены на узбекский язык «Семь красавиц» Низами, «Гулистан» Саади, «Кабуснаме» Кайкавуса, «Восемь раев» Хосрова Дехлеви, «Юсуф и Зулейха», «Весенний сад», «Саламан и Абсал» Абдурахмана Джами, «Принц и нищий» Хилоли и некоторых других авторов.

Таким образом, исключительно талантливая поэзия, многочисленные исторические труды и переводы являются ярким свидетельством многогранного таланта Агахи. Его творчество занимает особое место в истории узбекской литературы, и оно оказало заметное влияние на развитие отечественной поэзии последующей эпохи.

ГАЗЕЛИ

Земля весною расцвела и расцвела пустыня,
Все лучшее, все, что могла, нам всем дала пустыня.

Мессия будто снизошла, и даже на чужбине
Повеял нежный ветерок, и к нам не зла пустыня.

Текут ручьи со всех сторон, и дали в райской сини,
Как будто райским уголком вовек была пустыня.

Нам жаждущим веселья быть подобает ныне,
Чтоб чашу щедрую весны нам налила пустыня.

И ветви сыпят лепестки, все, что горело, стынет,
И не сжигает в эти дни нас всех дотла пустыня.

Дарующая силу нам в безмерной благостыне
На праздник, чтобы песни петь, нас позвала пустыня.

Спеши, мой друг, весна кратка: придет она и схлынет,
И власть ее невелика, хоть велика пустыня.

Весна прекрасна, Агахи, но ты не жди в гордыне,
Чтобы тебя от всех скорбей оберегла пустыня.

* * *

Не раскрывайся пред глупцом, ему вверяя слово:
Не человек он, лишь поймет душа людская слово.
Оно алмаз в сердцах людей, и неразумной твари
Не должен ты его дарить, зря унижая слово.
Как знать скотине, что в жмыхе и сене вкус находит,
Какая это у людей вещь дорогая – слово?!
Чтобы тупица понял речь – и красноречья мало,
Напрасно кровью изойдешь, в крови купая слово.
Как невозможно звуком слов влиять на наковальню,
Так и для каменных сердец игра пустая – слово.
Не расточай своих речей скупцу и скопидому,
Со щедрым в разговор вступай, сказать желая слово.

Не трать и слов на дурака: себе цены не зная,
Не может он, конечно, знать, цена какая слову.
Не может пользы он извлечь из рассуждений умных,
И только навредит себе, перевирая слово.
Ты и завистника минуй: возможно ль человеку
Шайтана переубедить, лишь повторяя слово?
Над словом сжалься: не толкуй ты с неучем бесстыжим,
Ведь с отвращеньем от него сбежит, стеная, слово!
Что ты ни скажешь, Агахи, – невежда не услышит,
Пусть даже в ухо затрубит сильней карная слово.

РУБАИ

О ты, мудрец, кому наука покорилась,
Ты знаньем поделись со мною, сделай милость.
Я из последних сил за мудростью пришел,
Чтобы в меня она вошла и укрепилась.

Хоть нищета – позор, я к ней привык, о боже,
Того, к чему я шел, я не достиг, о боже,
Дарован ум одним, досталась власть – другим,
А мне лишь седина и черный лик, о боже!

Творец моей беды – жестокий небосвод,
Причина слез моих – сей мир, что нас гнетет.
А впрочем неба свод и мир не виноваты,
Разлука с милой – вот что спать мне не дает.

Надежды на людей ты не питай напрасно,
Оплошности такой не совершай напрасно,
На сильных мира ты не очень уповай,
Страданий на себя не навлекай напрасно.

ТУЮГИ

Ты обещаний ложных не мечи,
Чем ложь, уж лучше стрелы и мечи,
Всю жизнь твоя неверность убивала
Надежду, что с годами убывала.

Когда твой гаснет день, когда подходит к краю,
И старый конь трусит туда, поближе к раю,
Желание и страсть – ты эти оба зданья
Старайся превратить в обитель обузданья

Я от невзгод ослаб, утратил состоянье,
Но что тебе мое такое состоянье,
Сразившее меня. Тебе и не случилось
Хоть у людей узнать, что же со мной случилось?

Звезда ее зрачков, ее бровей излука,
Хоть и разит меня, словно стрела, из лука,
Все ж тот я человек, что защитит ее,
Иди, соперник, прочь, я – верный щит ее.

УЗБЕКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

МУКИМИ

(1850–1903)

Мухаммад Аминходжа, известный в истории узбекской литературы под тахаллусом **Мукими,** родился в 1850 году в городе Коканде. Он был четвертым из пяти детей в семье пекаря Мирзаходжи и единственным сыном. Семья жила небогато, однако в ней царил культ книг и слова. Мать будущего поэта Айша-биби была поэтически одаренной женщиной, прекрасно знала устное народное творчество и часто рассказывала сыну удивительные истории. Рано познакомился Мукими и с классической литературой, сохранив любовь к ней до конца своих дней. Это были произведения Лутфи, Алишера Навои, Джами, Хафиза, Фузули и других поэтов-классиков Востока. Может быть, именно благодаря их влиянию у Мукими рано проявился талант поэта: свое первое стихотворение он написал в десятилетнем возрасте.

Он в совершенстве овладевает персидским языком, расширяет свои познания во многих областях науки. Именно в период учебы Мукими много пишет. Складывается его творческий почерк, в котором еще много подражательского, традиционно-орнаментального, но сквозь привычные темы и образы слышен голос самобытного поэта. Стихотворения, написанные в традиционном любовно духе, страдают вычурностью и чрезмерной пышностью.

В 1876 г. Мукими, окончив учебу, возвращается в Коканд. В городской аристократической среде молодого талантливого поэта встретили настороженно. Разочарования молодого человека, полного честолюбивых планов, надежд, привели Мукими к пересмотру эстетических принципов, выработке новых литературно-нравственных воззрений:

Мне удачи, к сожаленью, не дала моя судьба.
Мне одни лишь огорченья принесла моя судьба.

Все застлала пыль печали. Зеркало души моей
Черной пылью неудачи замела моя судьба[1*].

Во второй половине 1870-х годов в творчестве Мукими появляются произведения, показывающие возросшее самосознание поэта. Это, прежде всего, стихотворения сатирической направленности.

К началу 1880-х годов несколько молодых поэтов во главе с Мукими организовали кружок и основали новое литературное направление, отличительной особенностью которого стало богатство и разнообразие тематики, стремление отобразить реальную жизнь, в живой динамической форме. Творческая платформа литературной группы Мукими основывалась на принципах реализма, патриотизма, прогресса.

Пережив ряд неприятностей, Мукими, перенес и тяжелое потрясение: умер отец, оставив большую семью на попечение сына. После случившегося поэт уезжает в Ташкент

[1] Здесь и далее произведения Мукими цитируются по изд.: Мукими. Избранные произведения / Пер. Ушаков Н. Ташкент, 1959.

искать места, чтобы помочь семье. Однако в Ташкенте он находится всего несколько месяцев: семья остро нуждается в кормильце:

У нас дурные люди есть, о них я мухаммас сложил.
Давно ушел бы я от них, когда б мне хлеб не нужен был.
Как я без хлеба тронусь в путь, – припасов я не накопил.
Нет у меня проводника. Я бы Аллаха попросил:
Мне – Мукими – путь укажи, мне дай совет, что делать тут?

Недолгое пребывание в Ташкенте было для Мукими полезным, так как благотворно повлияло на расширение кругозора, становление убеждений и совершенствование мастерства.

Поэт жил очень скромно, занимаясь тяжелым и неблагодарным трудом - правкой и перепиской книг. Небольшой доход имел он от публикации своих произведений и стипендии, которую получал, как житель кельи в медресе. В этой тесной и темной келье Мукими жил со своим сыном Акбарходжой и создал свои замечательные произведения, которые обессмертили его имя. Поэт умер в пятидесятитрехлетнем возрасте 25 мая 1903 года, в медресе Хазрат.

Лирика Мукими была поистине новаторской. В своем творчестве он не замыкался в рамках одного жанра или одной темы. Он писал обо всем, что видел и чувствовал, и это вылилось в прекрасные строки истинной поэзии.

С начала и до конца своего поэтического пути он оставался верен лирике. Мукими стремится следовать классическим канонам, быть последовательным учеником своих великих предшественников, особенно Лутфи и Навои. Он создает произведения во всех традиционно восточных жанрах: изящные лирические газели, мурабба, мухаммасы, торжественные и эмоциональные. Конечно, они во многом отличались от лирики поэтов-классиков и, главным образом, тем, что воспевали чувства земного человека во всей сложности его переживаний.

Основная тема лирических стихотворений Мукими – любовь. При всей традиционности лирика Мукими была бли-

же к современности, в ней практически нет устоявшихся в восточной поэзии образов. Его лирический герой живой человек, который верит в идеалы любви, дружбы, в справедливость, прочно стоит на земле, а не витает в заоблачных высях:

Никто из добрых мусульман средь битвы не бросал друзей,
Не кончен бой, и тучи стрел еще летят, а ты ушла.

Мне лучше бы знать тебя, но даже думать я не мог,
Что клевета, позор и стыд сразят, а ты ушла.

Но все ж, красавицу благословляет Мукими,
Он бедняка бедней, тобой он был богат, а ты ушла.

Поэзия Мукими проста и доступна, ей присущи глубокий оптимизм и вера в настоящее человеческое счастье.

Пери, ты лицом светла,
Многих ты с ума свела.
Мне разлука тяжела,
О свидании прошу.

Обещаешь и солжешь...
Ветреница, может, все ж
В этот раз не подведешь,
Сострадания прошу.

Мукими известен и как автор целого ряда произведений в других жанрах восточной поэзии. Им создано 21 стихотворение в жанре *мурабба*. Почти все они написаны на любовную тему. Как отмечают исследователи, стихи этого жанра у Мукими «напоминают монологи главных героев узбекских народных дастанов, обращенных к возлюбленной и выражающих искреннюю любовь, верность, ревность и сомнения»[1].

Вот одна мурабба из творчества Мукими:

[1] История узбекской литературы. Ташкент, 1989. Т.2. С.258.

Ты всех прекрасней; лик увидев твой,
Царица роза сделалась рабой,
Пока живу – твой образ предо мной,
Я далеко, но сердцем я с тобой.

Всем жителям земли признать пора,
Что пери – младшая твоя сестра.
О. горе мне! Разлуки боль остра.
Я далеко, но сердцем я с тобой!

Образная структура стихов Мукими близка и понятна не только его современникам, но и сегодняшнему поколению читателей. Ритм стиха, его музыкальность, лаконичность и емкость сближают лирику Мукими с народными произведениями, стихи перекладываются на музыку и получают широкую популярность:

Её лицо и райский сад – друзья,
Её шаги в раю звенят, друзья!

Её слова, когда она не лжет, –
Отрада жизни, всех услад, друзья.

В историю узбекской литературы Мукими вошел не только как автор прекрасных лирических стихотворений, но и как талантливый сатирик. Вместе с Фуркатом и Завки Мукими стал основоположником нового реалистического демократического направления в узбекской литературе.

Сатира Мукими. Выдающийся узбекский поэт Мукими по своим убеждениям и мировоззрению был демократом. Он прекрасно понимал, что мир стремительно меняется и поэт-современник не может и не должен следовать только традициям, а должен адекватно и талантливо отражать окружающее, быть новатором. При этом, как утверждал сам поэт, мир далек от совершенства. Такое отношение и предопределило сатирическую направленность творчества Мукими.

В центре его сатирических произведений – человек во всех своих проявлениях: в любви и ненависти, в радости

и печали, в трудах и днях его жизни. Новаторство и секрет особого воздействия Мукими заключается в том, что он создает сюжетные сатирические произведения, которые имеют реальных прототипов.

По тематике и в соответствии с объектами критики сатирические произведения Мукими можно условно разделить на три группы.

Первую составляют стихотворения, в которых сатира направлена на бюрократическую сущность местного аппарата управления. Обличительные идеи ярко выражены в таких стихотворениях, как «Землемеры», «Выборы», «Горе нашему краю» и некоторых других. Прикрываясь «законом» и своим правом вершить дела, чиновники различных уровней творили беззаконие – грабили и вымогали.

Мукими выразительно и ярко рисует своих героев, которых он не выдумывает, а списывает с натуры, тем более, что ему не раз приходилось иметь дело с корыстными жестокими чиновниками, и эта тема особенно волновала его:

Я – ваш хоким – богач из богачей.
Добиться надо милости моей.
Дано мне право жечь, топтать, крушить.
Дано мне право головы рубить.
Я захочу и покараю вас,
Я захочу и обласкаю вас...

Ко второй группе относятся сатирические произведения, в которых показаны местные баи, которые вели себя с зависимыми от них людьми как маленькие царьки и тираны, жестоко издевавшиеся над народом. Поэт обличает их в стихах: «Новоявленный бай», «Той», «Продавец чая» и ряде других. В них Мукими не только характеризует своих героев как типичных эксплуататоров, но и как людей с низменными пороками, нечистоплотных, развратных, не имеющих моральных устоев.

В сатирических произведениях третьей группы сатирик развенчивает лицемерие, жадность и глупость местного духовенства, которое, по мнению поэта, разрушает общество,

размывает его духовные устои, хотя призвано, наоборот, их укреплять. К наиболее острым произведениям этой тематики относятся «Сатира на мингтепинского Ишана», «Святой» и некоторые другие. Все они тематически и образно близки стихотворениям Завки, Надима, которые так же смело и талантливо писали о служителях культа, едко высмеивая их корыстолюбие, жадность и чванливость.

В целом сатира Мукими отличается художественным богатством и тематическим разнообразием. Созданная им галерея сатирических образов дала мощный импульс к дальнейшей разработке этого реалистического демократического направления в узбекской литературе.

Несколько слов необходимо сказать и о юмористических произведениях поэта. Им создано около 30 таких стихотворений. Наиболее интересные и известные из них: «О коне», «О грязи», «Об арбе» и некоторые другие. Безусловно, юмористические произведения Мукими тесно связаны с его сатирой – и объектами критики, и юмором – достаточно жестким и горьким». Как и сатира, так и юмор Мукими представляют большую социальную и художественную ценность.

Хотя поэт и выбрал себе тахаллус, который в переводе означает «постоянство», он много ездил и оставил целый ряд путевых очерков, написанных в стихотворной форме. Они не все дошли до сегодняшнего дня, но и те, что мы имеем сегодня, подтверждают мысль о том, что Мукими был поистине поэтом-новатором. Его произведения не только ярки и своеобразны в художественном отношении – они имеют реалистическую сюжетную основу. Все части «очерков» объединяет общая тематика, они написаны четверостишиями, имеют общее введение, динамичное развитие сюжета, четкую концовку, единый ритм, сходные рифмы и редифы.

«*Кто сердцем справедлив, меня поймет...*» – писал Мукими. Потомки выдающегося узбекского поэта не только поняли и приняли его поэзию, но и полюбили творчество Мукими.

Прошение хану от жителей селения Хафалак

Мухаммас на газель Махмура

Ханов хан, владык владыка, справедлив твой каждый шаг.
Месяц в небе – лик твой верный, полон стрел твой сагайдак.
Ты к деревьям бессловесным, а не только к людям благ,
О звезда эпохи нашей, побеждающая мрак,
Благосклонное вниманье обрати на Хафалак!
Саранча кишлак объела, в кишлаке гнездовья змей,
Прямо посреди кибитки кучу строит муравей.
В Хафалаке клещ завелся, пожирающий людей.
Захватил шайтан деревню, измывается над ней:
Селезень стал стрекозою, вялой бабочкой – гусак.
В кишлаке, как совьи дупла, хижины и шалаши.
В норах темных обитают ящерицы да ежи.
Волка встретишь там, не встретив человеческой души.
За огнем пойдешь к соседу, двое суток путь держи.
Тут шалаш, а там землянка – так разбросан твой кишлак.
Люди там едят колючку, от которой мрет верблюд,
Кукурузную лепешку ханским пиром там зовут,
Постный суп из тыквы лучше хафалакцам прочих блюд.
Хафалакцы, голодая, в ступах корни трав толкут
И едят их ежедневно, говоря «наш сумалак!».
Лошади у них калеки, пожалеть бы надо кляч,
А безумцы эти гонят лошадей несчастных вскачь.
Трет песком юнец безусый и почтенный бородач
(Там безводная пустыня, положение хоть плачь)
И лицо себе и руки, умываясь только так.
Острая осока служит ложем этим беднякам,
Женщины, мужчины вместе спят, забыв, что это срам.
Их суфи[5] мычать лишь может, и не знает букв имам.
Их мечеть – нора глухая. Нетопырь летает там:
Зазеваешься – подарит он твоей скуле синяк.
Наготу тряпьем прикрывши, хафалакцы без дорог
Бросились бежать на запад, побежали на восток,
Горько плакали, рыдали: новый заведен налог.
Хафалак однажды утром упорхнул, как мотылек,
Новой подати огромной не внести ему никак.
Ханов хан, владык владыка, самый мудрый из владык,

Снисходить к народным нуждам, справедливый, ты привык,
Знает Мукими, – налога не возьмешь ты с горемык...
Не возьмешь с людей налога, как бы ни был он велик.
Я, Махмур, уверен в этом – пожалеешь ты бедняг.

Землемеры

Творятся дивные дела у нас, –
О них я начинаю свой рассказ,
Пусть он до слуха вашего дойдет.
Кто сердцем справедлив, меня поймет.
Моя беда – начальнику доход,–
Обмер полей бывает каждый год.
Али-ходжа и Хакимджан – друзья;
Их уподоблю новобрачным я.
Один другому о любви поет
(Здесь совершенно ни при чем расчет).
Один хитрец: что ни словечко – ложь.
Другой на дикого быка похож...
Али-ходжа едва с коня сойдет,
Без устали, не умолкая, врет:
«Я, может быть, курчонком вам кажусь,
Но я за вас как следует возьмусь.
Я – сам ходжа, Шахлик-Мазар [6] – мой дед.
И здесь числа моим мюридам нет,
Дядья мне – Эр-Хубби и Нур-Ата,
Родная мне прабабка – Убайда.
Случалось, хаживала к вам она, –
Я был младенцем в эти времена.
Роднёю был сам Хызр моей родне.
Чимликские святые братья мне.
Прославленный ученый, шейх к тому ж,
Я плов могу подать на сорок душ:

Я – ваш хаким – богач из богачей.
Добиться надо милости моей.
Дано мне право жечь, топтать, крушить,
Дано мне право головы рубить,
Я захочу – и покараю вас,
Я захочу – и обласкаю вас».

Еще не кончил речи пустозвон, –
Кишлак трепещет, речью потрясен.
А Хакимджан кричит: «Эй, аксакал,
Ты гостя дорогого не признал,
А я готов начать обмер полей.
Шли четырех работников скорей.
Танаб-веревку протащить могу
По вашему дрянному кишлаку.
По вашим землям твердою стопой
Пройдусь и покажу, кто я такой.
Для вас из кожи лезешь вон, а вы
Не клоните пред нами головы.
Им два за десять, аксакал, считай
Да пошевеливайся, негодяй!
Пусть знают дети потаскух меня!»
Так говорит он, не сходя с коня.
Переглянулись люди меж собой,
Толкуют, спорят, судят меж собой:
«Так не отделаешься, нужно дать,–
И снова будет тишь да благодать»,
А речь держать велели старикам:
«Мюриды ваши назр приносят вам!»
Хоть танабчи и взяли сто рублей,
А все же норовят прижать людей.
Кто правит – тот и прав, мы – никогда.
И в этом наша главная беда.

Вексель

О векселе такое болтают языки –
От векселя повсюду несчастья велики.
Ишан в Алты-Арыке попал к нему в тиски:
Завод решил построить, да руки коротки,
Завода не достроил и умер от тоски.
Он должен быть исполнен, каков бы ни был он.
И золоту богатый не верит с тех времен.
Бедняк, тот и подавно, приказом разорен:
Велят нам пять копеек отдать с любой теньги.
Пришли к хакиму люди, и говорят они:

«Судьба нам подарила страдания одни.
Освободи от пени, – на города взгляни.
Везде в цепях торговля». Едва ль не в те же дни
Проценты стали выше, хоть были высоки.
Коканд в недоуменье, смущен Алты-Арык:
Ни купли, ни продажи, лишь повсеместный крик.
Ремесленники стонут, их стон небес достиг.
Навзрыд торговцы плачут, рыдающий мясник
Себя в мясной развесил, как мясо, на крюки.
Народ снует в тревоге и слезы льет из глаз.
Мы умерли, но палкой бьют посла смерти нас.
О нищете и ценах твердим мы каждый раз.
Я – Мукими – сработал вот этот мухаммас.
Свой зад прикрыв кошмою, мне помогал Завки .

От Коканда до Шахимардана
Путевые зарисовки

Беда! Шипы судьбы моей
Мне сердце рвут на сто
частей,–
Немало видел я людей,
Весьма обиженных судьбой.
Пешком, верхом ли, здесь ли,
там,
Но странствие для нас –
бальзам.
Я разъезжал по кишлакам,
Бежав от жизни городской.
Сарпинку вез попутчик мой,-
Мы доскакали в час- другой.
Селенье звали Ултармой.
Вдали базар кипел толпой.

Не мог я сразу разобрать,
Что это женщин –сотен пять-
Пришли «святого» повидать,
И разглагольствовал «святой».
Спросил я: «Кто тут
мингбаши?»

Ответили: «Иса-хаджи.
Хорош ли, плох он,– сам реши:
Он – мельник, он – богач большой».
Он скажет слово – и соврет...
Все для Иса-хаджи доход.
Он с прокаженного берет,
Мерзавец, негодяй такой.
И в Дурманча лежал мой путь.
Хватаясь каждый миг за грудь,
Я тут всю ночь не мог заснуть;
Я знал, что в Дурманча разбой.
Кази тут главный, говорят:
Он и судья, и адвокат,
Да только все его бранят:
Характер у него дурной.
Опять толпа, опять «святой».
Он обкурился анашой...
Уйдя в колени головой,
Сидит безмолвный и тупой.
Дома в Ок-Ере на подбор,
Но путнику кричит Ок-Ер:
«У нас не постоялый двор!
А ну-ка, проезжай. Не стой!»
Но вот уже и Рашидон,
Его арыками пленен,
Его садами осенен,
Познал я будто рай земной.
Кишлак запальчивых людей –
Проедем Захидон скорей, –
Стыдятся здесь своих детей
Родная мать, отец родной.
Все чисто здесь, везде уют,
Но пакостные люди тут,
Тут в чайхане вам подадут
Не чай – слабительный настой.
Алты-Арык, чтоб он пропал,
Здесь ливень так меня хлестал,
Что я как паралитик стал.

Здесь очень хитрый волостной.
Он праведник; хотя с сорок
Берет пример:все скок да скок,
Схватил кусок и уволок:
Вот он – обычай воровской.
Полушку он зажмет в кулак,–
Ее не отберешь никак.
Уходит от него бедняк
Обиженным, с пустой рукой.
В Чимьене, что тюрьмы темней,
Шелковиц много, но гостей
Убраться просят поживей:
«Проваливай, такой-сякой!»
Вадиль – журчанье светлых вод,
Вадиль – ветвей зеленых свод.
Кто здесь прошел однажды, тот
Познал отраду и покой.

Мой цветник

В красной розе кровь пылает ярко-красная моя.
В каждом стоне соловьином песня страстная моя.
Не страшит меня изгнанье, – все равно в родном краю
Всякого страшней изгнанья жизнь несчастная моя.
Но, когда умру, предайте бренный прах родной земле:
Станет цветником могила беспристрастная моя.
И заговорят народы о поэте Мукими.
Ты не гасни, свет мой чистый, – слава ясная моя.

ФУРКАТ

(1858 – 1909)

Закирджан Халмухаммад, более знакомый по тахаллусу **Фуркат** (*Разлука*), родился в 1858 году в г. Коканде в семье мелкого торговца. Будущий поэт получил хорошее образование в родном городе, прекрасно знал и любил родной язык и литературу и несколько восточ-

ных языков. Это позволило ему познакомиться в подлиннике с азербайджанской, таджикской, арабской литературой, особенно поэзией.

Писать стихи будущий поэт начал еще со школьной скамьи, но знакомство с творчеством многих восточных поэтов дало мощный импульс к развитию его поэтического таланта. Позднее он не раз с восхищением писал о своих великих учителях:

Мы видим совершенство мастерства,
Когда в стихах на месте все слова.

Фирдоуси, Хафиз и Саади,
Чьи имена всегда храним в груди,

Прекрасных много слов произнесли,
Став знаменем поэтов всей Земли[1].

Сложное материальное положение семьи не позволило Фуркату закончить полный курс обучения в медресе. С 17 лет он служит приказчиком и переезжает в Новый Маргилан (ныне Фергана). В 1882 году возвращается в г. Коканд. Это уже возмужавший, умудренный жизненным опытом, сформировавшийся поэт. И его поэзия – зрелая, социально осмысленная, одухотворенная. К этому времени относится знакомство Фурката с Мукими и Завки, сыгравшими важную роль в поэтической судьбе молодого поэта. В своих воспоминаниях Фуркат писал: «Выдающимися поэтами того времени были Мукими, Завки. Мы постоянно собирались и соперничали в сочинении стихов. Выбрав за образец какую-нибудь газель, выражали одну и ту же мысль самыми разнообразными способами. Иногда мы сочиняли газели о любви и красоте или, найдя в диванах древних поэтов какую-нибудь веселую газель, писали каждый по очереди мухаммасы. Другие поэты тоже охотно посещали наши собрания. Если кому-нибудь из нас случалось написать хорошую газель, то люди, обладающие литературным вкусом, просили дать им копию».

[1] Здесь и далее произведения Фурката цитируются по изд.: Фуркат. Избранные произведения. Ташкент: Изд-во АН, 1958.

Стремление к знаниям и совершенству в поэзии – вот слагаемые возросшего поэтического мастерства Фурката.

Изящный бейт! Чтоб написать его,
Отточенное нужно мастерство!..

К нему всегда стремился поэт. И в период жизни в Ташкенте, куда Фуркат переезжает в 1889 году, он достигает этого мастерства.

Изучение русского языка, знакомство с историей, культурой и литературой русского народа позволили Фуркату по-новому осмыслить события, происходившие в крае. Именно здесь истоки демократических взглядов поэта, жаждущего увидеть и познать мир:

Ищущий цветов добра - по цветнику
Совершить прогулку счастлив был Фуркат.

Позднее он будет неоднократно писать об этом в «Туркистон вилоятининг газети». Примечательно, что Фуркат - один из первых узбекских поэтов, который постоянно обращался к публицистике и достаточно активно выступал на страницах газет. И это еще одно свидетельство демократичности и актуальности его творчества.

В 1891 году Фуркат переезжает из Ташкента в Самарканд, а оттуда, через Баку и Батуми, едет в Стамбул. Он посещает города Греции и Аравийского полуострова, Болгарии и Египта, Индии и Китая. Город Яркент стал последним пристанищем поэта. Здесь он обрел семейное счастье и покой. Но всегда, где бы ни был Фуркат, что бы ни происходило в его душе, он тосковал по родине, родному Коканду.

Без вас тоска меня гнетет – один в краю чужом.
Паломников из мест родных встречаю как гостей.

Я вспоминаю вечера по пятницам у нас ...
Звенел ситар, гремел гиджак и, словно соловей,

Певец кокандский Фарзинхан нам радовал сердца
Чудесной песней Фузули ... Что родины милей?!

Любовь к далекой родине, тоска по ней – вот основной мотив творчества Фурката. Будь это послание из далеких

мест на родину, или газель любовного содержания, или мусаддасы – везде звучит тема разлуки:

Когда объял любви огонь бессильного меня -
Разлука стала сердце жечь безжалостней огня.

Но это не означает, что в творчестве Фурката нет произведений иного содержания. Как и поэты-классики, он писал в традиционных жанрах восточной поэзии: газели, мусаддасы, мухаммасы. Есть у него изумительные по своей красоте лирические строки:

Силу тайных чар явили, милая, твои глаза!
Колдовали не они ли, милая, твои глаза?

Устоять ли, если, вскинув луки черные бровей,
В сердце стрелы устремили, милая, твои глаза?

Если губ твоих рубины животворны для сердец,
Все равно ведут к могиле, милая, твои глаза!...

Особое место в творчестве Фурката занимают его **сатирические произведения**, которые по содержанию и форме стали новаторскими в узбекской литературе, как и произведения Мукими, Завки. Если до него поэты прибегали к иносказанию, аллегории для выражения демократических идей и взглядов, то Фуркат одним из первых открыто выражает недовольство:

Посмотрите на кокандских богачей самовлюбленных –
тьфу на них;
Ездят важно развалившись в пароконных фаэтонах, –
тьфу на них;
Суетятся, вертят, кутят ... на чужие деньги.
Куклы, дураки!
Вы в руках у фабрикантов ситцевых или суконных –
тьфу на них!

Поэзия Фурката – поэзия правды жизни. Реалистические тенденции прослеживаются во многих его произведениях, и как человек широких взглядов Фуркат ратует за то, чтобы родной народ избавлялся от феодальной отсталости, развивался и экономически, и культурно.

В поэзии Фурката достаточно сильно и талантливо звучали **социальные мотивы.** Реализм произведений поэта заключался не только в его сатире, но и в стихотворениях просветительского плана. Он писал о науке и образовании, выставках и театре. Таких мотивов еще не было в узбекской литературе. Фуркат стал новатором в реалистическом освещении социальной проблематики. Даже названия его стихов говорят об этом: «О науке», «О музыкальном собрании, состоявшемся в Ташкенте», «О выставке в городе Ташкенте», «Рояль» и т.д. Вот небольшой отрывок из стихотворений «О науке»:

Достигнешь цели ты, наукой овладев,
Осуществишь мечты, наукой овладев.
Осведомленным стань во всех науках, друг,
И каждая из них понадобится вдруг.
Когда же станешь ты и светел и богат,
Припомни, что во тьме жил на земле Фуркат.

Конечно, Закирджан Фуркат был представителем своего времени. Его мировоззрению и миропониманию свойственны обусловленные эпохой и некоторая ограниченность, и прямота. Но в понимании жизни, в осознании необходимости её изменения Фуркат стоял значительно выше своих современников. Он был одним из самых передовых мыслителей узбекского народа.

Творчество Закирджана Фурката многопланово, многогранно и плодотворно. Это ярчайшая страница в истории узбекской литературы. Это не только талантливая, искренняя поэзия, воплощенная в 300 газелях, мухаммасах и произведениях других жанров восточной литературы, но и шесть стихотворных посланий, десятки просветительных маснави, рассказ в стихах, цикл прозаических произведений, условно названный исследователями «Фуркат-наме», трактаты по метрике и этнографии. Своим творчеством Фуркат сумел показать правду жизни, скрытую от простых людей. «*И незнакомый мир нам стал знаком*». Благодаря его талантливой поэзии и творчеству в целом жизнь народа предстает перед читателем во всем её многообразии и сложности.

О науке

О юные друзья! Я обращаюсь к вам,
Внемлите вы моим отеческим словам.
Науке посвящу я этот свой рассказ,
Она – бессмертие и бытия алмаз,
Великий шах земли, державный Искандер,
Вселенную делил на семь обширных сфер.
Подвластен шаху был простор земель и вод,
Для шаха юртою был звездный небосвод.
Заполнили весь мир ряды его полков,
Со всех краев земли собрал он мудрецов.
Преданье говорит, что эти мудрецы
Блистательных наук искусные творцы,
Стараясь угодить владыке своему,
Волшебное стекло изобрели ему.
В стекле волшебном том весь отражался мир,
Под солнечным лучом переливался мир.
И край земли любой, как бы он ни был мал,
Мгновенно в зеркале пред шахом представал.
Но если даже он, великий Искандер,
В чудесном зеркале все семь увидел сфер,
То слышать он не мог все голоса земли –
Об этом и мечтать в то время не могли.
О юноши! Сейчас столетье таково,
Что входит в нашу жизнь, как в сказке, волшебство.
Россия принесла земле счастливый век,
Наукою теперь владеет человек.
Премудрые умы, мечтам народа вняв,
Построили в стране великой телеграф,
И если по нему известие дано,
То путь трехмесячный в час пролетит оно.
Чтоб о событиях обширнейшей земли,
Где бы ни жили мы, всегда узнать могли,
Чтоб с дальним Западом заговорил Восток,
Чтобы на Юге ты услышать Север мог,
Чтоб мог поговорить с далекою Москвой
Любой ташкентец наш, согражданин любой,–
Ученые умы воздвигли телеграф.

И славлю я его, удел певца избрав.
О юноши! Затмил преданья прошлых лет
Российской мудрости неоценимый свет.
Изобретениям науки нет числа, –
Нам их великая Россия принесла.
Достигнешь цели ты, наукой овладев,
Осуществишь мечты, наукой овладев.
Осведомленным стань во всех науках, друг,
И каждая из них понадобится вдруг
Когда же станешь ты и светел, и богат,
Припомни, что во тьме жил на земле Фуркат.

Соловей

Газель

Соловей твердит повсюду о влюбленности своей,
От любви к душистой розе часто стонет соловей.
Слушай, соловей, но разве доказательство любви –
Сесть на розы куст и сбросить лепестки ее в ручей?
Что в любви ты понимаешь? Роза привлекла тебя?
Знаю. Но ведь ты по сути только внешность ценишь в ней.
Да и ценишь-то не очень. Скажем, если хлынет дождь,
Ты, тотчас покинув розу, улетаешь поскорей.
А хоть раз сказал ты розе: «Дорогая, не кичись,
Вспомни о красе тюльпанов, что растут среди полей!»
Нет, такого ты не скажешь. Где ж тебе, невежде знать,
Что не только роза может быть отрадой для очей.
И какой же ты влюбленный... Сад в усадьбу превратил,
Обзавелся соловьихой, свил гнездо, растишь детей.
Слушай, улетай отсюда. Видишь – тучи собрались.
Ох, польет сейчас! Ты сроду не видал таких дождей.
Улетай, поверь Фуркату. Ты теперь не нужен здесь.
Время хочет новой песни. Человеческой. Моей.

Охотник, отпусти газель!

Охотник, отпусти газель! Блуждать ей суждено, как мне.
Сними аркан. Ей на земле защиты нет давно, как мне.
Ей друга прежних светлых дней не встретить все равно, как мне.
Ей горе в тягостный удел назначено одно, как мне.

Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно, как мне.
Немая скорбь ей сердце жжет, и счастья не дано, как мне.
Обрежь аркан, и пусть она, как ветер, веющий с высот,
Умчится в горные луга, где верный друг подругу ждет.
Разлука сердце ей томит, тоскует дух, но где исход?
Ей путы скорби разорви, невыносим их вечный гнет.
Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно, как мне.
Немая скорбь ей сердце жжет, и счастья не дано, как мне.
Оставь ей жизни краткой дни, беспомощную пожалей,
На вешней зелени позволь с газелями резвиться ей.
Пусть из тюльпанов горных пьет росу живительных дождей,
Отдав молитвам за тебя остаток мимолетных дней.
Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно, как мне.
Немая боль ей сердце жжет, и счастья не дано, как мне.
Будь милосерд! Ее удел в пустынях мира одинок.
Будь милосерд! Сними аркан и сократи мучений срок.
Слезами полон взор ее, к слезам будь милосерд, стрелок.
Детеныша хоть пожалей, коль с нею хочешь быть жесток.
Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно, как мне.
Немая боль ей сердце жжет, и счастья не дано, как мне.
В горах тюльпаны расцвели, сияет мир, пришла весна,
Зачем же рок несправедлив и ей одной земля тесна?
Таясь в дому своем, она всегда в тоске, всегда одна,
А если вышла хоть на миг – ей злая гибель суждена.
Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно, как мне.
Немая скорбь ей сердце жжет, и счастья не дано, как мне.
Ты голову ее пригнул, веревку обкрутил вкруг ног,
Поверг, бессильную, во прах и на закланье поволок.
Как чернотой прожжен тюльпан, ей сердце злобой ты прожег.
Но я куплю газель твою, какой ты требуешь залог?
Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно, как мне.
Немая скорбь ей сердце жжет, и счастья не дано, как мне.
Ужель ей в сердце злобный дух вселил безумия разлад?
Она как чаша горьких слез, куда излит страданья яд.
И, как в руинах средь пустынь, дожди печали в ней шумят.
Там сам в разлуке я томлюсь, поэт, чье прозвище Фуркат.
Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно, как мне,
Немая скорбь ей сердце жжет, и счастья не дано, как мне.

ЗАВКИ

(1853 – 1921)

Убайдулла Солих, известный в узбекской литературе под тахаллусом **Завки** (Весельчак), родился в 1853 году в Коканде в семье бедняка. Получив начальное образование, он начинает заниматься поэтическим творчеством, с жадностью, с особым усердием учится у старших собратьев по перу, осваивает классическую литературу. В литературном кружке, который к тому времени плодотворно работал в Коканде, он знакомится с Мукими, Фуркатом, Нусратом и другими кокандскими литераторами, что помогло ему в становлении и как личности, и как поэта. Традиционные *мушоира* (поэтические состязания), проводимые в кружке, способствовали расширению его кругозора и популярности. Хозяин кокандской обувной фабрики Муминбай принял его на должность делопроизводителя и по служебным делам Завки побывал в различных городах края, познакомился с жизнью различных слоев общества. Это давало ему новые темы для стихотворений, преимущественно сатирического содержания.

У одних – дома, гаремы, райские сады,
У других – земли ни пяди, ни ведра воды!
Этот – ранит слов клинками, тот – в тисках нужды.
Что творишь ты, злое небо? О, пора беды,
Почему настал коварства, плутовства расцвет?[1]

За стихи подобного содержания Завки был уволен с фабрики.

Некоторое время спустя, в 1900 году Завки вместе с дядей отправляется в хадж. За три года поэт побывал в разных странах Востока, познакомился с жизнью многих народов. Это путешествие сыграло исключительную роль в формировании мировоззрения Завки, в переосмыслении им многого в своей жизни. Свои впечатления он изложил в цикле «Саяхатнаме» и в ряде других стихотворений.

---

[1] Здесь и далее произведения Завки цитируются по изд.: Поэты Узбекистана. Л.: Сов.писатель, 1977. С.405–415.

В 1903 году Завки возвращается в родной Коканд. В этот непростой период Завки принял на себя руководство литературным движением в Коканде. В последующие десять лет Завки пережил многое. Он был и в тюрьме, и в ссылке, подвергался публичным оскорблениям, пережил нищету и голод. Но продолжал отстаивать демократические принципы, писать страстные и талантливые произведения, в меру своих сил и возможностей защищался и боролся.

Везде в этом мире посеяло зло свое семя,
Ценителей слова – лжецами ославило время,
Заглохли ремесла, рассеяны дружные семьи,
Дехканин и ремесленник мучаются вместе со всеми
И внемлют повсюду бесстыжим, дурным пустозвонам.

Ученый бежит из страны, где лишь неуч в почете;
Вы чистое сердце в укромном углу лишь найдете,
Кто светочем был – тот во тьме прозябает, в заботе,
А баловни времени – люди лишь только по плоти –
В галошах со скрипом, в чалмах над челом немудренным.

В мае 1921 года Завки умер.

По идейно-тематическому характеру произведения Завки оригинальны и разнообразны. В них нашли отражение не только личные переживания автора, но и серьезные социальные проблемы общества. Интересна в этом отношении газель Завки «Пусть не приходит, что поделать». В ней лирический герой, влюбленный в прекрасную девушку, горюет оттого, что он беден и не в состоянии жениться на своей возлюбленной.

Чем привлечь ее, Завки? Ведь и силка я не имею,
И на приманку нет зерна! Пусть не приходит, что поделать.

Подобных стихотворений у Завки довольно много. Любовная тематика тесно переплетается у него с социальными проблемами. Поэт беспощадно и смело осуждает социальное неравенство, жестокость жизни, отсутствие справедливости и равнодушие сильных мира сего.

Как и его собратья по перу, Завки написал много сатирических произведений, в которых отразил различные стороны жизни узбекского общества того времени. Сложность и противоречивость исторической эпохи, на рубеже которой жил узбекский поэт, отразились в его произведениях в полной мере. Сегодня творчеству этого поэта нельзя дать однозначную оценку. Да, наверное, и не нужно этого делать. Завки, как Мукими и Фуркат, был славным сыном своего времени. Это был замечательный поэт, настоящий гражданин и патриот. И в этом его несомненная заслуга.

УЗБЕКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА

АБДУРАУФ ФИТРАТ

(1886 – 1938)

Абдурауф Фитрат (1885 – 1938) – поэт, писатель, драматург, журналист, учёный и общественный деятель культуры Узбекистана. Один из лидеров джадидского движения, которое в конце XIX века распространилась в среде узбекского народа. Писал учебники и пособия для джадидских школ.

Настоящее имя – Абдул Рауф Абдурахим-оглы. Родился в Бухаре.

Литературную деятельность начал еще в годы зарубежной учебы. Писал под псевдонимом Фитрат (Фитрет). Его произведение «Мунозара» было издано в 1909 г.

В 1910-е годы были изданы его произведения «Сайха», «Баёноти сайёхи хинди (Рассказы индийского путешественника)», «Рахбари нажот», «Оила», «Бибижон», «Мавлуди шариф», «Або Муслим».

Абдурауф Фитрат был одной из наиболее активных фигур культурно-просветительского движения джадидов. Участвовал в организации новометодных школ, создал для них ряд учебников.

С 1927 года Фитрат преподавал в Самаркандском высшем педагогическом институте.

Фитрат собрал ценнейшую коллекцию старинных восточных рукописей, которая в 1934 году поступила в Государственную публичную библиотеку в г. Ташкенте.

Последние годы жизни Фитрат занимался наукой.

Расстрелян в 1938 году В 1962 году был посмертно реабилитирован. В 1996 году в Бухаре – открыт мемориальный музей Абдурауфа Фитрата.

Литературное наследие Фитрата: драмы: «Гробница Тимура», «Огузхан».

Научные произведения: «Тилимиз», «Ўзбек тили сарф китоби», «Ўзбек тили нахв китоби», «Шеър ва шоирлик», «Адабиёт қоидалари» «Аруз хакида», научные трактаты посвященные «Девону луготит турк», «Муқаддимат ул-адаб», «Қутадгу билиг», «Хибат ул-хакоик».

Фитрат написал статьи о жизни и творчестве Омара Хайяма, Ахмада Яссави, Алишера Навои, Бабура, Мухаммада Солиха, Машраба, Умархона, Турди, Фирдоуси, Бедила, книги об истории ислама «Мухтасар ислом тарихи», труды по истории узбекской литературы.

Вознесение на небо

– Посидите здесь, пока не вспотеете, – сказал массажист, указывая на узкую скамейку.

Я сел. Тусклый свет просачивался сквозь мутное оконце бани. Я поднял голову и огляделся. Вокруг сидели, стояли и лежали люди, в густом пару напоминавшие неподвижные статуи.

По грязной мыльной воде, шлепая босыми ногами, шел другой массажист. Он вел высокого длиннобородого человека.

«Шейх или мулла», – решил я. Белая борода показалась мне знакомой.

Массажист усадил и его, произнеся те же слова:

Господин, посидите здесь, пока хорошенько не вспотеете.

Я не могу долго сидеть, – возразил бородатый. – Сегодня пятница, скоро молитва, боюсь, мусульмане заждутся.

– Тогда я вам сейчас сделаю массаж.

Моя догадка подтвердилась. Это хатиб проповедник в мечети, там я и видел его.

Массажист пошел за передником. А хатиб посмотрел на меня и затем перевел взгляд на мутное окошко. «Ох, ух, господь справедливый!» – выкрикнул он. Голос его гулко отдался под куполом бани.

Массажист расстелил передник как молитвенный коврик и позвал:

– Пожалуйте, господин.

Проповедник смиренно лег лицом вниз. Второй передник массажист свернул в трубку и положил под лоб господина. Сам же сел на него и начал мять.

Явился и мой массажист, уложил меня и тоже принялся за дело. В бане было жарко, массаж расслабил меня, и глаза стали слипаться.

Я слышал словно издалека голос хатиба:

– Когда блаженнейший и всемогущий пророк вознесся на небо...

Я сижу в хижине. В окно видны лишь два финиковых дерева во дворе. Старуха, лицом похожая на арабку, что-то шьет в углу, рядом спит невысокий чернобородый араб.

В дверь втискивается огромное чудовище. Голова человечья, тело покрыто белыми гусиными перьями, и два больших крыла торчат по сторонам. Как он протиснулся в дверь? Я пожалел, что упустил этот момент.

Чудовище обратилось к спящему арабу:

– Эй, Мухаммед, не спи!

Араб открыл ничего не понимающие глаза и быстро встал.

– А, брат Азраил! Какие новости?

Я догадался. Значит, араб Мухаммед пророк, а чудовище не кто иной, как сам Азраил. Мне стало не по себе.

А что, если я спрячусь и узнаю, что будет дальше?

Недолго думая, я тихонько забрался под крыло Азраила и устроился там.

– Вставай, Мухаммед, господь бог призывает тебя. Я привел скакуна. Вмиг домчимся.

Пророк поднялся и выбежал во двор. А Азраил со мною под крылом степенно вышел вслед.

У двери действительно стоял невиданный скакун с человечьей головой, изумрудными ногами и жемчужными крыльями. Пророк оседлал его, Азраил встал в поводу, и мы... помчались.

Если я скажу, что летели мы как ветер, это не будет ложью.

Вскоре показался незнакомый мне город.

– Что это за город, о Азраил? – спросил пророк.

– Это священный город, – ответил Азраил. – Здесь есть мечеть, от которой прямо в небо тянется длинная-предлинная лестница. Конец ее у самого небесного порога.

Наш скакун разбежался, вспрыгнул на лестницу и помчался. А Азраил все бежал у повода, потея и кряхтя. И домчались мы до первого неба, сделанного из железа. Азраил постучал в ворота. Раздался голос:

– Кто там?

– И,– ответил Азраил, и ворота открылись.

Но пророка не узнали и не захотели впускать. После короткого препирательства Азраила с привратником Мухаммед был узнан и привратник с поклоном разрешил нам войти. Пророк стегнул скакуна.

Промчались мы сквозь второе и третье небо. Между третьим и четвертым произошла небольшая заминка. Мы встретили стадо верблюдов. Их было так много, что они едва помещались здесь. Любопытный пророк спросил у Азраила:

– Брат Азраил, что это за верблюды?

– Со дня сотворения мира, – изрек Азраил, – эти верблюды бродят здесь день и ночь и, по слухам, будут бродить до самого светопреставления. Откуда они взялись и куда идут, пожалуй, никто не знает.

– А что это у них в мешках на спине?

– Арбузы Всемогущий бог, какие чудесные арбузы! Нельзя ли попробовать? Пить хочется.

Азраил кинулся вперед, остановил верблюда и схватил арбуз. Мы придержали скакуна, и пророк спешился. Он достал нож, разрезал арбуз. И вдруг нож выпал из рук пророка. Полез пророк за ножом. Не оставаться же Азраилу. Он сложил крылья и полез за пророком. Меня так зажало крыльями, что затрещали кости и я потерял сознание.

Очнулся я уже внутри арбуза. А там семьдесят пять тысяч городов и в каждом городе семьдесят пять тысяч домов, а в домах – семьдесят пять тысяч дверей.

Бродили мы в арбузе семьдесят пять лет и чего только не насмотрелись. Век не забуду!

Наконец выбрались. Скакун ждет. Пророк лихо вскочил в седло, и мы тронулись в путь. На четвертом небе нам встретился огромный петух. Гребешок – в семь раз выше неба, голова – рубиновая, тело – жемчужное. Красавец!

Азраил объяснил, что это петух самого господа бога. Все петухи на земле подчинены этому главному петуху. Без его знака не смеет запеть ни один петух. Поехали дальше. Достигли мы наконец седьмого неба – владений господа. Вошли, и пророк, не мешкая, направился в господни покои.

«Буду сидеть тихо, как мышь,– подумал я. Не каждый день выпадает такая удача – увидеть самого господа бога».

Азраил последовал за пророком. Мы прошли много дверей и заслонов. Привратники каждый раз поднимали тысячу занавесей и почтительно пропускали нас.

Вошли мы к господу богу... Добро пожаловать!

Подали молочную рисовую кашу. Во время еды завязался разговор.

Очень любезен был господь с пророком.

– О Мухаммед,– сказал он ласково, – не надо ли помочь тебе чем-нибудь? Скажи.

– Зачем призвал меня в полночь? – спросил пророк.

– Желал изъявить свою милость.

– Зачем держал в арбузе столько лет?

– Желал показать могущество.

– Какое из твоих созданий тебе дороже всего?

– Люди.

– Какую еду предпочитаешь?

– Молочную рисовую кашу. И тут я не выдержал.

– Господи, сказал я – зачем же ты живешь за тысячью заслонов? Выйди на свежий воздух, живи среди любимых тобою людей, оказывай им милость, ешь молочную кашу.

Мой голос всполошил присутствующих. Господь гневно закричал на Азраила:

– Кого ты притащил? Отряхнись, мерзавец!

Азраил встряхнул крыльями, и я выпал. Тогда Азраил со всего размаху треснул меня по спине. Я открыл глаза и услышал глухой голос:

– Не спите в бане, разомлеете.

Я вскочил и облился холодной водой.

Хатиб со своим массажистом продолжали тихую беседу.

Перевод Н. Владимировой

ЧУЛПАН

(1898 – 1938)

Абдулхамид Сулайман оглы Чулпан в истории узбекской литературы XX в. занимает совершенно особое место. Выдающийся поэт, талантливый прозаик, одаренный драматург, критик и переводчик, он стал безвинной жертвой тоталитарного режима. Будучи представителем первого поколения новой узбекской литературы, он стоит в одном ряду с такими мастерами слова, как Хамза, А.Кадыри, Фитрат.

Талант Чулпана был уникальным, дарование – редкостным. Однако полностью его творческие возможности не реализовались, идеи не воплотились в жизнь. Поэт не успел начертать на бумаге увиденное глазами, прочувствованное сердцем, выстраданное душой. Чулпан жил в годы культа личности. Полный сил и творческих замыслов, достигший поры совершенства во всех проявлениях своего творческого гения, он в 40-летнем возрасте был арестован как враг народа и расстрелян.

В 1956 г. имя Чулпана реабилитировано. Но этот факт не обеспечил полноценного изучения его творческого наследия. Только после обретения Узбекистаном независимости были переизданы такие его произведения, как стихотворение «Яна олдим созимни» («Я снова взял в руки саз»), роман «Кеча ва кундуз» («Ночь и день»), пьеса «Ёркиной». Творчеству

Чулпана посвящены научные труды Озода Шарафуддинова, Наима Каримова, Д.Курамова, З.Эшановой, Н.Юлдашева.

Абдулхамид Сулайман оглы Чулпан («Чулпан» – псевдоним, означающий «Утренняя звезда») родился в городе Андижане. Чулпан посещал русско-туземную школу. Позже основательно учился, знакомясь с произведениями поэтов и писателей Запада и Востока – Низами, Джами, Навои, Бабура, Омара Хайяма, Бедиля, Фузули, Тагора, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Достоевского, Чехова, Горького, Маяковского, Есенина, Абдуллы Тукая, Мукими, Фурката. Чулпан хорошо владел арабским, персидским, тюркским и русским языками. Он мастерски перевел на узбекский язык повесть «Дубровский» А.Пушкина, «Ревизор» Н.Гоголя, «Мать» М.Горького, «Гамлет» В.Шекспира, а также стихи Крылова, Блока, Брюсова и других поэтов.

Литературная деятельность Чулпана началась в 1913 г. Его первые стихи, рассказы, очерки и статьи были опубликованы в газетах и журналах «Садойи Фаргона» («Голос Ферганы»), «Садойи Туркистон» («Голос Туркестана»), «Туркистон вилоятининг газети», «Ойна» («Зеркало»), «Шуро» («Совет»). Уже в 1917 г. Чулпан обретает известность как успешно начинающий литератор и просветитель, приверженец демократических позиций. В его первых произведениях, таких как «Курбони жахолат» («Жертва невежества»), «Доктор Мухаммадиер», пропагандировались идеи борьбы с отсталостью и невежеством, за просвещение и культуру.

Провозглашая в своих стихах просветительские, национальные идеи, Чулпан предстает перед нами как поэт - правдолюб, всегда стремящийся к истине. Чулпана волновали проблемы времени, судьба Родины, честь и достоинство человека, сила народа, воля, духовность и прогресс через просвещение – в творчестве поэта звучит голос самого времени, народа, его истории.

Для поэтики Чулпана характерно обращение и к разным формам народной лирики, и к стилевым приемам классического стиха с миром его образов и интонационной насыщенностью.

На небе любви я был прекрасной утренней звездой, о друзья,
Не выдержал я сияния солнца, я скрылся в земле.
(«Любовь каландара»)

Лирика поэта – нежная, трепетная, музыкальная:

В арыках шаловливо журчит песнь воды,
Она разбудила спящие на ветвях листья.
А легкий озорной ветерок
Заставил трепетать листья.
(«Листик»)

Своим творчеством он еще раз продемонстрировал, что возможности узбекской поэтической системы практически безграничны. Поэзия Чулпан новационна по своей эстетической природе, многомерности художественных решений, ее язык богат и совершенен. Эти достоинства поэтического стиля Чулпана присущи и его прозе.

Чулпан не только блестящий поэт, но и замечательный прозаик. Среди его прозаических произведений рассказы «Қор қўйнида лола» («Тюльпаны в объятиях снегов»), «Клеопатра», «Ойдин кечаларда» («В лунные ночи»), «Новвой қиз» («Девушка – пекарь»), «Нонушта» («Завтрак»), повесть «Ёв» («Враг»), роман «Кеча ва кундуз» («Ночь и день»).

Двухтомный исторический роман Чулпана «Ночь и день» (1935) занимает достойное место в золотом фонде узбекской литературы. В романе отражена жизнь Туркестана в период первой мировой войны. Перед взором читателя проходят картины «черной ночи» жизни народа, о чем символически говорит первая книга, именуемая «Ночь». В стране царила тотальная несправедливость, это был период, когда царизм исчерпал свои возможности в управлении страной, политика «белого царя» полностью потерпела крах. Происки царских и местных чиновников, их низость и подлость изображены с беспощадной силой обличения. Вместе с тем художественно убедительно показано, что страна находится на пороге общественных перемен.

Талант Чулпана воплотился в полной мере и в жанре драматургии. Среди написанных им больших и малых сценических произведений – «Чўрининг исёни» («Бунт слуги»), «Замона хотини» («Женщина современности»), именуемая также «Муштумзур» («Задира»), «Ёркиной».

Кроме поэтических, прозаических и драматических произведений Чулпан писал литературно-критические и публицистические статьи, которые в свое время привлекли широкое внимание общественности. Такие статьи, как «Адабиет надур?» («Что такое литература?»), «Улуғ ҳинду» («Великий индус»), «Шарқ уйғонмоқда» («Восток просыпается»), «Буюк мактаб эгаси» («Создатель великой школы»), «Тагор ва тагоршунослик» («Тагор и тагороведение»), «Увайсий» (имя узбекской поэтессы), «Мирзо Улугбек», «500 йил» («500 лет»), не потеряли своего значения и сегодня вызывают интерес. Например, статья «Что такое литература?», написанная в 1914 г., и сейчас является ценным пособием по литературоведению. Автору было 17 лет, когда он писал ее. В статье излагаются зрелые мысли о месте и роли литературы в обществе, о том, каким важным делом общенародной значимости является воспитание писателей.

АБДУЛЛА КАДЫРИ

(1894 – 1938)

Абдулла Кадыри – основатель узбекской романистики, писатель, начавший новую эру в развитии национальной прозы, личность, приблизившая читателя своим творчеством к высотам современной художественной словесности. А.Кадыри – обладатель уникального таланта, выдающийся мастер узбекской литературы XX в., занимающий по праву почетное место в ее истории.

Абдулла Кадыри родился в семье дехканина в Ташкенте 10 апреля 1894 г.

Учился сначала в старой, затем в русско-туземной школе. Служил мирзой – переводчиком в семье богатого купца, любил работать на земле. Айбек отмечал, что А.Кадыри «была присуща тяга к физическому труду, редко встречавшаяся среди людей умственного труда».

Писать Абдулла Кадыри начинает с 1909 г. Сначала это были небольшие стихотворения, статьи, сатирические публикации. Позже появляются такие серьезные стихотворения, как «Аҳволимиз» («Наши дела»), «Миллатимга» («Моей нации»), пьеса «Бахтсиз куёв» («Несчастный жених», 1914), рассказы «Жувонбоз» («Развратник», 1915), «Улокда» («На улаке»,1916) и др. Как и все джадиды, Кадыри призывает всех читателей к доброте, к знаниям и просвещению. В стихотворении «Наши дела» он с болью говорит о судьбе народа и страны:

Взгляни на нас, мы в глубоком невежестве,
Порой и совесть за деньги продаем.
Сыновей не обучаем ни вежливости, ни знаниям, ни красивым речам,
Мы не даем им того, что велено Богом, - наукам их не обучаем.
Если же среди нас появится патриот,
Его мы обвиняем в безбожии и расстреливаем.
Давайте, молодежь, интеллигенция, соберем всю энергию свою,
Соберем все силы и разбудим спящих.

В драме Кадыри «Несчастный жених» рассказана житейская история бедного юноши Салиха, который, подражая богачам, справляет очень пышную свадьбу и в результате оказывается в страшных долгах. Салих своевременно не смог расплатиться, и в результате его дом и недвижимость переходят к баю. Молодожены, не выдержав, кончают жизнь самоубийством.

Молодой писатель сумел создать реалистичные образы бедняка – слуги, ростовщика – бая, духовных лиц. Но причин существовавшего неравноправия, социально-имуще-

ственной несправедливости писатель показать еще не сумел. Пьеса в этом отношении несколько схематична, однако это оправдано тем, что самым важным для автора было провозгласить просветительские идеи.

С 1917 г. Абдулла Кадыри серьезно занимается журналистикой. В 1923 г. он уже ответственный сотрудник журнала «Муштум» («Кулак»). Его многочисленные публикации – фельетоны, стихи, сатирические рассказы позволяют оценить их автора как одного из основателей первого узбекского сатирического журнала.

Прозаический талант Кадыри и в жанрово-сюжетном проявлении, и в плане идейно - художественных требований с годами рос и совершенствовался. В 1924 г. Абдулла Кадыри проходит обучение в Московском литературном институте им. В.Брюсова. И это сыграло большую роль в становлении его творчества. По возвращении из Москвы он снова работает в прессе и постепенно занимает одно из ведущих мест в ряду основателей новой узбекской журналистики.

А.Кадыри в совершенстве владел русским языком. Он принимает активное участие в составлении русско-узбекского словаря (1927 – 1930), в переводе с русского на узбекский различных учебных пособий. Переводил и произведения А.Чехова, Н.Гоголя, Марка Твена, Эмиля Золя, Дени Дидро, Альфонсо Доде. Кадыри любил мировую литературу. Он подчеркивал, что учился художественному мастерству у Льва Толстого, А.Чехова, постигая их мастерство в раскрытии психологии образа. Кадыри писал: «Учиться у классиков – значит обрести гарантию роста и совершенства».

Однако решающую роль в творчестве А.Кадыри сыграли национальное устное народное творчество и традиции классической узбекской литературы.

В прозаическую систему Кадыри входили очерки, рассказы, повести, романы. Очерк «Ғирвонлик Маллабой ака» («Маллабай ака из Гирвана») посвящен исследованию взаимосвязи изменений, происходящих в общественной обстановке и в сознании человека, его мировоззрении.

В рассказах Кадыри отмечается та же устремленность к новой тематике, поддержка идей новаторства, разоблачение

старого и отсталого в жизни. Писатель подверг сатирическому осмеянию лентяев, хулиганов, лоботрясов, служителей религии, растерявшихся в новых условиях, не понимающих значения происходящего. Об этом его рассказы «Калвак Маҳзулнинг хотира дафтаридан» («Из записной книжки Калвака махзума»), «Тошпўлат тажанг нима дейди?» («О чем говорит упрямый Ташпулат?»), «Ширвон хола нима дейди?» («О чем говорит тетушка Ширван?»), «Тинч иш» («Спокойное дело»).

Сатирическая проза Кадыри соответствовала принципам новой литературы, в ней отражены народные традиции, ее идеи четки, образы естественны, смех уместен.

Великая заслуга Абдуллы Кадыри в развитии узбекской литературы XXв. заключается в том, что он явился основателем жанра романа. Известно, что до XXв. в узбекской литературе не было романистики в современном ее понимании. К 20-м годам XXв. Появляются первые опыты в этом плане. Узбекское литературоведение признает роман Абдуллы Кадыри «Минувшие дни» (1926) самым плодотворным, самым прославленным из романтических опытов тех лет. Писатель по праву оценен как основатель узбекского романа и в истории мировой литературы. «Минувшие дни» – первая ласточка не только в узбекской романистике, но и романистике литературных систем других народов Средней Азии. Позже Кадыри написал не менее знаменитый роман «Скорпион из алтаря» (1929).

Оба романа Кадыри отражают реальную жизнь страны начала XX в., их сюжеты актуальны, конфликт мастерски высвечивает идею. Красота и образность речи, широкая система словесных форм изобразительности позволяют говорить об эстетической притягательности романной прозы А. Кадыри. Написанные много лет назад и являющиеся, по существу, первым творческим опытом в этом жанре, они до сих пор признаются вершиной романистики национальной литературы XX в.

Произведения эти и сегодня – большая школа для современных узбекских литераторов. И не только узбекских: значимость школы романа Кадыри признают казахские, турк-

менские, азербайджанские, таджикские, кыргызские, татарские, каракалпакские, уйгурские и другие деятели искусств разных национальностей. Туркменский писатель Берди Кербабаев писал: «Если бы не довелось мне прочитать «Утган кунлар» и «Мехробдан чаён» узбекского писателя Абдуллы Кадыри – они стали для меня образцами романной школы, – я бы не смог начать свой «Дадил қадам» («Решительный шаг»)». Особую легкость восприятия прозы Кадыри подчеркивал казахский писатель Мухтар Ауэзов: «Книги Абдуллы Кадыри читаешь с наслаждением, отдыхая душой, думаешь, что слушаешь Курмангази или Чайковского». Чингиз Айтматов назвал имя Абдуллы Кадыри в ряду своих первых учителей, с глубоким уважением отзываясь о силе его таланта.

В годы культа личности Абдулла Кадыри был оклеветан и 4 октября 1938 г. расстрелян. В 1956 г. писателя полностью реабилитировали. Только после этого его творчество было оценено по достоинству, а имя увековечено. Произведения Абдуллы Кадыри многократно переиздаются.

В 1991 г. Абдулле Кадыри посмертно присвоена Государственная премия Узбекистана имени Алишера Навои, в 1994 г. он удостоен ордена «Мустакиллик». Весь Узбекистан торжественно отмечал 100-летие Абдуллы Кадыри.

НА УЛАКЕ

I

Вчера сам папа разрешил мне поехать посмотреть на улак, и сегодня старший брат даже не прикрикнул на меня. Я наскоро проглотил чай и побежал в конюшню. Мама и папа засмеялись: смотри, у тебя выросло шесть ног и семь рук.

Я схватил скребницу, расседлал своего конька с белой отметинкой на лбу и начал его чистить. Конь волновался, мотал головой, бил копытом землю, махал хвостом. Я мечтал: бог даст, на следующий год я буду участвовать в состязаниях и так я буду скакать, что все ахнут: «Вот так Тургун-наездник! Отличный джигит».

Я надел на коня изящное монгольское седло, купленное мне в подарок на праздник Хаит. Начистил русскую уздечку, ту самую, что выпросил у дяди, потом встал поодаль и ос-

мотрел коня – все было в порядке: сбруя на месте, седло как влитое, подпруга прилажена вплотную, а уздечка, особенно уздечка, просто царская. А вот нагрудника не было, и это меня немножко расстроило.

Я с минутку подумал и вспомнил, что на днях брат принес новым ремень. Я незаметно вынес его из дома и смастерил нагрудник. Теперь мой конь горячился и рвался вперед. Я в последний раз осмотрел его и привязал к столбу.

Осталось одеться самому: чесучовый камзол, русские длинные штаны, лаковые сапожки, бархатная тюбетейка. И можно садиться в седло.

У мамы есть странная привычка: как только сунешься за новой одежкой, она обязательно кричит: «Испачкаешься, в гости идти не в чем будет!» И пока не захнычешь, ничего не выйдет. И на сей раз я сначала похныкал, потом оделся и подвязался шелковым кушаком. Тихонько, чтобы не видела мама, зашел в комнату и сунул под камзол папину нагайку с серебряной ручкой.

Работник принес мясо. Я попросил его вывести коня на улицу, а мясо сам отнес маме и побежал. Мама закричала вслед: «Не испачкайся, не гони лошадь, не лезь в толпу! Стой поодаль и смотри».

Я вскочил на коня, подобрал полы халата и хлестнул плеткой. Конь помчался.

II

Как раз когда я поил лошадь из глубокого арыка, подъехали всадники. Среди них были знакомые брата, и они поздоровались со мной. Один спросил, где брат, и я сказал, что брат еще утром отправился на улак.

–Наш Махкамбай страстный любитель улака,– сказал тот, который спросил о брате.

– А ты куда направляешься?

– На улак.

– Скажи на милость! Тоже, значит, наездник. Так и будем звать:

Тургун- наездник!

Мне очень понравилось, что меня назвали наездником, и я подумал: «Какие хорошие люди!»

Едем целым отрядом. Мой белолобый не отстает от других, а иногда и обгоняет. Слышу, кто-то говорит: «Хорош у тебя иноходец, парень». Мужчины толкуют о чем-то своем, задают и мне вопросы. Я робею. И опять заходит разговор о брате.

– Много я видел наездников,– говорит один,– но такого страстного любителя улака, как Махкам, впервые встречаю.

– Так у него же деды и прадеды знаменитые наездники,– говорит сын Сабира-мельника и кивает на меня. – Смотрите, мальчишке двенадцать лет, а тоже собрался уже.

От этих слов мне становится жарко и хочется смеяться, но я сдерживаюсь.

– Мой отец рассказывает удивительные вещи о дедушке Махкама.

– Знаменитый наездник был,– говорит парень с огромными усами. – И побеждал зараз сто и даже двести наездников.

– Значит, был королем состязаний,– сказал сын Сабира-мельника.

–И ты бы стал королем, будь у тебя хорошая лошадь и сила в руках,– сказал другой.

Мне было приятно слушать, как хвалят моего деда.

В эту минуту мы услышали конский топот, я оглянулся и увидел верхового на буланой лошади. Он был обнажен до пояса и держал перед собой облезлого козла.

Он поравнялся с нами и поздоровался.

– На этой неделе поможете мне, а?– улыбаясь, сказал Туган-ака.

– Ну а как же, если не вам, то кому же помогать,– ответил парень и добавил нетерпеливо:– Ну-ка, попроворней.

Он некоторое время ехал с нами, но потом, видно, ему надоело, он ударил лошадь плетью и полетел как птица. «Мне нужно спешить»,– услышали мы его голос.

Теперь речь зашла о лошади только что умчавшегося человека.

– Хорош скакун,– сказал Туган-ака,– настоящий иноходец.

– Летит как ветер,– добавил парень с большими усами.

III

Брата мы встретили на маленьком базарчике Домбрабад. Он с друзьями заказывал чайханщику плов. Улицы поселка, которые до зимы совсем воды не видят, полны пыли. Все окутано пылью.

Мы проехали еще немножко и добрались наконец до места, где должно было происходить состязание. Огромная, просторная поляна. Народу собралось много. И участников, и зрителей. Под двумя густолиственными, раскидистыми карагачами кипят два огромных, как бочки, самовара. Немного поодаль выставлены мешки с огурцами, и продавцы выкрикивают: «Хрустящие огурчики, сладкие огурчики!»

Брат спешился около чайханы. Было жарко, и я встал в тень карагача. Многие смотрели на меня и моего коня. Я смущался и теребил гриву моей лошадки. Всюду гул, шум, все с нетерпением ждут начала состязаний.

–Сегодня ничего интересного не будет,– слышу я чей-то голос.

–Не ври, именно сегодня и будет интересно,– перебивает другой, – приедут Салим и Мурад.

–Конечно, если Салим приедет,– вставляет кто-то.

–Да, лошадь у него казахская, не любит нагайки.

–Их было трое,– говорит какой-то старик,– а вот уже два года одного не видно, он-то был настоящий.

–Верно, верно, и я его уже давно не встречал. Коренастый такой парень?

–Да. И никто не знает, куда он делся. И еще долго говорили об этом парне. Кто-то уверял, что он умер, кто-то кричал – жив!

– Да нет же, его покалечила лошадь.

–Вон начинают,– перекрыл шум чей-то голос, и все сразу умолкли.

На поле выехали два наездника на танцующих конях. «Салим и Мурад»,– зашептали вокруг.

– Который Салим? Тот черный, рябой?

– Ох, наверно, Салим победит!

Один из наездников был на сером, другой –на пегом коне, оба огромного роста.

Публика заволновалась:

– Ага, сейчас увидим настоящие скачки.

– Быть сегодня светопреставлению.

– Смотрите, какой конь у Мурада, просто крылатый.

– О каком ты говоришь, о сером или пегом?

– Оба чистокровные, никто таких не догонит.

– Вот тот, с торчащими ушами, видно сразу, как ветер.

– Дело не в ушах, а в породе.

– Говорят, что черный конь победит.

– Покойный отец всегда, когда покупал коня, разглядывал копыта, все дело в копытах.

Вслушиваясь в этот гомон, я про себя думал: «А какие копыта у моего коня?»

Подъехали мои друзья – мальчишки с нашей улицы – Нурхон, Хайдар-шепелявый и Шакир-сопливый. У нас завязался свой разговор.

Нурхон рассказал, как он выпрашивал у отца коня, а Хайдар – о том, что в дороге его конь все время смотрел на кобылу Шакира и ржал.

Мы смеялись, Шакир клялся, что никогда больше не будет ездить на кобыле. Потом они увидели нагрудник и стали спрашивать, сколько такой стоит.

– А нагайка серебряная?

Я смотрел на свою лошадь, одежду и понимал, что выгляжу лучше их.

– Давайте поскачем,– предложил Хайдар-шепелявый.

Мы сели на коней, я ударил своего плеткой, и он вырвался вперед. Я доскакал до холма и стал ждать мальчиков. Они подъехали, и мы снова заговорили о лошадях. Нурхон объяснил, что его лошадь не может бегать быстрее потому, что брат напоил ее, разгоряченную, холодной водой.

Хайдар ругал своего соседа Эсана за то,что тот неожиданно бросил с крыши глиняный катыш прямо на его лошадь. С тех пор, сколько ни бей, она только пугается и ни с места.

О моем коне Хайдар сказал: «Твоего ни с каким сравнить нельзя».Ты счастливец,– добавил Нурхон, – но только смотри, корми его сам, не доверяй никому, испортят коня, это я тебе говорю.

Мы еще долго беседовали, а потом потихоньку поехали назад. Я опять оторвался от них и поскакал вперед. А когда приблизился к толпе, то вдруг подумал: пусть и меня заметят. И хлестнул коня плетью. Он полетел как ветер, и многие смотрели на меня и моего черного, с белой отметиной на лбу, конька, а я все думал: «Смотрите на меня, запоминайте»– и все стегал плеткой коня.

IV

Среди зрителей началась суматоха. Вон собирают награду победителю. Вон Мурад уже встал. Салим надел колпак наездника. Мясник Рузи сейчас будет резать козла, уже нож точит. Вон и байские сынки поднялись. Кажется, Салим снимает халат! Ага, молодцы!

Мы с нетерпением ждали начала.

Наездники кто снимал верхние халаты, кто застегивал подпругу на коне.

Мой брат снял шелковую чалму и полосатый халат, отдал все это мне и тоже поскакал на главную дорожку. Уже почти все участники собрались, а козла все еще не приносили. Зрители теряли терпение: «За это время и верблюда можно было зарезать».

Через несколько минут откуда-то появился Ариф-саркар, за ним человек в колпаке первого наездника. Колпак был набекрень, и сам он сидел в седле скособочившись.

– Ага, и скотинку приволокли.

–Кровь-то всю выпустили?– спросил кто-то.

– Будьте спокойны,–ответил Ариф-саркар и резким движением швырнул на землю тушу козла. Потом подъехал ближе к зрителям и крикнул:– уберите детей подальше, чтобы лошади не налетели, и сами тоже – назад! С лошадьми шутки плохи.

Ариф-саркар погнал свою лошадь к месту, где лежал козел.

– Посмотрим, кто из вас самый ловкий... Посмотрим! Давай, давай!– кричали зрители.

Состязание началось.

Один хватает тушу, другой вырывает у него, тянет к себе, налетает третий, четвертый, и вот уже тушу тянет восемь че-

ловек – каждый в свою сторону. Подскакивают еще и еще наездники. Каждый старается отобрать тушу у другого. Тянут за ноги, за хвост, за шею. Очень трудно выбраться из этой свалки. Вот один ухватил тушу и пытается прорваться, но не успел проскакать и десяти шагов, как его настигают другие.

– Под колено ее, под колено клади!–кричат зрители.

– Отпусти уздечку, возьми плетку в зубы, не глазей по сторонам.

– Ага, схватил! Не отдавай!

– Поворачивай налево, налево!

– Держи, не отдавай!

– Вот окаянный, прозевал, тоже еще наездник!

– Чтоб твоя лошадь сдохла, это же не лошадь, а ишак.

Вдруг туша падала, и тогда кто-нибудь из зрителей мчался со всех ног, хватал и подавал ее другу, знакомому, брату, старался сделать это попроворнее, чтобы «чужие» не выхватили. Но его оттесняли, и он выскакивал, хромая и потирая руку. А потом подробно рассказывал соседям о том, как его прижало.

Уже никого нельзя узнать в лицо. Пыль, гам, запах пота. Каждый старался схватить тушу, сунуть ее под колено, никто не обращал внимания на разбитую голову, подшибленный глаз, вывихнутую в свалке руку. Лишь бы схватить козла и сунуть под колено. Это уже половина победы.

Но не всем это удавалось. Уже многие хоть и зажимали тушу, а не могли ускакать дальше пятидесяти шагов – их настигали соперники.

Прошло уже много времени.

Вдруг наездники внезапно остановились, притихли. Съехались в кружок. Мы все, конные и пешие, бросились туда, к ним. Я очутился позади и никак не мог прорваться поближе.

Что-то случилось, все встревожены, никто ничего не понимает, спрашивают друг у друга: «Что, что стряслось?»

Через несколько минут я услышал голос: «Осторожно, осторожно».

– Ну-ка, отойдите подальше.

– Толпа качнулась назад.

– Что, кто?

– Да, ничего. Эсанбая лошадь затоптала.

– Очень покалечила?

– Нет.

Люди переглядывались: несчастье, беда!

– Ну-ка, посторонись!– Несколько верховых выехали из толпы. Они везли пострадавшего. Его осторожно положили под дерево. Послали за арбой. Кто-то брызгал водой в лицо Эсанбая, но он не шевелился.

– Его пять лошадей топтали, беднягу.

– Не все ли равно – пять или десять. Ударили в живот или в шею.

– Если у него век долгий, выживет.

«Он мне на прошлый хаит дал полтинник,– подумал я.– Он добрый, пусть выживет, господи».

Эсанбая уложили в подъехавшую арбу. Брат и еще трое парней повезли его в город.

– Пусть приложат соленую вату!

– Нет, лучше положить нагретые отруби!

Они уехали, а улак продолжался. Я пробыл до самого конца. Больше ничего не случилось.

V

Домой я вернулся поздно и уснул как убитый. Утром мама разбудила меня: «Вставай, вот придет отец, он тебе задаст»,– и сдернула с меня одеяло.

– Папа разве не на базаре?– удивился я спросонья.

– Он на заупокойной молитве. Хоронит Эсанбая,– тихо ответила мама.

Я мгновенно проснулся...

Скорпион из алтаря

Роман.

57. Отчаянная храбрость

Отрывок

Полдень. Через час должна совершиться казнь над Султанали. Во дворце жизнь идет своим чередом – тихо, спокойно. То и дело беки деловито входят во дворец в своих парчовых и бархатных халатах. В дворцовой канцеля-

рии царит новый дух: благодаря заступничеству почтенных муфтиев с ними снова работает уважаемый молодой ученый, привлекательная внешность которого выгодно выделяется среди других писарей.

Лица обоих муфтиев озарены радостью победы, они перебрасываются шутками, при этом глаза молодого мирзы ласково лучатся и по губам пробегает нежная улыбка.

– Перед ним выбор, – говорит Шаходат. – Он должен выдать Анвара или умереть!

– Да, конечно, – соглашается мулла Абдуррахман. – Но даже если он укажет, где Анвар, все равно понесет наказание... Не забывайте.

– Это за что же -наказание? – удивляется Калоншах.

– А за то, что, значит, знал, где тот скрывается, и сам же устроил ему побег.

Калоншаха не удовлетворил этот как будто исчерпывающий ответ.

– Значит, если он не сможет указать, где Анвар, то он и не виноват. И правда, как ему найти его, если он не знает, где он? И в таком случае он будет казнен невинно. Кто же ответит за это? Нами опадет его кровь? Вот что меня смущает.

Его собеседникам нечего было возразить, и они умолкли. Оживленная беседа прервалась. Мулла Калоншах, чувствуя себя победи телем, с независимым и гордым видом принялся за свои бумаги.

А в этот час Султанали должны были вести на казнь. Во дворце никто не сомневался в том, что она состоится: тому, кто осужден самим ханом, нет пощады. Даже если он чистосердечно сознается в своей вине, все равно его казнят. Никому в голову не приходило, что Анвар может оказаться таким истинным другом и храбрецом, чтобы явиться к хану и спасти тем самым Султанали.

Правда, накануне глашатай во всех концах города взывал к милосердию Анвара, чтобы тот не дал пролиться крови невинного. Помогли ли верить придворные с их растленной совестью, что Анвар совершит такое «безумие»?

А оно совершилось. В этот день, еще до полудня, впервые в жизни они увидели человека с великой совестью, с львиным сердцем. Он шел на смерть улыбаясь, и они остолбенели, пораженные его мужеством. Да, даже эти цепные псы деспота не смогли остаться равнодушными: работавшие в канцелярии бросили свои дела и подошли к двери; идущие по двору останавливались, глядя на храбреца, который шел, спокойно с ними здороваясь.

Проходя мимо ханской канцелярии, он сделал общий поклон писарям, выглядывавшим из окон и дверей, уверенно поднялся вверх по лестнице и вошел в ханские покои. Он переступил заповедный порог, прошел мимо охраны и остановился: идти дальше можно было только с разрешения, полученного от хана через удайчи. Удайчи Дервиш стоял у входа, почтительно сложив руки. Появление Анвара поразило его, и он сразу же пошел доложить о его приходе. Худояр сидел на троне, откинувшись на спинку. Прямо перед ним стояли два палача. Тут же находилось несколько придворных, среди них главный везир и знатный придворный Турсун, с которыми хан вел беседу.

– Ваше величество, – обратился к хану удайчи, – преступник явился добровольно и отдается на вашу милость.

– Какой преступник?

– Мирза Анвар!

Хан вздрогнул от неожиданности – всех поразила эта весть.

– Приведи!

Удайчи склонил голову и, пятясь, вышел из зала,

Анвар, вызвав всеобщее изумление, вошел в зал, где восседали.

Худояр, встал на пороге между обоими палачами и поклонился хану.

У Худояра, увидевшего, как храбр его соперник, задрожали веки, затряслась борода: не находя слов, он то открывал, то закрывал рот.

– Ты нам изменил, собачий сын! – наконец произнес он. Анвар кивнул головой.

– Сознаюсь!

– Забыл мои милости!

– Да, это так!

– Сознаешься, не увиливаешь? Хорошо делаешь, – продолжал хан, злорадно усмехаясь. – Что ж, и умереть готов?

– Да, я пришел не для того, чтобы просить о помиловании, – спокойно сказал Анвар. – Я принимаю смерть, чтобы спасти невиновного.

Присутствующие пришли в крайнее изумление. Худояр язвительно рассмеялся.

– Хочешь поступить, как правоверный мусульманин?

– Именно так! Одни, забыв о том, что они мусульмане, хватают за чужие грехи невинного человека, а я предпочитаю умереть верным мусульманином!

Услышав эти слова, Худояр густо покраснел, на лице выступили капли пота. Он пришел в ярость.

– Ты думаешь, что шариат поощряет твои поступки, негодяй!

– А разве, государь, в шариате сказано, что, имея сто жен, можно отнимать силой невесту у бедняка?

– Палач, уведи его!

С криком: «Наши кинжалы жаждут крови!» – палачи кинулись к Анвару. Но он покачал головой и усмехнулся.

– Нет, государь, пока я своими глазами не увижу, что невинный получил свободу, меня отсюда не выведут, – сказал Анвар и сильным движением отбросил от себя палачей, уже тащивших его к выходу – Где ваша справедливость, государь?

Громовой окрик Анвара отрезвил Худояра. Он приказал палачам остановиться, а удайчя велел привести Султанали. У Анвара глаза налились кровью, опустив руки, стоял он перед Худояром.

В тронном зале воцарилось молчание. Даже Худояр, в подобных случаях свирепствовавший и ругавшийся непотребными словами, сейчас умолк. Он понимал, что на каждое бранное слово получит от Анвара сокрушительный ответ. Верно, сказал Саади, что ни у кого так не развязан язык, как у человека, потерявшего надежду спасти свою жизнь. И действительно, человек бывает способен на подлость ради выгоды или под угрозой смерти. Но человек,

пренебрегающий выгодой, идущий на смерть, не боится ни хана, ни ада.

Через некоторое время вошел удайчи, ведя за собой Султанали. Увидев, кто стоит перед ханом, Султанали задрожал. Став неподалеку от Анвара, и, все еще дрожа, он поклонился хану.

– Вы свободны, – сказал ему хан, – идите в канцелярию и принимайтесь за работу.

Султанали снова поклонился хану.

Анвар искоса, как бы с насмешкой, посмотрел на друга.

– Вот вы предали меня, доказали свою верность хану и, несмотря на это, угодили в зиндан... А я, неверный, как вы называли меня, спасаю вас! Не забывайте этого, Султанали-ака! – сказал Анвар и обратился к хану: – Я готов, пусть меня свяжут, выведут и казнят!

Султанали вышел, из глаз его катились слезы. Палач начал связывать Анвару руки за спиной. Тогда встал ученый Мухаммед Нияз и, поклонившись хану, сказал:

– Прошу ради меня простить этого грешника.

Хан отвернулся от Мухаммеда Нияза, бросив палачам:

– Ведите его на площадь!

Словно смеясь над ханом и его приближенными, Анвар сделал прощальный поклон. Палач пошел вперед, вслед за ним, под охраной двух вооруженных стражников, следовал Анвар. Он шел на смерть так же гордо, как входил во дворец. Встречая по дороге знакомых, он одним своим взглядом как бы говорил «прощайте». Особенно выразительно он посмотрел на Султанали, который, чуть не теряя сознание, стоял у ворот. Султанали понял, что хотел сказать ему Анвар; бледный как смерть, он долго смотрел ему вслед, пока Анвар совсем не скрылся из виду, и ему казалось, что сердце его от горя истекало слезами.

На новой площади бурлил народ. Увидев, что туда направляется палач с ножом за поясом и алебардой в руке, а за ним следует узник, толпа ринулась к площади, некоторые, правда, с отвращением сворачивали в сторону. Пло-

щадь, где свершались казни, находилась между новыми торговыми рядами и дворцовым садом. На краю, у сада, стояла виселица и тут же была вырыта яма для стока крови.

Народ вплотную окружил это место. Стражники разгоняли толпу, что не мешало людям снова и снова проталкиваться поближе.

Анвару, подведенному к виселице, развязали руки и подали воду для омовения. На это приговоренные к казни имели право. Под надзором стражников и палача он совершил обряд омовения и расстелил на земле свой халат. Стражники расширили немного круг, и Анвар помолился. Потом он встал, дал связать себе руки и тревожно осмотрелся.

Народ образовал плотную стену, вперед протискался мулла Абдуррахман. Анвар поймал его злорадно-торжествующий взгляд и вздрогнул. Мулла Абдуррахман ухмыльнулся.

– Вы можете смеяться, мулла, – вы отомстили! – громко сказал Анвар.

Все обратили свои взоры на Абдуррахмана.

– ...Только вам помогла в этом ваша подлость, а я пожинай плоды правды. Вы победили благодаря грязной совести, я побежден потому, что совесть моя чиста. Что привело меня на плаху, мулла? Разве не совесть? Что сделало вас, мулла, зрителем моей казни? Разве не подлость?

Храня гробовое молчание, народ с негодованием смотрел на «духовного пастыря».

Анвара подвели к яме под виселицей. Он сам сел подле нее, когда палач уже подошел к нему с обнаженным кинжалом, он знаком попросил его повременить. Затем, улыбаясь, он обратился к Абдуррахману:

– Глядите на меня, мулла, руки мои связаны, над моей головой сверкает нож, а я смеюсь... Почему? Да потому, что совесть моя спокойна, душа чиста, сердце полно любви! Да, я сейчас умру, меня зароют, а на моей могиле расцветут тюльпаны с черной сердцевиной: это черные раны, которые нанесли моему сердцу вы и подобные вам низкие люди!.. Народ заволновался.

Анвар лег на землю, вытянувшись во весь рост, палач, потерев свой кинжал о рукав, нагнулся над Анваром...

В тот же миг кто-то сильно толкнул палача сзади, и он свалился в яму, вниз головой. В нескольких шагах от него чьи-то могучие руки схватили стражников, вооруженных кинжалами, не давая им шевельнуться. Послышалась звонкая пощечина, – и мулла Абдуррахман с развившейся чалмой опустился на землю...

Народ пришел в смятение. А в это время, пользуясь суматохой, Кобил-бай разрезал веревки на руках Анвара; они оба скрылись в толпе и мгновенно исчезли. Растерявшиеся, обезоруженные стражники хватали кого попало. А палач, весь измазанный чьей-то запекшейся кровью, пытался выкарабкаться из ямы.

МИНУВШИЕ ДНИ

Главы из романа

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. АТАБЕК, СЫН ЮСУФБЕКА-ХАДЖИ

Был семнадцатый день месяца далув 1264 года хиджры[1]. Солнце зашло. Со всех сторон неслись призывы муэдзинов к вечернему намазу.

Известный в городе Маргилане караван-сарай, ворота которого обращены на юго-восток, был переполнен приезжими. Здесь останавливались обычно купцы из Ташкента, Самарканда, Бухары.

Вернувшись после дневных забот под кров караван-сарая, его обитатели занялись приготовлением ужина... Во всех комнатах царило оживление: громкий разговор, хохот, шум такой, что казалось, вот-вот здание поднимется к небесам.

---

[1] Х и д ж р а – бегство Магомета из Мекки в Медину (16 июля 622 г.); с этого времени ведется мусульманское летосчисление. Месяц далув соответствует примерно январю. Указанная дата соответствует январю 1847 года.

В глубине двора находилось помещение понаряднее остальных. Если в других комнатах полы были устланы кошмами, то здесь лежали ярко-красные ковры; если там на постелях – бязевые одеяла, то здесь – шелковые или из узорчатого атласа; вместо коптящей плошки тут горела свеча. Да и здешний жилец, не в пример суетливым, резким в движениях обитателям других комнат, держался чрезвычайно спокойно, погруженный в какие-то думы. Это был молодой человек крепкого сложения; на его красивом белом лице выделялись черные глаза и брови; усики чуть пробивались. Звали молодого человека Атабек, он был ташкентцем, сыном именитого Юсуфбека-хаджи.

В общем и комната и ее обитатель заслуживали внимания.

Во двор караван-сарая вошли двое.

– Здесь остановился Атабек? – спросил один из них кого-то из толпившихся у ворот.

Им показали на знакомое нам помещение, и они направились туда.

Один из пришедших, человек лет двадцати пяти, небольшого роста, круглолицый, с маленькой бородкой и усиками, был сыном маргиланского торговца шелковыми тканями, богача Зия-шахичи. Звали его Рахмат. Его спутник, выглядевший старше лет на десять, приходился ему дядей. Долговязый, с лицом, изъеденным оспой, с взлохмаченной бородой и колючим взглядом, он имел весьма неприглядный вид. Довольно самостоятельный, он славился отнюдь не богатством: к его имени Хамид не случайно прибавляли прозвище «женолюб» или попросту «бабник». Иначе его никто и не называл.

Атабек почтительно встретил гостей.

– Простите, бек[1], за беспокойство, – сказал Рахмат. – Мы, кажется, пришли не вовремя.

Атабек любезно возразил, приглашая гостей занять почетные места:

– Совсем напротив: не обеспокоили, а порадовали. Я

[1] Бек – правитель, начальник; в данном случае – вежливое обращение «господин».

впервые в вашем городе, никого тут не знаю и уже соскучился в одиночестве.

В это время в комнату вошел старик лет шестидесяти; у него было продолговатое лицо, немного выпуклый лоб, желтовато-карие глаза, длинная седая борода. Она-то и выдавала его возраст, а так ни в фигуре, ни в лице его не было заметно признаков старости.

Старик и гости тоже обменялись приветствиями, и после того как гости сели у сандала[1] и была прочитана фатиха[2], Атабек обратился к старику.

– Как себя чувствуете, почтеннейший?

– Слава богу, полегчало. Видно, просто угорел.

– Можете оказать услугу?

– Приказывайте, господин мой!

– Спасибо, отец. Вскипятите-ка нам чаю.

Старик вышел, а Рахмат, снова почтительно справившись о здоровье Атабека, спросил:

– Кто этот человек?

Атабек взглянул на дверь, и лишь когда убедился, что старик не может услышать его, ответил:

– Это Хасанали, наш раб.

Хамид крайне удивился:

– Ваш раб?!

– Да.

История Хасанали была такова: еще в детстве он был куплен за пятнадцать золотых дедом Атабека у туркмена, который занимался тем, что ездил в Иран, крал там детей и привозил для продажи. Около пятидесяти лет прожил Хасанали в доме отца Атабека и стал настоящим членом этой семьи. Он был глубоко предан своему хозяину Юсуфбеку-хажди, и особенно сыну его Атабеку, а они отвечали ему полным доверием и уважением. Когда Хасанали исполнилось тридцать лет, купили рабыню и женили его на ней, но все дети от этого брака вскоре умирали. Видимо, потому Хасанали привязался так сильно к Атабеку и относился к нему, как к родному сыну.

---

[1] С а н д а л – низкий столик, который ставится над углублением в полу с горячими угольями; служит для согревания ног зимой.

[2] Ф а т и х а – краткая благодарственная молитва.

В глубине души этот честный слуга надеялся, что после его смерти будет кому вспомнить о нем и прочитать молитву из Корана. «Мне и того довольно», – думал он. Однажды он высказал свою надежду Атабеку и получил искреннее заверение в том, что это будет исполнено.

Следующий вопрос Рахмата относился прямо к делу:

– Что вы привезли из Ташкента, бек?

– Пустяки: материю, обувь, казаны.

– В Маргилане сейчас большой спрос на эти товары, – вставил Хамид.

Атабек снял щипцами нагар со свечи. Беседа не клеилась, между собеседниками чувствовалась какая-то отчужденность: скажет кто-нибудь слово – и замолчит. Рахмат старался нарушить неловкое молчание, оживить разговор.

– Как вам понравился наш Маргилан, бек?

Атабек замялся и нерешительно ответил:

– Как вам сказать… Скорее понравился… Ведь по ткацкому делу это первый город в Туркестане.

Ответ прозвучал невнятно, Хамид и Рахмат переглянулись. Атабек почувствовал, что совершил неловкость, и поторопился обратить все в шутку.

– Сначала мне Маргилан не понравился, потому что я чувствовал себя здесь одиноким, как на чужбине. Но теперь я вполне доволен: оказывается, и здесь есть друзья, догадавшиеся навестить меня.

– Простите, – сказал Рахмат, – я лишь сегодня узнал от отца, что вы в Маргилане. Иначе не преминул бы явиться раньше.

– Правда?

– Даю слово! И скорее нам следовало бы обидеться на вас: когда отец бывает в Ташкенте, он заезжает прямо к вам. Как же вы могли остановиться в караван-сарае?

– Да, вы правы. Но мне как-то неловко было разыскивать ваш дом, расспрашивать жителей… К тому же и с караванщиками я договорился встретиться в этом караван-сарае.

– Ну, какие пустяки!

Тем временем Хасанали разостлал скатерть, поставил угощение, принес чай. Все чинно принялись за еду.

– Сколько вам лет, бек? – спросил Хамид, обмакивая кусок хлеба в патоку.

Атабек не успел и рта раскрыть, как за него ответил разливавший чай Хасанали.

– Если богу будет угодно, то в нынешнем году обезьяны[1] бек переступит двадцать четвертый год своей жизни.

– Разве мне уже двадцать четвертый год, отец? По правде сказать, я и сам не знал.

– Да, бек! Точно – двадцать четвертый.

– Вы женаты? – снова спросил Хамид.

– Нет.

Хасанали счел недостаточным это короткое «нет» и начал пояснять:

– Искали уже подходящую невесту, да, видно, не суждено было найти. К тому же сам бек не спешит жениться. Но сейчас хозяин твердо решил женить сына, как только вернемся из этой поездки.

– Да, женитьба – самое деликатное дело на свете, - сказал Рахмат, обращаясь к Атабеку. – Хорошо, если жена окажется подходящей по характеру, а в противном случае – одна беда.

– Правда ваша, – согласился Атабек, – однако надо добавить, что и муж должен подходить жене.

– Ну в этом особой надобности нет, – возразил Хамид. – Для жены достаточно и того, что у нее есть муж. Племянник правильно сказал: была бы жена подходящая! Чего еще там!

Рахмат улыбаясь посмотрел на Атабека; тот ответил ему улыбкой и искоса бросил насмешливый взгляд на Хамида.

– Все дело в том, что женитьба у нас зависит от воли родителей, - сказал Рахмат. – А для них неважно, нравится ли невеста сыну; главное – чтобы им нравилась. Ни юношу, ни девушку ни о чем не спрашивают, они даже слова сказать не имеют права! Нельзя признать разумным такой обычай. Вот хотя бы я… Женился на девушке, выбранной родителями. Ну и вот, хоть моя жена им нравится, мне она не подходит. Возможно, и я ей не подхожу… Это вы правильно сказали, бек!

Атабек внимательно и сочувственно выслушал Размата, потом взглянул на Хамида: « Что, мол, на это скажете?»

---

[1]Один из двенадцати знаков Зодиака.

– Ну, племянник, раз ты женился ради отца с матерью, так и обижаться на них незачем. А если жена тебе не по душе, найди другую и снова женись. Другая не подойдет – возьми третью. Не дело мужчины – горевать и печалиться из-за какой-то там жены.

Рахмат снова с улыбкой посмотрел на Атабека.

– Не знаю, разумно ли это – брать много жен и мучиться потом с ними. Не лучше ли жить в любви и согласии с одной женой? Вот у вас, например, две жены, и нет вам ни минуты покоя, каждый день в доме ссоры.

– Для таких молодцов, как ты, племянник, конечно, и одной жены много, – смеясь сказал Хамид. – Вот еще, нашел мученье – много жен! Да если с твоей плети каждый день будет стекать их кровь, то будь их хоть сотня – живи в свое удовольствие. У меня с моими двумя хватает скандалов, и все же я подумываю о третьей жене.

– Ну, в этом деле, дядя, вы мастак!

Хасанали ушел готовить плов. Атабек разливал чай. И гости, и хозяин приумолкли, каждый думал о чем-то своем. Так прошло некоторое время. Молчание нарушил Рахмат:

– Вы не слышали, Мирзакарим-ака выдал свою дочь замуж? – спросил он у дяди.

Лицо Хамида приняло недовольное выражение, он нехотя ответил:

– У меня нет сведений. Но кажется, не выдал.

Рахмат обратился к Атабеку, вовлекая его в разговор:

– Есть одна девушка у нас в Маргилане… Красавица! Во всей округе, думается, нет равной ей по красоте.

Хамид хмуро, исподлобья, посмотрел на племянника, а тот, не обращая на это внимания, продолжал:

– Это дочь купца Мирзакарим-бая. Возможно, вы его знаете, он, кажется, несколько лет вел торговые дела в Ташкенте.

– Нет, – ответил Атабек, – не знаю его.

Хамид становился все мрачнее, он проявлял заметное беспокойство, а Рахмат говорил как ни в чем не бывало:

– Его дом стоит на углу обувного ряда. Очень богатый человек! В Ташкенте его знали многие именитые люди. Наверное, и с отцом вашим он был знаком.

– Возможно, – сказал Атабек и почему-то вдруг вздрогнул. Да и выражение его лица стало иным – он был явно взволнован.

Рахмат ничего не заметил, а Хамид украдкой все время наблюдал за ним.

– Когда же вы будете нашим гостем, бек-ака? – спросил Рахмат.

Атабек вышел из задумчивости.

– В любое удобное для вас время, - ответил он.

– Нет, вы сами назначьте нам день, мы за тем и пришли сюда.

– Нужно ли было так утруждать себя?

– Какая здесь трудность? Мы хотим переселить вас к нам из этого караван-сарая. А пока скажите хоть, когда будете нашим гостем. У отца большое желание поговорить с вами, узнать, что делается в Ташкенте.

– Я не смогу переехать к вам из караван-сарая. А представиться вашему отцу готов когда угодно.

– Спасибо! Не назначили бы вы все же определенный день?

– По вечерам я, как вам известно, свободен, но если отцу вашему удобно другое время, я всегда приму его приглашение с радостью.

– Пусть удача сопутствует вам во всем, – сказал Рахмат. – Но еще я хочу спросить вас, можно ли пригласить на эту встречу каких-нибудь близких нам друзей, Мирзакарима-кутидора?[1]

Атабек снова смутился и, стараясь подавить смущение, поспешно ответил:

- Мне все равно.

Доевши плов, гости попрощались и ушли.

2. НЕЖДАННОЕ СЧАСТЬЕ

Трудно получить от невесты согласие на брак. Несколько раз пришлось мулле повторить свой вопрос.

---

[1] Кутидор – человек, занимающийся разменом и обменом денег (меняла); приставка к имени, обозначающая знатного, богатого купца, часто занимает и само имя.

Вы, Кумюш-биби, дочь Мирзакарима, поручили ли своему дяде Мухаммаду Рахиму, сыну Юлдаша, передать вашу любовь ташкентскому жителю, мусульманину Атабеку, сыну Юсуфбека-хаджи?»

Только после вопроса, повторенного седьмой раз, и уговоров со стороны свах удалось услышать от Кумюш «да».

К пяти часам вечера в доме кутидора ожидали жениха. Без конца выглядывали на улицу. Было приготовлено множество блюд: плов, лагман, шурпа, манты, фрукты и всевозможные сласти.

Наконец появился Атабек в сопровождении нескольких десятков молодых людей, друзей Рахмата.

Атабек был одет великолепно: на голове серебристая шелковая чалма, на плечах – соболья шуба, крытая черным сукном, под ней суконный голубой камзол, сшитый в самом Шамае, и суконные штаны, на ногах – волжские сапожки; перепоясан Атабек шелковым платком, искусно вышитым Кумюш.

На щеках жениха горит румянец, губы тронуты легкой улыбкой, глаза так и сверкают, посматривая то в одну, то в другую сторону, словно ища кого-то.

«Хорош, хорош! – шептали собравшиеся со всего квартала гости. – Достойный жених. Она красива, но и он красавец!»

Многие уже давно откушали плов, но задержались, чтобы посмотреть на зятя кутидора.

К Офтоб-аим подошла ее старшая сестра, которая вместе с соседскими женщинами наблюдала прибытие жениха.

– Офтоб, приготовь-ка поскорее исрык[1]! Да убережет Аллах твоего зятя от дурного глаза.

У калитки, встречая гостей, стоял кутидор со сложенными на груди руками; украдкой оглядев зятя, он довольно улыбнулся. На террасе, ведшей в михманхану, сидели белобородый имам с благообразным и строгим лицом, Зия-шахичи, Хасанали, Мухаммад Рахим и еще кто-то.

Атабека подвели к мулле, начались переговоры между Зия-шахичи, представителем жениха, и Мухаммад Рахимом

[1] Исрык – трава, которую жгли для окуривания от сглаза.

– представителем невесты. Речь шла об имуществе, которое жених должен выдать будущей жене в полную собственность. После длительного обсуждения было решено следующее: невеста получает три сотни золотых, большой дом в Маргилане, дойную корову, хозяйственную утварь.

После того, как жених дал согласие на это, мулла перешел к совершению обряда. Он прочитал наставление о верности и преданности семье и, наконец, заговорил о самом деликатном:

– Атабек, сын Юсуфбека-хаджи, согласны ли вы взять по всем правилам шариата в жены Кумюш, дочь Мирзакарима? – спросил он по-персидски.

Атабек едва сдержал смех: согласен ли он? Да он готов был крикнуть: «Согласен, с великой радостью согласен!» Но, постеснявшись присутствующих, которые могли сказать: «Ишь, какой нетерпеливый!», он промолчал. Мулла повторил вопрос. По принятым правилам жениху полагалось ответить лишь на трижды повторенный вопрос, но Атабек не выдержал этой церемонии, ему вдруг показалось, что после того как вопрос будет задан в третий раз, присутствующие могут сказать: « Да он не желает жениться на Кумюш» – и все дело расстроится. Не помня себя от волнения, Атабек воскликнул: «Беру, беру!..»

Мулла провозгласил хвалу Аллаху, и на этом закончился брачный обряд. Все собравшиеся прочитали молитву о счастье жениха и невесты и, подняв руки, произнесли «аминь!» К молитве присоединились женщины, с крыш наблюдавшие за происходящим.

Молодые люди подхватили Атабека под руки и повели в михманхану.

Пир начался.

Атабек горел от нетерпения, а пир все длился и длился. Прошло каких-нибудь два часа, а ему показалось, что годы. Наконец, настало время последней вечерней молитвы. Блюда и чаши, опорожненные в несметном количестве, были убраны, скатерти свернуты, и свахи явились за женихом.

Снова прочитали молитву с пожеланиями молодым жить в любви и согласии, и Атабека повели в ичкари.

В последнюю минуту на террасе к нему подошел Хасанали.

– Поздравляю с законным браком, бек!

– Очень вам благодарен!

Хасанали любовно оглядывал Атабек, по-отцовски гладил его по спине и благословил со слезами на глазах.

Атабек двинулся за свахами. С ним творилось что-то странное: сон ли это, явь ли? Правда ли все, что произошло?

Но пройдем вместе с Атабеком в ичкари. По обеим сторонам двери, ведущей в комнаты Кумюш, расположились женщины и дети. У некоторых женщин в руках свечи. Комната невесты богато убрана коврами и сюзане, к тому же ее украшают многие вещи, перенесенные сюда из покоев кутидора. На потолке висит огромная люстра, три десятка свечей освещают комнату каким-то призрачным светом.

Одетая во все белое, как на девичнике, сидит Кумюш. По милому лицу ее пляшут тени от многочисленных предметов в комнате. Не слушая, что говорят ей свахи, Кумюш плачет. Вдруг со двора донесся возглас:

– Жених! Жених идет!

Лицо Кумюш приняло страдальческое выражение, она заплакала еще сильнее. Сваха метнулась к двери, жених был совсем близко. За Атабеком, окуривая его, шла старшая сестра Офтоб-аим.

Женщины, сопровождавшие Атабека, поднимали повыше свечи, чтобы лучше рассмотреть его. Красный от смущения, Атабек стоит на пороге, не зная, куда себя деть. Но вот открылась дверь, и сваха позвала:

– Пожалуйте, бек!

Сердце Атабека билось так громко, что ему казалось – слышит сваха.

Атабек вошел в комнату, а сваха прикрыла за ним дверь, но оставила щель, в которую видно было, что делается внутри. Кумюш стояла почти спиной к двери и теребила платок. Она даже не повернулась, чтобы взглянуть на вошедшего.

– Милая! – сказал Атабек, сжав ее тонкие руки.

Кумюш вздрогнула от его прикосновения и отстранилась.

– Не троньте меня, – сказала она.

– Почему? Почему вы не взглянете на меня? – проговорил Атабек глухим, срывающимся голосом.

Кумюш с трудом преодолела свое нежелание посмотреть на мужа и бросила настороженный враждебный взгляд в его сторону. Взглянула – и застыла… Потом подошла к нему ближе и взволнованно сказала:

– Так это вы?

– Да, я!

Кумюш глубоко и облегченно вздохнула. Они стояли и смотрели друг на друга.

– Глазам своим не верю, – наконец заговорила Кумюш.

– И я тоже, – сказал Атабек, не сводя с нее взора.

Маленькие нежные руки Кумюш легли на плечи Атабека, а он обнял ее своими большими сильными руками.

Потом Кумюш долго смотрела в его лицо.

– Какое нежданное счастье! – тихо сказала она и засмеялась звонким серебряным смехом, к которому так подходило ее имя – Кумюш[1].

Этот смех услышали во дворе. Приоткрытая свахой дверь тихонько закрылась. Кумюш взяла Атабека за руку и подвела его к дастархану, где заранее было расставлено угощение.

– О, если бы я знала, что это вы, я встретила бы вас иначе…

– А вы думали, что это не я?

– Мне даже в голову не приходило, что это можете быть вы!

Кумюш снова звонко рассмеялась.

Атабек взял ее руку и надел на палец кольцо. Кумюш потупилась, говоря:

– А я не приготовила вам подарка…

– Вы жалеете об этом?

– О!..

– Не надо! Можно попросить вас о чем-то?

– Да!

– Если вы позволите мне поцеловать это местечко, – сказал он, показывая родинку на верхней губе Кумюш, – это будет для меня самым лучшим подарком.

Кумюш покраснела.

---

[1] Кумуш – по-узбекски значит «серебро».

***

Но вернемся немного назад. На другой день после приезда в Маргилан Атабек пошел на обувной базар. Близился час предзакатной молитвы, и молодой человек попросил в одной из лавок воды для омовения. Вдоль улицы был прорыт глубокий арык, но вода в нем была лишь на дне, и брать ее оказалось неудобно. Продавец, сидевший на лавке, объяснил:

– Пройдете вон через те ворота на углу во двор, там есть место, где арык неглубок, и совершите омовение.

Так попал Атабек во двор кутидора как раз в ту минуту, когда Кумюш подошла к арыку с другой стороны. Ему показалось, что перед ним ангел. И Кумюш засмотрелась на красивого молодого человека. Они стояли, как завороженные, глядя друг на друга. Потом Кумюш страшно смутилась, бросилась бежать и скрылась в темном коридоре, ведущем в ичкари. При этом запрыгали все сорок косичек, струившихся по ее спине. Убегая, она все же метнула еще один взгляд на Атабека и одарила его мимолетной улыбкой.

Кумюш скрылась, но Атабек стоял, как вкопанный. Он весь был во власти одного желания – снова увидеть красавицу. Присев на корточки у арыка, чтобы зачерпнуть воды, он все время всматривался в темный коридор, куда скрылась девушка. И совершив омовение, все еще продолжал смотреть туда. Но она так и не появилась. Может быть, выглядывает откуда-нибудь и посмеивается над своим пленником, которого связала без веревки.

Долго ждал Атабек. Пропустил час молитвы и наконец усилием воли заставил себя уйти со двора.

Так родилась любовь, крепнувшая с каждым днем... Впрочем, читателю это уже известно. И вот случилось так, что мечта Кумюш сбылась и что это первая чистая любовь соединила два юных сердца.

18. ОГЛАШЕНИЕ

В этот день в Маргилане было объявлено, что в полдень совершена казнь через повешение над двумя мятежниками: Атабеком и Мирзакаримом-кутидором. Из уст в уста передавалась эта весть. Разные толки ходили в народе об Атабеке.

К курбаши вошел Хамид в сопровождении миршаба[1]. Курбаши пригласил Хамида присесть, а миршабу приказал выйти.

Вид у курбаши был смущенный, язык ему не повиновался, но в конце концов, набравшись смелости, он заговорил:

– Наши деды еще говорили, что на свете всегда так бывает – до двух копеек пятака не хватает. Вот оно и выходит: мечешься во все стороны, а в хозяйстве опять какая-нибудь прореха.

Хамид сразу догадался, на что он намекает.

– Правильно, таксыр! – поддержал он курбаши. – Всегда до двух не хватает пятака. Порой так тошно становится от этих прорех, что хоть умри. Хорошо еще, когда есть добрые друзья. Не будь их, лучше помереть! Я вот всегда прислушиваюсь к нуждам друзей и стараюсь помочь им. Готов самого себя для друга прозакладывать.

Курбаши, опираясь на концы сабли, лежавшей у него на коленях, сделал движение.

- Хвала вам, мулла Хамид! Хвала! За таких друзей не жалко себя в жертву принести, – сказал он, откашливаясь. – Тут такое дело: я готовлю той по случаю обрезания сына – пора, годы пришли! Так вот, почти все у меня есть, но коечего недостает. Я вот сидел и думал об этом как раз перед вашим приходом.

– Таксыр, – сказал Хамид, выдавив на своем лице улыбку, – может быть, вы рассердитесь, но я скажу, люди благородного происхождения… гнушаются простых людей. Вот и вы, отдавшись своей службе, честь свою блюдете по старинке…У вас столько забот, а вы и словом не обмолвитесь!

Сообразительность Хамида обрадовала курбаши, и он милостиво улыбнулся.

– Нет, нет, мулла Хамид! – сказал он. – Тут другое дело: когда состоишь на государственной службе, нужно сто раз подумать, прежде чем…

– Но моя преданность вам, бек, такова, что… – начал Хамид и, достав, кошелек, стал вынимать из него золотые.

[1] Миршаб – полицейский.

Глаза курбаши засверкали, взгляд так и впился в золото. Он уже видел роскошный пир, устроенный на эти деньги. Как приумножит он уважение к себе со стороны маргиланских беков! Двадцать золотых отсчитал Хамид? Не сон ли это? Курбаши замигал глазами, и Хамид протянул ему золотые.

– Примите, бек. Здесь хоть и немного, но пусть это свяжет нашу дружбу еще крепче. Если недостаточно, подумаем…

К великому удовольствию Хамида курбаши дрожащими руками спрятал золото.

– Так, мулла Хамид, в теперь поговорим о наших делах. Очень плохо, что в этой истории оказались замешаны ваш шурин и племянник.

Лицо Хамида выразило беспокойство, он ждал, что последует за этими словами.

– Этих невинных людей взяли под стражу, – продолжал курбаши, – опять-таки из-за того негодяя. Иначе кушбеги не отдал бы приказа об их аресте. Правда, ваши вчерашние показания привели к тому, что Атабек и его тесть осуждены на смерть, а ваши родственники до некоторой степени оправданы. Возможно, на предстоящем заседании суда я смогу добиться их освобождения. Во всяком случае, надеюсь, что наказание не будет жестоким. Заметили ли вы, что глашатай объявил сегодня о казни только Атабека и Мирзакарима? Это я приказал!

– Благодарю вас за добросердечие! – сказал Хамид. – Однако я опасаюсь все же за судьбу своих родственников… Нельзя ли найти еще какую-нибудь зацепку?

Курбаши, получив немалый дар, решил помочь просителю и после долгого раздумья сказал:

– Напомните-ка, что вы вчера говорили кушбеги, какие обвинения выставили против Атабека, я еще раз прикину.

– Я сказал следующее: «Атабек говорил, что ташкентцы по горло сыты жестокостью кипчаков, их неумелым правлением, что Азизбек и отец Атабека решили избавиться от этой напасти, подняв сначала восстание в Ташкенте; его же они послали в Маргилан, чтобы и здешних сородичей поднять против кипчаков. «До каких пор нас будут угнетать кипчаки, – говорил он, – долго ли мы будем склонять головы перед куч-

кой степняков?» Кутидор и Акрам-хаджи одобрительно слушали Атабека и обещали ему свою помощь в этом деле. Тут я выступил против них: «Ваши мысли ошибочны, – сказал я, – мы уже три года живем под сенью достопочтенного Утаббая-кушбеги, и ничего дурного он нам не делает. Выступить против власти таких людей – значит быть неблагодарным». Атабек резко возражал мне. Шурин и племянник, хоть и были со мной согласны, но по законам гостеприимства не могли выступить против него открыто. Я сначала скрывал этот разговор, так как не хотел, чтобы пролилась кровь Атабека и его друзей. Но когда в Ташкенте началось восстание, поднятое Азизбеком и Юсуфбеком-хаджи, я понял, что мое молчание будет предательством по отношению к властям, и все рассказал курбаши. За верную мою службу я прошу лишь одного: пусть об этой тайне никто не знает, кроме нас, а главное, чтобы не догадались сами преступники». Вот что я говорил кушбеги.

– Хорошо! – сказал курбаши. – Вы очень кстати все это сказали, и я верю, что Зия-ака и Рахмат будут освобождены.

– На чем основываетесь, утверждая это?

– А очень просто: раз кушбеги на основании ваших слов распорядился повесить Атабека и кутидора, то почему бы ему на этом же основании не освободить ваших родственников?

– Не помните ли вы, что мой шурин и племянник ответили на первых допросах?

– Их ответы не противоречат вашим показаниям. Они просто от всего отрекались, говорили, что таких разговоров не было. А это вполне объяснимо нежеланием опорочить гостя и вполне вяжется с вашими словами.

Хамид призадумался; курбаши заметил это и сказал:

– Да вы не беспокойтесь, Хамид! Ничто им не угрожает!

Хамид хотел было что-то еще сказать, даже рот раскрыл, но не решился, осекся и промолчал. Заметив это, курбаши подбодрил его:

– Говорите, здесь все свои.

Хамид осмелел.

– А что если мои родственники на новом допросе ошибутся в своих показаниях?

– А зачем им ошибаться? Ведь они будут говорить лишь о том, что знают. Когда перед их глазами встанет призрак смерти, стремление быть гостеприимными отступит перед истиной, и они расскажут всю правду, все, как было. Вот дело и обернется так, как вам хочется.

Хамид помрачнел. Мысленно он проклинал курбаши за недогадливость.

– Мои обвинительные и оправдательные слова вы пока забудьте, а посмотрите в корень дела…

Скрестились взоры клеветника и взяточника. До этой минуты курбаши действительно не задумывался над тайными побуждениями Хамида. Деньги, полученные от него, он считал взяткой за будущее освобождение родственников. Сейчас он понял, что это золото за кровь Атабека и кутидора. В нем даже проснулась и заговорила совесть. Хамида обуял страх – судьба его была в руках курбаши. Отправит он его в преисподнюю или спасет? Глаза Хамида без слов обещали еще и еще золота, и курбаши, прочитавший это, заглушил в себе голос совести, кричавшей: «Это цена крови двух невинных!»

– Какие же меры теперь примем? – тихо спросил он.

Хамид понял, что спасен.

– Я думаю, что предупредить моих родственников, сказать им, о чем я говорил с кушбеги в их оправдание, в чем обвинял Атабека.

– Хорошо бы предупредить.

– Спасибо, таксыр! Так нельзя ли, не теряя времени, пройти к ним до начала суда и растолковать все?

– Можно. А еще лучше было бы, если бы и вы пошли.

Хамид покачал головой.

– Никто не должен знать, что я замешан в это дело, не только Атабек с кутидором, но и мои родственники.

– Хорошо. Ну, а если произойдет какое-нибудь недоразумение? Вдруг, когда станут выносить приговор, кушбеги захочет вызвать вас! В таком случае все узнают, что вы имеете отношение к делу.

Да! Все обернулось бы весьма плохо для Хамида. Ему уже не удалось бы выйти из этой истории чистым, как ангел!

С него была бы сорвана маска, и ему пришлось бы стать лицом к лицу со своими противниками.

– И вы не можете поручиться за то, что меня не вызовут?

– Трудно ручаться! –в раздумье сказал курбаши. – Впрочем, это лишь мое предположение. Кушбеги обычно не проверяет того, в чем сам убежден.

Выражение задумчивости сошло с лица Хамида, и он решительно сказал:

– Ладно! Я готов к очной ставке, если придется.

Они распрощались и разошлись.

19. ПРИГОВОР

Палач ожидал приговора. В указе он держал секиру, наготове был и острый, словно жаждущий крови кинжал.

По правую руку кушбеги сидели курбаши и другие знатные люди города.

Напротив него сидели обвиняемые: Атабек, кутидор, Зия-шахичи и Рахмат. За ними стояла стража.

Атабек и Мирзакарим-кутидор обвинялись в серьезных преступлениях, и руки их были скованы. Зия-шахичи и Рахмату оставили руки свободными.

Смертельная бледность покрывала лицо кутидора; выражение растерянности и недоумения не сходило с лица Атабека; Зия-шахичи и Рахмат держались несколько бодрее.

Приговор уже был написан, и кушбеги начал читать его. Все молчали, глядя в землю:

«Я, правитель Маргилана Утаббай-кушбеги, именем хакана хаканов Его Величества великого Худояр-хана, объявляю настоящий приговор...»

Услышав имя Худояр-хана, именитые люди почтительно встали, затем снова опустились на места.

Кушбеги продолжал читать:

«По свидетельству одного заслуживающего доверия человека, сын ташкентца, Юсуфбека-хаджи Атабек, по поручению выступивших в эти дни против нашего ханаАзи-

парваначи[1] и своего отца, приехал в Маргилан для того, чтобы и здесь поднять подданных против Его Ханского Величества. Поскольку действия вышеназванного Атабека были направлены против Его Величества, он, Атабек, сын Юсуфбека-хаджи, подлежит казни через повешение. Второй обвиняемый, помощник Атабека в этом деле, маргиланский житель Мирзакарим-кутидор, заслуживает той же кары. Зия-шахичи и его сын Рахмат, знавшие о преступном заговоре, но не сообщившие своевременно властям, приговариваются к заключению в тюрьме на год».

– Несправедливый приговор! – сказал Атабек, улыбаясь.

Кутидор был похож на покойника.

Зия-шахичи с сыном отправили в тюрьму, Атабека и кутидора передали в руки палача. На этом заседание суда было закончено.

Кушбеги начал длинно рассказывать знати какую-то историю. Послушав минут десять, курбаши не выдержал и, поднимаясь, спросил:

– Не разрешите ли мне уйти, чтобы присутствовать при исполнении приговора?

Он не успел закончить, как появился Пирмат, один из дворцовых худайчи, почтительно поклонившись, он сказал:

– Пришла женщина, говорит – у нее жалоба. Впустить?

Кушбеги знаком дал понять курбаши, что тот может идти, и, обратившись к стражнику, сказал:

– Пусть войдет!

Курбаши встревожился: что это еще за неизвестная женщина? Да и пришла совсем не вовремя. Ему очень хотелось знать, с какой жалобой явилась она, но кушбеги отпустил его, и он вынужден было покинуть канцелярию. Курбаши подходил уже к двери, ведущей в коридор, когда женщина, закутанная в довольно поношенную паранджу, встала напротив кушбеги и низко ему поклонилась. Курбаши забеспокоился еще сильнее, боясь попасться на глаза кушбеги, он вышел и спрятался за дверью.

Женщина торопливо сняв у двери кавуши, что-то искала под паранджой. Кушбеги сказал, недоумевая:

[1] Парваначи – высокая должность в ханские времена.

– Подойдите, сестра, поближе и изложите вашу жалобу.

Женщина подошла к кушбеги и, передав ему что-то, вернулась обратно к двери. Переданное ею оказалось сложенной в несколько раз бумагой, которую кушбеги начал неторопливо разворачивать.

– Ради бога, скорее, – воскликнула женщина. – Иначе кровь невинных падет на вас.

Услышав это, именитые люди переглянулись между собой. Кушбеги быстро развернул бумагу и начал читать. Это было длинное послание, написанное толстым карандашом. Кушбеги читал медленно, и женщина проявляла нетерпение.

Вдруг кушбеги, не закончив письма, оторвался от него и громко крикнул:

– Пирмат! Пирмат!

Вбежал худайчи.

– Что прикажете, таксыр?

В голосе кушбеги слышалось необычное для него волнение.

– Скачи верхом за отправленными на виселицу. Верни их, даже если их уже готовят повесить. Передай мой приказ курбаши, он выполнит его.

Пирмат поклонился и, выглянув в коридор, сказал:

– Курбаши здесь!

– Зови!

Курбаши вошел, поклонился:

– Чему могу служить, таксыр?

– Удачно, что вы еще здесь. Немедленно поезжайте с Пирматом, остановите казнь, привезите осужденных!

Курбаши понял, что страхи его не напрасны. Глядя на стоявшую рядом женщину, он спросил:

– По какой причине, таксыр?

– Сейчас не время об этом, скачи, говорю я, скачи!

Курбаши поклонился и вышел вслед за Пирматом.

– Проклятье твоему отцу! – выругался кушбеги, глядя ему вслед.

Женщина немного успокоилась, а кушбеги снова углубился в бумагу, которую все еще держал в руках. Именитые граждане смотрели то на бумагу, совершившую чудо, то на

женщину, принесшую ее. Кушбеги вторично прочитал бумагу и обратился к женщине:

– Присядьте, сестрица!

Женщина села, из-под паранджи показался край атласного платья и приоткрылись тонкие белые руки. Кушбеги посмотрел на нее исподлобья, потом тщательно обследовал со всех сторон бумагу. Она была помята, буквы частично стерлись.

– Вы кем приходитесь Атабеку и кутидору, сестра?

– Я дочь кутидора, жена Атабека.

Присутствующие переглянулись между собой.

– Почему вы раньше не пришли с этим письмом?

Вопрос кушбеги испугал Кумюш (а это была она), она услышала за ним такие слова: «Ты опоздала, все свершилось!»

– Неужели все погибло? – воскликнула она.

– Нет, дочь моя, – сказал кушбеги, – я просто хочу знать, почему вы не принесли его вчера или еще ранее?

Кумюш облегченно вздохнула:

– Я нашла письмо лишь сегодня.

– Значит, не видели его прежде?

– Не видела.

– А где вы его нашли?

– В кармане его старого камзола.

Кушбеги передал письмо сидевшему к нему ближе всех знатному вельможе Азиму-пансаду[1], говоря:

– Прочите, пансад. А вы грамотная? – обратился он к Кумюш.

– Грамотная.

– Знали ли вы о действиях мужа, направленных против власти?

– Каких действиях?

– А тех, за которые мы считаем нужным повесить и вашего отца и мужа.

– Неправда! Они невиновны!

– Кто сказал вам, что это письмо может спасти от смерти вашего мужа?

– Я догадалась…

---

[1] П а н с а д – должностное лицо при ханском дворе.

– В таком случае вы знали и о его противозаконных поступках?

– Нет, таксыр! – Кумюш начала догадываться, куда клонит кушбеги. – Мы с матерью страдали, никак не могли понять, за что они арестованы. Но сегодня мы услышали от людей, что их обвиняют как мятежников, что будто мой муж прибыл из Ташкента, чтобы поднять мятеж. К счастью, нашлось это письмо, и я побежала к вам…

Кумюш не успела договорить, как появился запыхавшийся от бешеной скачки Пирмат и, поклонившись, сказал:

– Чуть не с виселицы сняли. Идут.

Кумюш вскочила, пристально посмотрела на Пирмата и глубоко вздохнула. Огромная тяжесть спала с ее сердца.

А в это время прочитавший письмо Азим-пансад взволнованно передал его своему соседу и обратился к кушбеги:

– Это письмо совершенно меняет наше представление о Юсуфбеке-хаджи. Вся Фергана твердила, что он сторонник Азизбека, но кто проник в его душу? И кто, кроме бога, знает, что у кого на душе?

Именитые граждане, до сих пор не обмолвившиеся и словом, теперь, поняв, какой оборот принимает дело, заговорили все сразу. Недаром сказано: «Когда враг бежит, появляется много храбрецов».

– Бог не допустил извратить истину! Свершить несправедливость! Не дал пролиться невинной крови! – воскликнули одни.

– Уму казалось непостижимым, чтобы такой смирный человек, как кутидор, мог решиться на подобное дело! – подхватили другие.

Тьма отчаяния, захлестнувшая сердце Кумюш, понемногу рассеивалась, и перед ней снова зажглись исчезнувшие было звезды надежды.

За дверью, ведущей в коридор, послышались быстрые шаги. Вошел курбаши.

– Они здесь таксыр. Ввести?

Кушбеги молча взял письмо и спрятал его под одеяло, на котором сидел. Потом обратился к Кумюш:

– Если вы не хотите смерти вашим отцу и мужу, то не произносите ни звука без моего разрешения. Поняли?

Кумюш кивнула головой, а кушбеги приказал курбаши, стоявшему в коридоре:

– Пусть войдут!

Кумюш видела Атабека и отца еще по дороге сюда, когда их вели на виселицу, но, объятая страхом, она, не чуя ног, бежала во дворец. Теперь, услышав «пусть войдут», она страшно взволновалась, сердце ее забилось, ей хотелось броситься к мужу, припасть к его груди и плакать, плакать… Но перед ней сидели наводившие страх чужие люди, в их присутствии она чувствовала себя скованной. Между тем Атабек и кутидор, по-прежнему с оковами на руках, уже вошли в зал под надзором стражи.

– Охране выйти! А вы, курбаши, снимите с них оковы! – приказал кушбеги.

Курбаши понимал, что ему грозят большие неприятности. Дрожащими руками поворачивая ключ, он начал снимать цепи с кутидора. Он уже не сомневался, что эти люди чуть не стали жертвой своекорыстного Хамида, неизвестно по какой причине заинтересованного в их гибели, и он, курбаши, принимал в этом участие. Теперь тайна будет раскрыта и ему не избежать казни.

С трудом освободив от оков руки кутидора, курбаши перешел к Атабеку. По дрожанию его рук Атабек догадался, что курбаши причастен к злому умыслу против них.

Чтобы испытать курбаши, он пристально и сурово посмотрел на него. Тот не выдержал грозного взгляда и опустил глаза. Атабек удостоверился в правильности своей догадки.

По приказу кушбеги обвиняемые опустились на колени. Курбаши с растерянным видом, точно нищий, потерявший свою суму, присел по левую руку правителя, недалеко от Кумюш. Атабек и кутидор заметили ее, но, слишком занятые своими заботами, даже не удивились тому, что в канцелярии правителя находится женщина. Растерянные, не смея радоваться, они гадали – по какой причине их вернули из-под самой виселице, почему с них сняли оковы? С нетерпением ждали они, что скажет правитель. А тот, как нарочно, сидел

глубоко задумавшись и молчал. С таким же нетерпением ждали его слов и все присутствующие. Только один курбаши всей душой желал, чтобы это молчание длилось вечно.

Но вот Утаббай заговорил.

– Атабек, – начал он, – в тот день, когда вы были арестованы, вы говорили мне об убеждениях вашего отца и ваших собственных, объясняли, что вы за люди. Мы, однако, не можем без особых доказательств поверить вашим словам. Мы приостановили казнь для того, чтобы проверить, имеются ли у вас какие-либо доказательства, или все это были лишь пустые слова. Можете ли вы их подтвердить чем-нибудь?

– То, что я вам в тот день рассказывал, – сказал Атабек, – моя и моего отца тайна. И трудно найти подтверждающих ее свидетелей. Даже если бы отец мой прибыл сюда и заявил то же самое, вы сказали бы, что он хочет спасти сына, и, веря клеветникам, все равно привели бы в исполнение ваш приговор.

Молнией ударили эти слова по сердцу кушбеги, он едва сдержал себя.

– Иначе говоря, у вас нет документов, подтверждающих ваши слова?

– Нет! У меня нет иных свидетелей, кроме моей совести!

– Вы получали недавно что-нибудь из Ташкента?

– Что, например?

– Например, письмо.

Атабек вздрогнул и взволнованно закричал:

– Получал! Получал! Вот и доказательство!

Почтенные граждане, присутствовавшие при этом разговоре, были до слез растроганы волнением молодого человека.

– Если вы пошлете со мной человека, – продолжал Атабек, – я принесу доказательство.

– Успокойтесь, Атабек, – сказал кушбеги.

Немного погодя, когда молодой человек пришел в себя, кушбеги спросил:

– Что вы получили?

– Письмо.

– От кого?

– От отца.

– Когда это было?

– В начале ташкентского мятежа.

– А потом?

– Больше не получал.

– О чем писал вам отец?

– Писал, что в Ташкенте темный народ поддался коварным уговорам Азизбека, а под конец… – Атабек прерывисто вздохнул, – он словно предвидел, что мне грозит опасность, и сделала некоторые наставления.

Азим-пансад взглянул на кушбеги, как бы говоря: «Не довольно ли?»

Курбаши немного успокоился, видя, что следствие продолжается. Но тут кушбеги вынул из-под одеяла письмо и показал его Азизбеку.

– Вы узнаете это письмо?

– Узнаю, – воскликнул Атабек, не веря своим глазам, – это и есть письмо моего отца, о котором я вам рассказал. Но кто же принес его вам, таксыр? Вот удивительно.

Кушбеги, чуть улыбаясь, указал на Кумюш, говоря:

– Вот ваш ангел-спаситель!

Кутидор и Атабек быстро взглянули в ее сторону. Тут Кумюш не выдержала:

– Отец, это я, ваша дочь!

До глубины сердца Атабека проникли эти слова, затронув самые нежные струны. Кутидор окончательно растерялся. Не обращая на него внимания, Атабек спросил:

– Это вы, Кумюш?

– Я, я.

Все, что пережили тяжелого эти два человека, прозвучало в кратких словах, которыми они обменялись. Трудно описать состояние, в какое каждый из них пришел, услышав родной голос.

– Это ты, доченька? – воскликнул кутидор.

– Я, отец!

Кушбеги, сидевший задумавшись, прервал их и обратился к Атабеку:

– Почему мы до сих пор не можем разыскать вашего слугу Хасанали?

– С тех пор как я в заключении, таксыр, я ничего о нем не слышал, – сказал Атабек, взглянув на Кумюш.

– Двенадцать дней назад почтенный Хасанали уехал в Ташкент, – сказала она, – и вот пока о нем нет вестей.

– А почему он уехал в Ташкент?

Вопрос кушбеги был неожидан, но Кумюш сумела толково на него ответить, объяснив причину отъезда Хасанали.

Разговор снова зашел о письме, и Атабек спросил у кушбеги:

– Может случиться, что благодаря письму, которое сейчас у вас в руках, мы будем оправданы? – Кушбеги кивнул головой. – Так вот, видя, сколь вы справедливы, мы просим лишь одного: пусть предстанут здесь клеветники и попытаются доказать то, в чем они нас обвиняют. Мы хотим этого, если даже нам потом будет грозить виселица. Но если они не смогут доказать свою правоту, пусть сами будут брошены в яму, которую готовили для нас. Это все, о чем мы просим у вашей милости! – закончил Атабек, глядя на курбаши.

На лице курбаши появилось выражение страха и страдания.

– Просьба ваша справедлива, – сказал Утаббай. – Но мы сейчас не можем выполнить ваше законное требование. Однако сегодня же клеветники будут задержаны, а в один из ближайших дней мы соберем всех вас и вынесем решение. А вы, дочь моя, – обратился кушбеги к Кумюш, – за находчивость и смелость заслуживаете вечной благодарности от отца и мужа. Они должны посвятить вам всю свою жизнь. Я же благодаря вам освобождаю их немедленно. Правда, за Атабека должен кто-нибудь поручиться, что он не скроется до окончательного решения дела.

За Атабека поручился всем своим имуществом кутидор, и они вместе с Кумюш, благословляя кушбеги, вышли из его канцелярии.

И тогда правитель приказал курбаши:

– Освободите Зия-шахичи и его сына Рахмата, а затем арестуйте клеветника.

Курбаши ушел выполнять приказ. Заседание было закрыто. Все расходились, выражая удивление по случаю происшедшего.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. ТАК ХОТЕЛИ ОТЕЦ И МАТЬ

Узбек-аим, жене Юсуфбека-хаджи, было пятьдесят пять лет. Женщина недалекая, но властная, она славилась тем, что всегда умела поставить на своем. Властолюбивый характер ее испытывали на себе не только ее муж, но и ташкентские женщины. Они кланялись даже ее тени, когда она проходила мимо; в любом доме Узбек-аим всегда предоставлялось почетное место, будь то свадьба, или поминки, или просто собирались гости. Без ее ведома не смели ни дочь выдать замуж, ни сына женить, ни совершить обряд обрезания. Слова: «Узбек-аим велела так сделать» были равносильны приказу и в тех домах, где справлялось какое-нибудь торжество, все делалось, как она хотела. Если уж говорить по правде, то надо признать, что власть Узбек-аим распространялась таким образом не только на женщин, но и на мужчин тоже.

Впрочем, Узбек-аим по поговорке «у меня кавуши[1] не на улице найдены, чтобы их даром трепать» ходила не на всякие свадьбы и поминки, а с большим разбором. Поэтому те, кому посчастливилось видеть у себя Узбек-аим, считали себя удостоенными особой милости и с гордостью говорили потом: «У меня на свадьбе сама Узбек-аим распоряжалась». Авторитет Узбек-аим был велик не только в своем кругу, среди знакомых, ей оказывали уважение и во дворце правителя, знатные госпожи тоже величали ее «матушкой». Нередко арба, присланная из урды, останавливалась у калитки дома Юсуфбека-хаджи, и есаулы ждали, когда выйдет разряженная Узбек-аим.

Частенько Узбек-аим, сидя где-нибудь за чаем, поражала женщин, заявляя: «Вчера из урды присылали за мной арбу, но я была занята и не в духе, не захотела ехать и отправила арбу обратно… Что ж, я сама себе хозяйка, как и госпожи урды». А то, как будто случайно, вставляла в разговор: «Позавчера я была в урде. Госпожи пристали ко мне: оставайтесь у нас ночевать во дворце». И женщины, слыша эти слова, проникались сознанием, с какой особой им выпала честь беседовать, и еще больше почтения выказывали Узбек-аим.

---

[1] К а в у ш и – кожаная обувь, которую надевают, выходя из дома.

У себя дома, одетая всегда в атласное платье, в халате из узорчатого адраса, в белом шелковом платке, с янтарными четками в руках, она зимой сидела у сандала, откинувшись на подушки, а летом располагалась на открытой террасе на почетном месте и звала то Айбадак, жену Хасанали, то служанку Ханифу и напоминала им, чтобы у них тесто не перестояло или плов не пригорел.

Если женитьба Атабека в Маргилане не вызвала у его отца особого неудовольствия, то этого никак нельзя было сказать про Узбек-аим. Можно себе представить, как отнеслась она к этому событию, лишившему ее стольких надежд на всевозможные удовольствия по поводу свадьбы единственного сына. Ведь, начиная со дня его обрезания, она перебирала всех девушек Ташкента, ища достойную невесту своему сыну. У одних дочь хороша, зато дом никуда не годится; у других дом с усадьбой хорош, зато девица некрасива; у третьих и дочь красива, и усадьба хороша, да род у них простой, незнатный... До самого последнего дня она была занята оценкой девиц, домов, усадеб и родовитости своих будущих сватов. И что же? Единственный сын женится где-то в Маргилане, на какой-то неизвестной девице, дочери каких-то людей, бог знает какого рода-племени, а родная мать, вырастившая этого сына, с таким нетерпением ожидавшая его свадьбы, Узбек-аим должна теперь, оставшись с носом, сидеть тихо и молчать.

В тот день, когда она узнала от Хасанали о женитьбе сына, она вышла из себя, закричала, завопила: «Не нужен мне такой сын! Лучше б небу синему сдоила я свое белое молоко! Пусть теперь и на глаза мне не показывается, своевольник, пусть и в Ташкент не является!»

Через две недели приехал из Маргилана Атабек. Вместо того, чтобы обнять сына, которого она не видела несколько месяцев, мать отвернулась от него, даже не спросила, как он себя чувствует, не справилась о здоровье и не ответила на его приветствие. Надулась, нахохлилась, как курица на насесте.

Атабек понимал, что мать обиделась на него, он и не ждал иного приема. Но когда Узбек-аим не смягчилась и после того, как он дважды просил у нее прощения, Атабек сде-

вил вид, что он не понимает, в чем дело, и перестал обращать на нее внимание.

Разумеется, Атабек не мог долго жить в Ташкенте, не наведываясь в Маргилан. Не прошло и двух недель, как он, найдя удобный предлог, вновь собрался в дорогу и отправился в Маргилан, даже не сказав матери. Этот поступок сына Узбек-аим восприняла как «попирание ее мертвого тела», дым от ее разгоревшегося гнева взвился до небес, и ярость свою она обрушила на мужа. «Где разум ваш? Или от старости вы его проглотили? – взывала она к нему. – Сына отдали каким-то маргиланцам! Да как вы сможете теперь людям в глаза глядеть?!»

У Юсуфбека-хаджи было в обычае никогда не вступать в пререкания с женой, вообще не затевать долгих разговоров с домашними, когда они с чем-нибудь к нему обращались. Если Атабеку, или его матери, или Хасанали, или кому другому нужно было посоветоваться, они приходили к Хаджи и запросто излагали свое дело. Хаджи думал, а пришедший в это время глядел ему в рот, ожидая решения. Потом хаджи, если был согласен, коротко говорил: «Ну?»; если же был не согласен, произносил: «Не годится». А уж если ему говорили о какой-либо нелепости, он просто молча усмехался. И все домашние его так привыкли к этому, что в большинстве случаев вполне удовлетворялись такими ответами. Только в исключительных случаях, если Юсуфбеку-хаджи нужно было что-то обсудить с сыном более подробно, он вызывал его для беседы в михманхану.

И теперь ответом на все вопли и укоры Узбек-аим была молчаливая усмешка хаджи.

Узбек-аим вынуждена было покориться и тридцать дней только и делала, что проклинала неизвестных разлучников-маргиланцев.

Вернувшись из Маргилана и думая, что мать уже забыла свою обиду, Атабек явился приветствовать Узбек-аим. Однако обида ее не только не была забыта, напротив – выросла вдвое. На этот раз мать удостоила возвратившегося сына взглядом и промолвила: «Сын мой, зачем теперь тебе приветствовать меня? Иди кланяйся своей новой маргиланской

матери, у нее проси благословения». И, не ответив на его салям, отвернулась от него.

Атабек только усмехнулся в ответ на материнские намеки, и так они оба продолжали жить затаив обиду друг на друга.

Побыв еще немного дома, Атабек снова под каким-то предлогом уехал в Маргилан. Вся кровь взбунтовалась в жилах Узбек-аим, от злости она гремела посудой, вопила на весь дом: «Да кто вы – отец вашему сыну или кто? Вы и не думаете унять его! Разве вы не видите, что эта маргиланка околдовала вашего сына, так приворожила его, что он – простофиля – скоро станет ее рабом и ляжет у порога своей маргиланки! Если вы его не удержите, скоро совсем лишитесь своего сына!»

Юсуфбек-хаджи и на этот раз не обратил внимания на слова жены, только сказал: «Оставь его, жена, был бы лишь здоров, а там одумается, опомнится когда-нибудь».

Атабек провел на этот раз в Маргилане около полутора месяцев. Вернулся, а в доме опять беспрерывное недовольство, обиды. Быстро собрался он в Андижан, а ведь это недалеко от Маргилана – тоже в Фергане. Снова вопли Узбек-аим поднялись к небу. Она желала даже смерти маргиланской колдунье, проклинала ее: как она разлучила мать с сыном, так пусть судьба разлучит ее с возлюбленным!

Так прошел год, и за это время сын семь или восемь раз уезжал из дому. Наконец, может быть, под влиянием постоянных наговоров жены, и отношение Юсуфбека-хаджи к сыну стало меняться. Однажды, когда жена укоряла его: «Вы не умеете воспитывать вашего сына, не умеете унять его!» - хаджи спросил:

– Ну, что же ты хочешь, чтобы я сделал?

– До тех пор не избавиться нам от его частых отлучек из дому, от этих маргиланских поездок, пока не привяжем его к Ташкенту, пока не женим его здесь, - говорила Узбек-аим. – А если женится он в Ташкенте, успокоится, будет тише воды, ниже травы. Может, и позабудет свою маргиланскую беду! – не упустила случая Узбек-аим высказать заветную свою думу.

– Ну, хорошо, вот пусть вернется твой сын, – сказал хаджи.

При этих словах Узбек-аим еще больше разгорячилась, затараторила быстро-быстро:

– Это вы сделали его таким своевольным, вы позволяли ему делать, что хочет, вот и довели его до беды… Так нельзя воспитывать сына. Хочет он или не хочет, вы должны хоть раз поставить на своем. Вы всегда говорили: «Сын сам знает, что ему нужно», – и сколько хороших сватов мы упустили, и вот докатились до маргиланского горя! Но теперь вот вам мой сказ: пока он не вернулся, устрою сговор в каком-нибудь благородном доме, а как приедет, справим свадьбу.

– Да погоди ты…

Но нерешительность хаджи только придала духу Узбек-аим – она словно крылья и хвост распустила и уж не могла сидеть спокойно. На следующий же день она велела Хасанали подать арбу и отправилась на поиски достойной своего сына невесты. От Хасанали она часто слышала о красоте маргиланской невестки, поэтому нельзя было удовольствоваться первой встречной, пришлось много дверей в городе пересчитать. Лишь на седьмом выезде ей понравилась дочь некоего Алима-пансада. Теперь надо было получить разрешение хаджи.

Хаджи сначала только усмехался на приставания жены, потом сказал:

– Погоди, пусть вернется сын.

Но Узбек-аим приставала все настойчивее. Тогда он сказал:

– Делай что хочешь, но имей в виду, если сын не согласится, я принуждать его не стану.

Узбек-аим принялась умолять мужа:

– Перестаньте же упрямиться! Обещайте хоть одно словечко замолвить перед сыном. Ведь эта девушка из благородной семьи.

– Ладно, я поговорю с ним. Только ты пока погоди, не сватай.

– Я не буду сватать. Но сыну мы скажем, что уже посватали, хорошо?

– Ладно! – сказал хаджи, чтобы отвязаться.

После этого разговора Узбек-аим ожила. Назавтра она велела запрячь лошадь в арбу и поехала в дом Алима-пансада. На этот раз ее принимали здесь уже как настоящую сватью. Семья Алима-пансада-баши совсем захлопоталась – как же, ведь они надеялись породниться с самим Юсуф-беком-хаджи! – и были весьма приветливы и уважительны. Как говорится, уста, отведавшие угощенья, уже смазаны для доброй речи, поэтому Узбек-аим тоже вела себя совсем по-родственному, она даже заверила будущих сватов:

– Мы с беком-ата уже обо всем договорились, только ждем приезда Атабека.

Вернувшись домой, она проговорилась об этом мужу, и хаджи пришлось только губы кусать.

– Никак ты ума не наберешься, жена, – сказал она сердито.

Через месяц Атабек вернулся домой и тотчас догадался, что ему приготовила мать. Он понял это потому, что вместо обычных укоров и обидных слов мать встретила его ласково, спросила приветливо:

– В добром ли здоровье вернулся, сынок?

Он стал избегать отца и мать, чтобы не услышать от них противного его совести и сердцу предложения о новой женитьбе. Но нельзя же было всегда уклоняться. Однажды вечером, когда он беседовал с отцом в михманхане, туда пришла Узбек-аим и, не садясь, многозначительно подмигнула мужу, показав ему на сына. Атабек, хоть и не заметил материнского знака, понял, что ему не избежать нежелательного разговора, и не нашел предлога уйти. Хаджи задумался, Узбек-аим топталась на месте, поглядывая на мужа. После некоторого молчания хаджи ласково обратился к сыну:

– Не знаю, слышал ли ты, сын мой, мы тут порешили одно дело, тебя касающееся…

Атабек, конечно, знал, что за дело они порешили или собирались порешить. Но все же он сделал вид, что ни о чем не догадывается.

– Конечно, разумные люди не задумывают недостойного дела, если это касается их сына, – сказал он.

После такого ответа хаджи невольно опустил глаза и не знал, как продолжать разговор. Потом он насмешливо взглянул на жену, но все молчал. Этого молчания Узбек-аим не могла снести. Сердце у нее разгорелось, и, подождав немного, она сказал:

– Мы сосватали за тебя дочь Алима-пансада… Теперь надо условиться насчет свадьбы.

Не отвечая ни слова матери, Атабек с укором посмотрел на отца.

Хаджи пробормотал смущенно:

– Да, уж так…

– Но ведь я женат уже… хоть это и огорчает вас… А теперь…

– Если ты женат, что ж нам огорчаться – улыбнулся хаджи.

– Но если вас не огорчает моя первая женитьба, зачем же?..

Хаджи уселся поудобнее:

– По необходимости, сын мой, по необходимости…

– Какая же может быть необходимость?

– Судя по словам Хасанали, твой тесть не хочет отпустить свою дочь в Ташкент. А матери твоей, которая тебя вырастила, хочется, чтобы сын с невесткой жили в родном доме.

Атабек посмотрел на мать.

– До сих пор жили вы без невестки, разве нельзя и дальше обходиться без нее? – сказал он.

Сердце Узбек-аим запылало гневом против сына, которого так приворожила к себе какая-то маргиланка. Все обиды, накопившиеся за год, теперь разом излила она на него.

– Я-то тебя кормила-растила, надеялась на тебя, думала, что ты еще возвысишь наш город!.. А ты так унизил его!.. Могли ли мы думать, что ты свяжешься с какой-то маргеланкой? Бессовестный! Если дать тебе волю, ты и в самом деле будешь считать эту маргиланку своей настоящей женой, бесстыдник!

Атабек тоже стал горячиться:

– А кто же она мне, если не жена?

– Чужеземка… вот с такими глазищами и бровями!

– Что значит чужеземка?

Юсуфбек-хаджи, вместо того, чтобы унять сына, посмеиваясь, глядел на жену: «А ну-ка, отвечай же».

Узбек-аим очень хотелось унизить «чужеземку», и она заговорила, запинаясь:

– Чужеземка... это китаянка... или еще какая-нибудь беда... Уж раз ты не понимаешь, прямо скажу: цыганка!..

Тут Юсуфбек-хаджи не мог удержаться от смеха, засмеялся и Атабек. Вдоволь нахохотавшись над словами жены, хаджи вытер выступившие на глазах слезы и сказал сыну уже серьезно:

– Сын мой, не обижайся на мать. Что бы она ни говорила, все равно она будет одно твердить – что она против твоей маргиланской женитьбы. Если же ты у меня спросишь, то я ни с какой стороны не хочу унизить ни маргиланскую невестку, ни маргиланского свата, может быть, я даже считаю его самым достойным своим сватом, всячески одобряю тебя и радуюсь твоему спокойствию и твоему счастью. Поверь мне! Однако, хотя ты по-своему, может быть, прав, противясь нашим теперешним желаниям, но ты не вправе лишать нас надежды и радости в жизни. Сын мой, у нас, кроме тебя, нет никого, все наши желания и надежды в тебе одном. Ты был до сих пор разумным, добрым сыном, не хуже других, мы тысячу раз благодарим бога за это. Но мать, которая растила тебя, вырастила и свои надежды на тебя. Вот почему сегодня мать преклоняет перед тобой колени, и мы вместе просим тебя. Один раз ты женился по своему желанию и выбору, и пусть твоя подруга приносит тебе счастье! У отца с матерью, если они разумные люди, не может быть иной надежды. И все-таки мать, которая живет только тобой, хочет, чтобы ее дитя осуществило и ее давние мечты... Выполнишь ли ты это ее законное желание, – воля твоя.

Насколько эти слова хаджи пришлись по сердцу Узбек-аим, настолько же они поставили в тупик Атабека. Хаджи, и без того слишком разговорившийся вопреки своему обыкновению, закончил свою речь так:

– Разумный толково высказывает свои мысли, неразумный лает, как собака, говорят. Мать твоя хотела сказать то, что я сказал. Остальное она наболтала зря, желая защитить

себя… ты ведь не хуже меня знаешь характер твоей матери…

Узбек-аим закивала головой в знак согласия. Но Атабек все молчал. То, что сказал Юсуфбек-хаджи, было не просто его мнением, это было в обычае и в духе времени. И Атабек слушал эти слова, как сын своего времени и своей среды, в какой рос. Он не обладал силой выступить против обычаев, освященных временем, против своего отца. Бессильный против них, он молчал. Конечно, ему хотелось утешить родителей, которые растили его, надеялись потом женить и увидеть внуков от него, он не хотел бы, чтобы из-за него пришлось им позориться: ведь они уже дали слово Алиму-пансаду. Но в то же время он не мог не думать о Кумюш: ему казалось, что ее глаза, так пленившие его, смотрят на него с презрением, будто говорят ему, что он – изменник, не умеет защитить свою любовь. Собственно говоря, только эти глаза Кумюш и заставляли его противиться воле отца и матери, все остальное не смущало его. Но хотя он думал, что исполнение желания родителей не может помешать ему любить Кумюш, сердце его все же было неспокойно, и совесть мучила его. Но то, что волновало его, не казалось важным его родителям. Им надоело наконец ожидать от него ответа.

– Не заставляй нас ждать, сын мой, – сказал хаджи.

Растерянно смотрел Атабек на отца и сказал с мольбой в голосе:

– Если это доставит вам радость, я готов исполнить ваше желание. Но не поступим ли мы жестоко и подло с этой бедняжкой…

Хаджи не сразу понял, что хотел сказать сын:

– С твоей женой, что ли?

– Нет, с той девушкой, которую вы сосватали. Как сын ваш, я удовлетворю ваше желание, женюсь, но ей, вашей будущей невестке, я не смогу быть настоящим мужем, я буду с ней бесчувственным истуканом.

Юсуфбек-хаджи посмотрел на жену. Но Узбек-аим, уверенную в прелестях своей будущей невестки, это не смутило.

– Ладно, об этом толковать пока не будем, сын мой! – сказала она.

Атабек замолчал. Юсуфбек-хаджи понимал сына и мог представить себе, какие осложнения должны были возникнуть в семье впоследствии, но почему-то он не захотел заглянуть в это темное будущее.

– Ты верно говоришь, мой сын. Но поспешность твоей матери с самого начала поставила меня в тупик. И сейчас я вынужден молчать и подчиняться обстоятельствам. Это не я, а твоя мать дала слово людям. Сколько бы не раздумывали теперь, я не считаю возможным, чтобы наша семья показала пример несогласия, раздора и неверности данному слову.

Атабек согласился на все, превратившись, как сам выразился, в бесчувственную статую. Одного только потребовал он: прежде съездить в Маргилан, предупредить обо всем жену и тестя с тещей, и тогда уже готовиться к свадьбе. Мать, довольная, что все так легко закончилось, приняла это условие и сама стала торопить сына с поездкой в Маргилан.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

5. ПИСЬМО

Атабек взял письмо. Оно было сложено восемь раз, прошито в нескольких местах красной шелковой ниткой и адресовано Атабеку. Он не вскрывал его, ожидая, когда уйдет отец, и сердце его дрожало, как запаленный конь. Наконец, разорвав нитки, он развернул письмо и жадно впился в него глазами.

« ... Как Зулейха, потерявшая покой из-за страсти к Юсуфу Прекрасному, как Лейли, рыдающая от любви к Меджнуну, я шлю вам бессчетные, как волосы моих кос, приветы! Мое дело каяться, а ваше – прощать. Говорят, кто старое помянет, тому глаз вон. Для меня вспоминать те черные дни, что пришлось мне пережить за два года, – все равно, что заново их пережить, поэтому вы, как хотите, забудьте или не забывайте, а я их забыла. Я хочу вспоминать только, начиная с того дня, от которого веет на меня ароматом счастья.

Вы – беглец. Вы наспех написали мне несколько строк и сбежали. Значит, я верно истолковала ваши приезды в

Маргилан за эти два года, значит, я угадала: вы приезжали, вы волновались и хлопотали только для того, чтобы отомстить вашим врагам, иначе вы повидались бы со мной. Если у вас самого не было желания видеть меня, пусть хоть я увидела бы вас... насмотрелась бы досыта!..

Видно, уж такая я несчастливая, такая уж доля моя, что я надоела вам, и не удивительно, что вы стали убегать от меня. Что ж, бегите, но я сегодня опоясала стан свой, чтобы догнать моего любимого. На днях в сопровождении отца моего и моей матери я отправляюсь к вам служить вам, быть вашей рабой! Наконец я узнаю, чего я стою в сравнении с моей соперницей, с вашей любимицей?.. Вы благородны: из уважения к нашей прежней любви вы, хоть из учтивости, взглянете на меня, улыбнетесь и тем осчастливите меня, бедную! Только я очень боюсь, как бы не обидела, не оскорбила меня ваша любимица – младшая жена. Когда вы получите это письмо, в первый же счастливый час наедине с нею, ради бога, возьмите с нее обещание не смотреть на меня как на соперницу... Я готова быть служанкой вам и вашей возлюбленной, только чтобы видеть моего Атабека!..

Под конец признаюсь вам: в душе моей живет постоянный страх: – не прогонят ли меня от ворот в отместку за то, что было?.. Но если приведет бог и я благополучно поселюсь у вас, я уж знаю, что мне делать:

Ах, как далек отъезда день!
И дорога длинна, как жизнь…

3-го хамала. Маргилан. Писала ваша Кумуш»[1].

Радость переполнила грудь Атабека, он улыбался. Перечитал письмо еще раз и обрадовался еще больше. Но вдруг почему-то он вспомнил вчерашний день, перед ним невольно возникли картины резни. Он вздрогнул, словно вновь увидел мертвые тела, и торопливо сложил письмо, как бы стараясь спрятать его от мертвецов, сунул в карман, вскочил и вышел

[1] 3-го хамала – соответствует приблизительно марту.

из дома. Побродив по улице, он как будто забылся немного и, вернувшись в михманхану, снова стал перечитывать письмо. Но на этот раз оно не принесло ему радости, смысл его обернулся для него по-иному, словно память о загубленных легла тенью на письмо Кумюш.

«Толька я очень боюсь, как бы не обидела меня, не оскорбила ваша любимица – младшая жена…» Он удивился, как он мог радоваться только что. Ведь эти слова таили в себе такую тоску, смысл их не давал возможности радоваться. В них было предчувствие будущей беспокойной и горькой жизни, которая представлялась еще неясно, но была уже вполне вероятной.

Хотя Атабек и не очень опасался Зайнаб – «соперницы», как писала Кумюш, – но при мысли о матери у него замирало сердце. Не его ли родная мать отравила ему самые драгоценные дни его жизни? Не она ли заставила его два года мучиться, скитаться и даже пойти на убийство? Не ее ли прихоть развязала руки его сопернику?

Это она, перевернув весь город вверх дном в поисках невесты, нашла, наконец, достойную, по ее мнению, красавицу и умницу, устроила свадьбу, праздник и, радуясь исполнению своего желания, с гордостью поднесла ему: «Вот тебе жена!» Как же теперь она встретит маргиланскую пери, которая явится сюда назло ее любимице?

Кумюш боялась только соперницы, а Атабек гораздо больше опасался своей матери.

ХАМЗА ХАКИМ-ЗАДЕ НИЯЗИ

(1889 – 1929)

Жизненный путь Хамзы Хаким-заде Ниязи был сложен, противоречив, но чрезвычайно богат событиями. Он родился в 1889 году в городе Коканде в семье табиба-лекаря,учился в начальной школе, потом в медресе. Некоторое время обучался в русско-туземной школе.

Хамза много занимался самостоятельно. С интересом читал Навои, Бабура, Бедиля, Физули, Мукими, Фурката, произведения европейской классики. Уже к началу XX века Хамза становится известной личностью, входит в ряды просветителей-интеллигентов.

Начало творчества Хамзы приходится на 1905 год, когда были опубликованы его первые стихи, подписанные псевдонимом Нихон («Скрытый»). Большинство этих стихов созвучны поэтическим традициям века, во многом автор следует идеям таких патриотов-просветителей, как Мукими и Фуркат. Например, у Мукими:

Скажи ей, рассветный ветерок,
Той, у кого локоны ароматны, как базилик,
Пусть придет.
Ведь душа в аромате том
Находит дыхание жизни своей,
Пусть придет.

Хамза под впечатлением этих строк дает им свою стилистическую интерпретацию:

Передай ей, ветерок рассеянный, луноликой той,
Пусть придет.
Царице этой, владычице мира красоты скажи,
Пусть придет.

На мировоззрение Хамзы сильное влияние оказывает национально-просветительское движение. Его творчество становится образцом джадидской литературы.

Творческий путь Хамзы можно разделить на несколько этапов, связанных с эволюцией содержательной и поэтической систем его поэзии. По мере изменения жизни менялось его мировоззрение, трансформировались эстетические пристрастия.

В начальный период развития его художественной системы высочайшим авторитетом была классическая литература – Хамза сочинял народные песни и традиционные

поэтические произведения. Основное место занимала тема веры, вероисповедания, религиозных традиционных воззрений. Об этом интересе поэта свидетельствуют письма, статьи, стихи. Первые три учебника Хамзы – «Енгил адабиёт» («Облегченная литература»), «Ўқиш китоби» («Книга для чтения»), «Қироат китоби» («Книга по искусству чтения Корана»[1]) и его сборник стихов «Девон» построены на теоретическом и практическом следовании классическим канонам поэтического жанра.

В 1913 г. Хамза отправляется в путешествие. Он посетил Афганистан, Индию, арабские страны, Турцию, южные края России. Поэт сравнивает чужую жизнь с жизнью своего народа. Нищета, в которой пребывают его соотечественники, поражает его сердце. Он ищет пути выхода из этого положения. Об этом говорится в его стихах «Рамазан», «Согиниб» («Тоскую»).

Придя к выводу, что причина бедственного положения народа в его необразованности, Хамза начинает писать стихи-призывы, утверждающие необходимость образования.

В 1914-1915 гг. Хамза пишет стихи «Уки!» («Учись!»), «Илм иста» («Стремись к науке»), «Олим бўлайлик» («Станем учеными»), «Китоб» («Книга»), «Қалам» («Перо»), «Мактаб» («Школа»), «Ҳикоя» («Рассказ»), «Тўғри сўз бола» («Мальчик, говорящий правду»), «Тошбақа ва чаён» («Черепаха и скорпион»), «Қиморнинг боши» («Начало азартной игры»), «Боланинг ёмон бўлмоғига сабаб бўлган онанинг жазоси» («Испорченный ребенок – наказание матери»). Названия говорят о содержании стихов. Стихотворение «Стремись к науке» построено на призыве: ищи, желай, стремись к науке.

Хамза является одним из основателей узбекской драматургии. Он автор около сорока больших и малых сценических произведений. Хамза писал сценические произведения разного жанрового плана. Он создал комедию («Проделки Майсары»). Трудился над созданием оперы «Қора соч» («Черные косы»).

Комедия Хамзы «Бурунги қозилар ёки Майсаранинг иши» («Прежние казии, или Проделки Майсары») была написана в 1926 г., но оригинал рукописи был найден только в 1939 г. Ос-

[1] Кироат – букв. «чтение нараспев», чтение Корана.

нову этой сатирической комедии составляет фольклорный сюжет. Комедия изобличает грязные ухищрения чиновников, их безнравственные делишки и воспевает чистую любовь и верность. Потерявшие человеческий облик судья, муфтий и законовед-домла «влюбляются» в Ойхон – жену молодого бедняка Чупана – и начинают грязно домогаться ее.

В комедии развертывается история Майсары – умная и инициативная женщина создает комические ситуации для «влюбленных» и тем самым выводит их на чистую воду. Она не просто разоблачает «влюбленных», она подвергает их позорному осмеянию. Майсара защищает свою невестку Ойхон от казия (судьи), его сына Хидоятхана, муллы Рузи. Она готовит ловушки этим «блюстителям» закона и веры. Один «влюбленный» успевает только лишь войти в дом, как слышит стук в ворота, это пришел второй приглашенный – создается комическая ситуация. Наконец, является сам Чупан. Перепуганные насмерть «гости» готовы на что угодно, лишь бы спасти свою честь: один натягивает шкуру коровы, другой изображает подставку для светильника, третий влезает в женское одеяние. Майсара сама накрывает муллу Рузи шкурой, Хидоятхана превращает в «козла», судью укладывает в люльку. В конце концов судья вынужден взмолиться: «Господь Бог прощает грехи. Простите же и вы. Нет сил оставаться среди людей. Освободите наши руки и ноги, я готов навсегда уйти в горы».

Драматургу удалось создать и жизненную конфликтную ситуацию, и увлекательный сюжет, и яркие живые образы. В комедии Ойхон и Чупан – олицетворение верности и преданности, Майсара – само воплощение находчивости, предприимчивости и ума, а законник-домла, мулла Рузи и Хидоятхан – символы нравственной нечистоплотности, двуличия и непорядочности.

Наиболее удачны образы Майсары, Мулладуста, казия и Хидоятхана. Образ главной героини – Майсары несет мысль автора о том, что по уму, смелости и находчивости женщины отнюдь не уступают мужчинам. В образе Майсары воплощены лучшие национальные черты узбекской женщины.

Комедия «Проделки Майсары» до сих пор успешно идет в театрах на узбекском языке и в переводах.

ЧЕРЕПАХА И СКОРПИОН

Басня

Выбрала в друзья во время оно
Черепаха злого скорпиона.
В путь пошли, стянув ремни потуже,
Скорпион с подругой неуклюжей.
Хвастаться он начал перед нею:
– Я любезней всех и всех вернее.
Нашей дружбе предан я всецело.
Связаны мы, как душа и тело!
До реки добрались оба друга.
Скорпион затрясся от испуга.
–Плавать, – говорит, – я не умею,
А в разлуке с горя захирею.
– Что ж, садись на черепашью спину,
Я тебя в несчастье не покину!
Сел на черепаху скорпион,
А кругом вода со всех сторон.
Выпустил он жало и с размаху
Поразить собрался черепаху.

Черепаха так и задрожала.
– Для чего ты выпускаешь жало?
Отвечает скорпион:
«Мне надо выпустить наружу каплю яда.
Хоть и велика твоя услуга,
Но тебя ужалю я, подруга!»
И сказала черепаха скорпиону:
– Поступаешь ты не по закону.
Ты за дружбу платишь мне враждою.
Но тебе вражда грозит бедою!
Отвечает скорпион со злобой:
– Обещал я верным быть до гроба
И дождусь, исполнив обещанье,
Твоего последнего дыханья!
Так бы и пропала черепаха,
Да втянула голову от страха,

А потом нырнула в глубину
– И пошел дружок ее ко дну...
А мораль такая этой басни:
Вероломный друг врага опасней.

1914

ПРОДЕЛКИ МАЙСАРЫ

Комедия в 3-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ч у п а н –26 лет, учтивый и ласковый в разговоре, черноволосый, белолицый, румяный красивый молодой человек среднего роста, плотный.

Айхон – жена Чупана, 16 лет, красивая сверх всяких похвал, длиннокосая, приветливая и сладкоречивая.

Майсара – тетка Чупана, 55 лет, рослая, белолицая, черноволосая женщина, веселая, смелая, решительная.

Казий – 63 года, с густой пышной бородой, крупный, с брюшком.

Хидоят-хан – 35 лет, сын казия, муфтий-законовед, смуглый, с козлиной бородкой, распутник.

Мулла-Рузы – 56 лет, озорного нрава человек с раздвоенной бородой,аглям – помощник и преданный друг казия.

Мулла-Дост[1] – 57 лет, доверенный слуга казия, общительный, открытого нрава человек, смуглый, с белой бородой.

Н а д и р а – 21 год, пятнадцатая жена казия, среднего роста, очень красивая, черноволосая, с лицом цвета спелой пшеницы, мягкая нравом женщина.

Тахир – 28 лет, друг детства и возлюбленный Надиры, помолвленный с нею с колыбели; среднего роста, красивый, широкогрудый молодой человек с густым басом.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Вторая комната в доме Айхон,прямо перед зрителем дверь, с правой стороны –сени, с левой – большая ниша. По стенам в небольших нишах – полки. В комнате пусто, часть вещей Майсара уже распродала. В сенях полутемно. М а й с а р а расправляет сшитую воловью шкуру.

[1] Дост – сокращенное Досмат.

А й х о н *(торопливо входя)*. Тетушка! Пришла жена казия Надирахон!

М а й с а р а . Где же она? Скажи, пусть входит.

Айхон уходит.

Я должна довести задуманное до конца и примерно наказать этих негодяев.

Входят А й х о н и Н а д и р а .

Н а д и р а , Тетушка, милая! Я так боялась, так боялась, что взяла только самые дорогие из моих украшений – золото, серебро, жемчуга. Даже наряды свои оставила.

М а й с а р а. Говорят, счастливые глаза и самого султана могут не заметить. Всем сокровищам света белого перед любимым – пятак цена. Бедность и нужда на воле слаще сладкого шербета в темнице.

А й х о н *(Надире)*. Вай, сестрица! Вы еще думаете о нарядах? Да я на вашем месте умерла бы от радости.

Н а д и р а . Печаль и забота моя не о нарядах. Я готова уйти разутой и раздетой. Только как мы будем на чужбине с пустыми руками? И на дорогу ничего нет ни у нас, ни у вас. Мне просто неловко – вы так помогли нам. Хотела я взять немного золота у проклятого, да побоялась.

М а й с а р а . И хорошо сделала, милая! Это могло только повредить нашему делу. Если мы, положившись на волю создателя, сумеем благополучно выехать в дорогу, то обязательно достигнем исполнения желаний. А с деньгами я кое-что придумала. Сейчас казий сам, своими руками принесет их нам.

Н а д и р а . Ах, чуть не забыла, кошель Мадгазы казий взял из сундука и куда-то с ним вышел. Значит, он сюда его принесет?

М а й с а р а . Обязательно принесет, непременно!

А й х о н *(смеется)*. Что за кошель, тетушка?

М а й с а р а . Кошель, оставленный твоим свекром.

Н а д и р а *(показывая на воловью шкуру)*. А это что такое, тетушка?

М а й с а р а . Об этом пока не спрашивай, потом узнаешь.

А й х о н *(Надире)*. Тетушка говорит, что мне придется увидеть казня и его помощника агляма. Ради любимого

я готова на все, кроме греха, но я уже с полудня дрожу вся и ноги подкашиваются. Боюсь, как бы я не выдала себя и не расстроила нашего дела.

М а й с а р а . Что ты, что ты, доченька? Когда я с тобой, ни одного волоска из твоих черных кудрей никто никогда не посмеет тронуть. Вот увидишь, как я опозорю этих мерзавцев!

А й х о н . Слава богу, лицо мое останется светлым перед моим Чупаном.

Н а д и р а . Вы счастливее любой из женщин, Айхон: судьба соединила вас с тем, кого вы полюбили всем сердцем. К тому же у вас есть добрая тетушка, всегда готовая помочь вам.

А й х о н. Ах, тетушка у нас такая добрая, такая заботливая!

М а й с а р а . Ну, пора! Спешите, уже призывают к Вечерней молитве. Близится час, когда влюбленные начнут рыскать по темным переулкам. *(Сворачивает шкуру.)* Давайте отнесем это в сени!

М а й с а р а. Каждая вещь должна быть у нас на своем месте. Чтобы я не запуталась потом.

Н а д и р а *(смеется).* Тетушка, как вы одна справитесь со всем этим?

М а й с а р а. Справлюсь, если бог поможет, ради вашего счастья.

Н а д и р а . А не лучше ли просто связать их – и все.

М а й с а р а. Дочь моя, если задумал что, надо делать так, чтобы весь свет по твоему желанию или плакал или смеялся бы до упаду! Объяснять вам сейчас нет времени. Давайте приниматься за дело! *(К Айхон.)* А где же зыбка?

А й х о н . Сейчас принесу, она тут за дверью.

Н а д и р а . А зачем зыбка понадобилась?

М а й с а р а. В зыбке будет лежать ваш почтенный супруг.

Н а д и р а *(смеется).* Да как же он поместится в ней?

А й х о н *(улыбаясь).* Не пойму, что задумала моя тетушка!

М а й с а р а. Поймете, когда пеленать его начну. *(К Айхон.)* Арканы, топор, пила–все на месте?

А й х о н . Все на месте, нет только зыбки и подставки для светильника.

М а й с а р а. Неси скорее!

А й х о н уходит.

(К Надире.) Доченька, милая! Надо нам быть осторожными и осмотрительными во всем, потому что дело мы затеяли опасное. Справимся с ним – большая удача для нас. Я понимаю, сердце твое рвется к любимому.

Надира в смущении опускает глаза.

Тахир сейчас придет. Я его научила, как заставить казия отречься от тебя и объявить тебе развод по всем правилам и при свидетеле–агляме, как положено по шариату. Еще раз предупреждаю – дело мы затеяли опасное, тонкое, и вести себя надо, пока все не закончим, сдержанно, скромно и без всякого озорства. Понятно?

Надира, смутившись, закрывает лицо.

Ты поняла меня, доченька?

Н а д и р а . Неужели вы думаете?..

М а й с а р а . Затем будешь помогать мне, когда позову. Дело пойдет у нас в таком порядке. *(Шепчет на ухо, потом громко.)* А казием я сама займусь. Только ты смотри, не выдай себя чем-нибудь.

Айхон вносит подставку для светильника и снова уходит.

Слышишь?

Н а д и р а . Слышу. Боюсь только, как бы не рассмеяться, тетушка.

М а й с а р а. А ты молитву твори, чтоб не поддаться соблазну.Рассмеешься– погубишь всех нас.

Н а д и р а . Сохрани бог!

С зыбкой входит А й х о н.

М а й с а р а . А где клевер?

А й х о н. Какой клевер? Вы же соломы наказывали принести.

М а й с а р а . Ах да, я забыла. Ну, а солома где?

А й х о н . Сейчас принесу *(Выходит.)*

М а й с а р а *(Надире)*. Ты побудь тут. Тахир, наверное, уже здесь, я сейчас приведу его, И Чупана с Айхон приведу. Побратаю вас всех. *(Уходит.)*

Н а д и р а *(со слезами).* Боже великий! Немощен язык мой, чтобы воздать достойную хвалу тебе, а благодарности моей нет границ! Два года кровавыми слезами плакала я в разлуке с любимым в руках тирана, оберегала честь свою девичью. И вот теперь вручу дар свой тому, кому он предназначен был самой судьбой.

А й х о н *(входит с корзиной соломы).* О чем вы плачете, сестрица? Можно ли слезы лить, когда вам предстоит свидание с любимым? Радоваться надо.

Н а д и р а . Милая! Мои слезы и есть слезы радости.

А й х о н *(ставит корзину с соломой).* Правда, сестрица! И со мной так случалось. Бывало, увижу Чупана, приласкает он меня – я смеюсь, а заговорит – вдруг заплачу. *(Обнимает Надиру.)* А что же будет с вами, когда тетушка приведет сюда вашего желанного?

Н а д и р а . Айхон, родная! Я еще не вижу его, а вся пылаю. И сердце мое стучит, будто скаковый конь копытами бьет.

А й х о н. Ну, точно как у меня, сестрица! Огнем-пламенем охватит всю, и, кажется, само сердце горит!.. Это будет первая ваша встреча с тех пор, как вас отдали казию? Раньше виделись вы?

Н а д и р а . Виделись иногда! Только что это были за встречи! Увижу его–одна мука, не увижу–тысяча и одна мука терзает душу!

А й х о и. Не станет он попрекать вас, что были женой другого?

Н а д и р а . А что нам оставалось, как не покориться судьбе? О попреках я не думаю, он по-прежнему любит меня. К тому же я себя даже рукой тронуть не позволила казию.

А й х о н . Вай, как же это вы?

Н а д и р а . Всякий раз, как он приставал ко мне, я грозила ему, что лишу себя жизни. Когда-нибудь я все, все расскажу тебе.

Входит М а й с а р а.

М а й с а р а *(к Айхон).* Ты пока выйди, доченька, Тахир здесь, дочь моя.

Надира меняется в лице.

Смотри же, держи себя в руках. *(Уходит.)*

Надира *(прихорашиваясь)*. Каких светлых дней дождалась я!

Входит Тахир.

Тахир. Моя единственная! Как я ждал этой встречи, как мечтал осушить слезы радости, положив голову к тебе на колени. Но что поделаешь – сейчас я гость в доме моей благодетельницы, которой обязан больше, чем родному отцу с матерью. Простишь ли ты мне мою сдержанность?

Надира *(подходит к Тахиру, со слезами)*. Да, да милый, да! Ах, я не помню себя от радости. Слова вымолвить нет сил.

Они обнимаются, целуются и тотчас отходят друг от друга, прослезившись от воленения и радости. Входят Майсара с Чупаном и Айхон.

Майсара. Дети мои названные! Сегодня мы все собрались здесь, чтобы восстановить справедливость. Побратайтесь же перед этой солью при мне, я хочу быть тому свидетельницей. *(Открывает лицо Айхон.)*

Айхон *(приветствуя Тахира, растроганно)*. Будьте мне братом названным ныне и до скончания веков. *(Берет щепотку соли, подает Тахиру.)*

Тахир *(принимая соль)*. Во имя этой чистой соли будь мне родной сестрой до конца моих дней.

Майсара подает соль Чупану.

Чупан *(предлагая соль Надире)*. Во имя этой соли будь мне родной сестрой!

Надира *(принимая соль)*. Даже от своих близких – от отца-матери, родивших и взрастивших меня, от сестер и братьев моих – не видела я такой доброты и участия и не забуду о них до могилы! Во имя этой чистой соли будьте же мне вы – старшим братом, вы – матерью, а высестрой на веки веков!

Чупан принимает соль, кладет ее в рот. Все в радостном возбуждении.

Майсара. А теперь, мои дорогие, идите все по своим местам! Будьте настороже, чтобы не упустить часа удачи. *(Чупану с Тахиром.)* Лошади оседланы?

Чупан и Тахир. Оседланы!

Тахир *(оглядывая комнату).* Матушка, а как же быть со всем этим добром?

Майсара. Пусть оно будет жертвой ради вашего счастья. Рядом со мной два льва – могу ли я бояться нужды и голода! А потом: вы видите, я успела распродать все самое ценное.

Все выходят. Немного погодя Майсара вводит аглямa.

Майсара. Прошу на почетное место, господин мой.

Мулла-Рузы *(садится, проводит руками по бороде, делая вид, что читает молитву).* О-о-мин! Да минет любое несчастье место, куда ступила наша нога! Велик Аллах!

Майсара *(с поклоном).* Добро пожаловать, господин мой!

Мулла-Рузы. Доброго вам здоровья и радости! Какая удача, что у вас есть ход через сад!

Майсара. Правда, господин мой. При случае он может сослужить хорошую службу. Вот, например, вашей милости было бы не очень ловко заходить с улицы.

Мулла-Рузы. Да, да конечно! Это ведь сокровенная тайна. Хай-хай-хай – вот именно!.. Вы там покрепче заприте ворота, теперь мы уйдем, должно быть, на рассвете.

Майсара. Как будет угодно вашей милости. *(Уходит.)*

Мулла-Рузы *(снимает халат и чалму).* Теперь следует расположиться достойно, на манер Бабура. Вот так! *(После паузы.)* Сколько дней провел я в слезах, в томлении и великой тоске, ожидая этой счастливой ночи! И конечно же, такую редкостную ночь нельзя не провести, бодрствуя до рассвета!.. Как же мне выразить ей свою любовь? Будет ли достойным, если я заплачу? *(Охорашивается, поглядывая на дверь.)* Где же ты, эй, услада души моей?!

Входит Майсара с угощением. Мулла-Рузы вздрагивает.

Майсара. Вот, господин мой, по нашей бедности...

Мулла-Рузы. В угощении для нас нет надобности. *(В сторону.)* Ты нам сладость рая подавай!

Майсара. Понятно, понятно. А все же, было бы из чего, я не пожалела бы и целого верблюда. *(Выходит.)*

М у л л а - Р у з ы . Будь я падишахом всей земли, я за каждый шаг этой красавицы не пожалел бы и тысячи тысяч сынов человеческих! А ты болтаешь о верблюде. Да пусть она сама войдет, одна! *(Встает, показывает, как он встретит Айхон.)* Вот так я паду к ее ногам. Чтоб показать, что любовь к ней лишила меня разума. Ох-вох!

Входит М а й с а р а с чаем. Мулла-Рузы в смущении вздыхает И садится на свое место.

М а й с а р а. Выпейте пока чашку чая, ваша милость. А я тем временем схожу за ней.

М у л л а - Р у з ы *(в сторону).* Э, я готов любую напасть испить, только ты скорее, скорее же, подлая! *(Майсаре.)* Да, да, так и сделайте, сходите... Я умираю от нетерпения!

Слышится громкий стук в калитку. Оба вздрагивают в крайнем испуге.

М а й с а р а. Вай, пропала я! Пропала я несчастная! *(В притворном отчаянии всплескивает руками.)*

М у л л а - Р у з ы *(растерянно).* Что, что случилось, сестра?

М а й с а р а. Похоже, муж ее вернулся, провалиться ему! Аллах наказал меня!

Снова слышится стук.

Это он, он! О боже!..

М у л л а - Р у з ы *(испуганно).* Говоришь, муж вернулся? О-о-о! Эй, ты! Что же мне делать теперь? И красотки еще не повидал, а уже в беду попал! Ну, быстрее, как мне выбраться отсюда?

М а й с а р а. Где уж теперь выбраться!

М у л л а - Р у з ы. Да что я, за смертью к тебе пришел? Как хочешь, а выводи меня отсюда, ведьма! *(Растерянный, мечется по комнате.)* Великий боже, и пиалы чаю не успел выпить из рук моей пери.

Снова слышится стук.

Быстрей же, быстрей говорю, подлая!

М а й с а р а. Господин мой! Выйти сейчас никак нельзя. Он, видно, заподозрил что-то, возможно, людей уже поставил повсюду.

М у л л а - Р у з ы *(хватает чалму, халат).* Да не стой же ты, как чучело. Яма ли, закром ли есть же у вас?!

М а й с а р а. То-то, что нет, провалиться им.

Снова стук в калитку

О боже!

М у л л а - Р у з ы. Эй, подохнуть тебе, нашла время бога поминать! Неужели и помойной ямы нет? Да быстрей же ты, быстрей!

М а й с а р а. Постойте. Сегодня мы зарезали корову. Я принесу шкуру, накрою вас, к рукам привяжу копыта и подброшу вам пук соломы. Когда он войдет, я как-нибудь обведу его, уложу спать, а вас потом выпущу. Иначе, если узнает, убьет! Непременно!

М у л л а - Р у з ы. А нет ли другого выхода?

М а й с а р а. В том-то и беда, что нет!

М у л л а-Р у з ы. Уф! Сердце черным-черно от страха, будто вот-вот голову мне оторвут.

Снова стук в калитку.

Вот, опять! Давай же скорее! В корову ли меня обратишь, в ишака ли– только поворачивайся быстрей! Лишь бы выбраться отсюда, а выберусь – тысячу обетов дам! Майсара выводит его в сени, а сама направляется к выходу.

М у л л а - Р у з ы. Куда же ты?

М а й с а р а. Я сейчас вернусь.

М у л л а - Р у з ы *(швыряет на пол халат, чалму)*. Явиться на свидание и, даже не повидавши красотки, обратиться в корову, хай-хай-хай! Ну и лютая же напасть эта любовь, сколько бед приносит она человеку! Уф!

Входит М а й с а р а, за ней незаметно Н а д и р а.

М а й с а р а. Поспешим, господин мой, он уже пытается перелезть через дувал.

Му л л а-Р у з ы. Да, да! Поспешим! Впрочем, постой, нельзя ли так переждать, не обращаясь в корову?

М а й с а р а. Аесли он вздумает заглянуть сюда?

Мулл а-Р у з ы. 3! А под шкурой не заметит он, что ли?

М а й с а р а. Он подумает, что корова, и уйдет!

М у л л а - Р у з ы. Да разве он не разберет, корова торчит тут или человек?

М а й с а р а. Я сделаю так, что вы будете - ну точь-в-точь корова!

М у л л а-Р у з ы. А если он спросит, почему корова забралась в сени?

М а й с а р а. Я скажу, что спрятала от воров. Ну, а если он подойдет и схватит за хвост, вы промычите: «Му-у!» и лягните его легонько.

М у л л а-Р узы. Значит, думаешь, не узнает?

М а й с а р а. Нет, господин мой.

М у л л а-Рузы. Ну, давай, если так!

Майсара убирает чалму, халат, ставит агляма на четвереньки. Невидимая в темноте Надира незаметно подает ей все необходимое. Первым делом Майсара привязывает к рукам агляма копыта.

М у л л а-Р у з ы. Это еще зачем?

М а й с а р а. Без них у вас голова будет чересчур низко опущена и руки занемеют. Стойте, не падайте только. Главное теперь – выбраться благополучно.

М у л л а - Р у з ы. Да, да! Именно в этом все дело! Ну ладно, привязывай! Уф!

Майсара привязывает копыта, покрывает агляма воловьей шкурой, поправляет на голове рога и накидывает на шею аркан.

М у л л а-Р у з ы. Для чего аркан? Резать меня собираешься, что ли?

М а й с а ра. Что вы, господин мой, под силу ли женщине убить мужчину?

М у л л а - Р у з ы. Когда у человека руки-ноги связаны, с ним и малый ребенок справится.

М а й с а р а. Вы напрасно не верите мне. Думаете, он вас зарежет, а меня живой оставит, если узнает?

М у л л а - Р у з ы. Верно, твоя правда. Ну хорошо, вяжи! Будь что будет!

М а й с а р а. Я сказала к тому, чтобы вы и чуточки не сомневались. *(Арканом привязывает агляма за кол, подкладывает ему соломы.)*

Надира, не сдержавшись, фыркает и убегает.

Мулл а-Р у з ы. Что там шуршит, не он ли пришел?

М а й с а р а. Нет, это вам со страху показалось. Ну, все. Теперь я пойду, открою калитку. Уложу его, потом и вас выведу незаметно. Упущенное мы наверстаем в следующий раз.

М у л л а - Р у з ы. Э, мне сейчас не до упущенного. Пить хочу, сердце огнем горит!

М а й с а р а. Я принесу корытце с водой и поставлю перед вами. Можете попить, когда захочется.

М у л л а - Р у з ы. Уф!Настоящей коровой стал!

М а й с а р а выходит.

М у л л а-Р у з ы. Видно, второпях я позабыл сказать: «Если будет угодно Аллаху». Вот перед моими устами вместо сложенных бутончиком губ и оказалась корзина с соломой- О бог единый, творец и вседержитель мира! К могуществу твоему прибегаю, не дай погибнуть мне под шкурой безгласной твари! О избавитель от всех бед и напастей, предаю себя воле твоей!.. Пожалуй, чем так стоять, лучше читать молитву об избавлении... *(Читает молитву.)*

В это время Майсара убирает в комнате, затем вводит Хидоят-х а н а.

М а й с а р а. Пожалуйте, ваша милость!

Х и д о я т - х а н. Во имя Аллаха милостивого, милосердного.*(Садится, проводит руками по лицу.)* Ну?

М а й с а р а *(с поклоном)*. Добро пожаловать!

Х и д о я т - х а н. Мне долго пришлось простоять в саду.

М а й с а р а. Отчего бы это?

Х и д о я т - х а н. Что-то там шуршало, шелестело. Я опасился...

М а й с а р а. Что вы! Посмеет ли кто войти сюда, кроме вас, господин мой? В незнакомом месте всегда что-нибудь померещится.

Х и д о я т - х а н, Да, да, так оно и было, наверное.

М а й с а р а выходит.

Х и д о я т - х а н. О бог мой! Ужели я дождался часа свидания?! Нет, оказывается, труднее испытания, чем быть влюбленным! Но как бы там ни было, мы достигли цели. Когда, обвив косами ее тонкую шейку, я привлеку ее к себе и поцелую в щечку, подобную лепестку розы, забудутся невзгоды и лишения. О гурия, по ошибке сошедшая с небес на нашу грешную землю, все муки, перенесенные ради красы твоей, ради одного взгляда твоих волшебных глаз,– лишь наслаждение для души влюбленного безумца Хидоята! Сердце мое, словно малый ребенок вечером в канун праздника,

взыграло так, что вот-вот выскочит из груди! о приди! Пусть мед уст твоих утолит жар моего сердца! Торопливо входит Майсара.

Майсара. Господин мой, вы ничего не заметили, когда шли через сад?

Хидоят-хан. А что? Что случилось?

Майсара. Во дворе,слышно,человек ходит.Может за вами подглядывал кто?

Хидоят-хан. Йо, алла! Ведь я шел по самым укромным переулкам!

Маисара. Пропали мы, господин мой! Видно, племянник выследил вас! Что нам делать теперь?

Хидоят-хаи *(растерянный, хватает, комкая, чалму, халат)*. Проклятье!

Майсара. Невестка со страху в обморок упала. Ну да вы-то оба – ладно уж, а за что меня бог наказывает? *(Плачет.)* Он же меня в куски изрежет, вой-ей!

Хидоят-хан. Тебя убьет, а меня, думаешь, не тронет? Оставь свои причитания. Что случилось, то случилось, теперь надо скорее искать спасения! *(Скрипнула дверь, оба, отпрянув, жмутся в угол комнаты.)* Все! Пропали!

Майсара. О боже!

Хидоят-хан. Чтоб у тебя язык отсох, падаль!.. Погубила все дело, а теперь бога призываешь! *(После паузы.)* Это, может, так что-нибудь... Сходи-ка, посмотри!

Майсара. Идите сами, я боюсь!

Хидоят-хан. Что ж я тебе караульщиком должен теперь быть?

Стук в калитку.

Майсара. Вот он, с улицы ломится! Что вам делать?

Хидоят-хан. Пойду я, может быть, проскользну незаметно.

Майсара. Что вы, господин мой! Теперь уже нигде не пройти.

Снова слышен стук в калитку.

Хидоят-хан. Ну соображай же быстрее! Вон, опять стучит, вот-вот вломится. Боже! Ужели ты не мог найти иного наказания! Будь проклята любовь, если она приносит

столько бед! Да поторопись же ты! Боже, пощади меня и помилуй!..

М а й с а р а. Есть только один выход. Если согласитесь, еще можно спасти вас от смерти.

Х и д о я т - х а н. Значит, здесь и смерть грозит мне?

Майсара. Позор, говорят, хуже тысячи смертей. Она ведь и отцу вашему приглянулась. Племянник мой не убьет, так отец в гневе велит повесить.

Х и д о я т - х а н. Твоя правда. Сердце мое объято страхом! *(В сторону.)* Это божья кара за то, что я согрешил перед отцом!

Слышен стук.

Эй, скорее соображай что-нибудь!

М а й с а р а. Я прикрою вас шкурой козы, которую зарезала только что. Поставлю вас в сенях, а затем, когда он ляжет спать, выпущу. Хорошо?

Х и д о я т - х а н. А если он спросит, зачем коза в сенях?

М а й с а р а. Я скажу, что заболела. Иного выхода нет.

Снова стук.

Х и д о я т - х а н.Тогда поторопись!

Майсара выходит в сени.

Х и д о я т - х а н. Что ж, если ради любви раз в жизни надо побыть козой, станем козой. Когда отец женилсяна одиннадцатилетней дочери Исы-карвана, я через окошко видел, как он сажал ее на спину, изображая верблюда. И правильно, если хочешь привлечь сердце женщины, надо угождать ей любыми способами.Отцу тогда было под шестьдесят, а я ведь против него еще совсем молод. *(Поглаживает бороду.)*

Стук в калитку.

Пришел! *(Подходит к двери, прислушивается.)*

М у л л а - Р у з ы *(в сенях, тихо Майсаре).* Ох, умираю! Ты и воды не поставила, душа огнем горит. Огнем!

М а й с а р а. Потерпите еще минутку, господин мой!

Помните, если он вдруг зайдет сюда, начинайте жевать солому и жуйте, не переставая. А схватит за хвост, лягайтесь. Когда я кашляну, мычите. Громко кашляну – мычите громко, кашляну потише – и вы потише. Хорошо?

М у л л а - Р у з ы. Во рту и без того пересохло, как же я

смогу солому жевать? А лягаться – у меня на ногах копыт нет, он сразу же и заметит.

Майсара. А вы соломы в рот возьмите, да так и стойте, не выпуская ее изо рта. А чтобы лучше лягаться, наденьте вот эти кауши.

Мулла-Рузы. Хорошо, хорошо, скорее только управляйся, умираю! *(Надевает кавуши.)* Клянусь всеми своими женами, что уже никогда не позволю себе такого непотребства!

Громкий стук в калитку.

Хидоят-хан. Уф! Вот-вот выломает! Если войдет, пропал я. Куда же девалась эта ведьма?

Входит Майсара.

Где ты пропадаешь? Сердце истомилось от страха!

Майсара. Быстро снимайте ваш халат.

Хидоят-хан. А ты накидывай шкуру поверх халата.

Майсара. Не выйдет, господин мой, шкура мала.

Хидоят-хан снимает халат. Майсара накидывает на него козлиную шкуру, прилаживает на голову рога.

Хидоят-хан. А это для чего?

Майсара. Может ли быть коза без рогов? *(Привязывает копыта.)*

Хидоят-хан. Это еще что такое? Хочешь посмешище сделать из меня?

Майсара. Господин мой, если голова будет опущена слишком низко, он сразу, заметит. *(Покончив с переодеванием.)* Вот и все, господин мой, теперь вы точь-в-точь коза! Сейчас я отведу вас...

Хидоят-хан. Постой, постой! Что случилось, то случилось, но не вздумай привязать меня в каком-нибудь вонючем хлеву, чтобы я провалялся в навозе до рассвета!

Майсара. Я же сказала вам, господин мой, что поставлю вас в сенях. Там ночует только что отелившаяся корова, вот я и привяжу вас рядом с ней. Если племянник заподозрит что-нибудь, войдет в сени, я буду с ним и постараюсь не подпускать его к вам. Только, если я кашляну, вы должны заблеять по-козлиному. Кашляну громко–вы тоже громко, кашляну тише– и вы тихо. Будете стоять молча – он может догадаться. Ну-ка, я кашляну, а вы отвечайте! *(Негромко кашляет.),*

Хидоят-хан *(в сторону).* Ну, кажется, она меня начисто разыгрывает! *(Майсаре.)* Козой ты меня сделала, а теперь еще и мекать хочешь заставить? Нет, мекать я не умею!

Майсара. Раз явилась такая необходимость, попытайтесь, господин мой.

Майсара выводит Хидоят-хана в сени и привязывает его рядом с аглямом. Затем уходит и вскоре возвращается в комнату вместе с казием. Предупредив казия об опасности, она укладывает его в колыбель и наказывает, что при появлении мужа Айхон он должен плакать, подражая младенцу. Затем на свиданье с Майсарой является Мулла-Дост. Его связывают и ставят в угол на подставку для светильника. Чупан подходит к колыбели. Майсара поясняет, что соседка родила уродца, занемогла с горя и просила укрыть его здесь от лишних глаз.

Мулла-Дост *(взглянув на ноги, торчащие из колыбели).* Велик Аллах! Кажется, и казий попался!

Майсара кашляет. Казий в колыбели плачет, подражая младенцу.

Чупан. Откройте ему лицо, хочу взглянуть.

Мулла-Дост *(про себя)* Ну, казий, читай по себе отходную!

Майсара *(Чупану).* Оставь, сынок! Зачем тебе видеть его лицо, еще испугаешься. Посмотри лучше на ноги.

Женщины смеются, прикрывая рот рукой.

Чупан *(подходит, смотрит на ноги казия).* Как же нам быть с этим уродцем, тетушка? Это же стыд!

Тахир. Скрыть его можно только так: отпилить ноги и бороду сбрить.

Казий. Боже! Каюсь, грешен!

Мулла-Дост *(негромко).* Поздно каяться, казий! Ты наказан злыми духами.

Чупан. Если отпилить ноги, он все равно не выживет. Лучше уж зарыть его в землю живьем.

Казий *(испуганный, плачет, подражая младенцу).* Уа-уа! Боже, прими меня под свою защиту. Уа-уа!..

Майсара. Не надо его трогать, сынок. Пройдем лучше в сени. Я совсем забыла про козу с коровой. Займемся ими, может управимся до рассвета.

Все уходят.

Мулла-Дост *(неожиданно громко)*. Ну, казий, кажется, спасся от смерти!

Казий. Кто ты?

Мулла-Дост. Тише, я Мулла-Дост!

Казий. Какие злые духи затащили тебя сюда?

Мулла-Дост. Те же, что и вас. Лежите тихо, чтоб чего худшего не случилось!

Казий. Ты что же, захотел посмеяться надо мной? Свадьба-то тебе была обещана.

Мулла-Дост. Я хотел до свадьбы отведать ее сладостей и вот попал в беду.

Казий. Где ты?

Мулла-Дост. Тише! Я подставка для светильника.

Майсара входит в сени. Мулла-Рузы и Хидоят-хан начинают торопливо жевать солому. Оба они узнали друг друга.

Мулла-Рузы *(тихо)*. Кто вы?

Хидоят-хан. А вы кто?

Майсара кашляет.

Мулла-Рузы и Хидоят-хан *(разом.)* Ме-е! Му-у!

Майсара. Вот они, обе захворали. Боюсь, как бы не подохли. Хорошо, что ты приехал.

Чупан. Пожалуй, надо сейчас же позвать мясника.

Мулла-Рузы и Хидоят-хан *(громко)*. Ме-е! Му-у!

Все хохочут.

Мулла-Дост. Казий, господин мой!

Казий. Что, Мулла-Дост?

Мулла-Дост. Слышите?

Казий. Да. Уму непостижимо, что за голоса? Голова кругом идет, разум теряю.

Мулла-Дост. Кажется, там еще есть наказанные Аллахом.

Казий. Плохи наши дела, Мулла-Дост!

Майсара. Ну, довольно забавляться! Время уходит. Выводите этих злодеев.

Чупан и Тахир за веревки вводят Мулла-Рузы и Хидоят-хана. Майсара открывает лицо казия и Мулла-Доста. Молодые громко смеются.

Ну, что скажете, блюстители шариата! Тысячу проклятий вам! Вы думаете, что женщины ни на что не способны. Нет, мы тоже люди!..

Надира *(подходит, дает пощечину казию).* Язвами покрыться твоей образине, бороде твоей сгнить в могиле, это ты два года заставлял меня плакать кровавыми слезами.

Ее удерживают, отводят в сторону.

Чупан *(плюет в лицо казию).* Тьфу, падаль! Это ты при шести женах еще и на чужих заглядываешься? Тысячу проклятий тебе! Сто тысяч проклятий!

Тахир. Что с ними разговаривать! *(Достает бритву.)*

Майсара. Стой, что ты хочешь делать, сынок?

Тахир. Я давно решил – если казий попадет мне в руки, сбрить ему бороду и усы и тем опозорить его на весь свет.

Чупан. Послушай меня. Особенно не старайся, сбрей каждому половину усов, половину бороды и довольно. А мы пока пойдем собираться.

Чупан и Майсара уходят.

Тахир. Эй, бессовестный! *(Бьет казия кулаком.)* Если бы я сам тебя поймал, я крови бы твоей напился, а сейчас я не могу перечить словам моей нареченной матери. Подох бы ты – одним бы подлецом стало меньше.

Казий и все остальные *(плача).* Каемся, каемся!

Входит Майсара, а вслед за нею остальные, уже готовые в путь.

Майсара *(казию).* Где кошель Мадгазы?

Казий *(плаксиво).* У меня в кармане.

Майсара *(достает кошель).* Ну, понял теперь, что правда всегда восторжествует?

Мулла-Дост *(в сторону).* Обо мне, кажется, забыли! Может, и пожалеют?

Казий. Аллах прощает все грехи, и вы простите. Теперь нам не жить уже среди народа. Развяжите нам руки, ноги, и мы уйдем доживать свой век где-нибудь в горах.

Майсара. Вы там всех зверей погубите. Горы вам заказаны! *(Подступает к казию.)* Дай развод Надире, не то я, хоть и женщина, прикончу тебя сейчас же!

Казий. Я готов тысячу раз объявить ей развод!

М а й с а р а. Теперь бери ее, Тахир, и пусть она будет тебе законной женой.

Т а х и р *(не сдержавшись, обнимает Надиру, целует).* Любимая...

Ч у п а н. Тетушка, время идет! Что нам делать с ними дальше?

М а й с а р а. Если оставить их здесь, они развяжутся и пошлют за нами погоню. Лучше всего, пока народ не проснулся, отвести их на дровяной базар и привязать там порознь. Пусть завтра потешится базарный люд.

К а з и й и о с т а л ь н ы е *(плаксиво).* Бога ради, лучше сразу убейте!

М а й с а р а. Мы не такие кровопийцы, как вы.

Т а х и р. Замолчите, проклятые! *(Майсаре, показывая на казия и Мулла-Доста.)* Как быть, тетушка, эти двое идти не смогут?

М а й с а р а. А вы посадите казия верхом на его помощника-агляма, а того, другого, на сына казия и ведите.

Тахир усаживает казия верхом на агляма, а Мулла-Доста на Хи-доят-хана и, подстегивая плеткой, заставляет сделать круг по комнате. Майсара отводит Чупана в сторону.

Сын мой, они уже достаточно наказаны. Выведите их за ворота, заставьте поклясться, что они будут молчать, и отпустите.

Ч у п а н. Нет, тетушка, пусть они примут позор перед всем народом!

М а й с а р а *(целует его в щеку).* Жертвой стать за тебя твоей тетке, пойми, я хочу, чтобы путь наш был безопасным. А народ и так узнает об их подлости, я за эта ручаюсь.

Ч у п а н. А Тахир как?

М а й с а р а. Его я уговорила уже.

Ч у п а н. Хорошо, из уважения к вам, мы сделаем все по вашему слову, тетушка!

М а й с а р а. Ну, гоните свое стадо.

Под смех женщин Чупан с Тахиром, подстегивая плетками, угоняют агляма с казием на спине и муфтия с Мулла-Достом.

З А Н А В Е С

ГАФУР ГУЛЯМ

(1903 – 1966)

Гафур Гулям родился 10 мая 1903 года, в бедной семье. Отец его, однако, был человеком не только грамотным, но и страстным любителем поэзии, который сам пробовал импровизировать стихи под аккомпанемент дутара. По свидетельству самого поэта, в доме его отца бывали и Мукими, и Фуркат, и Асири, и некоторые другие известные литераторы. Однако отца, а вскоре затем и мать Гафур Гулям потерял еще мальчиком и очень рано испытал гнетущую бедность, тяжесть подневольного труда, груз забот о младших сестренках. «Моя собственная судьба, – вспоминал он, - заключала достаточно контрастов. Беззаботное буйство детских игр – и раннее сиротство. Скучные часы учебы – и сладкие минуты собственных открытий. Сотни веселых проделок в базарной сутолоке – и яростный шаг в толпах шестнадцатого года. Свинцово-тяжкая мальчишечья работа (ученик наборщика в типографии) – и сияющие миры книг. Меня, как и каждого, сформировали впечатления детства. Но от многих других я отличался, вероятно, особым талантом помнить: образы, краски, коллизии пережитого сохранялись во мне во всей неприкосновенной яркости и силе».

После окончания старометодной мусульманской школы осенью 1916 года тринадцатилетний Гафур поступил учиться в 8-е Самсоновское русско-туземное училище, которое вскоре после смерти отца пришлось бросить. Он работает чистильщиком сапог, продавцом газет, наборщиком в типографии, позже идет учиться на педагогические курсы, и уже с 1919 года – с шестнадцати лет – работает учителем начальной школы. В 1923 году двадцатилетний учитель принимает участие в открытии первой школы – интерната «Урфан». В том же году публикуются его первые стихи. Свое первое стихотворение он посвящает детям интерната. Первые поэтические опыты Гафура Гуляма относятся к 1923 – 1928 гг. В конце 1920-х годов он написал свыше пятисот сти-

хотворений, поэм, рассказов, очерков и фельетонов. Первые сборники стихов Гафура Гуляма «Динамо», «Живые песни» отличаются свежестью и неординарностью. В начале 1930-х годов Гафур Гулям увлекается стихами Маяковского, и он одним из первых перевел на узбекский язык поэму Маяковского «Во весь голос».

Гафур Гулям работал в редакциях газет «Камбағал деҳқон», «Шарқ ҳақиқати». Газеты сыграли для него роль университета, открыли широкие возможности для изучения жизни народа, для активного вмешательства в эту жизнь. Он пробует свои силы в разных жанрах, обращается к балладе и поэме. В 1930 – 1935 гг. создал поэмы «Кукан», «Китайские миниатюры», баллады «Той», «Два акта», в которых правдиво отразил проблемы современности.

Гафур Гулям обогатил узбекскую литературу не только поэтическими, но и прозаическими произведениями. Он стал известен как автор очерков, фельетонов, рассказов и повестей.

Велики заслуги Гафура Гуляма в области критики и литературоведения. Его статьи научного и публицистического характера о творчестве А.Навои, Мукими, Фурката, а также о фольклоре систематически печатались в газетах и журналах.

Кроме того, Гафур Гулям известен как переводчик: он перевел ряд произведений А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, М.Горького, В.Маяковского, В.Шекспира, Лопе де Вега, П.Бомарше, Ш. Руставели и др.

Гафур Гулям также мастер короткого рассказа. Большинство рассказов Гафура Гуляма построено на основе острого жизненного конфликта, в них используется богатство живой и выразительной речи («Уловки шариата», «Воришка», «Девушка» и т.д.). На рост мастерства Гафура Гуляма как сатирика и юмориста большое влияние оказало сотрудничество в журнале «Муштум». Творческое использование Гафуром Гулямом приемов и тем восточных анекдотов, а также сатирических традиций русской литературы помогает ему раскрыть самую суть отрицательных явлений. Автор до мельчайших подробностей знает жизнь и язык людей различных

социальных прослоек, поэтому-то он так мастерски их изображает, умеет вызвать в нас любовь и симпатию к представителям народа, отвращение и ненависть к обывателям, к их эгоистическому существованию и низким помыслам.

В годы Второй мировой войны Гафур Гулям создает цикл стихов «Иду с Востока» (1943), пронизанных идеями патриотизма. За эту книгу он удостоен Государственной премии. Его стихотворение «Ты не сирота» (1942) становится одним из самых популярных произведений, отражающих гуманность, человеколюбие узбекского народа.

В последние годы жизни Гафур Гулям создал небольшую книгу философской лирики, которую назвал «Итог». Эта книга как бы подвела черту под все сделанное поэтом, еще раз высветив его светлый, могучий талант. За эту книжку и сборник «Стихи» в 1970 г. он был удостоен (посмертно) высшей по тем временам награды. Стихи этих книг, как и все творчество Гафура Гуляма, глубоко гуманистичны и жизнелюбивы. Поэт, даже говоря о неотвратимости смерти, желает добра и счастья тем, кто останется жить, своим преемникам, грядущим поколениям:

Пусть извечная длится езда,
Поглядим на нее беспристрастно.
Мы сойдем… но идут поезда
Через время, как через пространство.
И когда от свобод и от пут
Я сойду в притяженье земное,
Добрый путь, я скажу, добрый путь
Всем, в дороге оставленным мною!
(«Часы стучат», перевод А. Наумова)

Для детей и юношества Гафур Гулям написал рассказы и повести «Ядгар» (1935), «Озорник» (переработанное издание на узбекском языке: Ташкент, 1957), сборники стихов (например, «Песни рассвета», 1951)

Гафур Гулям был действительным членом Академии наук Узбекистана, издал ряд работ по узбекскому фольклору и истории родной литературы, принимал деятельное участие в общественной жизни Узбекистана. Гафур Гулям умер 10 июля 1966 г.

Ты не сирота

Разве ты сирота?.. Успокойся, родной!
Словно доброе солнце, склонясь над тобой,
Материнской, глубокой любовью полна,
Бережет твое детство большая страна.

Здесь ты дома. Здесь я стерегу твой покой.
Спи, кусочек души моей, маленький мой!
Я – отец! Я что хочешь тебе подарю,
Станут счастьем моим все заботы мои…

День великой войны – это выдержки день,
Если жив твой отец, беспокойная тень
Пусть не тронет его средь грозы и огня,
Пусть он знает, растет его сын у меня!

Если умер отец твой, – крепись, не горюй.
Спи мой мальчик, ягненок мой белый усни.
Я – отец! Я что хочешь тебе подарю,
Станут счастьем моим все заботы твои.

Что такое сиротство – спроси у меня.
Малышом пятилетним в десятом году
Грел я руки свои у чужого огня.
Полуголый, таскал по дорогам нужду.

О, как горек сухой подаяния хлеб!
О, как жестки ступени чужого крыльца!
Я, приюта искавши, от горя ослеп,
И никто моего не погладил лица…

Испытал я, что значит расти сиротой,
Разве ты сирота? Спи спокойно родной…
Пока старый охотник – кочующий сон –
На меня не накинул волшебную сеть,
Гордой радости – чувства отцовского полн,
Буду я над кроваткой твоею сидеть,
Над головкою русой твоей, дорогой,
И смотреть на тебя, и беречь твой покой…

… Почему задрожал ты? Откуда испуг?
Может горе Одессы нахлынуло вдруг?
Иль трагедия Керчи? И в детском уме
Пронеслись, громыхая в пылающей тьме,
Кровожадные варвары, те, что губя
Все живое, едва не убили тебя!

Может матери тело любимой твоей,
С обнаженными ранами вместо грудей,
И руки её тонкой порывистый взмах
Отпечатались в детских тоскливых глазах?

Я припомню печальные эти глаза,
Когда выйду на битву громить палачей.
За ребяческий взор, что затмила слеза,
За разрушенный дом, за позор матерей –
Покараю я страшно двуногих зверей,

Этот Гитлер – ублюдок, не знавший отца, –
Он не матерью – подлой гиеной рожден,
Отщепенец понурый с глазами скопца –
Цену детства как может почувствовать он?

Этот Гитлер – навозный коричневый жук,
Плотоядно тупые усы шевеля,
Захотел, чтобы свой предназначенный круг
По желанью его изменила земля.

Чтобы людям без крова по миру блуждать,
Чтобы детям без ласки людей умирать,
Но земле выносить его больше невмочь.
Спи спокойно, мой сын, Скоро кончится ночь!

Спи спокойно, мой сын… В нашем доме большом
Скоро утру цвести. И опять за окном
Зацветут золотые тюльпаны зарниц,
В нашей книге домовой без счета страниц.
Будет памятна книга на все времена.
Сохранит твое имя навеки она!

Улыбаешься ты, и улыбка светла.
Не впервые ль за долгие, долгие дни
На лице исхудавшем она расцвела,
Как фиалка на тающем снеге весны?

И продрогший простор словно сразу согрет
Полусонной улыбки внезапным лучом.
Это скоро рассвет, Это белый рассвет.
Это белый рассвет у меня за плечом.
(Перевод с узбекского Анны Ахматовой)

Диплом

Тихою ночью, звездною ночью
Мир перед взором до дна раскрыт...
Юношу вижу: строг, озабочен,
Над книгами он до утра сидит.
То не резец на гранитных плитах
Врезает надпись на сотни лет, –
Это в мозгу, в извилинах скрытых,
Врезается знания светлый след.
Страницы шуршат, и весенней ночи
Все глубже становится тишина...
Нашел наконец! Из тысяч строчек
Именно эта ему нужна...
И словно в единственной строчке этой
Все тайны вселенной заключены:
Жгучей, слепящею вспышкой света
Мысли внезапно озарены.
Тихо вокруг...
Темнота сгустилась,
И, как невидимое крыло,
Ласково будущее склонилось,
За плечи юношу обняло.

Нет, не напрасны его усилья,
Такого большая дорога ждет.
Близится день -- и, расправив крылья,

Он устремится в первый полет!..
В зачетной книжке ряды пятерок –
Это ступеньки вчерашних дней.
Уже он диплом защищает скоро,
И берег будущий все видней.
Все впереди: и борьба с рутиной,
И неудачи, и торжество!..
С гордостью, как на достойного сына,
Будет страна глядеть на него.
Светает...
Работою увлеченный.
Всю ночь не сомкнул он упрямых глаз..,
Вот он, уже молодой ученый,
Всходит на кафедру в первый раз.
А сердце стучит горячо, тревожно:
Отныне науке всю жизнь отдай!..
Отец постучался в дверь осторожно,
Входит:
«Сынок, остывает чай...»

1966

Из книги «Итог»

Я отдал жизнь не званьям,
Не чинам
И не уйду в безмолвие, покамест
То зданье,
Что с народом начинал,
Грядущему свой облик не покажет,
Я не уйду в безмолвие, пока
Для этих плеч еще осталась ноша,
И – рядовой бессмертного полка –
Я буду жив, покуда
Буду
Нужен!

1966

Хурджун

Жизнь не ровная нитка на веретене,
Не бесстрастное в небе паренье.
Время жизни – хурджун на верблюжьей спине,
Пополам поделенное время.
Над загадкой недаром трудились умы.
Ты, в седле восседающий, ведай:
Наше прошлое – в той половине сумы,
А грядущее наше – вот в этой.
Настоящему места в суме не найти...
Половины меняются в весе.
Берегись: и в конце и в начале пути
Тяжело сохранять равновесье.
Не дано настоящее взвесить весам, –
Так уж есть это, любо ль, не любо.
Но пойми: настоящее – это ты сам.
Это ты погоняешь верблюда.

УЛОВКИ ШАРИАТА

(рассказ)

На крыше коровника пристроились две горлинки. В свете солнечных лучей они казались ослепительно белыми, а большие темные глаза коровы, лениво жевавшей, приобрели какой-то светло-коричневый оттенок. Корова то и дело облизывала длинным языком сухие ноздри и отмахивалась от мух хвостом с кисточкой на конце: на каждый шорох она отвечала мычаньем – протяжно, но отнюдь не мелодично.

Горлинки с остервенением выдергивали друг у друга перья.

На открытой террасе сидит сам мулла Дилькаш и чинит потник. Тут же, на пышной подушке, прикорнула женщина лет сорока пяти, а женщина помоложе и покрасивее подкрашивает усьмой брови перед небольшим ручным зеркальцем. Это – жены муллы Дилькаша.

Мулла Дилькаш в сердцах воткнул шило в потник и повернулся к старшей:

– Вот эта корова и та умнее тебя, хоть жвачку жует, а ты!.. Тебе разжуешь, так ты глотаешь, будто одолжение делаешь!

Женщина привстала:

– Эта корова лучше меня? Если так, то вот эта глупая горлинка в тысячу раз умнее вашей любимицы! Горлинка хоть в зобу еду бережет, а эта – позавтракает и ждет обеда. Чтоб ей пусто было!

– Не гневи бога, неблагодарная! Из-за твоей дурацкой болтовни я на базар не поспею. Если бы ты вовремя заштопала потник и чалму выстирала, я бы давно уже уехал, но ты одно только знаешь – язык чесать.

– Значит, она настоящая жена, а я дура? Ну так пусть она и стирает вам чалму, а заодно и саван! Весь день от зеркала не оторвешь.

Младшая швырнула зеркало на пол. Одна бровь так и осталась ненакрашенной.

– Накажи Аллах моего отца! – завопила она. – Отдал меня на растерзание! Ни одного светлого дня! Не жизнь, а мука!

Мулла Дилькаш - человек с характером. Он немало побродил по свету, много повидал, встречался с разными людьми, был мастер вести долгие и приятные беседы. Когда мулла Дилькаш привел в дом вторую жену, он понял, что в жизни еще не все радости исчерпаны.

– Человеку с достатком каждую бы неделю жениться, - часто любил повторять он. И стал всерьез подумывать о третьей жене. Но... мнение людей!.. Избавиться бы от старшей!

«Думаешь ли ты жениться, мулла Дилькаш? - размышлял он. И сам себе отвечал: - Клянусь духом святого Баховиддина, женюсь! Так что толку от этого шума? Найди себе мудрого советчика и начинай потихоньку действовать».

Мулла Дилькаш бросил потник на середину двора, натянул халат и, схватив чалму, выскочил из дома. У кого же попросить совета?

Колебался он недолго и остановил свой выбор на знаменитом мулле Абульбаки Маргилони, который ухитрился в свое время четырежды жениться и четырежды благополучно расстаться со всеми своими женами. Зато в последнее время мулла жил отшельником в одинокой келье кесаккурганского медресе.

На счастье муллы Дилькаша, святой оказался в келье. Поговорили о том, о сем. Не спеша. Наговорились досыта. Абульбаки – все больше о жизни. Мулла Дилькаш – о разных торговых сделках. Затем Дилькаш попросил совета, и мудрец не заставил себя долго ждать. Помолчав минуту-другую, он милостиво изрек:

– Сын мой, разрешение ваших сомнений можно найти в шариате. Внимайте мне. Постарайтесь как-нибудь ночью нечаянно коснуться губами груди вашей старшей жены.

– Груди?

– Не торопитесь, сын мой. Вы притворитесь спящим и совершите это во сне.

– А дальше?

– Вы только выразите по этому поводу беспокойство, а наутро приведите жену ко мне.

Мулла Дилькаш в нетерпении дожидался ночи. И хотя очередь была провести ночь в покоях младшей, он остался у старшей. Было уже за полночь. Жена уснула. Мулла Дилькаш как бы во сне нечаянно коснулся губами груди жены. Женщина проснулась и возмущенно вскрикнула:

– Чтоб у тебя борода по волоску высыпалась! Ты что, с ума сошел?

Мулла Дилькаш не отзывался. Жена замахнулась и крепко шлепнула по голой спине Дилькаша.

– Чего дерешься?

– Да тебя убить мало!

– Младшая так не делает.

– Лучше бы ты околел.

– Ты чего ругаешься?

– А ты чего сосешь меня как дойную корову?..

– Когда?

– Сейчас!

– Врешь!

– Клянусь детьми.

Мулла Дилькаш вскочил с молитвой:

– Слушай, жена, а как это дело толкует шариат?

– Откуда мне знать?

– Надо завтра же сходить к мулле.

Наутро муж и жена входили в келью муллы Абульбаки Маргилони. Низко поклонившись святому, мулла Дилькаш робко произнес:

– Господин, мы совершили тяжкий грех.

– Говорите, сын мой.

– Вот она, эта женщина - моя жена, а я сегодня ночью, со сна, как сосунок...

– Как сосунок?

– Да, господин.

– Так ли, сестра моя?

– Да, господин.

Мулла Абульбаки почесал бороду.

– Совершилось невероятное. Отныне вы не муж и жена, а мать и сын.

– Мать и сын?! – воскликнул встревоженным голосом мулла Дилькаш.

– Да, уважаемый мулла, вы ей сын, а вот она – ваша мать, родная мать, вскормившая вас грудью.

Мулла Дилькаш растерянно посмотрел на жену, жена – на муллу Дилькаша.

– А нет ли другого толкования, господин?

– Так велит мусульманское благочестие.

– Лучше бы мне умереть! – воскликнула жена.

– Тише, не кричи, люди услышат.

Заплатив мулле за услуги, новоиспеченные мать и сын покинули келью. Поравнявшись с воротами медресе, мулла Дилькаш почтительно обратился к жене:

– Мама, теперь вам придется женить меня. Трудно ведь человеку, привыкшему иметь двух жен, обходиться одной!

– Издох бы ты маленьким. Нашел себе маму, проклятый! Зови меня хотя бы сестрой...

1930

Перевод Н.Владимировой

ВОРИШКА

(рассказ)

Мама у нас умерла весной семнадцатого года. Отца мы к тому времени уже давно лишились, и никого, кроме старенькой бабушки, Ракии-биби, у нас теперь не оставалось. Отчетливо помню, как по вечерам она укладывала нас на айване на рваный рябой палас – единственный представитель рода ковровых, что уцелел в доме – а сама ложилась с краю, точно оберегая бедное свое гнездо с птенцами. Это была усохшая, пригнувшаяся к земле старушка, ростом немного выше нас: ей перевалило за восемьдесят, но она неустанно хлопотала и сохраняла единственную слабость: привычку к насваю.

Однажды осенью, когда мы уже спали на айване, тесно прижавшись друг к другу – ночи заметно похолодали, – что-то меня разбудило. В квадрате черного низкого неба меж стенами и крышей висели надо мной Семь разбойников, и оттуда же – так мне показалось в первый миг – доносился угрожающий бас. Наверное, он и разбудил меня; в следующее мгновенье я понял, что бас доносится с крыши, а ему отвечает ласковый голос бабушки. Было, пожалуй, время третьих петухов.

– Ну и что, воришка? Дальше-то что? – говорила бабушка.

Воришка! Надо же!.. Я затаил дыханье и оглядел двор. Он был просторный и совершенно пустой. К айвану примыкала стена дядиного дома. Самого дяди дома не было – он ночевал с семьей за городом. Полагалось бы испугаться, но бабушкин голос был привычно ласков, как воркованье старенькой голубки, и страха я не испытал – один жгучий интерес. Еще бы! Ночью нас вор навестил. То-то завтра пойдет разговоров по махалле! А я-то – как разукрашу все своим дружкам! Лишь бы поверили… Но вор – вот ведь недотепа! Нашел куда забраться… Да у нас в доме с лопатой ищи – ничего не найдешь…

Вор попал к нам случайно. Перебираясь с крыши на крышу, он угодил на дядину, и, пока раздумывал, как быть дальше, в носу у него отчаянно засвербило – от пыли или от ветерка; он чихнул во всю силу своих легких, а бабушка,

которая лежала без сна с насваем под языком и все думала свою горькую думу, выплюнула насвай, глянула наверх и увидела на крыше мужской силуэт.

– Воришка? – спросила она.

– Э-хмм…

Бабушка привстала, опершись на локоть.

– Послушай-ка меня, сынок, – сказала она. – Я тебя учить не хочу, у тебя свои дела, у меня свои, каждый добывает хлеб по-своему. Но работа у тебя тонкая, пока насморк, отдохнул бы, отлежался, подумал бы о себе, а то ведь пропадешь ни за что…

– Заглохни, старая, – сказал вор зловещим басом. Помолчал в темноте, словно обдумывая, потом добавил помягче: – А и верно, старушка … ночное чиханье – не в пример громче… – Снова помолчал – и опять ворчливо: – А ты, старая, ежели все разумеешь, и помолчать бы могла, не заметить. Ночь, дрыхнуть надо!

– Ну, и не заметила бы, – сказала бабушка, – а тебе что толку? Взять у нас так и так нечего…

Вор только засопел.

– О-ох, воришка, сыночек мой, – горестно заворковала Ракия-биби. – Спать-то надо, да я не могу. На душе кручина, вот и кручусь, днем по двору, ночью на постели. Все думаю, все думаю…

– О чем думаешь-то? – сказал вор, и бас у него еще помягчел, словно в него добавили маслица. Я услышал, как он стал снимать чапан.

– Как о чем? – бабушка даже удивилась. – Сам, что ли, не поймешь? Вот о них, о четырех сиротках… Во-он лежат… Время, сам знаешь, какое, сироты – разве сладят они с таким миром? И пожалеть-то – кому? Дядя-арбакеш, так он, бедолага, со своей семьей мыкается. Едим, только б ноги не протянуть. Во всем доме продать нечего – ни одной-то вещицы…

– Ни одной… – повторил вор неопределенно, и непонятно было, то ли он подтверждает, то ли высказывает сомнение.

– А они, несмышленыши, – продолжала бабушка, – когда еще вырастут? Когда хлеб добывать начнут? Я-то – доживу ли? Дотяну? Из четверых – один мальчик, и ему-то тринад-

цати нет. А девочек – три, мал мала меньше… А и вырастут – кто на них позарится? Кто за них денежки выложит – на тряпье, да на сватовство, да на угощенье?.. Как тут не думать! Ох, горюшко мое, беда, сыночек, беда, воришка…

Судя по звукам, доносившимся с крыши, полночный гость расстилал чапан. Потом он сочувственно спросил:

– Четверо, говоришь? Да-а… И у меня на шее – не меньше: двое ребятишек, да жена, да мать-старуха. Вроде тебя… Курице – и той сколько зерна надо, а четыре рта чем наполнить? Четыре лепешки заработать – и то душу на кон поставишь. Иди, кланяйся, хоть с метлой, хоть стрелой, хоть тешой, хоть душой…

Человек на крыше, покряхтев, улегся и продолжал:

– А по правде тебе сказать, бувиджан, Аллах меня ни силой, ни умом не обидел. Думаешь, я по своей воле по ночам гуляю?.. Я, если хочешь знать, и семьянин настоящий… и ремесленник, дай бог каждому! Кавуши шил – всем на зависть! Ан нет! Не прокормишься ремеслом! Все перевернулось!.. Сел на трон Керенский – думали войне конец, а вышло наоборот. Еще пуще воюют! И все ремесла прахом пошли. Для кавушей, к примеру, кожа нужна, клей, гвозди, лак. Так сырье – дороже готового! Я работай, я и приплати?..

– Неужто, сынок, так тебе и скитаться по крышам?

– А чем заняться-то? – Вор, похоже, снова приподнялся и сел. – Ну, хотел я тащишкой на базаре заделаться. Так простой народ нынче оптом-то ничего не закупает, помалу берут да сами и тащат! А у богачей – колеса. Они богатеют, богачито, а мы нищаем! Так-то вот, бабушка… Недавно Бува-ата, лучший мастер в махалле, весь свой набор сапожный – все колодки, да молотки, да иглы,да гвоздочки – все на пуд кукурузной муки сменял! И правильно сделал. Дехканам нынче не до обуви… И все ремесленники разорились, не одни мы: и ткачи, и медники, и кожевенники… Даже домла в мактабе – и тот с голоду землю лижет! Это учитель-то! А тут – и ложки постного масла не наберешь…

– Да пропади они пропадом с этой проклятой войной! – сказала бабушка. Воистину это светопреставление и есть, а, сынок, а, воришка?.. И что только будет с моими сиротами?..

Да и ты?.. С горя грех на душу берешь… Только не туда ты ходишь, сынок, ей-богу. Лазил бы к кому побогаче. Тут вот рядом, в махалле, и Карим-коры живет, торговец ситцем, и подрядчик Адылходжабай, и Матъякуббай, промышленник… Вот у кого добра не счесть. Младенцы – и те на золоте едят! Продырявил бы у них крышу – хоть разжился бы!..

– Эх, старая. – сказал вор. Вздохнув. И тут его голос показался мне очень знакомым, – рассуждаешь глупей своих несмышленышей. Да разве к богачам заберешься!.. И стены толстенные, и крыши железные, и псы злющие, каждый с теленка. Раздерут на части, после не соберешь… Ха! Адылходжабай, говоришь? Да у него двор еще и городовой с винтовкой стережет… Не-ет, хоть тяжка забота, а в Сибирь неохота…

– Ты прав, сынок, прав. А все же и тут поосторожней будь, а то справят тебе волчью свадьбу…

Вор, должно быть, снова лег – или уселся, подложив под себя ноги.

– И ты права, буви, – сказал он и после паузы продолжал доверительно: – Вот я тебе расскажу. Недавно я из сарая Арифа-вонючки четырех кур с петухом спер…

– Да ну! – бабушка оживилась. – Ну, молодец! Ведь они, проклятущие, могли тебя хуже любого чиха выдать! Раскудахтались бы!..

– А я пузырек с водой прихватил… Подкрался, набрал в рот воды – да как брызну на них!.. Глупей курицы-то никого нет. Подумали, дождик, головы под крыло, а я их по одной – и в мешок!..

– Ай, сынок! – восхитилась бабушка. – Как ты догадался!..

– Слушай дальше, дальше слушай… Я-то упер, да Ариф-вонючка, видно пронюхал. Взял я петуха – отнес элликбаши Рахманходже. Ариф-вонючка к нему – и видит своего петуха!.. Ну, и умылся. Задом, задом – и домой.

– А что этот Рахманходжа?..

– Не плохой человек. С ним, мать, можно договориться. В прошлом году меня в мардикеры записали, отправить хотели куда-то. Я – туда-сюда, туда-сюда – набрал полсотни рублей. Прихожу к нему: «Вот, мол, элликбаши-ота, все, что имею…». Помог – оставили меня. Приличный человек!..

– Ну, дай бог счастья ему и деткам!... А теперь слушай меня, воришка, слушай, сыночек, скоро светать начнет. Вон уж светлая звезда вышла!.. Ты по тутовнику-то скользни вниз, там рядом пень ореховый. Дам тебе топор, отколешь пару щепок, кумган поставим. Сын-то нам две кукурузные лепешки оставил – попьем чай все вместе…

Вор помолчал.

– Нет уж, старая, – сказал он вдруг прежним басом. – Пень вам расколю, а чай сами пейте. Ни к чему мне свое лицо показывать…

– Вай, сынок! И мы тоже люди. Неужто так и уйдешь от нас с пустыми руками?..

Вор буркнул что-то неразборчивое.

– Погоди, – продолжала бабушка, – что ж тебе взять?.. А-а, слушай, там в мехмонхоне казан лежит полупудовый. Было время, три семьи из этого казана ели!.. Бедно жили, а дружно. Теперь вот осталась одна я с сиротками. Когда-то им этот казан сгодится!.. Так возьми, сынок, казан! Продашь, проживешь с семьей день-другой…

Вор помолчал секунду.

– Нет, – сказал он вдруг сдавленным голосом, - не возьму, мать, не такой уж я… – он снова замолк, как бы стараясь с собой справиться, и когда заговорил снова, то, видно, старался, чтобы вышло пободрее. – Что это ты, мать, так отчаиваешься. Днем-то твои сироты небось веселятся, бегают. Краешек лепешки-то уж для них найдется. А там – вырастут. Обязательно вырастут, мать, увидишь! И казан пригодится, может, еще мал будет!.. Дай бог нам дожить до их тоев! Прощай, бувиджан, заря уже…

– Ну, прощай, воришка, не забывай нас…

* * *

Неделю спустя я услышал на улице знакомый голос. Потом я не раз встречал этого человека, но ночной истории не рассказал никому. Только порой, когда проснешься, снова слышится мне этот разговор, пока я лежу, прикрыв глаза.

Перевод А. Наумова

ОЗОРНИК

(отрывки)

Часть первая

1

Зачинщиком этой злополучной затеи был Юлдаш. Собрались мы, кучка подростков квартала, у главного входа Мечети Аиста, играли в альчики. Везло мне в тот день очень: карманы и рукава моего полосатого яхтака, даже пояс штанов были переполнены альчиками.

– Эй, отстали, мальчики, у меня все альчики!–выкрикивал я, захлебываясь от радости.

– Ребята, устроим хальфанэ?

– Идет,– обрадовались мои неудачливые партнеры.– А где?

– В пустом доме Рызкы-хальфы.

– Идет!

На хальфанэ решили готовить плов. Внук деда Маса-вура, сын Аманбая, Хусныбий взялся быть поваром. С него мы положили: котел, уполовник, соль, перец, воду. Остальное разложили таким порядком: рис и морковь – с Юлдаша-назолы, мясо – с Абдуллы-простака, сало – с меня, все прочее – с Пулата-хитреца.

Все разошлись, каждый в свою сторону. Я тоже отправился домой за салом.

Припасы вместе с разной мелочью по хозяйству хранились у нас в клетушке рядом с терраской. Мать на кухне развела огонь в тандыре и делала пирожки с тыквой. На терраске средняя моя сестренка нянчила самую маленькую сестричку. Идти в кладовку мимо нее – дело рискованное. Надо было придумать какую-нибудь уловку.

– Шапаг,– сказал я,– где твой мяч?

– Возле кукол, а что?

– Там нет его.

– Хых, чтоб тебя, сам же и взял небось. Отдай сейчас же. От-да-ай!..

Я стоял и молча ухмылялся. Шапаг оставила сестренку и побежала к своим куклам. А я – раз!–шмыгнул в кладовку, откровырнул из горшка порядочный ком сала, завернул его в клочок бумаги и сунул за пояс штанов.

Из кладовки я проскользнул в дровяной сарай: хоть и в раскладке этого и не было, я, чтоб угодить товарищам, решил к салу прихватить еще и яйцо.

Моя серая курица сидела в гнезде на луковице вместо подкладыша. Тихонько подошел я, приподнял крыло, заглянул, а она давным-давно снеслась уже и сидела на яйце просто потому, видно, что цыплят выводить охота пришла. Я забрал яйцо. Курица с кудахтаньем слетела с гнезда и убежала.

Довольный удачей я помчался к калитке. Но тут меня увидела мать.

– Эй, сорванец, опять на улицу? Иди-ка сюда, помоги развести огонь. Дымит и дымит, уже ослепла почти что.

Делать нечего, я сунул яйцо под колпак, надвинул его поглубже, зашел на кухню. Опустившись у очага на корточки, молча, под сердитую воркотню матери принялся раздувать огонь.

Увлекшись делом, я совсем не заметил беды: сало, спрятанное в поясе штанов, растаяло от жара и потекло по штанине. Мать стукнула меня по макушке скалкой, которой раскатывала тесто.

– Чтоб тебя! Здоровенный малый, женить пора, а он обмочился у очага, в священном месте, что служило еще святой Фатиме.

Из-под колпака по вискам и щекам поползли потеки желтка, смешанного с белком. Мать испугалась, решила, наверное: «Ох, размозжила голову бедному мальчику!» А что оставалось мне? Покража, совершенная ради товарищей, обнаружится, мне крепко достанется и будет стыдно перед домашними. Я выскользнул из кухни и умчался на улицу.

Сало растаяло, яйцо разбито – идти к товарищам по хальфанэ не было смысла. Бродить по улице до ночи, а потом вернуться домой – тоже сулило мало хорошего. Что делать, куда направиться? Думал я, думал и в конце концов нашел выход: «Пойду к тетке на Сагбан. Тетка и ее муж любят меня. И потом у них никогда не соскучишься».

Муж тетки – мастер-скорняк. Жили они в достатке, но детей у них не было. Поэтому, наверное, в доме у них не как у нас,– все вверх дном,– а всегда все прибрано, выметено, вычищено. И главное, дом их почти что «дом чудес».

Там можно было найти все, что только есть на свете! Из охотничьих птиц – сокол, ястреб-перепелятник, кобчик; из бойцовых – драчун-петух, петух обыкновенный, петух голландский, рябчик горный, перепел (оба последних ценились и как певчие и потом, содержались – один в прутяной, другой в сетчатой с тыквенным дном клетках); из певчих птиц – две горлинки, щегол, соловей, скворец. Кроме птиц, были: охотничья борзая, которую, собственно, держали лишь ради украшения дома, дворовый пес, комнатная собачонка и бухарская кошка с котятами.

А цветам у них во дворе и счета не было! Портулаки, желтоцветный шиповник, персидская роза, ирис, астра, ночная красавица, олеандр, душистая роза, георгины, кокандская астра, словом – не сосчитать. Дядя с теткой как зеницу ока оберегали каждый цветок, ухаживали за каждым животным, за каждой птицей, как за малым ребенком.

«Для такого, как я, веселого парня,– думал я дорогой,– там всегда найдется забава. Скучать не буду».

Встретили меня дядя с теткой ласково.

Заходи, заходи, мой хороший! Жертвой мне пасть за тебя – будто сам брат-покойник воскрес и наведался к нам. Каким тебя ветерком занесло?– говорила тетя.

О, молодец! У меня сколько уж дней веко дергается, и большая черная муха кружит и кружит по дому. К добру, оказывается, к твоему приходу, значит. Молодец, молодец!– говорил дядя.

Я млел от удовольствия, радовался, что в голову пришла счастливая мысль отправиться на Сагбан.

Дядя потом каждый день давал мне три копейки на мелкие расходы, «чаевой мелочи», как он говорил. Получив деньги, я вприпрыжку бежал на улицу. Друзей и в этом квартале завелось у меня много. Мы стреляли из луков, играли в альчики, устраивали собачьи бои. Однажды я тайком вывел со двора дядиного пса и пустил его в бой. Не совсем удачно, правда: пес вернулся домой с перекушенной передней ногой и охромел потом на всю жизнь.

Вскоре приятели пригласили дядю на кавун-саиль – загородную прогулку – поесть дынь на бахче прямо с грядки.

Дядя решил: «Заодно навещу там и кое-кого из родни по случаю праздника»,– взял с собой борзую, ястреба-перепелятника, прихватил сачок с длинной ручкой для ловли птиц и отправился на несколько дней за город. Перед отъездом он дал мне три бухарских теньги – по пятнадцати копеек каждая – и наказал:

– Присматривай за птицами, чтоб не сидели голодными.

«Вот я уже и вырос,–порадовался я в душе.– Как-никак четырнадцатый год пошел, люди уже доверяют мне: на моих руках остались такие хищные птицы с когтистыми лапами, как сокол, кобчик».

Я зашел в птичник. Осмотрелся. В одном углу сокол, в другом кобчик, – сидят на насестах, дремлют, вобрав в себя голову.

Раньше я как-то не обращал внимания,– оказывается, помет у этих птиц совсем белый. «Катыком, что ли, питались они последнее время?» – подумал я. И тут же решил: «Конечно, катыком, иначе помет их не был бы таким белым».

Не сказав тетке, я выбрал на кухне побольше горшочек для сквашивания молока и отправился на базар. Разменяв теньгу на один пакыр – две копейки по нынешнему счету,– купил полный горшок катыка. Дома разлил катык в две чашки, поставил их перед каждой из птиц. А они обе сверху, с насеста равнодушно, этак одним глазом взглянули на угощение и тут же отвернулись.

«Что ни говори, благородной породы птицы,– подумал я.– Хоть и голодные, а при людях до корма и не дотронутся. Будь это куры, те по своей простоте без всякого стеснения сразу накинулись бы на еду».

Я вышел из птичника. Выждав два-три часа, снова заглянул туда. Гордые птицы все так же сидели на своих насестах, отвернувшись от корма. Зло меня взяло. «Душонка воробьиная, а туда же – важничают. Я сделал им уважение – вышел, посчитав неудобным глазеть, когда другие кушают. Чего же им еще?»

В птичнике на резном колу висели дядины охотничьи рукавицы. Я надел их, подошел к кобчику. Взял его, зажал между колен, затем раскрыл клюв и серебряной ложкой на-

чал угощать его катыком. Накормил здорово. С соколом поступил точно так же.

«Ну вот,–говорю им,– теперь вы наелись. Торчать на одном месте, даже если ты сидишь, конечно же, нудно. А когда ты сыт, тебе и усталость нипочем. Теперь посиживайте себе. На сытый живот, говорят, и тоска не берет».

Таким способом я, как умел, дня два угощал своих птиц. Кобчик мне особенно нравился, и он всякий раз получал от меня вершок катыка.

На третий день зашел я в птичник и вижу: обе птицы мои сошли с насеста. Сокол стоит, втянув голову, нахохлился. А кобчик, тот и вовсе подобрал под себя одно крыло, другим прикрылся, вытянул ноги и лежит себе полеживает на боку.

«Вот это дело!– думаю про себя.– Конечно же, наскучит, если ты сидишь и сидишь на насесте да еще в полутемной комнате. А так оно лучше: посидел немного, постой, потянись, полежи на боку...»

На завтрак сокол и кобчик еще раз получили катык. На полдник я решил дать им сузьмы. Пусть, думаю, побалуются бедняжки, довольно им постничать.

И вот, захожу в птичник и глазам своим не верю! Кобчик отошел уже на вечный покой, а сказать проще – подох. Сокол тоже чуть жи в, вот-вот отойдет. И я все понял: из-за катыка, будь он неладен! Но что я теперь скажу дяде? Ведь каждую из этих птиц он любил и берег как зрачок своего глаза! Нет, думаю, видно, и здесь не судьба оставаться мне.

Из денег, что дядя дал на корм для птиц, две теньги с пятаком оставались при мне. В крытом проходе у ворот висела клетка с парой горлинок, которых я очень любил. Я подошел, тихонько снял клетку с крючка, поставил ее на голову и вышел со двора. Тетка, занятая приготовлением шавли для кошек, ничего не заметила.

В поясе деньги, на голове большая, из таловых прутьев клетка с парой воркующих горлинок. Я подоткнул полы своего легкого халата, хлопнул себя ладошкой по заду и– прости-прощай!–зашагал прочь из города,–меня ведь давно манили дальние-дальние странствия.

Я ушел, роняя слезы,
Ты осталася, рыдая.
Что гордята, мы тоскуем,
Час свиданья выжидая.
От тоски и ожиданья
В теле сил уже не стало,
Пожелтел я – словно овод.
Сил моих уже не стало.

Часть вторая

2

Вечерело, в камышах сгущались сумерки. Я осторожно выбрался из канавы на тропинку и побрел дальше. На душе было неспокойно: как-то там Аман-недотепа, что сталось с домлой? Но что я мог поделать, в дальних странствиях чего не случается!

Около часа последней, вечерней, молитвы я вступил в пределы еще одного великого города. У входа в приземистую мечеть с простыми глинобитными стенками в ожидании молитвы сидело несколько седобородых стариков. Почтив их салямом, я тихонько присел рядом. Вскоре суфий прокричал азан, я, хоть и без омовения, тоже вошел в мечеть вместе со всеми.

После молитвы прихожане стали расходиться, а я не тронулся с места. Суфий с имамом, задержавшись у выхода, хмуро и подозрительно поглядывали в мою сторону (как потом выяснилось, из мечети незадолго до этого исчезли кошма и несколько молитвенных ковриков). Наконец суфий не выдержал, спрашивает:

– Ты что же так засиделся, сынок? Намаз кончился.

– Отец, я не здешний, сбился с дороги. Если позволите, я останусь в мечети до утра.

В разговор вмешался имам:

– Откуда же ты бредешь, сын мой?

– Таксыр, из Ташкента я.

– А как же ты попал в эти места?

Я припомнил и пустил в ход россказни нашего хазрата:

– Я учусь в медресе, а сейчас по причине этого самого наступления каникул решил отправиться в путешествие,

чтобы добыть немного денег поденной работой.– Стараясь подражать домле, я сказал так, а сам подумал с опаской: «Как бы еще и здесь не пришлось обмывать покойников!»

– В каком же медресе ты учишься? Кто твой мударис?

Я понял: попался! Чего в Ташкенте много – медресе. А мударисов и того больше.

– Таксыр, учусь я в том... ну, в том самом большом медресе. И домла наш тот... который самый большой домла...

Мулла рассмеялся.

– Ну, ну, учащийся, значит. А учился, значит, в школе алчности и вранья. Добро, тогда пойдешь со мной ко двору. Живот-то подвело небось?

Я стыдливо опустил глаза на молитвенный коврик.

– Что ж, пошли, коли так. Послужишь мне малую толику, и с пропитанием уладится.

Я покорно поплелся вслед за имамом к нему на подворье. Мулла вынес мне два початка кукурузы, испеченных в горячей золе, и глиняную чашку машевой похлебки с добавкой рисовой сечки. Все это я съел с большим удовольствием. Мулла тем временем прошел в ичкари, а немного погодя вернулся с большущим ножом, с топором и крученым арканом в руках. Не зная, что он задумал, я, как пугливый горный олень, насторожился, подобрав ноги для прыжка, и раскрыл рот, чтоб закричать: «Помогите!» Мулла добродушно усмехнулся:

– Не бойся, не зарежу, я не людоед. Бычок у меня объелся чего-то и приболел. Ты возьми все это, положи в головах и будь ночью начеку. Если быку станет хуже, сразу же прирежешь его и позовешь меня. Только смотри не проспи, не прирежь поганым, когда околеет.

Я был рад, что дело подвернулось не трудное.

– Слушаюсь, господин!—говорю.– А чайку-кипятку у вас не будет?

– Что, что?! Восьмушка чаю стоит пятак, а тебе чаи подавай! Хочешь пить, вон в арыке вода. А лень подняться, рядом кувшин для умывания полон, пей-попивай...

Мулла ушел. А я растянулся на стеганой подстилке, которую он оставил. Долго лежал, уставившись в небо, чтоб не смотреть по сторонам. Мне чудилось, что все тени вокруг

грозно надвигаются на меня, и за каждой из них крадется мертвец, потерявший голову в хаузе. Незадолго до рассвета я задремал было, но тут же проснулся: в хлеву что-то грохнулось оземь и захрипело.

«О, чтоб ему околеть поганым, бык издыхает, кажется!»– подумал я, схватил нож, аркан и побежал к хлеву. В темноте на земле еще барахталась какая-то животина. Радуясь, что подоспел вовремя, я второпях вместо рога схватил за ухо, подвернувшееся под руку, и – «во имя Аллаха!»– как заправский мясник, полоснул ножом по горлу. Кровь ударила струей и окатила меня с ног до головы. Животина в предсмертном порыве хотела, видно, зареветь, но только захрипела во всю силу легких и испустила дух.

Мулла, правда, наказывал, если придется резать бычка, позвать его, потому что надо будет снять шкуру и разделать тушу. Но я устал, да и темно еще было, мясо могло осквернниться, выпачкавшись, и я решил отложить все до утра. Как человек, свалившийся с себя тяжкую заботу, я опять улегся на старой подстилке и спокойно уснул.

На рассвете спал я особенно сладко. А проснулся внезапно от крепкого пинка в бок. Открываю глаза, а надо мной стоит сам почтенный домла-имам: глаза – каждый о добрую сливу – вытаращены, рубаха висит мешком, на ногах грубые кожаные кавуши на высоком каблуке с твердым загнутым вверх носком, а в руке большой ком сухой глины – в уборную нарушать омовение, наверное, шел и по пути меня проведать решил. Опешив от неожиданности, я едва успел вскочить, как мулла запустил в меня комом глины, приготовленным для очищения. Я выкрикнул:

Эй, таксыр! За что избиваете бедного сироту?– и заревел от обиды и боли.– За добро – злом решили отплатить? Вместо благодарности за услугу, да?

Сгинуть тебе с твоей услугой!– заорал мулла.– Ты же ишака зарезал, проклятье твоему отцу. Я этого ишака в благородной Бухаре за три золотых купил. А какой ишак был!.. Вай-вай, ишачок мой!..

Скорбь по ишаку не мешала мулле колотить меня что есть силы. Оказывается, в темноте я принял за больного

бычка ишака, катавшегося в золе, и полоснул его ножом по горлу. А бык тем временем околел неприрезанным.

Я, словно мышь, свалившаяся в обливной горшок, озирался по сторонам, стараясь найти путь к спасению. Заметил лестницу, приставленную к застрехе хлева, и, как собака, взбирающаяся по ступеням, на четвереньках мигом вскарабкался на крышу.

В последнюю минуту мне захотелось чем-нибудь отомстить мулле. На краю крыши лежало седло зарезанного ишака, опрокинутое для просушки. Я подхватил его и запустил в муллу. Но – увы!– увесистое седло, видно, только и ждало случая отплатить мне за смерть своего хозяина: оно зацепило меня подхвостником за шею, потащило за собой и сбросило прямо к ногам почтенного домлы. Потому ли, что я упал на седло, или потому, что тело мое и. без того вспухло от побоев – мне было не до научного обобщения опыта таких полетов,— особого вреда падение с крыши мне не причинило. Зато мулла из-за такого святотатства, или, сказать проще, из-за такого непочтения к его сану, в о с п ы л а л , как говорится, г н е в о м великим, ринулся ко мне со свернутым ввосьмеро арканом, который принес вчера вязать бычка, и принялся хлестать меня по чем попало. Я снова вскочил, снова вскарабкался по той же лестнице. А очутившись наверху, поминутно оглядываясь, помчался прямо по крышам.

На мое счастье, крыши почти сплошь примыкали друг к другу, а если и попадались иногда узенькие переулки, то я одним махом перелетал через них, как петух, за которым гонится лиса. Мулла тоже одолел лестницу и, словно взбесившийся верблюд, с пеной у рта тяжело топал и пыхтел сзади, отстав от меня всего на несколько крыш. Хорошо, что в спешке он, наверное, не успел как следует завязать очкур – и у него на бегу стали сползать штаны. Стреноженный, он вдруг заковылял, заковылял, как мохноногая курица, и остановился.

Однако, на этом приключения мои не кончились. За тем, как я, забрызганный с головы до ног кровью, ни свет ни заря мчался по крышам, с самого начала наблюдали некоторые страдающие бессонницей праведники-старики. Разбуженные

их окриками и шумом нашей с имамом скачки, на крыши стали выбегать целые семьи. Улепетывая от всех, я оглянулся и – бубух!– увлекая за собой камышовую труху вперемежку с глиной, загремел куда-то вниз. Провалился я, как выяснилось, в дымоход чьей-то кухни. А под дымоходом стоял тандыр. Я и угодил прямо в тандыр и застрял в жерле согнутый пополам: ноги – коленками к груди, левая рука плотно прижата к боку, только правая могла двигаться свободно.

Люди, какие гнались за мной, увидели, что я вдруг у них на глазах исчез бесследно, начали шарахаться от крыш, призывая на помощь Аллаха: «Астагфирулло! Ас-тагфирулло!» За кого бедняги приняли меня, не знаю.

Может, за святого Ису, или за одного из воинов Абдурахманапери, спустившегося со сказочных гор Каф. А скорее всего за какого-нибудь злого духа – я ж так внезапно сгинул!

Когда все стихло, я попробовал освободиться, но, сколько ни бился,– никакого толку. Так и проторчал в жерле тандыра до самого вечера, не лизнув даже соли. В сумерки дверь снаружи отворилась, и в кухню вошла какая-то женщина. Свободной рукой я тотчас прикрыл себя глиняным колпаком, прислоненным сбоку.

Женщина развела огонь в небольшом очаге рядом с тандыром. Вскоре ноздри мне защекотал запах жареного лука, и аппетит мой, затаившийся было на время, к вечеру распустился пышным цветом – точь-в-точь цветок ночной красавицы. В котле зашипело, зашкворчало: хозяйка, видно, опустила в раскаленное масло порезанное кусками мясо и всякие приправы. Это и вовсе проняло меня до самых что ни на есть потаенных уголков сердца. Затем донесся чуть слышный шорох: ясно, женщина готовила машкичири и засыпала в котел маш с добавкой риса.

Город этот был, наверное, столицей степной страны, топлива – и кизяка и курая – в этом степном царстве было в достатке. Да и маш, чтоб его, не знаю, на каком только каменистом поле он рос,– совсем не хотел развариваться. Женщина, не жалея ни курая, ни кизяка, подкладывала и подкладывала. От жара постепенно стали накаляться стенки тандыра. А от стенок все больше нагревались и мои

бока. Если бы эта копуша не перестала поддерживать огонь в очаге, я наверняка весь изжарился бы, как шашлык. Наконец, после долгих томительных ожиданий и мук уважаемый машкичири был готов. Стряпуха выгребла из очага жар, выложила варево в два блюда, одно поставила обратно в котел, а со вторым вышла. Я сдвинул с тандыра колпак и вздохнул свободнее.

Огонь в очаге погас, но в моем желудке все жарче разгорался неугасимый пламень голода. А я, горемыка, только облизывался, вдыхая аромат машкичири, да придумывал разные способы избавиться от казни, какой не могли бы изобрести и китайские мандарины.

Пыльная кошма сумерек укрывала все кругом плотнее и плотнее. Следом, как и положено, кухню залила вечерняя темень. А я, несчастный, словно складной нож в ножнах, все еще торчал в своем зиндане. Лишь немного спустя после часа последней вечерней молитвы я несколько утешился тем, что через дымоход – единственное доступное мне окошечко в мир – мог вдоволь любоваться кусочком неба. «Вон та звезда – Атаман Семи Разбойников,– узнавал я.– Вон то – хвост созвездия Весы, вон Стожары, вчера, когда я прикончил ишака, эта кучка звезд стояла у меня над головой. А вон Дорога Везущего Солому. Вчера, когда домла пнул меня в бок, она уже клонилась к закату».

Я так увлекся своими воспоминаниями, что едва расслышал, как скрипнула дверь. В кухню осторожно вошел кто-то на цыпочках. Я тихонько-тихонько снова прикрыл голову глиняным колпаком. А вошедший, словно я для него приготовил, присел на него сверху и стал насвистывать какую-то веселую мелодию.

Верно, музыка – штука хорошая. Я не против. При иных мирных обстоятельствах я мог бы слушать ее в любое время и в любом месте. Но подумайте сами, где, в каком законе записано, чтобы одного человека воткнуть в тандыр, а сверху на голову ему усадить другого и позволить еще насвистывать разные там мотивчики? Допустимо это?

Немного погодя, крадучись, вошла та самая мастерица по части приготовления машкичири. Она тихонько подошла

к моему свистуну и в аршине над моей головой раздалось: «Чмок, чмок!» Поцеловались, ясно. Потом послышались приглушенные голоса, вроде жужжания осы в пустой корчаге:

– Не заждались?– спрашивает женщина.– Муж, чтоб его, будто другого времени не нашлось, засел за долговые книги, поставил рядом счеты и щелкает и щелкает. Только-только что усыпила...

– Это ничего, милая,– отвечает гость.– Но что стряслось с ним? Не учуял ли чего муж твой, не проговорилась ли ты? Сегодня захожу к нему в лавку насвая купить. Даю три копейки. А он насупился – вот-вот зарычит, как цепной пес, и отсыпал столько, что и половины табакерки не вышло. А мне за такие деньги в любой лавке табакерку доверху насыпали.

– Это потому, что он до смерти гадкий человек, скупой и жадный, – успокоила его женщина.– Ему только бы деньги. На меня он и не посмотрит, есть ли у него жена, нет ли и не вспомнит.

– Ну ладно, довольно о нем. Перекусить-перехватить есть что-нибудь?

– «Вот это дело! – подумал я.– Джигит, что ни говори, молодец и ловкач. И аппетит у него подходящий, наверное».

Женщина сняла крышку, показалась горка плотно умятого машкичири. Джигит поблагодарил. Избавив меня от мучений, привстал с тандыра. Опустился на колени перед очагом и с аппетитом принялся уплетать машкичири. Загребает и загребает по-молодецки. Женщина только клевала по зернышку время от времени да подкладывала гостю мясо, если попадалось на ее стороне. А я, горемыка несчастный, столько перетерпевший из-за машкичири, должен был тут же, рядом, в тандыре страдать – муки терпеть с полуобгоревшими боками.

В конце концов я не выдержал. Тихонько сдвинул на сторону глиняный колпак и потянулся правой свободной рукой к блюду. Загребая сколько мог уместить в горсть, схватил всего два-три раза – и у блюда забелело дно.

В кухне было темно. Но джигит, будь он неладен, заметил все же, и ловко сцапал меня за руку.

– Эй, постой-ка! Чья это рука? Вот моя, вот твоя.А это чья?

Женщина испуганно охнула. Не водись за ними рискованных делишек, по мне в тот день пришлось бы, наверное, читать отходную. Джигит отставил глиняный колпак, схватив за руку, выдернул меня из тандыра. В спине у меня что-то хрустнуло, но онемевшим ногам сразу полегчало, так что я даже подумал: «Что бы ему стоило сделать еще и растирание!»

– Спички есть у тебя?– спрашивает джигит.

Женщина, ощупав безрукавку, загремела коробком, чиркнула спичкой и задрожала, как в лихорадке: рубаха и штаны мои в крови, рожа – в саже. Но джигит оказался смельчаком.

– Так,– говорит,– ты кто такой? Я в ответ повторяю тот же вопрос:

– А ты кто такой?

– Я тебя спрашиваю.

– А я тебя спрашиваю.

– Ты дорожишь своей жизнью, хей, парень?

– А ты сам дорожишь своей жизнью?

– Чудно, ты, вижу, хват!

– Свят, свят, свят!.. Тут вмешалась женщина:

– Братишка,– говорит,– миленький! Послушай, кто ты, что ты делаешь тут? Джинн ли ты, шайтан ли ты,или дурачок? Зачем ты темной ночью залез в чужой очаг?

– А он зачем отирается ночью у чужого очага? Какое он имеет право?

Смотрю, а джигит засучивает рукава, как мясник, набивший руку в своем ремесле. Тогда я тоже решил пустить в ход свой старый, уже испытанный прием:

– Помо...

Женщина ловко зажала мне рот рукой.

– Ты что надумал?

– А что мне остается? Буду кричать «помогите!» Поняв, что на испуг меня не возьмешь, они решили действовать полюбовно – миром.

– Ну, ступай, уходи по-хорошему.

– Живот подвело...

– Вот навязался!..– уже со слезой проговорила женщина.

Она на цыпочках прошла в дом и вернулась с двумя большущими коржами со шкварками. Я зажал их под мышкой, но с места не двинулся.

– Ну, теперь давай, уматывай!– говорит джигит.

– Гони деньжат малость!

Джигит чуть не задохнулся, скрипнул зубами. Пробормотал крепкое, как курут, ругательство. Но, делать нечего, порывшись в кармане, сунул мне в руку несколько медяков вперемешку с серебром.

С тем «закрытый котел, что называется, остался закрытым»,– они выпроводили меня, заставив дать клятву, что, в случае чего, я, как говорится, «ни верблюда не видал, ни про кобылу не слыхал».

Темной ночью с коржами под мышкой, с деньгами в поясе я снова отправился в путь. Время позднее, шел я, шел и вышел на базарную площадь. Спешить мне было некуда, ночевать негде, я завернул в какой-то угол, положил под голову два кирпича и уснул.

Проснулся я от шума и гвалта множества голосов. Открываю глаза, а кругом толпа с палками, с кольями.

– Это он, он самый!– выкрикнул кто-то из толпы.

– Кто? Что случилось?– испуганно пролепетал я.

Но меня подхватили, связали за спину руки. Повели по базару, подстегивая плетками для резвости и заставляя повторять: «Преданный позору подлежит казни народной!»

Из отдельных выкриков и угроз, сыпавшихся со всех сторон, я узнал, что случилось. Оказывается, пока я спал в своем углу, в какой-то чайхане воры ограбили и убили баяскотовода, заночевавшего там. Обнаружив меня,люди увидели кровь на моем халате и подумали, что я один из тех разбойников.

Двое каких-то молодцов шли впереди толпы и отчаянно колотили крепкими кизиловыми палками в кожаное решето вместо бубна. Это чтобы собрать побольше народа, потому что после позорища меня, как и положено в таких случаях,

должны были побить камнями. У меня, понятно, задрожали поджилки, и я, как шел, так и шмякнулся оземь без памяти.

Как сквозь сон услышал я гомон толпы, споры. Какой-то мужской голос выкрикнул:

– Люди! Во-первых, мальчонка еще мал, чтобы убивать и разбойничать. Во-вторых, будь он соучастником, грабители не оставили бы его здесь в таком виде. В-третьих, по всем приметам, парнишка больной, припадочный. А вор, паскуда, он ни за что не возьмет себе такого помощника, потому – у вора есть свои тайны, и он боится, как бы такой помощник не выдал их!

– А почему он весь в крови!– отозвался другой голос.

И тут же следом третий:

– Стойте, стойте! Я знаю, что это за парнишка. Это сын мясника Ашура из Верхнего Карасу. В прошлый базарный день Ашур жаловался, что у него убежал из дома сын. Говорил, что уже и розыск объявил через глашатаев.

– Верно, верно!–нашелся еще один свидетель.–Я сам слышал, как глашатай объявлял на базаре, что пропал мальчик лет пятнадцати. Даже какую-то награду обещал...

Когда я окончательно пришел в себя, в ушах у меня все еще гремела дробь кожаного решета, но ни шума, ни гомона толпы не было слышно. Я с опаской открыл один глаз. Никого. Вовсю открыл оба глаза – ни души. Все разошлись кто куда, каждый по своим делам. А я лежу на земле один.

Часть третья

3

Небо – высоко, земля – жестка. Я брел, сам не зная куда. Каялся: мечтал о дальних странствиях, а стал обыкновенным бродягой бездомным, шалопаем, шальным и непостоянным, как ртуть. Досадовал на себя: будь я чуть поумнее, посдержаннее, я давно нашел бы себе место в жизни и кусок хлеба, был бы сыт, одет, обут. А теперь... Ну да ладно, что толку в позднем раскаянии...

На закате я вышел к большой реке. Места были незнакомые, что за река, я не знал. Переходить вброд наудачу было рискованно, пытаться переплыть – тоже. Назад воз-

вращаться некуда и не к кому. Я решил ждать какого-нибудь конного попутчика. А пока под шум реки затянул песню странников, которым, как и мне, встречались на пути большие реки:

Река полноводна, волны высоки,
Не переплыть мне, э яр-яр...
Конь исхудал мой, а путь далекий,
Никак не дойти мне, э яр-яр...

Кончив петь, я зачерпнул пригоршню воды. Пока пил, к речке подкатило облако пыли, а из него появился старик – продавец винограда – на тощей кобыле. Я подбежал к нему, схватил за полу, стал умолять перевезти и меня.Старик отговаривался: «Кобылица худая, недавно ожеребилась, и поклажи много. Стыдно будет, если два здоровых мужика взгромоздимся на такую конягу». Но я не отставал, и он в конце концов согласился.

Река называлась Келес. Место, куда мы выехали, именовалось по реке– Келес-кишлак. Ни пристанища, ни родных, ни знакомых у меня здесь не было. Старик-виноградарь, догадавшись, что я бездомный, странник, дал мне несколько полезных советов. Оказалось, в кишлаке живет некий Сарыбай-болыс, владелец больших земельных угодий. Для работы в его огромном, в тысячу танапов, яблоневом саду всегда нужны расторопные работники. Особенно сейчас, когда спеют яблоки, бай не прогоняет от своего порога даже таких, как я, дешевых поденщиков, готовых работать за пропитание. Меня это пока вполне устраивало. Я решил, что, пожалуй, уже сегодня смогу переночевать вместе с батраками бая, и старик охотно показал мне дорогу.

Под легким навесом сидели за вечерней похлебкой из кукурузы человек двадцать рабочих, старых и молодых. Я подошел, поздоровался:

– Ассалам алейкум!

Рабочие приняли меня радушно, пригласили в свой круг. Я объяснил, с какой нуждой-докукой пришел. Тогда один из них, постарше, сказал:

– Жизнь твоя у Сарыбая, считай, зазря пропадет, братишка. Ты молод, и лучше бы тебе другое какое-нибудь

занятие поискать. Ну да ладно, дней десять-пятнадцать поработай, пока подправишься малость, а там, может, найдешь свою дорогу...

В опорожнившуюся глиняную чашку мне налили черпак похлебки, дали пару кусков кукурузной лепешки собственной выпечки. Я с великим аппетитом съел предложенное угощение. Потом тут же и ночевать остался: соорудил кровать из двух поставленных рядом ящиков для упаковки яблок, из стружек – подушку и сладко- сладко уснул. По сравнению с обителью дервишей спал я здесь прямо как сказочный принц. По крайней мере тут хоть суфии не будили меня чуть свет своими молитвами.

Утром я пошел к хозяину. Поторговавшись, бай обещал платить мне в месяц целых «два пуда семнадцать фунтов яблок, спелых пополам с зелеными, зато чистых – чище материнского молока». Жульнический умысел бая и во мне заставил взыграть плутовскую жилку. «Терять мне, видно, нечего, поставлю-ка и я ему свое условие, может, пригодится, когда захочу избавиться от этого сквалыги». Подумал так и говорю:

– Бай-бува! Насчет платы мы сладили. Но по шариату продажа только тогда считается совершенной по совести, если покупателю будет сказано обо всех изъянах проданного. За мной тоже есть один грех, и лучше, если я скажу вам о нем с самого начала.

– Так, что ж у тебя за грех? Мочишься во сне? Припадочный?

– Нет, совсем не то. С детства у меня осталась привычка: время от времени, даже против своей воли, я начинаю привирать немного. Не станете бранить за это, значит – все. А плата пусть будет, как вы сказали.

– О, да ты, я вижу, хитер, паскудник! Ну да ладно, врать ври, только не завирайся очень.

...Работа у меня не такая уж трудная: ставлю подпорки под яблони, собираю и сушу падалицу, стерегу сад. Иногда, если хозяину понадобятся деньги, нагружаю арбу зелеными битыми яблоками и везу по окрестным кишлакам, меняю дехканам, работающим в поле, два фунта пшеницы за фунт. Зато

хозяин, Сарыбай-болыс, из всех, каких я встречал, оказался самым зловредным, отмеченным карающей десницей аллаха человеком. У него привычка: подойдешь к нему с каким-нибудь делом, а он, где нужно и где не нужно, задает один и тот же вопрос: «А дальше?» Скажем, приходите вы к нему и говорите: «Кандиль поспел». А он вам: «А дальше?» Вы, конечно: яблоки, мол, собирать надо. А он опять тот же проклятый аллахом вопрос: «А дальше?» Хорошо, вы ему: продавать, мол, надо. Казалось бы, конец разговору, все ясно, а он опять свое: «А дальше?» И вот, если вы после этого не нашлись, что ответить, вам непременно придется отведать байской плетки.

Еще до моего прихода Сарыбай-болыс выиграл в кости у Юсуфа-контора из Чувалачи сад с домом, со всем обиходом, обстановкой и со всеми пристройками на внешней и внутренней половине двора. Сад Юсуфа, особенно высокая, обдуваемая ветерком беседка в нем, так понравились нашему хозяину, что он вскоре обзавелся там еще одной женой, молоденькой симпатичной киргизкой и стал часто пропадать у нее, по десять-пятнадцать дней не показываясь в Келесе. Так случилось и на этот раз. Тут яблоки спеют, опадают, а без хозяйского приказа никто не решается начать сбор. У лошадей корма кончились, у рабочих провизия на исходе, сидят голодные, а ехать к баю ни у кого не хватает смелости – все опасаются его «а дальше?». И вот вечером собрались мы, все батраки, и стали держать совет, каким способом вызвать бая. Рядили, кого послать, судили что сказать, чтобы бай сам уморился от своих «а дальше?».

Ехать выпало мне.

Утром отправился я верхом в Чувалачи. По дороге вспоминал советы старших, сам прикидывал на тысячу ладов, как буду отвечать на хозяйские «а дальше?».

Когда я приехал, бай завтракал в беседке вареным мясом с бараньей головы. Я отдал салям и тихонько опустился на колени у самого порога.

– Ну?– спрашивает бай.– Зачем явился?

– Да просто так,– замялся я, еще не придумав, как буду изворачиваться дальше,– соскучился по вас и приехал проведать.

– Хорошо, хорошо, молодец. А дальше, не совсем же ты попусту приехал, небось и дело какое есть?

В эту минуту – и надо же!– мне вспомнилось условие, какое я поставил баю, когда нанимался: «Если сейчас не применить обговоренное вранье,– подумал я,– то когда же еще!» И начал:

– Этот... Ну, тот самый, с ручкой слонового зуба но жик ваш сломался, и я приехал сказать...

Тут-то и посыпались на меня все «а дальше?», какие только были в запасе у бая.

– Ну, а дальше? Как он мог сломаться? Зачем понадобился, другие ножи, что ли, перевелись в хозяйстве?

– Да заторопились мы – снимали шкуру с вашей борзой, а он воткнулся в кость и сломался.

– Что?!– рассердился бай.– Моим ножом собачью шкуру снимать?!– И тут же спохватился:– Постой, а зачем понадобилось снимать шкуру с борзой?

– Сдохла она, мы и решили снять шкуру, чтоб не пропала.

– А дальше! Отчего она издохла?

– Да мясом дохлой лошади объелась.

– Какой лошади? Откуда взялась дохлая лошадь?

– А ниоткуда не взялась, объелась она мясом вашего гнедого с лысинкой.

Бай глаза вытаращил:

– Эй-эй, парень, думать надо, прежде чем рот раскрывать! Гнедой с лысиной околел, говоришь? Да отчего он мог околеть?

– Непривычный потому что.

– Как непривычный? К чему непривычный?

– Оказывается, он никогда не запрягался, а мы запрягли его в арбу и стали на нем воду возить, он надорвался и околел.

– Что ты мелешь, подлец?! В хозяйстве столько рабочих лошадей, а вы, проклятье на головы ваших отцов,вздумали возить воду на единственном моем скакуне, кото рого я берегу только для улака?!

– Э, когда горит, кто станет разбираться, скакун он или не скакун? Запрягают первого попавшего и спешат хоть ведро воды привезти.

Кусок бараньего языка застрял у бая в горле. Он тупо уставился на меня:

–Ты что, ума-разума лишился? О чем ты? Что там горело? Откуда загорелось?

–Я в своем уме, хозяин. А горела конюшня. Бедные лошади все до одной погибли.

–Что?! Да откуда взяться огню в конюшне?

–И я думаю, и другие ваши работники тоже так думают – на конюшню огонь с амбара, видно, перекинулся.

–Да ведь в амбаре не было ничего такого, что могло бы воспламениться! Верно, там были пшеница, рис, верно,там было сало, мануфактура, но сами-то они не могли за гореться?

– Постойте, хозяин, дайте же до конца досказать. На амбар огонь перекинулся с дома. А на конюшню уже с амбара, наверное, попал. Так оно и шло от одного к другому.

– Так, значит, и дом сгорел?!

– И дом сгорел, и амбар сгорел, и конюшня сгорела, и лошади погибли, и скакун ваш околел, и борзая сдохла, и ножик ваш сломался.

– Да отчего же он мог загореться – дом?

– От свечки загорелся, от свечки.

– Эй, да ты и в самом деле, видно, рехнулся, парень. Какие в моем доме могут быть свечки? А куда подевались столько ламп, столько сорокалинейных «молний», нарочно купленных мною в Ташкенте, бочки керосина с запасом на целый год? Зачем вам было свечи зажигать?

Хозяин, вы, я вижу, совсем можете извести человека. Да кто же над всамделишным покойником зажигает керосиновую лампу? Дух умершего в свете лампы вокруг стекла, что ли, станет резвиться? Как делают: зажгут свечу, нальют в большую пиалу воды, поставят в нее веточку яблони. На свет прилетит ночная бабочка, а дух вселится в нее, сядет на веточку, отдышится немного и начнет потом резвиться в лучах свечи.

Своими путаными объяснениями я вконец уморил бая. Заранее страшась ответа, он с опаской тихонько спросил:

– Кто умер?

Тут я изобразил на лице глубокую печаль, сморщился и заплакал навзрыд:

– Ваш младшенький... ваш любимый сыночек Бури-бай-бача... полез на тополь за воробьятами, сорвался, успел только крикнуть: «Дада!»–шмякнулся об землю дух вон.

Слышал ли, нет ли бай мои последние слова, не знаю, он хватил себя по лбу пиалой, из которой пил чай, и громко завопил с причитаньями, клочьями выдирая бороду. Я тоже ревел, не отставая. Потом, немного погодя, умолк. Бай тоже притих.

Посчитав, что довольно напугал бая, я решил сочинить что-нибудь в утешение ему.

– Хозяин!– сказал я.– Не горюйте, Аллах не обошел вас и в своей щедрости. Пусть у вас умер сын, пусть сгорел дом, пропали лошади, не стало борзой и ножик сломался, зато я принес вам такую радостную весть, что она перекроет все ваши огорчения.

Бай глухо всхлипнул.

– Будь ты проклят со своими вестями! Что там еще?

– Средняя ваша дочка, Адаль-апа, родила такого сынишку – любого богатства дороже!

У бая глаза полезли на лоб:

– Как? Да Адаль еще и замуж не выходила?

– Вот и мы все тоже удивляемся, хозяин. Но, оказывается, если Аллах захочет, он может одарить и незамужнюю. А мальчонка-то! Внучок-то ваш, хозяин! Арбакеша вашего, Бадалая, помните? Вылитый он!..

Этого бай уже не мог вынести – свалился без памяти. Поверив в долг хозяину несколько добрых ударов плетью, на этот раз вполне заслуженных, я тут же уехал. А примерно час спустя на буланом скакуне заявился в усадьбу и сам бай; едет, полы халата обвисли, оперся ручкой плети о луку седла и плачет в голос, болтается в такт шагу лошади – глаза тупые, как у слепца, один в землю уставился, другой в небеса.

Я поспешил спрятаться: как бы, думаю, не вышло какой беды. Домашние бая, услышав плач и причитания хозяина, решили, что случилось несчастье, и тоже с плачем, с ревом высыпали из дому. Началось настоящее светопреставление: все плакали, обнимали друг друга.

Когда плач поутих, начались расспросы. Выяснилось, что и лошади, и собака целы, и дом не сгорел, и нож не ломался. А тут и сам Бури-байбача выскочил откуда-то и остановился, распустив слюни.

В тот день я, конечно, постарался не показываться на глаза хозяину. Но на следующее утро меня по приказу бая разыскали все-таки и принесли, распяв за руки и за ноги. Первым делом пришлось отведать десятка два добрых ударов плетки по чему попало – по голове, по глазам. Потом бай и говорит:

– Эй, ты, собачье отродье, что это еще за проделки?

– Так мы же с самого начала уговорились, хозяин,– я время от времени, забывшись, начинаю привирать понемногу.

– Значит, это и есть то самое вранье?

– Ага. Только это еще не все.

– Ну, если и это не все, ты совсем погубишь меня, когда до конца доврешь. Вон отсюда, сдохнуть бы тебе маленьким, век сытости тебе не знать! Гоните этого лгуна!

Меня хотели выпроводить, но я уперся, потребовал расчета. Проработал я в байском саду месяц и девятнадцать дней. Удержав двадцать две копейки «чаевой мелочи», выданных мне в разное время, бай велел отсыпать мне в рогожный мешок два пуда яблок, червивых пополам с гнилыми. А я и этому был рад, хоть дело было к вечеру, отправился в путь.

АЙБЕК

(1905 – 1968)

Айбек родился 10 января 1905 г. в Ташкенте, в семье ткача-ремесленника Ташмухаммада. Айбек – литературный псевдоним, собственное имя писателя Муса. О своем детстве Айбек вспоминал: «В молодые годы отец мой был ткачом, потом, в кишлаках Хумсан и Янги-бозор, бакалейщиком. Он не получил образования, характер у него был раздражительный, вспыльчивый. Мама же физически слабенькая, однако сильная духом, чуткая, умная, вдумчивая, наблюдательная, очень добрая, трудолюбивая –

что бы она ни делала, все у нее получалось. Она много вышивала – тюбетейки, джияки (тесьму), в ее руках все спорилось. А когда выдавался свободный час, много читала»[1].

Сначала Айбек учился в старой школе, потом – в новометодной, светского образца, которые к тому времени открыли джадиды. В 1930 г. он закончил факультет общественных наук Среднеазиатского государственного университета. До 1935 г. Айбек преподавал там политическую экономию и одновременно сотрудничал в Научно-исследовательском институте языка и литературы (1934 – 1937). В 1938–1941 гг. работал в Учебно-педагогическом издательстве литературным переводчиком и редактором. В 1943 – 1951 гг. руководил отделом общественных наук в Академии наук. В 1945 – 1949 гг. Айбек – председатель Союза писателей Узбекистана. Был также главным редактором журналов «Шарқ Юлдузи», «Ўзбек тили ва адабиёти». Когда в 1943 г. была организована Академия наук Узбекистана, Айбек был избран ее действительным членом. В 1965 г. его удостоили звания Народный писателья Узбекистана. Он награжден 7 орденами, многими медалями. За роман «Навои» Айбек получил Государственную премию Узбекистана (1946), за повесть «Детство» – премию имени Хамзы (1964). Память его увековечена: именем писателя названы школы, институты, ташкентская станция метрополитена, улицы. В столице республики открыт Дом-музей Айбека. Союзом писателей Узбекистана учреждена премия его имени.

Айбек вошел в литературу в начале 1920-х годов как поэт-лирик. Его первые стихи были написаны еще в годы его занятий в техникуме. Первая публикация – стихотворение «Чолғу товуши» («Голос музыки») появилось в 1922 г. в сборнике «Армуғон» («Подарок»). Позже один за другим выходят его поэтические сборники «Туйғулар» («Чувства», 1926), «Кўнгил найлари» («Флейты сердца», 1929), «Машъала» («Факел», 1932). «В моих первых стихах было много противоречий, – рассказывал впоследствии Айбек, – я еще был в поиске. Наряду с созданными как отклик на самые важные

[1] *Шарафуддинов О., Шарите Ж.* Адабиёт дарслиги. Тошкент: Уздавнашр, 1936. Б. 46

события времени стихами были и написанные в печальной тональности, упаднические, отвлеченные»[1]. Но и в таких пессимистических стихах Айбека, как «Куз ва қиз» («Осень и девушка»), «Қиш кечалари» («Зимние вечера»), «Хотирадан излар» («Следы памяти»), «Фарғона оқшоми» («Ферганский вечер»), «Айрилиқ ва дарвеш» («Разлука и дервиш»), «Шарқ учун» («Для Востока»), «Ўзбек эли» («Узбекский народ»), чувствуется проявление большого поэтического таланта.

В начальный период своего творчества Айбек находился под влиянием Чулпана, у которого учился поэтическому мастерству. Он сочинил ряд «чулпановских» стихов, лирическое стихотворение «Флейты сердца» посвятил своему учителю.

Мелодии пропали безвозвратно,
Но молодость не сгинет, не умрет.
И сердце – почему оно крылато?
В нем най поет, как прежде, най поет[2].

Если на 1920-е годы пришелся период поэтических поисков, познания жизни, то в 1930-е годы творчество Айбека достигает поэтической зрелости. Темы его произведений самые разнообразные. Он создает замечательные стихи «Узбекистан», «Наъматак» («Шиповник»), «Каналда» («На канале»), «Канал бошида» («У начала канала»), «Машраб» и тематический сборник «Чимён дафтари» («Чимганская гетрадь»). Эти лирические стихотворения о новой жизни, узбекской природе, трудолюбивом народе воссоздают цельный поэтический образ его солнечного края, национального характера.

В 1930-е годы Айбек творит в разных жанрах. Многообразна его лирика, где поэт обращается к темам любви, труда, военным и политическим событиям. Прекрасна пейзажная лирика, посвященная красотам родной природы, которую поэт изображает в традиционном ключе народной поэзии – образ природы органично слит с миром чувств:

---

[1] Адабиётимиз автобиографияси. Ташкент, 1973. Б. 149.

[2] Перевод А. Файнберга. Публикуется впервые.

Чудно качается куст наматака
Там, наверху, в ветровой колыбели,
Солнцу – корзина цветов белоснежных,
Гордо над краем утесистой щели
Чудно качается куст наматака…[1]

Большое место в этот период занимает в творчестве Айбека жанр дастана. Поэт опирается и на традиции старой узбекской литературы, и на опыт общемировой литературы. Широко известны его дастаны «Дилбар – давр қизи» («Дильбар – дочь эпохи»), «Ўч» («Месть», 1932), «Ўрознинг бахти» («Счастье Ураза»), «Чўпон қўшиғи» («Песня чабана»), «Бахтигул ва Соғиндиқ,», «Темирчи Жўра» («Кузнец Джура», 1933), «Қаҳрамон қиз» («Девушка-героиня», 1936), «Гульноз», «Камончи» («Музыкант»), «Навои» (1937). В них отражены различные стороны жизни народа и страны сложнейшего периода культа личности.

В годы Второй мировой войны и в последующее время Айбек продолжает развивать свое поэтическое творчество, но в несколько ином, новационном ключе. С первых дней войны военная тематика плотно входит в его творчество. В 1942 г. Айбек в составе делегации Узбекистана едет на фронт и в течение четырех месяцев живет среди бойцов Западного фронта. Здесь, на фронте, поэт познавал правду войны, характеры солдат, их духовную суть, собирал материалы для будущих своих произведений. На базе этих материалов им в 1965 г. были созданы роман «Қуёш қораймас» («Солнце не померкнет»), сборник стихов «Оловли йиллар» («Огненные годы»), дневник «Фронт бўйлаб» («Объезжая фронт»).

Перу Айбека принадлежит около сотни стихотворений военно-оборонной тематики: «Ёвга ўлим» («Смерть врагу»), «Ватанни сев» («Люби Родину»), «Зафар бизники» («Победа – наша»), «Она сузи» («Слово матери»), «Хайрлашув» («Прощание»), «Ватан ҳақида» («О Родине»), «Йигитларга» («Юношам»), «Зебо», «Жангчи элатим олдида» («Боец перед своей страной»). С гордостью воспевает поэт героический дух народа, любовь к отечеству. Образ Родины-матери обрисован во всем его величии и достоинстве.

[1] Перевод Н. Тихонова. См.: *Гулям Г., Айбек, Алимджан Х.* Стихотворения и поэмы. С. 285.

Военная лирика Айбека, будучи национальной и по содержанию, и по его художественному выражению, является высоким достижением поэзии суровых военных лет. Показателен в этом ряду его дастан «Махмуд Тараби». В основу положены исторические события XIII в., противостояние народов Междуречья монгольским захватчикам. В центре сюжета происшедшее недалеко от Бухары народное восстание против иноземных завоевателей, возглавленное ремесленником-бедняком Махмудом Тараби. Исторически достоверные эпизоды увязываются с вымышленными событиями и героями, несущими высокую идею борьбы за освобождение Родины от иноземцев. Главное действующее лицо – историческая личность Махмуд Тараби. Посвятивший свою жизнь борьбе за счастье народа и независимость страны, он выступает подлинным народным героем. В ожесточенных боях Махмуд Тараби проявляет беспримерное мужество, в стане врагов одно упоминание его имени вызывает панику. Дастан завершается победой восставших.

По мотивам дастана написана опера (музыка Чишко, либретто Айбека), которая в 1944 г. была поставлена в Ташкенте.

Из созданного Айбеком в послевоенные годы отметим его лиро-эпические сочинения, внесшие весомый вклад в развитие жанра узбекского дастана: «Қизлар» («Девушки», 1947), «Ҳамза» (1948), «Зафар ва Заҳро» (1950), «Ҳақгўйлар» («Говорящие правду», 1954), «Бобом» («Мой дед», 1957), «Даврим жароҳати» («Раны времени», 1965), «Гули и Навои», «Бабур» (1968).

Во второй половине 1930-х годов Айбек, уже приобретший славу известного поэта, пробует свои силы в прозе. Он начинает с малых жанров – очерка и рассказа – «Гульнар-опа», «Фанорчи-ота» («Смотритель фонарей»), «География муаллими» («Учитель географии»), «Тиллатопар» («Золотоискатель»), «Глобус», «Мусича» («Горлинка»), «Курашчи йигит» («Юноша-борец»). К крупной форме – роману он обращается чуть позднее. «В 1937 году, – рассказывает Айбек, – я приступил к написанию романа «Священная кровь». Я не стал собирать для этого материалы. С детства я любил наблюдать жизнь, и потому роман сам изливался из

моего сердца, из моей памяти. Роман я завершил в короткий срок»[1].

«Священная кровь» была опубликована в 1940 г., и в художественном отношении этот роман явился вполне зрелым произведением. В нем талантливо показана тяжелая жизнь узбекского народа накануне октябрьского переворота 1917 г., его борьба за свободу отображена ярко и многосторонне.

Главный герой романа Юлчи – узбек-труженик, характер которого формировался в новой жизни. В начале романа Юлчи приходит в город из кишлака в поисках работы. Он обращается к своему дяде Мирзакаримбаю за советом и ждет его помощи. Богатый дядя относится к племяннику не по-родственному, а как господин. События, происходящие вокруг Юлчи и непосредственно его затрагивающие, – жестокость Мирзакаримбая по отношению к находящимся под его подчинением батракам, женитьба бая на любимой Юлчи – Гульнар, ее гибель, грязные проделки кутилы Тантибайваччи, судьба слуги Камбара, произвол во время отбора в мардикеры – все эти жестокие действия превращают Юлчи в другого человека, в корне изменяя его душу, сознание, отношение к жизни. Писателю удалось мастерски показать, как молодой дехканин проходит эволюционный процесс закалки в горниле борьбы за общественное благо и становится активным участником народного освободительного движения 1916 г., а потом и его руководителем.

Среди женских образов романа особенно ярко выписан образ Гульнар. В призме жизненной истории своей героини писатель обобщает тяготы женской судьбы. Гульнар – простой и искренний человек, все в ней прекрасно – и облик, и поступки, и характер. Но Гульнар – бесправна. По этой причине она, хоть и искренне, всем сердцем любит Юлчи, вынуждена стать женой старика Мирзакаримбая. Мать Гульнар Гульсум-биби – нежная, ласковая, трудолюбивая. Понимая свою дочь и оберегая ее, она не соблазняется богатствами бая.

Роман Айбека «Навои» (1944) – гордость узбекской литературы XX века.

Роман начинается с возвращения 18-летнего Алишера (Навои из Самарканда в Герат – самой плодотворной поры его жиз-

[1] Адабиётимиз автобиографияси. Б. 144.

ни, завершается кончиной Навои. Айбек стремился изобразить эволюционные этапы жизни и творчества поэта. Навои на протяжении всей своей жизни занимался государственной деятельностью, стараясь уберечь страну от разрушительных войн, междоусобиц, столкновений. Он неустанно боролся за мирное развитие страны, ратовал за благоустройство кишлаков и городов, много помогал деятелям искусства и науки – и морально, и материально. Он верил в победу добра над злом, разума и знаний над невежеством и варварством, осуждая жестокость и несправедливость.

На примере Навои Айбек правдиво изобразил прогрессивную личность времени, высвечивая его веру в силу народа: «Ибо народ – это такая великая река, в волнах которой могут исчезнуть и дворец шаха, и лачуга дервиша. Народ – это такой огонь, что одна лишь искра его способна воспламенить и сухое сено, и небеса...»

В романе фигурируют и такие исторические личности, как Хусайн Байкара, Хадича-бегим, Мумин Мирзо, Дарвеш Али, Бинаи, Маджиддин. Эти образы, выписанные глубоко психологично, играют важную роль для раскрытия характера главного героя – Алишера Навои. Именно в ракурсе судеб этих героев показана жизнь страны в тот период. Большое впечатление производят история войн падишаха Хусайна Байкары с собственным сыном Бадиуззаманом, его указ о казни внука Мумина Мирзо, кровавая вражда между ними из-за власти, взаимные предательства и прочие трагические ситуации и обстоятельства.

А благодаря вымышленным персонажам – Султанмураду, Дильдор, Арсланкулу, Зайниддину, Туганбеку Айбек обобщенно показал жизнь определенных социальных групп населения. Важна и другая их роль – они также способствуют еще более глубокому раскрытию характера главного героя.

В романе «Навои» воссозданы типичные для XV в. разнообразные жизненные события и ситуации, выведены характерные образы. Историческая правда жизни превращена в художественную правду. Для достижения этой цели писатель плодотворно использовал разнообразные приемы психологического анализа, среди которых особая роль отведена речевой характеристике.

Роман «Навои» – замечательный национальный образец эпического жанра, большое достижение узбекской романистики. Он переведен на русский, английский, немецкий, белорусский, казахский, туркменский, азербайджанский, таджикский, арабский, персидский, эстонский, латышский и другие языки мира, и везде читатель принял его с большим интересом.[1]

Если такие романы Айбека, как «Священная кровь», «Навои», «Великий путь», посвящены прошлому народа, то романы «Ветер золотой долины» (1950), «Солнце не померкнет» (1959) – современной автору действительности.

Роман «Ветер золотой долины» был создан под влиянием «теорий бесконфликтности», в результате чего советская действительность в нем сильно приукрашена, многие образы схематичны. Писатель стремился показать передовые силы эпохи в образах Уктама, Камилы, Сабира, Тансик, Анор, Мирхайдар-ота, Усар, Акаскин, Саксон-ота. Но и в этом случае он смог удачно обрисовать некоторые характеры. Один из таких образов – Аширмат. Айбек достаточно колоритно воспроизвел его прошлое, реалии его жизни, внутренний мир.

Роман «Солнце не померкнет» является первым узбекским романом о Второй мировой войне. В нем повествуется о патриотизме бойцов, героизме, о дружбе между народами, о партизанском движении. Идея романа выражена в его названии – это идея силы народного гнева: как никогда не угаснет солнце, так никогда не победить народ, борющийся за справедливость и истину.

Реалистично, художественно достоверно изображены в романе фронтовые эпизоды, картины боев. Сюжет основан на истории одного батальона. Автор стремился показать духовный настрой бойцов, раскрыть их чувства, мысли, динамику переживаний.

Герои романа – Бектимир, Али-тажанг (Али-нервный), Аскар-полвон, Дубов, Николин, Хашимджан, Рашид, юная Салима – фронтовики, простые смелые люди. В романе подробно изображены их боевые будни, поведение в борьбе. Айбек показывает, как сражается, закаляется в битвах молодежь.

[1] *Ёкубов Х.* Ойбек: (Адабий-танқидий очерк). Тошкент: Узадабийнашр, 1959. Б. 154–155.

В послевоенном творчестве Айбека значительное место отводится жанру повести. Он автор повестей «Нур қидириб» («В поисках света», 1957), «Болалик» («Детство», 1963), «Алишернинг ёшлиги» («Юность Алишера», 1967).

В повести «В поисках света» отражены трудная жизнь пакистанских трудящихся в 50-е годы XX в., поиски передовой интеллигенцией путей к новой жизни, свободе, миру, общественному равноправию, показана преданность народу, бескорыстная борьба за его интересы. В центре повести прогрессивно мыслящий молодой учитель Ахмад Хусейн. Его жизненный путь вбирает в себя основные характеристические черты прогрессивной деятельности интеллигенции Пакистана.

Повесть «Детство» написана Айбеком в жанре воспоминаний. Главный герой этого автобиографического произведения – Мусабай – это сам писатель. Жизнь героя показана в последовательной и неразрывной связи с жизнью его народа, с реальными событиями начала XX в. Описание детства Мусабая развернуто панорамно, на фоне широких картин жизни страны. И именно поэтому, читая «Детство» Айбека, можно многое почерпнуть о событиях того времени, понять суть общественного противостояния, узнать о жизни народа, особенностях его быта.

Повесть показывает мастерство писателя в воспроизведении мира ребенка, его интересов, фантазий, первого опыта познания жизни.

Велики заслуги Айбека также в сфере художественного перевода и в литературоведении. Он мастерски перевел на узбекский язык роман А. Пушкина «Евгений Онегин», драму М. Лермонтова «Маскарад», его поэму «Демон», «Корабль рабов» Генриха Гейне и другие произведения мировой классики.

Академик Айбек является автором ряда научных литературоведческих статей и исследований, в их числе: «Лирика хақида» («О лирике»), «Сўнгги йиллардаги ўзбек поэзияси» («Узбекская поэзия последних лет»), «Абдулла Қодирийнинг ижодий йўли» («Творческий путь Абдуллы Кадыри»), «Ўзбек классиклари» («Узбекские классики»), «Навоийнинг дунёқараши масаласига доир» («К вопросу о мировоззрении На-

вои»), «Навоий гулшани» («Цветник Навои»). В этих трудах Айбека нашли свое освещение такие проблемы, как традиции и новаторство, язык и стиль, народность и художественное мастерство, – концепции этих статей чрезвычайно важны.

СВЯЩЕННАЯ КРОВЬ

Роман

Отрывок

Юлчи – главный герой романа – бедный родственник Кэрим-бая. Бай «приютил» его у себя и использует в качестве батрака. Лутфиниса – жена Кэрим-бая. Нури – его дочь. Гульнар – дочь Ярмата, слуги Кэрим-бая: она симпатизирует Юлчи.

Глава четвертая
III

Вечерело. Юлчи сидел один у ворот хозяйского двора. В узеньком переулке, который в эту пору обычно оглашался звонкими голосами ребят,– ни души. Переулок сплошь залит непролазной грязью, здесь не только затевать игры, по делу и то надо было пробираться осторожно, шаг за шагом, прижимаясь к дувалу.

Покосившиеся, крытые камышом и глиной хижины и полуразвалившиеся дувалы по обеим сторонам переулка являли в сумерках невыразимо печальную картину. Они заставляли думать о бедности, о постоянной нужде, гнездившихся рядом, в самом близком соседстве с богатыми хоромами огромного байского двора...

Шагах в двадцати скрипнула калитка. Через минуту мимо Юлчи, коснувшись паранджой его колен, в байские ворота прошла девушка, ведя на аркане корову. Это была Гульнар. Они с матерью ухаживали за хозяйской коровой, но доили ее всегда на глазах самой Лутфинисы.

Сердце юноши встрепенулось и застучало так, словно хотело вырваться из груди. Теперь Гульнар для Юлчи уже не прежняя незнакомка, которая изредка вспоминалась ему с прошлого лета. Нет, теперь эта девушка стала для него самой дорогой и самой близкой на свете!

Впервые счастье улыбнулось Юлчи в тот день, когда он пришел к Нури к «самому надежному» знахарю. Немного отогревшись после поездки, он поднялся, прошелся по людской и вдруг остановился перед окошком: во дворе, неподалеку от людской, сидела на корточках девушка и мыла на снегу посуду. Юлчи прильнул к окну. Заметив его, девушка вспыхнула, вскочила и, промелькнув перед глазами падучей звездой, вмиг исчезла.

А через день они встретились снова. Произошло это вот как. В день свадьбы Нури тетка позвала Юлчи на женскую половину кипятить чай – женщинам трудно было справляться с двумя огромными самоварами. Еще исстари было заведено, что в день свадьбы в ичкари чай для гостей кипятят мужчины. Даже самые фанатичные и самые ревнивые мужья не видели в этом отступления от обычаев и нарушения благочестия. К тому же дело это обычно поручалось работнику, а ведь работник в глазах хозяина только наполовину человек.

Юлчи прошел в ичкари. Устроившись в одном из дальних уголков обширного двора, он занялся самоварами.

Во дворе сновало много бедно одетых женщин, обслуживавших гостей. Среди них была и Гульнар. На этот раз на ней был, правда уже поношенный, бекасамовый камзол. На голове – новый платок, на ногах – почти новые ичиги и галоши. Она все время торопилась. Распорядительницы тоя и другие женщины постарше без стеснения подходили к Юлчи, но девушка все время держалась поодаль. Чай она принимала не прямо от него, а через руки других подавальщиц. Чтобы не стеснять девушку, Юлчи старался не смотреть в ее сторону.

– Гульнар, – подзадоривали ее подавальщицы, – ну что он, съест тебя? Подойди поближе. Джигит – настоящий сокол! На тое нечего стесняться.

Постоянная спешка и беготня с чаем для гостей, с водой для омовения почтенным наставницам религиозных школ и женам ишанов вынуждали Гульнар подходить к Юлчи все ближе. Она уже не закрывала лица кончиком платка, только отворачивалась, когда приближалась к нему, иногда взглядывала на юношу и порой чуть заметно улыбалась.

Комнаты и даже террасы ичкари были переполнены женщинами. Здесь также во всем чувствовалась твердая рука Мирза-Каримбая с его правилом: «Каждый должен быть принят в свое время, в своем месте и соответственно своему положению». Все гости были разделены хозяйкой на три группы: первая – это жены ишанов, казиев и пожилые женщины из самых знатных домов; вторая – жены баев, купечества, а также женщины, чем-либо полезные хозяйке. Обе эти группы располагались в чисто прибранных и богато обставленных комнатах ичкари. Сюда подавались все лучшие и самые дорогие угощения, сладости, фрукты. Третью группу составляли те, которых в доме бая презрительно называли «рваные паранджи». Это приглашенные только ради приличия бедные родственницы, соседи. Они располагались на террасах, теснясь у нескольких специально для такого случая поставленных сандалов. Сюда на старых ржавых подносах подавали изъеденный шашелем урюк, джиду, местную карамель, такую липкую и тянучую, что прилипнет к нёбу – и хоть отрывай, и наскоро испеченные лепешки, такие тонкие – дунь на нее и, как говорится, до самой Бухары улетит.

За порядком в ичкари наблюдала хозяйка тоя Лутфиниса. Около полудня она вышла во двор, передала Юлчи большую пачку чая, поманила Гульнар и, когда девушка подошла, зашептала обеим:

– Это самый лучший чай. У меня сидят жены ишанов, жена и невестка Тюряходжабая, дочери Мухаммед Шариф-казия. Им надо заваривать покрепче. Поняли? Ты, доченька Гульнар, когда будут просить чаю из моей комнаты, шепотком предупреждай об этом Юлчи.

Гульнар и Юлчи понимающе улыбнулись, и эта улыбка сразу сблизила их. Девушка подходила теперь чуть не каждую минуту. А Юлчи всякий раз со смехом спрашивал: «Для ишан-айим? Для Шариф-казия?» Или – «Для тетушки Хайри?» – «Самый густой», – отвечала Гульнар нежным смеющимся голоском и, принимая чайник, так глядела на джигита, что у него замирало и таяло сердце.

Семена любви, запавшие в душу Юлчи холодным зимним днем, с тех пор проросли, распустились и, согретые теплом юношеских надежд и сладостных грез в долгие бессонные ночи, расцвели пышным цветом. Но думает ли о нем девушка? Найдет ли его любовь хоть слабый отклик в ее сердце? Этого Юлчи не знал. Часто Гульнар, как сегодня, закутавшись в паранджу, проходила мимо него, иногда он, сидя на террасе с Ярматом, совсем близко слышал ее голос. Но лицо девушки и ее глаза со дня свадьбы Нури сияли и улыбались ему только в мечтах.

Сумерки сгущались. Темные провалы калиток проглатывали одного за другим прохожих, возвращавшихся из мечети с вечерней молитвы. Небо хмурое, над городом ни одной звездочки. В темноте растаяли деревья, дома, дувалы.

Юлчи смотрел перед собой в темноту, а перед его глазами во всех подробностях вставал день свадебного пира в ичкари. Он видел Гульнар, ее лучистые глаза, светлую улыбку, и ему казалось, что тот пасмурный зимний день был самым светлым днем в его жизни...

Мечты Юлчи прервал неожиданно прозвучавший из темноты голос:

– Где тут дом Мирза-Каримбая?

Юлчи вскочил – голос показался ему знакомым.

– Кто это? Не вы ли, Ишбай-ака?!

– Юлчи? Вот когда довелось тебя увидеть!

Они поздоровались. Ишбай жил в кишлаке по соседству с Юлчи, работал чайрикером и, несмотря на бедность, по мере сил помогал его семье. Юлчи пригласил гостя в людскую, но тот отказался.

– Хозяин прислал в город с кладью. Я оставил все в караван-сарае и побежал разыскивать тебя. Еле нашел. Теперь надо поскорей возвращаться.

– Хоть парой слов перемолвимся. Расскажите, как живут мои родные! Идемте! – уговаривал Юлчи.

– Нет. Не могу, – стоял на своем Ишбай. – Домашние твои все здоровы. Мать привет передавала. Братишка работает на мельнице Курбан- аксакала. Живется им трудновато. Да в кишлаке сейчас все так. Мать просила денег

прислать хоть немного. Если есть – давай, пусть малость подкормятся.

Юлчи опустил голову, снял тюбетейку и по кишлачной привычке почесал затылок.

– Вы хорошо знаете, Ишбай-ака, что живу я здесь ради матери и брата с сестрой. Но сейчас при мне нет и медного гроша. Придется просить у бая.

– В спросе, говорят, беды нет. Ничего зазорного не будет, если и попросишь. Дитя не заплачет, мать не покормит. Ведь бай родня тебе, сделает, наверное, снисхождение.– Ишбай понизил голос–Только ты сразу все не бери. Возьми часть, а остальное пусть лучше хранится у хозяина. В голодном доме и катык, говорят, не успевает закиснуть – сколько ни пошли, все проедят.

– Ладно.– Юлчи хлопнул Ишбая по плечу. – Завтра попрошу и постараюсь отнести вам. Где вы будете, на хлебном базаре, что ли? – Юлчи подумал и прибавил: – Ну, а если не выйдет, тогда попозже пошлю. Найду надежного человека.

– Правильно. Так и сделай, братец мой. Посылать надо только с надежным человеком. Нельзя верить всякому, хотя бы и однокишлачнику. В теперешнее время правый глаз левому – враг...

Они стоя поговорили немного, и Ишбай ушел.

Поздно вечером Юлчи направился к баю. Подойдя к хозяйской двери, он заколебался. Бедняку даже свое заработанное трудно просить. К хозяину надо подойти вовремя: бывает – он не в духе, злой, сердитый, бывает – веселый и добрый. Наконец, решившись, Юлчи осторожно открыл дверь.

Мирза-Каримбай, обложенный со всех сторон подушками, сидел у прикрытого атласным одеялом сандала. Не меняя положения, он взглянул на племянника.

– Заходи, дорогой, заходи. По какому делу?

Юлчи, постеснявшись пройти по ковру в грязных сапогах, отвернул ковер, опустился на колени почти у самых дверей и объяснил, зачем пришел. Мирза-Каримбай выслушал его и долго сидел молча с закрытыми глазами. Потом чуть приподнялся, облокотился на сандал.

– Что у бабьей породы ум короток, давно всем известно, племянник, – заговорил он тоном наставника, – Нельзя сказать, чтобы и мать твоя – Хушрой-биби отличалась умом. Достаточно послать один раз – и готово, она будет просить денег каждую неделю. Ей захочется вкусно поесть, сладко попить, а потом пожелает завести и по второй смене одежды. Одним словом, она забудет, что иногда надо и потерпеть, и потеряет всякую меру. Если хочешь послушать моего совета и быть человеком, никогда не принимай близко к сердцу жалобы женщины.

– Моя мать не такая,– осторожно возразил Юлчи.– Она женщина трудолюбивая. Прошло уже восемь месяцев, а она до сих пор ни копейки еще не просила. Я, дядя, хочу только, чтобы мать и брат с сестрой не надоедали с нуждой другим...

Бай, точно он и не слышал возражения племянника, пропуская меж пальцев бороду, продолжал:

– Деньги добывать трудно, но уметь расходовать их с толком еще труднее. В этом и заключается вся суть. Терпеливость и воздержание, умение довольствоваться малым – вот что спасает от нужды бедного человека. У моего порога работало немало людей всякого сословия и положения. И почти все они погрязали в долгах. Один работник прожил у меня целых девять лет и все не мог разделаться с долгом. Так и сбежал, бросив рваные чарики. Двадцать рублей за ним осталось. Значит, и на том свете придется ему ответ держать... Ты мне свой... Потому и советую тебе – никогда не подставляй шею под ярмо долгов. Понял?

Юлчи слушал дядю хмурый. Когда тот кончил, он неохотно кивнул головой и продолжал сидеть молча.

Бай долго о чем-то размышлял. Потом пошарил по карманам, вынул пятирублевую бумажку, положил ее на сандал. Немного подумав, прибавил еще трехрублевку, затем еще целковый и бросил деньги на ковер перед Юлчи.

– Шесть рублей пошли. А три – при себе оставь на расход. Да передай матери, чтоб на эти деньги пшеницу купила. Жизнь и пропитание от самого Адама на пшенице, на хлебе

держится. Сам праотец Адам, в первый раз вспахав землю, посеял пшеницу. Это – благословенное зерно. Из пшеницы можно сварить коджу, а смолов ее. на муку – аталу, лапшу, – одним словом, тридцать два разных кушанья можно сготовить. Вот что значит пшеница. А мать пусть, по одеялу гладя, протягивает ноги, понятно?

Юлчи взял деньги и со стесненным сердцем молча вышел от бая. Он подумал: «Чтобы получить девять рублей, пришлось выслушать девяносто нравоучений. Видно, если я не буду твердым, то вместо своего заработка получу только огрызки».

Спать ему не хотелось, и он, хотя время было уже позднее, вышел на улицу.

В этом квартале было два человека, которые пришлись по душе Юлчи. Один –кузнец Каратай, другой – сапожник Шакир-ата. С Каратаем он подружился, подковывая в его кузнице хозяйских лошадей и починяя арбу, а в мастерскую Шакир-ата заходил попросить инструмент, чтобы своими руками починить себе обувь. Старик никогда не отказывал и относился к юноше, как к родному сыну.

Юлчи потянуло к сапожнику. Пройдя мимо тускло светившегося окошка мастерской, заклеенного промасленным листом бумаги он открыл легкую дверь.

– Здравствуйте! Не уставать вам, отец!

– Заходи, сын мой, – сапожник привычным движением чуть приподнял очки.– Давно ты не показывался.

Шакир-ата сидел в углу мастерской за толстым, ровно срезанным чурбаном. Это был старик лет шестидесяти пяти, худой – кожа да кости, с лицом несколько продолговатым и лбом, изрезанным глубокими морщинами, с жидкой небольшой бородкой. С пятнадцати лет, работая сначала учеником, затем подмастерьем,а потом и самостоятельным мастером, он привык сидеть целым днями согнувшись, и теперь спина его совсем сгорбилась. Весь облик этого человека говорил о том, что жизнь его была полна трудностей, тяжких забот и постоянной нужды.

Мастерская – тесная, с низким потолком, с тонкими каркасными стенками. Все углы завалены старыми колодками,

обрезками кожи, чашками и банками с сапожным клеем, тряпками для подкладок и прочим хламом. Свежего человека сразу обдавало чадом от большой висячей лампы.

Ученик мастера – четырнадцатилетний Юлдаш – сидел у окошка. Нажимая изо всех сил, он разглаживал натянутые маленькие ичиги (Шакир-ата был мастером по детской обуви). Потом вычернил их сажей и принялся за окончательную отделку.Ичиги, сшитые из тонкой, кустарной выделки кожи, начинали по немногу блестеть – «приобретали вид».

В переднем углу мастерской сидел сын Шакир-ата, Тахирджан.Он, как слышал Юлчи, уже продолжительное время болел чахоткой. В прошлом стройный, красивый, теперь Тахирджан высох, будто соломинка. На лице у него ни кровинки. В умных карих глазах– сознание обреченности. Он беспрерывно кашляет, коротко и резко. Откашлявшись, долго не может отдышаться. Плечи его в это время приподнимаются, худые лопатки выпирают еще больше.

Юлчи очень жалел этого человека и всегда пытался отвлечь его от тяжелых мыслей. На этот раз он тоже сказал ему несколько дружеских слов.

Тахирджан устало улыбнулся: он ежедневно слышал десятки подобных утешений, и число их становилось тем больше, чем быстрее таяло его тело.

– Болезнь моя неизлечима, братец. Она с каждым днем все ниже пригибает меня к земле. И ни один день не приносит мне облегчения. Любое лекарство оказывается для меня ядом,– Тахирджан закашлялся, закрыл глаза, с трудом отдышался и продолжал: – Если болезнь излечима, даже чистая вода помогает, и человек выздоравливает. А я от лекарств только слабею и делаюсь вялым...

Шакир-ата ласково посмотрел на сына.

– Не говори так, сын мой. Неверие и отчаяние – это от дьявола. Аллах для каждой болезни сотворил лекарство. Только сейчас не стало знающих лекарей. В старое время были Ибн Сина, Лукман-хаким. Они знали средство от каждой болезни. Для Ибн Сины, к примеру, была бы у больного жива душа – и довольно, он вылечивал. Обо всем

этом, сынок, я слышал и знаю – в старинных книгах так пишут.

– Да, но где же найти таких лекарей? – грустно усмехнулся Тахирджан.

– Их нет, сынок.– Шакир-ата тяжко вздохнул.– Эх... все теперь испортились, все развратились. Лекари стали обманщиками. Поэтому-то сейчас и заговоры, и лекарства не помогают. Теперь об исцелении только Аллаха, создателя нашего, молить надо.

– Аллах гнев свой ко мне проявил, а вот милость, видно, скрывает,– безнадежно махнул рукой Тахирджан.

– Шакир-ата, явно недовольный сыном, пристально посмотрел него через очки.

– Не поддавайся соблазну неверия, сын мой! – сказал он строго.

По морщинистому лицу старика разлилась тень глубокой печали. В мастерской наступило молчание. Слышно было только, как мальчик-ученик, занятый уже новой заготовкой, беспрерывно шмыгал носом.

Юлчи приходилось слышать, что страдающим такими «затяжными» болезнями, как у Тахирджана, помогает вольный воздух степей и гор. Он посоветовал:

– Тахир-ака, скоро весна, поезжайте в горы. Свежий ветер и чистый воздух, как самое лучшее масло, пойдет вам на пользу. Что волосинку из теста, вытянет из ваших жил всю болезнь. Потом хороший кумыс там будете пить. Горный кумыс – он совсем другой.

– Верно, очень верно! – согласился больной. – Горный воздух, кумыс, зелень весны– лучшее лекарство для моей болезни, об этом мне говорил и ученый доктор. Но что поделаешь? Ехать в горы – нужны деньги. Кто мне приготовит там даровой кумыс и мясо? А положение наше – сами знаете. – Покашливая, больной кивнул на старика и обвел взглядом мастерскую.

Юлчи не сдавался:

– Можно что-нибудь придумать... Подождите, вот Зияходжи-бай, он одного с вами квартала. К тому же вы с ним соседи, калитки ваши рядом, одна к другой прите-

пились, не так ли? А у него в Чимкентских горах много баранов, лошадей. Вчера сын его хвалился: у нас, мол, столько-то косяков лошадей, в них столько-то кобыл, столько-то жеребцов!.. Я прямо рот разинул. Понимаете, кумыса, говорит, столько, что не успевают выпивать! – Юлчи взглянул на больного.– Сыновья Зияходжибая там бывают, вот вместе и поехали бы. По-соседски...

Тахир горько рассмеялся и покачал головой.

– Вы здесь новый человек, братец мой Юлчи. И вы совсем не знаете нрава здешних людей.

– Ну, а попросить если...

В разговор вмешался Шакир-ата.

– Знаешь, Юлчи, – сказал он, не отрываясь от работы,– недаром говорят: «Чем протягивать руку к хлебу алчного, лучше умереть с голода!» Понимаешь смысл этого? Вот! Лошади и бараны Зияходжибая все горы и степи, говоришь, заполнили? И летом кумыса некуда девать? Верю. Да только нам с тобой какая польза от этого? Ну, допустим, я от нужды пойду к баю с покорной просьбой. Думаешь, этот сын распутницы так и согласится? Нет! Скорее у собаки кость выпросишь, чем какой-нибудь пустяк у этого скряги! – Старик минуту молчал. Набрал в рот воды, сбрызнул голенище ичига и, расправляя его, продолжал: – Чем больше я беднею,тем Зияходжибаи больше радуется, Юлчибай!

Юлчи удивился:

– А какое у него может быть зло против вас?

– Зла нет, а дурной умысел есть. Двор его примыкает к нашему. Но для него он мал. Вот бай и задумал прибрать к рукам мой клочок земли, застроить его и жить привольно... Знаю я. Он давно зарится. Я зубами и руками держусь за свое убежище, и потому бай было поостыл. А вот, как только Тахирджан заболел и нас придавила нужда, он опять навострил уши, бессовестный. Даже людей подсылал, выведывал мои намерения. Вот теперь сам и подумай,– выходит, чем хуже болезнь Тахирджана, тем больше ему,подлому, радости. Старик затряс головой и вдруг закричал так,будто перед ним стоял Зияходжибаи: – Да я и с ноготь своего места тебе, мужу развратницы, не уступлю!..

Юлчи пожалел, что своими неудачными утешениями только растравил сердечную рану старика и его больного сына. Но разве он мог знать, что так получится!..

В мастерскую без стука вошел высокий угрюмый человек лет сорока пяти, в надвинутом по самые брови казахском малахае.

– Не уставать вам, мастер!

– Пожалуйте, Икрамбай. Присаживайтесь, – радушно пригласил гостя старик.

Икрамбай опустился на корточки, прислонился к стене, снял с головы малахай и молча принялся вертеть его в руках. Тахирджан, виновато взглянув на Юлчи, тихо сказал:

– Устал я. Пойду домой.

Покачиваясь от слабости, он поднялся и, опираясь на палку, заплетающимися шагами направился к выходу.

Икрамбай, словно он только сейчас заметил больного, окинул его безучастным взглядом, равнодушно спросил:

– Как здоровье?

– Спасибо, – ответил Тахирджан чуть слышно. Дрожащей рукой больной открыл дверь и вышел, не оглянувшись на гостя.

Юлчи до сих пор ни разу не встречал Икрамбая в своем квартале. Одежда на госте была грубая, нескладно сшитая, но зато новая, добротная. Видно было, что он человек с достатком. Из дальнейшего разговора Юлчи понял, что Икрам – разъездной торговец и оптовый заказчик Шакир-ата, что он дал старику вперед деньги под ичиги и теперь пришел за товаром.

Шакир-ата со свойственным должникам смирением, расточая благословения Икраму и его детям, униженно сообщил, что сейчас он в состоянии дать только десять пар ичигов.

Икрамбай возмутился:

– Денег я вам давал на сорок пар ичигов? На сорок! А спрашиваю только двадцать. Было бы, конечно, лучше, если бы вы сразу отдали все и рассчитались. Но трудно требовать то, чего нет. Вот и отдавайте все, сколько есть готовых. – Торговец кивнул на разложенные в ряд около Шакир-ата ичиги, блестевшие свежей отделкой.

Старик снова начал упрашивать, пустил в ход все свое красноречие.

– Я был близким другом твоего покойного отца. Хоть в память его смилуйся, сын мой. Ты. слава богу, из торговых людей. Не ремесленник убогий, как я. Если рассказывать обо всех моих горестях, их ни в какую книгу не вместить. Больной сын, невестка да три внука. И все они на попечении у меня, старика. Завтра среда. Базарный день. Оставь мне десять пар. Продам, и этим прокормимся пока. Хоть ради голодных моих внучат окажи милость, дай отсрочку дней на десять – на неделю.

– У каждого свои заботы, отец! Не вы один о пропитании беспокоитесь, – холодно заметил Икрамбай.

Юлчи сидел молча,низко опустив голову. Грубость и холодное упрямство торговца раздражали его. Он хмурился, пощипывал кончиками пальцев жиденькие, только-только пробивающиеся усы и думал «Словами такого разве проймешь? Схватить бы его поперек и вышвырнуть на улицу. Только старику от этого едва ли будет легче. Все равно этот живоглот сдерет с него. Да еще и к ответу притянет. Потому как на его стороне сила-деньги. А за беднягу старика кто заступится!..» Старик сделал еще одну попытку смягчить торговца:

– Я имел дело со многими купцами. И не одного даже на копейку не обманул. Мое за ними пропадало, а их – нет… Я согласен питаться одной водой. Тысячу раз согласен! Но даже на чужую соломинку не позарюсь… на той неделе непременно получишь. Непременно!

Икрамбай усмехнулся.

– Эти ваши разговоры ни к чему. В наше время никто не допустит, чтобы другой присвоил его добро. Ну, давайте, мне пора. Спать хочется, глаза слипаются. А завтра с рассветом в кишлак отправляться.

Шакир-ата снова заговорил о своей нужде. Жаловался он не только на свою судьбу, а и на бедственное положение всего ремесленного люда. Рынки, говорил он, заполнены фабричными товарами, кустарные изделия идут за бесценок, и многие мастера «складывают свои колодки и инструменты»

– разоряются... Однако жалобы старика только ожесточили Икрамбая.

Юлчи не вытерпел, гневно взглянув на торговца, сказал:

– От слов старика и камень растаял бы! Вы заберете двадцать пар ичигов, а целая семья должна котел пустой водой полоскать. Надо же и совесть иметь. Не колите шилом высохшую от работы грудь старого человека.

Икрам даже не взглянул в сторону Юлчи.

– Я свое спрашиваю. К чужому кошельку рук не протягиваю, – равнодушно проговорил он.

Шакир-ата поднялся. Растирая занемевшие коленки, он принялся отсчитывать ичиги. Поставив их попарно перед Икрамом, старик с дрожью в голосе сказал:

– Бери, сын мой, торопись забрать свое добро!..

Торговец встал, потянулся, зевнул. Потом сосчитал ичиги и, отделив пять пар, отложил их в сторону.

– Пусть эти пять пар останутся вам. Не обижайтесь, отец.

У старика задрожали губы.

– Забирай все! Чем скорей рассчитаюсь, тем лучше. Может ли обижаться человек на то, что разделывается с долгом? Радоваться надо!

– Мы с вами земляки, мастер. Мы еще понадобимся друг другу. К следующей неделе приготовьте еще пятнадцать пар. Если хотите, я могу вам и кожу доставить. Ну ладно, об этом потом поговорим. Всех вам благ!

Забрав пятнадцать пар ичигов, торговец вышел.

Старик старался казаться спокойным и даже бодрым, но было заметно, что он сильно расстроен. Он не находил инструментов, лежавших рядом, рука его, шарившая в поисках колодки, несколько раз попадала в клейстер, на кончике крючковатого с широкими ноздрями носа блестели капли пота.

У мальчика-ученика уже слипались глаза, но он, чтобы не огорчать мастера, старательно тачал голенище очередного ичига, разводил и сводил руками, поскрипывая навощенной дратвой.

В мастерской становилось холодно. Ветер напирал на тонкую дверь, гремел промасленной бумагой окошка.

Юлчи пора бы и уходить, но неловко было оставлять Шакир-ата в такую минуту. Чтобы отвлечь старика от горестных мыслей, он спросил:

Значит, завтра – на базар, отец?

Если ремесленник в среду не побывает на базаре и ничего не продаст, у него целую неделю руки будут связаны, – ответил Шакир-ата. – Хоть дела мои и неважные, да какой-нибудь выход найдем.

– А как же вы их поправите – ваши дела? Ведь этот дурак все вам испортил.

Старик смочил слюной кусок кожи, помолчал и пояснил:

– Продадим оставшиеся пять пар ичигов, купим ниток, воска,клею, лаку. Так? Затем, дома у меня есть немного кожи. Правда,подошвы нет. Но и тут выход найдем. Ты хочешь знать, какой?В прошлом году я сшил себе пару ичигов. Ткач, говорят, без поясного платка, а гончар – без кувшина, – слышал небось? Поносил я те ичиги три дня на праздник и спрятал. Ну вот, мы их продадим и подошвы купим. Дела наши и поправятся. Но что в котле варить–не могу пока придумать, сынок. Плова мы не едим. Для нас был бы маш или пшено да репа –и довольно. Не так много и денег надо, чтобы котелок наш кипел целую неделю.

Шакир-ата тяжело вздохнул, вдруг схватился за сведенную судорогой ногу и, охая, принялся растирать ее.

– Отец, может, вам денег дать, чтобы котелок ваш кипел? – Юлчи потупился. – Немного... три рубля.

Старик, склонив набок голову, долго смотрел на джигита поверх очков. В его взгляде были и растроганность, и глубокая благодарность.

– Спасибо, сынок! Дай бог дожить тебе до ста лет, внуков и правнуков вырастить. Денег мне ты не давай. Заработал в поте лица – и расходуй на себя. А для меня и слова твои дороже золота.Потому, – ты укрепил ослабевший дух мой. – Шакир-ата ударил кулаком себя в грудь. – Этот старик каких только невзгод не видел! А сегодняшняя – разве трудность? Пустяк! Эта седая голова много перевидала и еще много увидит. Тахирджана бы Аллах исцелил – вот мое желание...

Шакир-ата снял очки, вытер слезы и снова принялся за работу. Боясь обидеть старика, Юлчи не стал настаивать.

– Будет нужно, спросите, я найду. Хорошо?

– Если очень большая нужда случится, тогда другое дело. Шакир-ата еще раз поблагодарил юношу и от всей души пожелал ему счастья и удачи в жизни.

Юлчи вышел на улицу. Резкий ветер засвистел в ушах, швырнул ему в лицо острыми, как иглы, снежинками. Скользя и спотыкаясь в темноте о кочки на застывшей дороге, Юлчи направился к себе.

АБДУЛЛА КАХХАР

(1907 – 1968)

Абдулла Каххар, писатель, прошедший серьезные жизненные испытания, оценен своим народом как уникальное национальное духовное достояние, родился 17 сентября 1907 г. в Коканде в семье кузнеца. Семья его, переживая тяготы времени, бытовые проблемы, была вынуждена переезжать из одного кишлака в другой.

В 1919 – 1924 гг. Каххар учился в начальной школе, потом в педагогическом техникуме в г. Коканде. В 1925 г. он приезжает в Ташкент, работает литературным сотрудником в газете «Қизил Ўзбекистон» и в журнале «Муштум». В 1926 – 1929 гг. учится на рабочем факультете Среднеазиатского государственного университета. В 1930 г. Каххар поступает на педагогический факультет САГУ, затем два года занимается в аспирантуре Института языка и литературы Академии наук Узбекистана.

В период 1934 – 1937 гг. Абдулла Каххар работал ответственным секретарем журнала «Совет адабиёти» (ныне «Шарқ Юлдузи»), с 1938 г. до 1950-х годов был редактором и переводчиком в Узбекском государственном издательстве. С 1954 по 1956 г. он возглавлял Союз писателей Узбекистана. Сочетая творческую, общественную и государственную деятельность, писатель во всех этих областях проявил свой яркий талант

Абдулла Каххар начал публиковаться с 1927 г. В 1920-е годы под псевдонимами «Ниш» («Жало»), «Норин шилпиқ» («Нарын-больной»), «Мавлон Куфур» («Мавлон-безбожник»), «Яланг оёқ» («Босой») он печатался в газетах «Кизил Узбекистон», «Янги Фаргона». В журнале «Муштум» были напечатаны его сатирические и юмористические стихи, среди которых «Салла-тўн» («Чалма-чапан»), «Омин» («Аминь»), «Эшонимиз» («Наш ишан»), «Эшагим» («Мой ишак»), «Эшонимнинг бошидан ўтганлари» («То, что пережил мой ишан») и фельетоны «Ўзинг шифо бер» («Господи, исцели»), «Дуога шак йўқ» («В молитве нет сомнения»), «Домла Маҳмуджон махдумнинг қувланиши» («Как прогнали господина домуллу Махмуджона»), «Билдириш» («Извещение»).

Особенно больших успехов достиг Абдулла Каххар в жанре рассказа. Уже в 1930-е годы он обрел славу мастера узбекского реалистического рассказа и работал в этом жанре около 40 лет.

Абдулла Каххар всегда был чрезвычайно требователен к себе, неустанно трудился над совершенствованием своей художественной системы, занимался самообразованием, изучением опыта писателей, тайнами новеллистического мастерства. Наблюдая жизнь, людские характеры, исследуя творческие лаборатории великих писателей – А. Чехова, А. Кадыри, Каххар сам вскоре достиг высот в искусстве рассказа. Он подчеркивал: «На стиль моих творений никто не воздействовал так, как Чехов. И если я в какой-то степени достиг совершенства в стиле, за это я кланяюсь учителю Антону Павловичу».

Произведения Абдуллы Каххара 1930-х годов можно поделить на две группы: рассказы, чья тематика связана с прошлым: «Бемор» («Больная»), «Ўғри» («Воры»), «Анор» («Гранат»), «Томошабоғ» («Сад развлечений»), «Миллатчилар» («Националисты») и из современности – «Мастон», «Қанотсиз читтак» («Бескрылая синица»), «Санъаткор» («Художник»), «Жонфиғон» («Джанфиган»), «Йиллар» («Годы»), «Адабиёт муаллими» («Учитель словесности»). Независимо от темы, рассказы эти имеют одну задачу – воспитание людей в духе благородства. А. Каххар стремился к тому, чтобы доставить читателю максимальное эстетическое удовольствие,

дать пищу для размышления. При этом он избегает дидактизма, увещевательного повествования – просветительская цель достигается раскрытием внутренней сути характера и поступков персонажей и общим эмоциональным воздействием рассказа на ум и сердце читателя.

Новеллистика А. Каххара, посвященная прошлому, является образцом высокого художественного мастерства, взращенного национальными традициями. При развертывании содержательного плана своих рассказов писатель чаще всего опирается на поступки персонажей, ставя их в ситуацию выбора. Внешность, характер, моральный облик каждого героя высвечиваются на фоне совершаемых им действий. Особое внимание уделяется созданию жизненного конфликта и использованию приемов психологического анализа. Содержание произведений увлекательно и логично раскрывается по мере развития сюжета, структура которого весьма специфична. В вышеперечисленных и большинстве других рассказов сюжет неожиданно начинается с кульминационного момента, данного в развитии. Фактически сведены к минимуму экспозиция рассказов, психологически последовательное развитие ситуаций и характеров героев. Раскрытие образов происходит через детали, которые и выявляют суть проблемы.

Рассказы А. Каххара характеризуются индивидуальной поэтикой, основу которой составляют краткость сюжета, зрелость композиции,яркость характеров, сила психологического анализа, многоуровневая детализация. Эти достоинства присущи и рассказам писателя на современные темы, таким как «Йиллар» («Годы»), «Тўй» («Свадьба»), «Қанотсиз читтак» («Бескрылая синица»), «Жонфиғон» («Джанфиган»), «Кўр кўзнинг очилиши» («Прозрение слепых»), «Адабиёт муаллими» («Учитель словесности»), «Мирзо» («Писарь»), «Майиз емаган хотин» («Женщина, не евшая изюма»). В раскрытии психологии своих героев – простых людей – писатель достигает высочайшего мастерства. Очень ярки характеры Мастон (рассказ «Мастон»), которая, преодолев трудности, спасает свою подругу от гибели; Обиджона («Страшилище»), который смог изменить себя и по-новому отнестись к труду; Орзигуль («Годы»), достигшей благодаря честному труду достой-

ной жизни; женщины-шофера («Жонфиғон»), создавшей свое счастье собственными руками. Эти положительные образы свидетельствуют о любви писателя к простому человеку труда, о его вере в народ, его ум и духовные силы.

В рассказах о современности Каххар смело поднимает конфликтные проблемы жизни, подвергает беспощадному осмеянию людей глупых и безнравственных. В сущности, одной из характерных черт творчества А. Каххара 1930-х годов является то, что он на фоне изобличения сохранившихся в сознании людей недостатков провозглашает замечательные идеи и раскрывает человеческие достоинства. Писатель беспощаден в разоблачении таких людей, как: Хаджибобо, тоскующий о порядках старой жизни («Годы»); отпрыски ишана – «Қизлар» («Девушки»), не уважающие женщин, видящие в них лишь дешевую вещь; назойливые и распутные волокиты – «Қайғулар» («Печали»); неучи («Мирзо»), отлынивающие от работы лоботрясы («Жонфиғон»); интеллигенция, некомпетентная в своей специальности, – «Учитель словесности», «Деятель искусства»; двуличные подхалимы – «Мунофиқ» («Лицемер»); людишки, которые сами толком ничего не способны сделать, однако, склочничая, мешают работать другим («Бек»).

Во многих рассказах Каххара, посвященных действительности 1920 – 1930-х годов, отображена беспощадная борьба между новым и старым, в них созданы ярчайшие, характерные для этого периода образы.

Плодотворно творил А. Каххар в годы Второй мировой войны. О терпении людей в тылу, силе их воли, преданности и доброте написаны такие рассказы, как «Асрор бобо» («Дедушка Асрор»), «Хотинлар» («Женщины»), «Батыр-Али», «Кўк конверт» («Голубой конверт»), «Сеп» («Приданое»), «Қизил конверт» («Красный конверт»). Не только идеи и тематика этих рассказов обращены к военному времени, но соответственно изменилась их структура, появились новации в художественных приемах. Писатель несколько раз обращается к теме переписки. Композиционно рассказы составлены в форме писем – письмо фронтовика своей любимой или письмо девушки на фронт. Здесь писателю удается построить лаконичный сюжет, соотносящийся с реальной ситуацией, в

призме художественного вымысла он раскрывает впечатляющую жизненную правду.

Узбеки-солдаты, смело воевавшие с захватчиками, предстают на страницах рассказов «Батыр-Али», «Голубой конверт», «Красный конверт». А в рассказах «Дедушка Асрор», «Женщины», «Приданое» созданы образы тех, кто беззаветно трудился в тылу во имя той же победы. Особенно удались А. Каххару образы женщин в годы войны.

Во всех рассказах А. Каххара, написанных в годы войны, созданы убедительные и жизненные образы самых разных людей из народа. И эту тенденцию изображения мира простого человека, его высокой нравственности он продолжил и в послевоенный период. После войны А. Каххар пишет меньше рассказов. Это отметил и сам писатель: «Последние несколько лет я испытываю себя в жанре драматургии, несколько отдалившись от рассказов».

Назовем рассказы Каххара, написанные после войны: «Кампирлар сим қоқди» («Старухи телеграфировали»), «Ҳамқишлоқлар» («Односельчане»), «Кровать», «Картина», «Минг бир жон» («Тысяча и одна жизнь»), «Тўйда аъза» («Траур на свадьбе»), «Нурли чўққилар» («Сияющие вершины»). Можно по-разному оценивать их, но наиболее показательны в жанровом отношении рассказы «Старухи телеграфировали» и «Тысяча и одна жизнь».

Написанные в послевоенные годы повести «Птичка-невеличка» (1958), «Сказки о былом» (1964), «Любовь» (1967) вошли в золотой фонд узбекского повествовательного искусства XX в.

В «Птичке-невеличке» изображена сельская жизнь во второй половине 1950-х годов. Рост статуса женщин, признание их общественной значимости, их новая роль в семье изображены ярко и правдиво. Главная героиня Саида Алиева – человек чистосердечный, не страшащийся трудностей, решительный, умелый организатор. Духовный облик Саиды раскрывается по мере происходящих событий и, прежде всего, в ее столкновениях с председателем колхоза Каландаровым.

Саида направлена из районного центра в коллективное хозяйство «Бустон». При первой же встрече Каландаров вы-

ражает открытое пренебрежение к ней. В итоге происходит конфликт между председателем колхоза Каландаровым и Алиевой. Писатель углубляет драматизм противостояния, раскрывая морально-этические принципы героев. Показывая борьбу между благородством и эгоизмом, между скромностью и бахвальством, справедливостью и бесправием, Каххар сознательно подчеркивал принципиальные глубинные различия этих двух людей.

Повесть «Сказки о былом» – произведение автобиографическое. Главный герой повести – сам Абдулла Каххар. Основное внимание сосредоточено на детских и юношеских годах, на воспоминаниях о трудностях, пережитых в ту пору, о процессе возмужания. Важно и то, что биография героя неразрывна с жизнью народа, его душа проникнута духом времени. В повести изображены исторические трагедии прошлого страны, страшные события из жизни народа, но запечатлены и достойные подражания дела, отражены замечательные качества, что были присущи нашим предкам. Привлекательны в повести образы людей прошлого – отец и мать, Валихан-суфий, Туракул Вафуруш, Бабар, Мухаммаджан-кари, Сарвиниса.

Основу сюжета повести составляют изложенные в последовательном порядке отдельные рассказы, которые связаны внутренней логикой, но при этом каждый в достаточной степени самостоятелен.«Сказки о былом» богаты юмором, иронией, сатирой.

Последняя повесть Абдуллы Каххара – «Любовь». Это взволнованное повествование о двух молодых людях – Анваре и Мухайе, их горячей любви, прозрачной, как родниковая вода, чистой, как луч солнца. Правда, на первый взгляд читателю может показаться, что это лишь повесть о печальной любви, и только. Однако содержание произведения более глубокое. История двух любящих сердец составляет сюжетную основу для раскрытия настоящей драмы, столкновения полярных воззрений на смысл бытия. Повествуя о чистой любви и человеческом долге, писатель раскрывает смысл истинной нравственности, суть духовности.

В романах «Мираж» и «Огни Кошчинара» А. Каххар воссоздает картины событий 20 – 30-х годов XX в. «Мираж» –

один из первых романов в узбекской литературе, посвященный эпическому изображению советской действительности. Его тема – идеологическая борьба, происходившая в Узбекистане в конце 1920-х годов.

Известно, что А. Каххар приступил к написанию романа в 1930 г. в возрасте 23 лет и завершил его в 1934 г. В 1937 г. роман был издан.

В романе отражена жизнь узбекской интеллигенции, мечтавшей освободиться от оков колониализма и по мере сил стремившейся к реализации этой мечты. Основу сюжета составляет судьба молодого писателя Рахимджана Саиди, который вступил в тайное общество борьбы за независимость и погиб, выполняя его задание. В произведении показано, как Саиди попадает в ловушку ложных амбиций, в сети желания славы и богатств. Он влюблен в Мунис, студентку университета. Эта влюбленность и влечение к богатству и славе все сильнее и глубже втягивают его в нравственную западню. В результате он превращается в марионетку руководителей тайного общества. По их заданию он возбуждает в людях «антиреволюционные» настроения. Он сочиняет рассказы, искаженно отображающие действительность, уходит из университета, из комсомола. Не любя Сорахон, женится на ней, становится зятем руководителя тайного общества Мурадходжи. Добиваясь осуществления интересов этого общества, Саиди каждый раз терпит личное поражение, жизнь его завершается трагически.

Герои романа «Мираж» – Саиди, Мурадходжа-домла, заведующий городским отделом просвещения Салимхан, литературовед Аббасхан, следователь Мирза Мухиддин, красивая несчастная девушка Мунис-хон, неумная и бестактная Сорахон, журналист Якубджан, торговец Мухтархан – все они выписаны ярко и психологически точно. Писатель наделяет каждый образ присущим ему характером, поступками, показывает их внешние черты, раскрывает внутренний мир, мечты и надежды.

В 1947 г. А. Каххар опубликовал новый роман – «Кошчинар». В нем был отображен важный этап в жизни узбекского народа – период коллективизации.

Писатель хорошо изучил тему, создал яркие и достоверные образы героев. Но советские критики, привыкшие к со-

циалистическим меркам в оценке художественных произведений, восприняли роман в штыки. Дело приняло такой оборот, что автора обвинили в искажении советской действительности и преднамеренном занижении значимости процесса коллективизации.

Тогда писатель серьезно переработал текст романа, ориентируясь на требования литературной критики. И уже в 1951 г. появилась его новая версия – роман «Огни Кошчинара».

Талант Абдуллы Каххара проявился не только в жанрах рассказа, очерка, повести и романа, но также в самом сложном жанре литературы – в драматургии. Славу узбекской драматургии приумножили такие его пьесы, как «Янги ер» («Новая земля», юмористическая комедия), «Аяжонларим» («Милые мои матушки», лирическая комедия), «Оғрик тишлар» («Больные зубы»), «Тобутдан товуш» («Голос из гроба») – сатирические комедии.

Комедия «Новая земля» (1949) занимает в развитии узбекской литературы особое место. Пьеса (второе ее название «Шоҳи сўзана» – «Шелковое сюзане») посвящена молодежи, ее трудовому подвигу в освоении целинных земель, превращении их в плодоносные поля. Молодые люди Дехканбай и Хафиза решают поехать в Мирзачуль на освоение целины. Однако против их отъезда выступают Халниса и Хамрабуви – их матери. Молодежи все-таки удается уговорить матерей и переехать в Мирзачуль. Однако здесь они сталкиваются с множеством проблем. Расчистка тугаев, промывка засоленных земель – это трудности освоения целины, но более сложной проблемой стал упрямец Мавлон-ака, которого надо было перевоспитывать.

Комедия «Новая земля» была поставлена в те годы в Москве, Ленинграде, в театрах Китая, Чехословакии, Венгрии, Румынии – в общей сложности в 75 театрах мира, и везде – с успехом.

В 1954 г. Абдулла Каххар создал комедию «Больные зубы», посвященную современной действительности. В комедии изображены не положительные стороны жизни и достойные люди, а, напротив, отрицательные явления и нечестные люди. Такая концепция связана с жанровой природой. Действительно, если в пьесе «Янги ер» превалировал веселый смех

и юмор был ироничным, то в комедии «Больные зубы» смех горький, саркастический, здесь во всесилии сатира. Жанровая специфика этой пьесы и определена как сатирическая комедия.

Мастерство драматурга выразилось в том, что, разоблачая карьеристов Заргарова и Хузурджанова, пройдоху, праздную лентяйку Ху-морхон, автор трансформирует изобличение в повод для пропаганды идей порядочности, равенства, справедливости.

Самая острая из сатирических пьес А. Каххара, несомненно, «Голос из гроба». Эта пьеса о взяточничестве, тунеядстве, борьбе с моральной распущенностью. Пьеса предает позору бесстыдных людей, подверженных греху дармоедства, всю жизнь проводящих в праздных удовольствиях. Каххар прославляет чистоплотность и правдивость в человеке. История, о которой рассказывает пьеса, произошла в доме одного из советских руководителей – Суксурова. Основной целью пьесы является разоблачение преступлений членов семейки, их привычного образа жизни, вызывающего чувство отвращения. Разоблачая грязные махинации семьи Суксуровых, драматург обозначает социальное явление взяточничества как преступную болезнь, вынося ей смертельный приговор. Эта гнусность должна умереть, «лечь в гроб».

В основе комедии сложная ситуация: Суксуров, его жена Нетайхон и аферист Кари старательно скрывают свои грязные делишки от окружающих чистосердечных и совестливых людей. Но они постоянно опасаются разоблачения и живут в вечной тревоге. Суксуров берет взятки, однако боится дотрагиваться до них руками. Деньги, данные в качестве взятки, он пытается ухватить платочком или загрести кочергой и кидает их в большую черную печку. А ловкач Кори забирает эти деньги через дырку по ту сторону печи, складывает, приводит в порядок. Но как бы ни осторожничали преступники, как бы ни прятались, все равно в конце концов они попадают в руки правосудия.

«Голос из гроба» – острая, живая и убедительная сатира, это зрелая в идейно-художественном отношении комедия. Надо вспомнить и то, что в 1960-х годах на этой комедии было клеймо произведения, искажающего действительность, очер-

няющего жизнь, и пьеса после резкой критики была снята со сцены . Позже эту несправедливость исправили: в 1980-е годы комедия «Голос из гроба» была снова поставлена на сцене и принята зрителями.

Сатирические комедии Абдуллы Каххара «Больные зубы» и «Голос из гроба», хотя и были написаны в период культа личности и застоя, разоблачали негативные явления именно этого времени. Каххар имел мужество смотреть правде прямо в глаза даже в период всеобщего страха, под прессом идеологического давления. Он не поддался теории идеализации и приукрашивания советской действительности, не пошел удобным путем ее восхваления, а, напротив, старался изображать реально существующую правду жизни.

Абдулла Каххар последовательно боролся за правдивую литературу, за ее художественную высоту, горел душой в этой борьбе, чувствуя ответственность за воспитание молодых писателей. Он создал в литературе свою школу и стал наставником таких писателей, как Саид Ахмад, Шухрат, А. Якубов, П. Кадыров, У. Умарбеков, Э. Вахидов, А. Арипов, У. Хашимов, У. Назаров, Ш. Халмирзаев.

ГРАНАТ

Рассказ

Вокруг обилье плодов, а ты голодаешь, дитя!
Арыки полны воды, а ты умираешь от жажды, дитя!
(Из прошлого)

Турабджан, открывая калитку, так волновался, что зацепил рукавом яхтака за железную щеколду и разорвал рукав до самого локтя.

Жена сидела на террасе и толкла в ступе джугару. Увидев в руках мужа сверток, она бросила деревянный пестик на мешок и порывисто поднялась ему навстречу. Тяжелый пестик опрокинул мешок, джугара рассыпалась.

Турабджан спрятал сверток за спину и сказал:

– Попроси хорошенько, тогда отдам! Что ты дашь мне за это?

– Все, что хочешь, полжизни отдам!..

Турабджан передал сверток жене. Присев на ступеньке террасы, она стала вскрывать его, торопливыми пальцами разворачивая бумагу, и вдруг замерла: большие черные глаза неподвижно уставились на содержимое свертка. Потом она медленно подняла голову и посмотрела на мужа, Турабджан улыбнулся, увидев слезы в ее глазах.

– Да ты знаешь, что это такое?– весело заговорил он.– Соты! Чистый мед! Сожмешь зубами вот так– сам потечет в рот. А это – воск. Он совсем не поганый, его можно сосать, можно и жевать.

Жена, закусив зубами конец рукава, сидела молча, глядя куда-то мимо свертка, в одну точку.

– Аллах, она не верит!– воскликнул Турабджан, наклонясь к свертку.– На вот, попробуй! Попробуй сначала, а потом скажешь...

Но жена с отвращением отвернулась, а Турабджан даже покраснел от досады. Точно в таком же положении очутился он, когда однажды, купив дыню, отправился навестить больного друга: эту дыню он увидел потом в коровьей кормушке.

Бродивший по двору хромой кот медленно вошел на террасу, подошел к зернам джугары, понюхал их и, подняв желтые глаза на Турабджана, жалобно мяукнул: «Мя-а-у!»

– Встань, собери зерно!– сказал Турабджан жене.– Видишь, кот обнюхивает!

Та, поднимаясь, всхлипнула и зарыдала во весь голос.

– Провалиться бы ему сквозь землю... что это за несчастье! Почему меня не тянет на соль, на мед, как всех?

Турабджан снял с головы тюбетейку и хотел стряхнуть с нее пыль, но увидел разорванный рукав и нахмурился; яхтак был почти новый, всего несколько раз стиранный.

– Если уж ты беременна, знай хоть меру,– сказал он и снова надел тюбетейку, так и забыв стряхнуть с нее пыль.– Гранат, гранат... А ты знаешь, сколько стоит фунт гранатов? С самой зари таскаешь воду, колешь дрова, мечешься по всему дому, а на руки в месяц попадает всего тридцать пять танька. У меня братьев-благодетелей нет...

Оба умолкли. Жена натолкла в ступе джугару на кашу и, пересыпая ее в таз, проворчала:

– Будто я прошу гранат из упрямства...

– Знаю!– вскипел Турабджан.– А что мне делать? Прикажешь убить хозяина и ограбить его или заложить себя ростовщику?

Жена занялась стряпней. Ее сильно обидели слова мужа: «Если уж ты беременна, знай хоть меру». Она разводила огонь в очаге, а на глаза навертывались слезы. Через час обед был готов. Гуджу, почерневшую от варки в старом котле, не убелило даже кислое молоко. Турабджан быстро опорожнил две миски, а жена не съела еще и половины своей. Ее медлительность почему-то напоминала Турабджану хромого кота, а, вспомнив про кота, он подумал о порванном рукаве и совсем расстроился. Его хмурый взгляд словно говорил жене: «Только напрасно переводишь джугару и кислое молоко». И потому, как ни отвратительна была ей давно опротивевшая гуджа, она сделала над собой усилие и доела ее. Но тут же, бледная, встала и выбежала за угол дома, а когда вернулась, глаза ее были красны.

– Ты назвала несчастьем еще не родившегося ребенка!– возмущенно проговорил Турабджан.

Жена молча убрала скатерть. Потом, наливая воду в котел, еле слышно сказала:

– За деньги, истраченные на мед, можно было купить не один гранат.

– Как же, как же!– язвительно отозвался Турабджан.– А я вот меду принес!

– Конечно, можно было! Вы нарочно вместо граната принесли эти поганые соты, собаки бы их лизали!

В такие минуты умолкает разум и язык отнимается. А когда язык начинает ворочаться, он бьет сильнее, чем кулаком.

– И хорошо сделал!– крикнул Турабджан, весь дрожа.– И пусть тебе все нутро сожжет! Мне-то какое дело?!

Как подействовали эти слова на жену, о том могут судить только женщины в положении. А Турабджан сказать-то сказал эти слова, но когда взглянул на жену, сам испугался. Гнев его сразу прошел, и не будь он так самолюбив, он сейчас же подошел бы к ней, погладил бы ее по голове и сказал: «Не

надо, не плачь, я это со злости сказал».

– Сама доводишь до этого,– проворчал он после длительного молчания.– Зря меду купил... Да его теперь нет даже верховому, а мы с тобой пешие! Это друг хозяина привез ему в подарок немного, так я... выпросил у него чуточку. Думал, вот удача – жена обрадуется!.. Ты сколько раз в жизни ела мед?

Турабджан говорил уже в примирительном тоне, без всякого раздражения, но жена его не слышала. Вернее, слышать-то слышала, да не улавливала смысла, воспринимала его речь как обычное недовольное бурчание. И все те три года их жизни он вот так же недовольно бурчит себе под нос, и бывает трудно его понять. Но сегодня он ясно выговорил шесть слов: «И пусть тебе все нутро сожжет!» Единственным ее желанием было – съесть гранат, и вот муж, ее единственная опора в жизни, оказывается неспособным исполнить даже это ее маленькое желание.

Жена ушла в дом. Много времени спустя в окне появился мутный свет.

Вошел в дом и Турабджан. Жена сидела у окошка, облокотившись на согнутое колено, подперев рукой подбородок, и неотрывно глядела в черновато-серую мглу неба. Турабджан остановился посреди комнаты, не зная, что делать. В нише, потрескивая, горела пятилинейная лампа, вокруг нее кружилась ночная бабочка. Что-то громко треснуло в потолке, в стене чиркнула ящерица, – и снова мертвая тишина. В ушах Турабджана зазвенело от нее. Он тоже присел к окну и стал смотреть в небо, на мигающие звезды.

Вдруг над высокими тополями в саду казия взвился красный комок огня; оставляя за собой светящийся след, он полетел еще выше и, словно ударившись в небо, лопнул и рассыпался искрами.

– Фейерверк,– сказал Турабджан. – Мулладжан казий бешиктой сегодня справляет.

Жена не промолвила ни слова, даже не пошевельнулась.

– Из города много гостей понаехало,– продолжал Турабджан. Жена опять промолчала. Она ни разу не была в саду казия, но много слышала о нем. Не сад, а сплошная грана-

товая роща, на деревьях несметное количество гранатов, с чайник величиной каждый...

– Один фейерверк сколько стоит,– рассуждал как бы про себя Турабджан.– Если выпустят сто фейерверков... то по одной таньге – это будет сто таньга. В десять да еще в десять раз больше того, что казий платит мне за месяц работы.

Оба молчали долго. Наконец Турабджан широко зевнул и стал снимать яхтак.

– На-ка, зашей,– сказал он, бросая яхтак жене.– Держи! Та взяла яхтак и положила возле себя.

– Живей!– сказал Турабджан, видя, что жена вовсе не собирается сейчас же зашивать его.– Бери в руки, тебе говорю!

– Зачем кричите? Зашью... Приспичило...

– Хочешь срывать обиду на мне?– Турабджан схватил яхтак и опять надел.– Если обижаться на каждую мелочь, лучше не жить. Бедность ведь...

– Будь она проклята эта бедность!– тихо сказала жена. Она произнесла эти слова, сетуя на бедность, а Турабджан понял их как упрек, и у него снова закипело в груди.

– А что,– сказал он хмурясь,– разве я скрывал от тебя свою бедность? Разве наряжался в день свадьбы в чужой халат и чужие ичиги, подобно Эркабаю?.. Еще не поздно, можешь выйти за человека с деньгами.

– Ну, что же, продайте свою жену баю... за пару гранатов. Эти слова как ножом ударили Турабджана в сердце.

– А-а, продать?.. Баю?..– заговорил он тихим голосом, но этот голос был страшен.– Значит, я никогда не приносил тебе гранатов?

– Никогда!– зло бросила жена, отворачивая от него пылающее лицо.

– А те гранаты, которые ты ела в прошлый базарный день, любовник, что ли, тебе покупал?

– Любовник покупал!

Впоследствии Турабджан так и не мог вспомнить: то ли он толкнул жену в плечо, а потом поднялся, то ли сразу вскочил и ударил жену. Он увидел перед собой только ее побледневшее лицо и широко раскрытые, испуганные глаза.

– Не надо... не надо...– в ужасе шептала она. Турабджан

кинулся к двери, и, немного спустя, за ним хлопнула во дворе калитка.

Жена плакала долго и безутешно. Упрекая себя за то, что она так несправедливо обидела мужа, она даже пожелала себе смерти. Потом, устав от слез, вышла во двор.

Ночь, во тьме где-то остервенело лают собаки. Вышла за калитку, оглядела улицу. Чайханы давно закрыты. Только вдали, на гузаре, мерцает одинокий маленький огонек.

Вернулась в дом. Легла. Много ли, мало ли времени прошло,– за крышей захлопал крыльями петух и звонко прокричал: «Кук-каре-ку-у-у!»

И тотчас же вслед за тем заскрипела калитка.

Не успела жена подняться с постели, как вошел Турабджан с узлом за спиной. Он бросил его на пол, и по всей комнате раскатились гранаты – крупные, с чайник величиной. Жена с изумлением взглянула на мужа и, увидев его бледное лицо, страшно перепугалась.

Опустившись на кошму, Турабджан обхватил широкой ладонью лоб и закрыл глаза. Жена кинулась к нему, положила руки ему на плечи.

– Где вы были?– спросила она, задыхаясь от волнения.– Что вы сделали?

Турабджан молчал. Его трясло, как в лихорадке. Открыв глаза, он с тоской посмотрел на жену, и губы его скривила болезненная улыбка. А из груди вырвалось – мучительно, тяжело, с каким-то надрывом:

– Не я... бедность... будь она проклята!

1936

ТЫСЯЧА И ОДНА ЖИЗНЬ

Последние дни марта. Облака, плывущие по бездонно-голубому небу, затеяли неистовую игру с солнцем. Однако солнце, омытое клочьями облаков, выныривая будто из купели, все ярче, все горячее глядело на всходы, на все живое, еще дремавшее и не ведавшее о наступлении весны.

Миррахимов, человек тщедушный, попал в больницу совсем недавно. Завернувшись в огромный, не по росту, не-

уклюжий мохнатый халат, сидел он у оконца и смотрел на улицу, словно мышь, которая глазеет на мир, высунув мордочку из огромной рукавицы. Вдруг он заволновался: что за чудесная погода, прямо благодать, а он, со здоровыми руками-ногами, должен сидеть взаперти и любоваться на мир из окна!..

Миррахимов хотя и был тщедушен, но обладал густым и могучим басом,– не умел говорить тихо. Прибежавшая сестра стала участливо расспрашивать его о здоровье, о настроении. Она стала увещевать его, мол, только терпение поможет больному излечиться от недуга, намекнув при этом на Мастуру Алиеву, с которой-де всем больным стоит брать пример терпения и выдержки.

Оказалось, что Мастура Алиева, доставленная в больницу в тяжелом состоянии, вот уже восемь месяцев не выходит из палаты; все обитатели больницы уже знают о ней, и многие побывали у нее. Чувство гуманности вдруг обуяло и Миррахимова.

– Давайте навестим эту бедную женщину! Кто знает, сколько ей осталось жить на этом свете... Говорят, она совсем плоха...

– Да, ей-то очень тяжело – сказала сестра и вздохнула.– Легко ли переносить страдания целых десять лет!..

Дядюшка Ходжи, лежавший на своей кровати у самого входа в палату и читавший какую-то книгу, вдруг с легкостью, не подобающей его больному и грузному телу, приподнялся и сдернул с глаз очки.

– Неужели десять лет? И десять лет болеет?

– Да, вот уже десять лет. Не прошло, говорят, и года после замужества, как она захворала, бедняжка. Не может есть: пища через горло не проходит. Пищу ей вводят прямо в желудок... Сделали ей там такое отверстие, понимаете... Иногда сама себя питает, иногда муж...

– Муж! Да неужели у нее есть муж?

– Есть. Здесь он. Пять месяцев от нее не отходит! Дядюшка Ходжи умолк. Наконец он произнес:

– Мало того, что целых десять лет ходил за больной женой, а теперь вот и в больницу пришел...

– И не говорите...– сказала сестра.– Он упросил врачей, и ему позволили поставить в палате кровать для него.

Дядюшке Ходжи не терпелось посмотреть – и не столько на больную, которая так упорно и терпеливо борется с тяжким недугом, сколько на беззаветно преданного ей мужа. Он встал, решительно запахнул халат, повязался кушаком и сунул ноги в тапочки. – А ну, пошли! Видно, святые это люди, надо навестить.

Сестра побежала предупредить Мастуру и ее мужа о предстоящем визите.

Спустя минуту, мы уже шли по длинному коридору, ища десятую палату; впереди шествовал, выпятив огромный свисающий живот, дядюшка Ходжи. У входа в палату нас вежливо и почтительно встретил молодой человек с большими, искрящимися глазами, смуглый, как индус. Выразив каждому из нас свою признательность, он пригласил нас в палату. Мы вошли. В эту минуту солнце нырнуло под облака, и в палате потемнело, как в сумерки. С кровати, что стояла слева от громадного окна, вдруг послышался слабый, нет, скорее мягкий голос: – Добро пожаловать!.. Спасибо, что пришли! Только человек придает силы человеку... большое вам спасибо!.. Акрамджан, пригласите присесть...

Солнце снова выглянуло, и мы увидели Мастуру... Перед нами лежал не человек, нет, не больной человек, а мертвец, настоящий мертвец с пожелтевшей, как пергамент, кожей,– кожа да кости. И только глаза, большие глаза смотрели на нас... Представьте себе человека, сидевшего перед гробом и вдруг увидевшего, что у покойника задергалась нога или рука, как бы почувствовал себя этот человек? Точно так же чувствовали себя и мы, глядя на ее глаза, сверкавшие на мертвенно-бледном лице.

Молодой человек, приветливо встретивший нас, видимо, муж Мастуры, принес нам стулья. Присели только Мирраxимов и я. Дядюшка Ходжи остался стоять, грузным своим телом загородив от нас Мастуру. Я придвинул ему стул и хотел было дернуть его за полу халата, как вдруг заметит что у дядюшки Ходжи колышется живот... Я удивился: чему бы ему так смеяться? И взглянул ему в лицо... Он стоял белый

как полотно! Заметив, что дядюшку Ходжи обуял страх, сестра забеспокоилась и с тревогой сказала ему:

– Ах, дядюшка Ходжи, я и забыла дать вам лекарства! Идемте, идемте!– И она поспешно увела его из палаты.

Я забеспокоился, как бы дядюшка Ходжи, выйдя в коридор, не потерял сознание, не грохнулся на пол. Но, слава богу, обошлось... Хотя сестра и увела дядюшку Ходжи под благовидным предлогом, но было уже поздно: Мастура все увидела. Некрасиво получилось, нехорошо. Я и Мирраxимов сидели, не зная, что сказать, куда девать глаза. Я все же отважился незаметно взглянуть на больную. А Мастура, улыбаясь бескровными губами, повернулась к мужу.

– Запишите-ка, Акрамджан, в свой дневник: пришли меня навестить трое храбрецов, и один со страху удрал, а двое остались, не в силах бежать...

И она засмеялась, засмеялась сухо, отрывисто, словно ребенок.

От ее шутки, особенно от ее смеха, по спине у меня забегали мурашки, но потом мне вдруг показалось, что с лица Мастуры сошла мертвенная бледность, будто живительная свежесть, переполняющая ее глаза, передалась щекам. Мирраxимов что-то забормотал было, извиняясь за дядюшку Ходжи, но Мастура оборвала:

– Не беспокойтесь, такие вещи на меня не действуют,– сказала она.– Акрамджан, расскажите-ка им историю с гробом... нет, я сама им расскажу! Так вот, было это лет пять с лишним назад. Как сейчас все помню... Выпал густой снег. Лежу я вот так же, как теперь, напротив окна, Акрамджан сидел и, кажется, штопал себе носки... Вдруг вижу – распахнулась наша калитка и показывается что-то красное! Смотрю, удивляюсь: гроб! Двое друзей Акрамджана тащат к нам во двор гроб! Сердце во мне так и екнуло... Ах, беда какая, думаю, неужели я уже умерла?.. Не успела я прийти в себя и сказать что-то Акрамджану, как те двое прислонили гроб к стене и вошли в комнату. Увидели они меня живую, и хватила их кондрашка, совсем как давеча вашего дядюшку Ходжи. Акрамджан тоже сидит себе и ничего не понимает... В то время мне и в самом деле было очень плохо, того гляди, ноги

протяну. И вот увидел кто-то в автобусе плачущего мальчишку, подумал, что это мой братишка плачет, и пошли-поплыли слухи о моей смерти... Ну, а гроб потом сожгли в печке... Вот я и говорю, все эти страхи на меня совсем не действуют. Они действуют на людей, которые ожидают смерти, да ведь я-то не ждала и ждать не собираюсь! Если уж на то пошло, я не верю даже, что человек может ожидать своей смерти, то есть готов совсем отказаться от своих надежд. Даже совсем больной человек, который вот-вот умрет, у которого и язык уже не повинуется, и смотрит он, как будто прощается со своими близкими... А я и это не считаю признаком смерти: нет, он не прощается, а смотрит на своих близких с надеждой, ожидает, что они скажут ему: рано, рано ты собрался сводить счеты с жизнью... ты не умрешь. Эту вот надежду я и считаю самой сильной, самой важной для человека и жизни...

Акрамджан очень радовался тому, что Мастура оживилась, беседуя с нами, но он тревожился и беспокоился за жену, как бы эта беседа не утомила ее, и всячески старался заставить говорить нас, говорил сам, чтобы дать больной передышку.

– А вы чем больны?– спросил он Миррахимова. Тот назвал сразу три болезни.

– Ах, боже ты мой!..– воскликнула Мастура.– В таком маленьком теле? Да как же уместились целых три болезни?

Раздался хохот. Особенно весело и заразительно смеялся сам Миррахимов. Акрамджан, с нетерпением ожидавший окончания разговора о болезнях, тотчас подхватил шутку, брошенную Мастурой, и оказалось, что он на редкость остроумный человек; мы на время совсем забыли о всяких недугах, шутили и смеялись напропалую. И когда наша непринужденная беседа неожиданно оборвалась – из-за могучего баса Миррахимова,– мы были огорчены. Врач, проходя по коридору, видимо, услышал неподобающий месту смех Миррахимова и, приоткрыв дверь, заглянул в палату. Он пристально поглядел на Мастуру и, заметив, что она утомлена, выставил нас за дверь. Акрамджан тоже вышел. Он долго и взволнованно выражал нам свою благодарность, уверяя, что любезность, которую проявили мы, навестив больную, при-

даст ей много сил и бодрости. Благодарность была во всем его существе, особенно в его больших, чуть увлажненных глазах. Мы не сомневались, что он готов расстаться даже с глазом, если б знал, что это доставит жене хотя бы минутную радость.

Мы вернулись к себе в палату. Дядюшка Ходжи лежал на своей кровати и, отдуваясь, прихлебывал сладкий чай. Никто не заговорил о неприятном случае: ни он, ни мы. Да и сами мы, Миррахимов и я, ни слова не вымолвили до самого вечера: мы были погружены в мысли о Мастуре и не находили, что сказать, как выразить свои впечатления, свои чувства.

Наступила ночь. Больные улеглись. Дядюшка Ходжи уже спал и похрапывал. Миррахимов то и дело ворочался с боку на бок и, заметив, что я тоже не сплю, приподнял голову.

– У этой женщины не одна душа – тысяча и одна, поверьте! – сказал он.– Душа в ней едва теплится, как огонек угасающей свечи. А если и угаснет, то не раньше, чем зажжет другую из оставшейся тысячи! Вот эта надежда и не подпускает к ней смерть!

После долгого молчания он снова заговорил:

– А муж ее, муж-то? Я вам скажу, что и ему дана тысяча и одна молодая жизнь, но он все отдает своей Мастуре...

Мало ли, много ли прошло дней, но вот мы расстались. Миррахимов уехал к себе в МТС, а дядюшка Ходжи укатил на курорт.

Спустя много времени судьба снова забросила меня в эти края. Я не мог, проезжая мимо больницы, не заглянуть в нее. Расспросив сестру, я узнал, что через час Мастуру кладут на операцию. Пять месяцев отговаривали ее врачи, уверяя, что с операционного стола она уже не встанет, но ничего не помогло: Мастура решилась, дала расписку, в которой соглашалась на рискованную операцию...

Я хотел зайти в палату и проведать ее; я подумал, что мое посещение и дружеское слово придадут ей хоть немного силы и бодрости, но врачи не допустили меня к ней.

Когда наступило назначенное время, Мастура вышла из палаты, поддерживаемая с двух сторон сестрой и Акрамджаном. Однако, выйдя из палаты, она отстранила их и пошла

твердым шагом, сама добралась до операционной, сама открыла дверь и скрылась за нею. Все внимание Акрамджана было сосредоточено на жене, и он не замечал меня. А Мастура, хотя и увидела меня, но прошла молча: небось не узнала.

Я не стал дожидаться конца операции; мне было известно, что врачи не очень-то охотно шли на нее; мне было понятно и состояние больной; я подумал, что женщина, бесстрашно смотрящая в глаза смерти, похожа на человека, вдруг оказавшегося в тьме кромешной и запевшего, чтобы заглушить свой страх. Вечером я решил позвонить в больницу, и, честное слово, рука моя отчаянно дрожала. Но, слава богу, операция прошла удачно. Так мне по крайней мере сообщили.

Я уехал и долго ничего не знал о судьбе Мастуры. Я часто не вспоминал ее и желал выздоровления и многих лет жизни этой женщине, у которой оказалось столько сил и терпения, чья душа была прочнее железа. И когда, спустя три года, я встретил Акрамджана с какой-то незнакомой женщиной, я готов был горько, по-ребячьи расплакаться.

Нигде праздник хлопка не проходит так весело, интересно и красочно, как в Голодной степи, ибо люди, съехавшиеся сюда со всех областей республики, завезли с собою свои песни и танцы. На этом празднике мне довелось побывать в Гулистанском районе, среди своих хороших друзей. Акрамджана с незнакомой мне женщиной я повстречал именно здесь, в Гулистане. У обочины дороги сидела верхом на лошади и что-то ела смуглая женщина среднего роста, стройная,– сама молодость. Акрамджан был занят тем, что затягивал подпругу своего коня. Увидев меня, он что-то тихо сказал женщине. Она ловко спешилась, и оба они торопливо направились к нам. И женщина, и Акрамджан поздоровались со мной, как со старым другом. Но сколько я ни силился, сколько ни пытался отогнать далекое виденье, мне это не удалось: так и стояла у меня перед глазами та больная, что медленно вышла из палаты и потом исчезла в дверях операционной. И не смог я приветствовать их так же горячо, искренно, как они меня. С Акрамджаном я еще кое-как обнялся, а женщине нехотя протянул руку.

– Вы меня не узнаете?– спросила молодая женщина и, легко нагнувшись, сорвала листок подорожника, росшего на бровке арыка.

– Простите,не могу припомнить...– пробормотал я. Женщина откусила листок подорожника и, пожевывая, спросила:

– Ну, а теперь? И теперь не хотите узнавать?

Узнал! Узнал ее по глазам! Женщина, чьи глаза щедро дарили радостную улыбку миру, была Мастура!

Я растерялся и спросил, сознавая, что говорю явную глупость:

– Что же вы делаете в этих краях? Она засмеялась.

– Да вот работаю, теперь у меня силы хоть отбавляй.

Мы беседовали долго. Муж и жена провожали меня довольно далеко, ведя своих лошадей за поводья. Потом мы простились, супруги вскочили на лошадей и ускакали. Я смотрел им вслед, и они казались мне орлами, парящими над раздольной степью. Когда они почти слились с горизонтом, один из всадников вдруг резко повернул обратно и поскакал к нам. То была Мастура. Подъехав на несколько шагов, она крикнула:

– Прошу вас, передайте от меня поклон дядюшке Ходжи!–и ускакала к Акрамджану, дожидавшемуся ее где-то на горизонте.

Вернувшись в город, я стал разыскивать дядюшку Ходжи, чтобы исполнить желание Мастуры. Но, увы, я узнал печальное известие: дядюшка Ходжи, оказывается, умер.

Перевод с узбекского А. Рахими

СТРАХ

Ничего-то вы, доченьки мои,
Не знаете о былой женской доле,
А рассказать вам – и не поверите!..

Матушка Турахон[1]

---

[1] Матушка Турахон, или, как ее зовут в народе, Турахонойе,– одна из самых светлых личностей в истории современного Узбекистана. Первой из узбечек она сбросила паранджу и чачван. Вела активную борьбу за раскрепощение женщин.

Вот уже две недели бушевал колючий ветер поздней осени, завывая в голых ветвях деревьев, свистя под карнизами домов, стучась в плотно закрытые двери и окна... В такие вечера люди становятся молчаливыми и тихими, как овечки, сбиваются в группки и сидят тихо, чего-то ожидая.

Все семь жен Алимбека Додхо собрались вокруг сандала в комнате самой старшей из них, Нодирмох-бегим. Додхо после молитвы вернулся почему-то не в духе. Все жены при виде его вскочили. Одна сняла с его головы чалму, другая почтительно протянула руку к его чекменю, третья приготовилась стягивать с ног ичиги... Самая младшая, Унсиной из Ганджиравона, всего пять месяцев назад ставшая жилицей пышных хором Додхо, поднесла ему кальян. Только раз, но зато долго и протяжно, потянул Додхо из кальяна, и, даже не пожелав позабавиться проказами своей любимицы – обезьяны, прошел в передний угол, приоткрыл окно и одним глазом взглянул во двор. Ветер бесновался: то завывал шакалом, то протяжно мяукал, как кошка. На дворе была непроницаемая темень.

Плотно прикрыв окно, Додхо уселся на свое обычное место и начал перебирать четки. Пальцы его быстро и ловко пересчитывали отполированные камешки, он прислушивался к вою ветра и думал: «Как, должно быть, страшно теперь на кладбище!»

Кладбища и так неприглядны, а еще столько страшных небылиц, жутких историй рассказывают в народе про них. У любого, кто вспоминает в такие неуютные вечера про кладбища, особенно у таких, как Додхо, давно пережившего возраст пророка и хранившего в сундуке для себя саван,– даже на кончике языка выступает холодный пот при одной мысли... Нет, даже не о смерти, а о том, что ему предстоит переселиться туда!

Чтобы отогнать эти мрачные мысли, Додхо отложил четки и заговорил о том, о сем, но женщины его не поддержали, и слова повисли в воздухе.

Вдруг порыв ветра сильно ударил в окно. Что-то, царапая стекло и цепляясь за раму, медленно поползло вниз. И все, кто сидел в комнате, не смея вздохнуть, испуганно посмотре-

ли друг на друга. Чтобы успокоить жен, а еще больше себя, Додхо поднялся и снова приоткрыл половинку окна. От ветра, ворвавшегося в комнату, закачалась висячая лампа. Додхо высунул голову, посмотрел вниз и обрадованно проговорил:

– Циновка это! Оказывается, циновка!

Сорвавшаяся циновка почему-то напомнила ему носилки с мертвецом, которые он видел вчера, а вспомнив их на плечах людей, снова представил себе кладбище, и в его памяти ожили все страшные рассказы о склепах и мертвецах, запомнившиеся ему еще с детства. Чтобы преодолеть страх, Додхо заговорил именно о них и, скорее перед собой, чем перед женами, стал расхваливать свою неустрашимость и храбрость.

Старшая из жен, Нодирмох-бегим, тоже рассказала одну историю: – Девчонкой я еще была. Собрались как-то у нас друзья отца, полная комната гостей. Был вечер, такой же вот ветреный. Кто-то из гостей спросил: «Кто из вас может отправиться сейчас на кладбище и вонзить нож в могилу Аскара-палвана?» Один из гостей достает нож из ножен и говорит: «Я могу!» Поспорив на одного барана, смельчак отправился. Ждут друзья, ждут, а его все нет. Утро настало. Пришли к нему домой, и там его нет. Приходят на кладбище, а он лежит мертвый возле самой могилы Аскара-палвана. Оказывается, он, бедняга, вонзил кож в могилу, и нечаянно прихватил и подол своего халата.

Женщины поежились. После долгой паузы Унсиной прошептала: – Глупый он был, этот человек. Из-за одного барана... Было бы за что погибать... я бы пошла...

Слова ее, услышанные Додхо, задели его самолюбие. Как эта девчонка смеет говорить: «Было бы за что... я бы пошла...», когда у него, Додхо, начинают трястись колени при одном упоминании о кладбище, куда он не смог бы пойти даже в том случае, если бы ему посулили Канский престол.

И Додхо, раздраженный, начал насмехаться над ней:

– Вот так дочь мельника, а? Какова? Целого барана ни во что не ставит, видали? А сколько баранов ты бы хотела? Ей-ей, я тебе дам десять баранов. Пойдешь ты вонзать нож в могилу? Сто баранов, половину своего богатства – отдам, пойдешь?

Медленно перебирая пальцами монисто, Унсиной ответила:

– Не надо мне никакого богатства... Эти слова Унсиной еще сильнее задели Додхо:

– А что же тебе надо? Унсиной промолчала. Однако нельзя, невозможно было оставлять вопрос Додхо без ответа, поэтому другие жены, боясь быть избитыми за проступок Унсиной, начали дергать, шпынять и толкать ее со всех сторон:

– Отвечай же, чего молчишь?

– Язык, что ли, у тебя отнялся?!

Унсиной подняла голову, поглядела иа Додхо, не отрывавшего от нее глаз, и ответила:

– Если позволите... Я вернусь в Ганджиравон... Я бы не только в одну могилу, в десять могил всадила бы десять ножей!

Все жены Додхо хорошо поняли замысел самой младшей из них, один только Додхо понял ее по-своему.

– Опять в Ганджиравон! И месяца еще нет, как ты возвратилась оттуда!

Нодирмох-бегим, вытянув под сандалом руку, ущипнула Унсиной за ногу и сделала ей знак глазами: «Слава богу, он не понял! Ну и довольно об этом, помолчи!» Но Унсиной, как человек, отчаявшийся вконец, смело и безбоязненно глядя на Додхо, проговорила:

– Нет, я хочу сказать – насовсем... Если бы вы разрешили, я бы совсем уехала...

Женщины низко опустили головы, согнулись, словно тяжелая ноша легла на них, хотя дерзкие слова были произнесены одной лишь Унсиной. Но, к удивлению и вопреки ожиданию всех, Додхо не схватился за камчу, не крикнул в гневе: «А ну, покажи, где у тебя зачесалось?!» Напротив, он заговорил спокойно и даже мягко, хотя в голосе его звучал едва скрытый сарказм:

– Вот как? Ну что ж, пусть будет по-твоему.– И, немного подумав, не скрывая раздражения, он продолжал:– Но на кладбище пойдешь не с ножом, а с кумганом, и у самой гробницы святого Онхазрета вскипятишь чай, заваришь его в чайнике и доставишь сюда. Ладно?

– Ладно, ладно!– ответила Унсиной, глядя на него вдруг загоревшимися глазами.– Но... Лишь бы вы не отреклись от своих слов...

От гнева Додхо чуть не задохнулся: то, что какая-то жалкая нищенка так рвется из его почти царского дома, показалось ему невероятным оскорблением. Теперь ни у кого из его жен, даже у Нодирмох-бегим, которая сидела сама не своя от терзавшего ее страха, так как была уверена, что Унсиной не вернется живой с кладбища, и у той не осталось смелости, чтобы вымолить прощение для молодой женщины.

Длинная, седая борода Додхо затряслась, задрожал и голос:

– Хорошо, я сдержу слово! Чтобы ты успокоилась, сейчас говорю – ты мне чужая! А когда вернешься с кладбища, станешь трижды чужой[1]. Бери же кумган – и отправляйся!

Тут же, закрыв рукавом лицо от Додхо, Унсиной выбежала из комнаты. Нодирмохбегим поняла, ничего она не в силах сделать для спасения женщины, хотела выбежать вслед за ней, чтобы приободрить, утешить, однако не смогла этого сделать: одним лишь сумрачным взглядом Додхо приковал ее к месту. Остальные жены одна за другой тихо, на цыпочках, покинули комнату.

Унсиной накинула на себя паранджу, надела чиммат, набрала в кумган воды и, насыпав в чайник щепотку чая, пустилась в путь. Тускло и сумрачно светила луна. Край неба походил на груду грязно-желтых тряпок. В грязновато-тусклом свете мрачно выступали из темноты дома и сгибающиеся на ветру тополя. Порывы бесновавшегося ветра каждый раз сбивали Унсиной с дороги. Она свернула на ранджу и чиммат, сунула их под мышку, и ей стало немного легче идти.

Все, что слышал Додхо про кладбища, слышала и Унсиной. Если в такую злую ночь кладбища наводило на Додхо невыразимый страх, то и на Унсиной оно наводило не меньший ужас. И все же кладбище мертвых казалось ей менее

[1] По шариату, мужу достаточно сказать: «Ты мне чужая!»–как женщина теряет права жены. Но она может стать женой – при повторном бракосочетании. Если же муж трижды сказал: «Ты мне чужая!» – то разрыв окончательный.

страшным, чем кладбище живых, где она жила. К тому же ни о чем другом она не думала, не мечтала, как о том, что вот завтра возвратится в свой родной Ганджиравон, свидится с отцом, матерью, подружками.

Она чувствовала себя сейчас совсем маленькой – девчонкой, получившей от отца праздничные деньги и отправившейся на базар за покупками, и шла быстро, почти бежала навстречу ветру. Только изредка, когда порывы ветра бывали сокрушительны, она шагала, полуобернувшись к нему. Но вот она свернула в переулок, ведущий к самому кладбищу. Сердце у нее екнуло, когда под мерно раскачивающейся старой, почерневшей от времени чинарой она увидела смутно белеющие гробницы. Перейдя мостик над арыком и сделав несколько шагов, она остановилась. Страх сковал ее, мысли о возвращении в Ганджиравон, о свидании с родными и подружками исчезли, ей вдруг показалось, что вокруг могил и гробниц бродят призраки, закутанные в белые саваны. Ей даже показалось, что волосы у нее на голове поднялись дыбом и приподняли платок. Она невольно отступила назад, но потом, словно пытаясь убедить кого-то в своей смелости, дважды прокричала в темноту: «Мертвые – мертвы! Мертвые– мертвы!»–и ринулась вперед. Остановилась она лишь у громадного корявого ствола чинары, под которым возвышалась гробница Онхазрета.

Кумган и чайник Унсиной опустила на землю, паранджу и чиммат кинула в сторону и потом радостно подумала: «Вот и ушло большее, осталось меньшее». Но радость ее была преждевременной: все она захватила из дома, не было только самого необходимого – дров! Забыла! Мысль о том, что надо собирать дрова на кладбище, снова заставила ее похолодеть от страха – ей показалось, что из каждой гробницы поднимается рука мертвеца, из каждой могилы раздается зов. Она снова начала выкрикивать: «Мертвые – мертвы!»–и эти возгласы несколько успокоили ее, придали ей силы. Она бродила в темноте меж могилами и гробницами, водя руками по земле, обшаривая камни, куски глины, подбирая все, что попадалось, и опускала в подол платья сухие былинки, шуршащий камыш, верблюжью колючку, которой так богаты

кладбища. Не ощущая боли в окровавленных руках, Унсиной наконец развела костер. В один миг вспыхнул яркий огонь, затрещала колючка, пышно пламенея в красноватом отсвете пламени, сквозь клочья колыхающегося на ветру дыма из темноты выступали бугры могил. Чудилось, что они вдруг ожили, пришли в движение, словно их обитатели пытаются пробить головами крыши своих темниц.

Унсиной снова и снова уходила на поиски дров, и каждый раз, когда сухая трава с треском разгоралась, молодая женщина страшилась, что этот шум и треск огня разбудят дремлющие призраки.

Вода в кумгане закипела. Унсиной торопливо заварила чай, затоптала огонь, чтобы не занялась сухая трава на кладбище, и пустилась в обратный путь, держа в одной руке чайник с горячим чаем, в другой кумган,– шла ощупью, ослепленные ярким огнем костра глаза ее долго не могли привыкнуть к темноте. Вдруг под ней провалилась земля, и левая нога ушла куда-то вниз. Она почувствовала, как кончики пальцев ноги коснулись чего-то мягкого. Не переставая повторять заклинание: «Мертвые – мертвы!»–она гнала от себя страх, но стоило подумать, что, может быть, наступила на мертвеца, по телу ее пробежала дрожь. Унсиной рванулась, вытянула ногу из ямы, оставив в ней кавуш. Доставать его оттуда у нее уже не было сил, так и пошла она: в кавуше одна нога, в мягком ичиге – другая. Пройдя несколько шагов, она вдруг вспомнила, что паранджу и чиммат оставила возле гробницы, и остановилась. Вернуться за ними Унсиной была не в состоянии, сейчас она боялась не только возвратиться туда, но и обернуться назад: ей чудилось, будто мертвецы смотрят ей вслед, высунув головы из своих могил и гробниц. Так она и стояла, не зная, что делать дальше, как вдруг не то из гробницы, не то откуда-то сверху раздался странный голос, и через секунду на плечи ей взобралось какое-то чудовище. Чудовище протянуло к ее горлу длинные, обросшие шерстью лапы. Унсиной закачалась, как бы от сильного удара в грудь, и потеряла сознание. Очнувшись, она увидела, как чудовище, оставив ее, медленно заковыляло прочь и исчезло за гробницей. Унсиной поняла – это обезьяна. Обе-

зьяна Додхо! Разумеется, не сам Додхо привел ее сюда, он прислал ее с кем-то из своих людей. Бог мой, есть ли еще кто на свете, кто мог бы сравниться с Додхо в бессердечии и жестокости

Унсиной теперь несколько успокоилась: каким бы безжалостным и жестоким не был этот человек, все же он находился где-то поблизости. Покинув кладбище, она выбралась на большую дорогу. Пройдя полпути, Унсиной почувствовала боль в левой руке, а боль эта напомнила про кумган. Где же кумган? Ведь она несла его в левой руке! Остановившись на миг, она прижала обеими руками к груди горячий чайник и ускорила шаги. Но, как это часто бывает во сне, ей думалось, что она топчется на месте и чайник становится все тяжелее и тяжелее. Унсиной едва добралась до массивной двери комнаты Нодирмох-бегим и с трудом открыла ее; переступив порог и сделав несколько шагов, она в изнеможении опустилась на колени и поставила чайник на сандал, из носика чайника еще вилась тонкая струйка пара. И потом, словно достигнув исполнения самого заветного желания в жизни, упала и потеряла сознание.

Дремавший у сандала Додхо вздрогнул, открыл глаза и задвигал губами. Подняв голову, увидел Унсиной, и ему показалось, будто она умирает. Не отрывая от нее вытаращенных глаз, он медленно и осторожно поднялся и, словно убегая от смертельной опасности, одним прыжком перемахнул через сандал и выбежал вон.

Придя в сознание, Унсиной увидела, что лежит возле сандала, а Нодирмох-бегим плачет. Правый глаз у нее распух, под ним расплылся синяк, а белый кисейный платок закапан кровью. Унсиной хотела было спросить, не отказался ли Додхо от своего обещания, но вместо этого тихо, почти шепотом спросила: – Что это с вами?

А произошло вот что. После ухода Унсиной на кладбище Нодирмох-бегим обратилась к Додхо с мольбой сжалиться над юной Унсиной, вернуть ее домой. В ответ она получила страшный удар в лицо. Но Нодирмох-бегим не стала рассказывать об этом, она только еще горше заплакала, поглаживая Унсиной по голове, прижимаясь щекой к ее щеке. Потом по-

слала человека на кладбище за горстью земли, и когда принесли горсть земли, размешала ее в пиале с водой и протянула Унсиной:

Испей, сердечко мое, испей. Ты испугалась... Тому, кто пережил страх на кладбище, нет лучшего лекарства, как испить воду с горстью кладбищенской земли.

Унсиной выпила мутную воду и почувствовала себя немного лучше. Господь бог отблагодарит вас за меня... Могу ли я теперь уехать в Ганджиравон?

–Можешь, можешь, – ответила Нодирмох-бегим.– Вот придешь немного в себя – и отправишься.

В просветлевших глазах Унсиной заблестели слезы.

Да я ничего, я здорова... До полудня совсем встану на ноги, а там можно и в путь... Только пошлите в Ганджиравон человека, отца и матушку порадовать...

Не страшась побоев Додхо, Нодирмох-бегим тут же снарядила человека в Ганджиравон.

Но Унсиной не дотянула до полудня, скончалась... В вечерних сумерках тело Унсиной завернули в одеяло и положили чи арбу. По-прежнему ревел и бесновался ветер, воя и свистя в голых ветвях деревьев.

Из ворот вышла Нодирмох-бегим в парандже, с небольшим белым узелком в руках. Она присела на корточки лицом к воротам, прошептала что-то, молитвенно воздев руки, потом, согнув их в кулаки, трижды ударила о землю, словно пытаясь вогнать в нее тьму, и самого Додхо, и его богатое обиталище. Затем поднялась резким движением: «Ноги моей больше не будет здесь!» – повернулась, вскарабкалась на арбу и села в изголовье покойной.

Арба тронулась, а когда она выбралась за городские стены, навстречу попался слуга, ходивший в Ганджиравон, чтоб обрадовать родителей Унсиной...

Перевод с узбекского А. Рахими

ХАМИД АЛИМДЖАН

(1909 – 1944)

Жизнь Хамида Алимджана была недолгой, но прожил он ее ярко. Родился Х. Алимджан 12 декабря 1909 г. в городе Джизаке. После октябрьского переворота, в 1920-е годы учился в новых школах. Важную роль в формировании Хамида Алимджана как человека и творческой личности сыграла Педагогическая академия. В 1928–1930-е годы он учился здесь вместе с молодыми поэтами Уйгуном, Айдын, Миртемиром, Джалалом Икрами. Большую роль в его творческом совершенствовании сыграла царившая здесь литературная атмосфера.

Первый стихотворный сборник Хамида Алимджана – «Весна», опубликованный в 1929 г., еще в студенческую пору, возвестил о том, что в национальную литературу вошел новый талантливый поэт, остро чувствующий дыхание своей эпохи.

После окончания Педакадемии, в 1930-е годы, он сотрудничает сначала в газетах и журналах, потом работает в Институте культурного строительства Узбекистана. Наряду с поэтическим творчеством ведет научно-исследовательскую работу. Статьи, написанные в 1930-е годы, такие как «Ўқиш ва ўрганиш қийинчиликлари» («Трудности учения и постижения»), «Ёзувчининг савиясини кўтарайлик» («Поднимем уровень мастерства писателя»), «Адабиётимизнинг гикка кўтарилиш даврида» («В период подъема нашей литературы»), «Адабиёт ва халқ» («Литература и народ»), «Ўзбек халқининг адабиёти» («Литература узбекского народа»), Хамид Алимджан посвящает теоретическим и практическим вопросам новой литературы, дискутирует по проблемам путей ее развития, системе направлений.

Особое внимание Хамид Алимджан уделял изучению узбекской классической литературы и фольклора. В этот период он написал такие статьи, как «Ўзбек халқининг улуғ шоири Навоий» («Великий поэт узбекского народа Навои»),

«Навоий ва замонамиз» («Навои и современность»), «Мардлик, муҳаббат ва дўстлик достони» («Поэма мужества, любви и дружбы»), ««Фарҳод ва Ширин» ҳақида» («О поэме «Фархад и Ширин»), «Ўзбек халқининг ўлмас шоири ҳақида» («О бессмертном поэте узбекского народа»), «Мухаммад Амин Муқимий». В этих статьях исследованы важнейшие материалы по узбекской классической литературе и устному народному творчеству, раскрыты черты национального своеобразия узбекской литературы.

Весомы заслуги Хамида Алимджана в исследовании и пропаганде мировой литературы. Показателем его глубоких знаний и умения объективно оценить творчество литераторов различных национальностей являются такие статьи, как «В.В. Маяковский ҳақида» («О В.В. Маяковском»), «Толстой ва ўзбек халқи» («Толстой и узбекский народ»), «Салом, Пушкин» («Здравствуй, Пушкин»), «Буюк санъаткор» («Великий художник»), «Жамбул ва халк» («Джамбул и народ»), «Тарас Шевченко». Они знакомят с особенностями творчества этих писателей, спецификой их художественного мастерства, эстетическими концепциями.

Расширился круг тем, возрос художественный уровень творчества Хамида Алимджана. Особенно проявилось это в поэтических сборниках «Олов сочлар» («Огненные волосы», 1931), «Ўлим ёвга» («Смерть врагу»), «Пойга» («Скачки», 1932). В эти книги вошли стихи «Шарқ» («Восток»), «Ўзбекистан», «Сиёб», «Бахтлар водийси» («Долина счастья») – это стихи о новой жизни, чувствах, порожденных яркими событиями, происходящими в стране. Во второй половине 1930-х годов Алимджан опубликовал сборники «Дарё кечаси» («Вечер у реки», 1936), «Чирчиқ бўйларида» («На берегах Чирчика», 1937), «Ўлка» («Страна», 1939), «Бахт» («Счастье», 1940). Вошедшие в эти сборники стихотворения отличаются изысканной стилистикой, образностью, эмоциональной насыщенностью, экспрессивностью.

Х. Алимджан размышляет в своих стихах о жизни и смерти, счастье и горе, о молодости и верности, любви и страсти. Такие стихи, как «Хар юракнинг бир баҳори бор» («Каждому сердцу дана одна весна»), «Ҳаёлинг-ла ўтади

тунлар» («В мыслях о тебе проходят ночи»), «Савол» («Вопрос»), «Ишим бордур ўша оҳуда» («Мне той газели нужно многое сказать»), «Ҳаёлимда бўлдинг узун кун» («Весь долгий день в мечтах моих – ты»), «Соғинганда» («Когда тоскую по тебе»), «Офелиянинг ўлими» («Смерть Офелии»), и сегодня затрагивают самые тонкие струны человеческого сердца. Последнее стихотворение написано под впечатлением «Гамлета» В. Шекспира. Это поистине поэтический гимн любви, верности, можно сказать, стихотворный памятник разбитому сердцу, жертве чистой любви. Стихотворение стало новым словом, откровением в узбекской поэзии.

Многие стихи Хамида Алимджана этого периода посвящены родной стране, народу. Стихотворение «Узбекистан» проникнуто чувством любви к отечеству, к прекрасному солнечному краю. В тексте продумано каждое слово, каждое привносит свои краски в опоэтизированный облик страны:

Словно невеста счастливая ты –
У ног твоих пламенеют цветы,
Чело твое венчает убор
Снежных серебряно-белых гор,
И полноводны, и широки
Тебя омывают две реки.

При создании образа Родины Хамид Алимджан основное внимание сосредоточивает на тех, кто превратил Узбекистан в цветущий край, кто составил славу его, – он воспевает людей, раскрывая их замечательные достоинства. Слова, исходящие из души поэта, обращенные к труженикам Узбекистана, волнуют сердца читателей.

Такие стихи Алимджана, как «Долина счастья», «На берегах Чирчика», «Даре тиниқ, осмон беғубор» («Река прозрачна, небо ясно»), «Чимён эсдаликлари» («Чимганские воспоминания»), «Ўрик гуллаганда» («Когда цветет урюк»), воссоздают образ страны в единстве с чувством любви к народу.

В 1930-е годы Х. Алимджан обращается к жанрам баллад и поэм-дастанов. В их поэтике лирическое и эпическое тесно связаны друг с другом, и это определило стилевые новации таких произведений, как «Икки қизнинг ҳикояси» («Рассказ двух девушек») и «Зайнаб ва Омон» («Зайнаб и Аман»).

В основе поэмы «Зайнаб и Аман» лежит сюжет из реальной жизни. Прототип Зайнаб – Зайнаб Аманова, член коллективного хозяйства Гиждуванского района Бухарской области. В 1935 г. доблестный труд этой девушки был заслуженно отмечен: ее наградили орденом. Сначала, в 1936 г., Алимджан написал о знаменитой девушке-хлопкоробе очерк, а в 1938 г. – дастан.

В творчестве Хамида Алимджана 1930-х годов отдельное место занимает новый жанр – эртак-дастан (поэма-сказка). Создание таких дастанов, как «Айгуль и Бахтиёр» (1937) и «Семург» (1939), является примером новационно-творческого восприятия и использования традиций национального фольклора.

Хамид Алимджан с детских лет увлекался народным творчеством. Его дед мулла Азим и мать Камила-биби часто рассказывали ему сказки, притчи, басни, и поэт впоследствии писал о том, какое впечатление они на него производили, как отзывались в его душе:

Из детства, как из дальнего тумана,
Мне слышатся годам наперекор
Те сказки, что рассказывала мама.
Я голос ее слышу до сих пор .

Детское восприятие фольклора в годы учебы в школе, а потом в институте расширялось, обогащалось: поэт постоянно занимался изучением устного народного творчества.

Пройдя в 1920-е годы период творческих поисков, Х. Алимджан уже ко второй половине 1930-х годов начинает завоевывать высоты поэтического мастерства. Но этот творческий рост не был легким. Поэт столкнулся с различными ограничениями, диктуемыми установками соцреализма. Негативное воздействие на творчество Х. Алимджана оказали ставшие ведущей, доминантной тенденцией в литературе и искусстве той эпохи восхваление действительности, торжественность, воспевание лишь светлых сторон жизни, ее приукрашивание. Все это противоречило правде жизни. Таковы стихи «Сосо», «Башар қуёши» («Солнце человечества»), «Нима бизга Америка» («Что нам Америка»), «Бахт тўғрисида» («О счастье»), «Бахтимиз тарихига» («К истории на-

шего счастья»), «Шодликни куйлаганимнинг сабаби» («Причина того, что воспеваю радость») и некоторые другие. Таков был дух эпохи. Однако не это является решающим в оценке его творчества – Х. Алимджан и в 1930-е годы по мере возможности пытался изображать жизнь, не искажая ее. В результате к концу этого периода он был признан крупным поэтом и общественным деятелем, в 1939 г. его избрали председателем Союза писателей Узбекистана. На этой ответственной должности Х. Алимджан проработал до конца жизни.

В годы Второй мировой войны начинается новый период творчества Х. Алимджана. Его поэзия была актуальна, он откликался на требования военного времени. Поэт пламенно выступал на народных митингах против фашизма. В составе делегации Узбекистана вместе с К. Яшеном, Миртемиром и Зульфией был на Центральном фронте (1943 г.), воочию познакомился с боевой обстановкой.

В те «шинельные годы» Х. Алимджан написал много зрелых, несущих в себе боевой дух произведений. Большинство стихов, вошедших в сборники «Она ва ўғил» («Мать и сын», 1942), «Қўлингга қурол ол!» («Возьми оружие в руки!», 1942), «Ишонч» («Вера», 1943), явили собой прекрасные образцы военно-патриотической лирики. В стихотворении, написанном в первый день войны, «Ғалаба қўшиғи!» («Песнь победы!»), Х. Алимджан жестко осуждает захватническую войну фашистской Германии, провозглашает уверенность в победе над врагом. Для раскрытия своей поэтической задачи автор умело пользуется народными образами, пословичными выражениями:

Летучья мышь вдруг на огонь слетает.
Так враг идет, забыв людской союз.
Есть истина узбекская простая –
Кто первым поднял руку, тот и трус .

Правда военной жизни тех лет и боевой дух отразились в балладах Х. Алимджана «Роксананинг кўз ёшлари» («Слезы Роксаны») и «Жангчи Турсун» («Боец Турсун»). В первой балладе повествуется о горе молодой украинки Роксаны, эвакуированной в Узбекистан. Ее маленький сынишка умирает от болезни. «Где здесь найти христианское кладбище? –

мучается Роксана. – Мусульмане не позволят положить в свою землю моего сына». Ее успокаивает старик-узбек: «Теперь эта земля, дочка, тебе не чужая. И земля Украины для меня не чужая». Узбеки не оставляют Роксану в одиночестве, украинского мальчика Вову хоронят на своем кладбище. Баллада повествует о жизненной ситуации, таящей в себе огромную внутреннюю силу.

Действующие лица баллады «Боец Турсун» – боец и его мать. Молодой солдат во время сражения поддается чувству страха, сердце его вдруг начинает дрожать так, что он готов убежать с поля боя. Перед наступлением Турсун, думающий о побеге, получает письмо от матери. Она желает ему сражаться, подобно богатырю, она ждет от сына мужества и храбрости. Письмо матери оказывает сильнейшее воздействие на бойца – он идет в бой и оправдывает ее надежды.

Образ матери в балладе – олицетворение патриотизма узбекских женщин, благословляющих сыновей на битву. В поэтике баллады ощущается сильное влияние традиций устного народного творчества. В ней использованы фольклорные изобразительные средства, народные стихотворные ритмы и мелодика. Однако образ матери психологически несколько идеализирован, ее слова порой напоминают партийные лозунги. Когда мать говорит сыну: «Чем услыхать, что ты дезертировал и остался живым, лучше узнать, что ты погиб», в это трудно поверить. Но созданная поэтом художественная реальность заставляет читателя поверить в происходящее – такой подход оправдан необходимостью поддерживать в бойцах чувство патриотизма, храбрость.

Немало в творчестве Х. Алимджана периода войны и художественно-публицистических произведений. Его статьи «Умид ва ишонч» («Надежда и вера»), «Сирдарё бўйларида» («На берегах Сырдарьи»), «Дўстлигимиз ҳақида» («О нашей дружбе»), «Мен ўзбек халқи номидан сўзлайман» («Я говорю от имени узбекского народа»), «Бирлик» («Единство»), «Қайтиш» («Возвращение») ярко показывают поучительные стороны исторического прошлого и современной действительности, рассказывают об одаренности узбекского народа. Статья «Я говорю от имени узбекского народа» (1943) явилась

достойным вкладом в сокровищницу узбекской публицистики. В ней автор решительно разоблачает фашизм, его идеи националистического господства, с огромным волнением говорит о своей любви к Родине. Поэт клянется: «Мой народ любит единство, единомыслие, единодушие. Пока живы, мы будем друг другу помогать и поддерживать... Мой народ знает цену дружбы и братства».

Хамид Алимджан в своем стремлении писать на актуальные для своего времени темы плодотворно использовал и возможности драматургии. В 1941 г. поэт написал в соавторстве с Н. Погодиным, Уйгуном, С. Абдуллой музыкальную драму «Ўзбекистон қиличи» («Меч Узбекистана»). Позже он создал историческую драму «Муканна» (1943). Обе пьесы, особенно «Муканна», являются серьезным достижением узбекской драматургии военного периода. В этой драме историческая тема успешно использована для провозглашения идей любви к Родине, ненависти к оккупантам-врагам. Показывая героическую борьбу узбеков против арабских завоевателей, драматург решительно осуждает политику военной силы, но не соотносит с завоевателями весь арабский народ.

В Узбекистане память Хамида Алимджана увековечена в названиях школ, училищ, институтов, улиц и проспектов, общественных и государственных учреждений. Государственный университет в г. Карши, станция метро в Ташкенте, Дом литераторов при Союзе писателей носят его имя. Учреждена премия имени Хамида Алимджана. Творчество поэта занимает прочное место в учебных программах школ. Его произведения переведены на многие языки. В 2004 г. Хамид Алимджан награжден (посмертно) орденом «Буюк хизматлари учун» («За выдающиеся заслуги»).

Юность

Юность легкой ласточкой умчалась.
Улетела, словно не была.
И в руках протянутых осталось
Лишь перо из синего крыла.

Я стою над пасмурным простором,
Веет ветер северный вдали,
Море, всюду море... А над морем –
Облаков косматых корабли.

Улетела, прошумев крылами ..
Разве я нарадовался ей,
Нагляделся яркими цветами?
Надышался юностью моей?

Разве я..? Но ласточкой умчалась,
Улетела, словно не была,
И в руках протянутых осталось
Лишь перо из синего крыла.

Окружен я ветром и простором.
Междубурье. Дождевая мгла.
Море. Всюду море... И над морем
Свежий след от синего крыла.

1928

Когда цветет урюк

Под окном моим за ночь вдруг
Белый, белый расцвел урюк.
Каждый цветок, на ветке дрожа,
Славу жизни страстно запел.
Теплый ветер, зарю сторожа,
Первый запах украсть успел.
Что ни год – приходит в цвета,
Обольстит и уходит весна.
Что с бесстыдницей делать?
Ах, ведь опять обманет она!
Но, обиды свои глуша,
На весенний глядя расцвет,
Я твержу: «Весна хороша,
Будет счастье мне или нет?»
Нежно гладя щеки мои,
Ветер шепчет: «Счастье с тобой!»

И чирикают все воробьи:
«Пой, счастливец, радуйся, пой!»
Выйду в сад, по дорожкам пройду
Лунной ночью, солнечным днем,–
Все мне радо в белом саду,
Все мне тайно поет об одном:
«Мир цветов пред тобой возник,
Ты домой унеси его весь,
Но обилен счастья цветник,–
Не снесешь – оставайся здесь.
И за всех ушедших давно,
Кто в слезах без цветов зачах,
Право счастья тебе дано
В белых, белых урючных садах...»
Под окном моим за ночь вдруг
Белый, белый расцвел урюк.

1937

Слезы Роксаны

Как ветер, закруживший прах,
По Гемным тропам Шахрихана,
Плутая, кружится Роксана
Со свертком малым на руках.

Молчаньем скован скорбный рот.
Она бродяжкой бесприютной
То в узких улочках мелькнет,
То в степь умчится тенью смутной.

То удаляется она,
То исчезает вдруг из вида,
Как будто бы нанесена
Душе смертельная обида.

Постой, молодка, погоди,
Поведай: что с тобой случилось?
Что прижимаешь ты к груди?
Зачем ты ночью всполошилась?

Кого ты ищешь над рекой,
На улицах безлюдных, в поле?
Какой гонима ты тоской?
Куда спасаешься от боли?

Напрасно были бы слова –
Роксана ничего не слышит
И, различая путь едва,
Бежит, бежит, надсадно дышит.

Со свертком мечется своим…
Его ли хочет спрятать где-то
Иль хочет вихрем кочевым
Носиться до скончанья света?

Одна, на всей земле одна,
Окутанная черной ночью.
Никто не знает, где она,
И некому помочь ей.

***

Передрассветная пора.
Все спит вокруг самозабвенно
Но вздрагивает вдруг Сара
И просыпается мгновенно.

Встает, вздыхает тяжело,
Идет во двор, глядит: как странно!
Еще и солнце не взошло,
А двери в горницу Роксаны

Открыты настежь и постель
Пуста… Сара похолодела,
Развеяв сна последний хмель,
Страх душу ей сковал и тело;

– Какая тут стряслась беда
С приезжей гостьей? Ведь ни крика

Не слышно было! И куда
Она бежала, горемыка?

Быть может, бродит у реки
Или в степи пустынной, темной?
Края родные далеки,
Родни здесь нету у бездомной.

Иль ненароком, не со зла
Ей рану словом нанесла я,
И, гордая, от нас ушла,
Простить обиду не желая?

Иль полюбившуюся нам
Сестру из Украины точит
Тоска по милым ей местам,
И к ним она вернуться хочет?

Тревогу подняла Сара.
И вот уже в рассвет туманный
Выходят люди со двора
На поиски Роксаны.

***

Роксана и сама, спеша,
Все ищет что-то, плачем бродит,
Как дудочка, ее душа
Напев тоскующий выводит.

Она идет через арык,
Дувал минует молчаливый
И отдыхает, – лишь на миг
Припав к стволу плакучей ивы.

Она не знает, что Сара,
Ее судьбой обеспокоясь ,
Еще задолго до утра
Соседей подняла на поиск.

Она не слышит голосов,
Ее зовущих издалека,
Ей кажется, что мир суров –
В нем страшно так и одиноко.

И сверток на руках… Душа
О нем одном болит и ноет:
Пред этой ношей – и гроша
Богатства всей земли не строят!

Роксана бродит где пришлось,
Полужива, полуодета,
На прядях спутанных волос
Поблескивает луч рассвета.

А взгляд тяжел. Увлажнены –
Слезами иль росой? – ресницы,
И брови скорбно взметены
Крылами обреченной птицы.

Что ждет скиталицу в пути?
То, что она, ища защиты,
Прижала бережно к груди –
От солнца даже скрыто…

***

Роксана бедная! В какой
Из книг судеб – тебе сурово
Скитаться суждено одной
Далеко от родного крова?

Ужели горести одни
Тебе здесь выпали на долю?
Что прячешь ты, таясь в тени
От света, блещущего в поле?

Ужели в ужасе слепом
Ты прячешь ношу дорогую

От глаз людских и добрый дом
Покинула, в степи кочуя?

И неужели никому
Доверить тайну не могла ты,
И друга нет, чтобы ему
Поведать боль утраты.

***

Вот чей – то слабый зов глухой
До слуха долетел как будто,
Иль в чьем-то сердце струнный строй
Тревожно загудел как будто.

По незнакомым кишлакам
Роксана ходит как хмельная,
Прозрачен взор ее и прям:
Ей видится земля иная –

Едва лишь вспомнится она –
И сердце сразу бьется чаще
С какой-то нежностью щемящей,
Как будто грудь ему тесна.

Когда в их дом ворвался враг, –
Ища спасения, Роксана
Оставила родной очаг,
А муж подался в партизаны.

Как ей забыть село в дыму,
Пожаров пламенные жала,
Когда она в ночную тьму
С Володей на руках бежала?!

– Земля моя, ты всех милей!
Хоть стань золою – не в тебе ли
Могила матери моей,
Не мне ль была ты колыбелью?

О милая моя земля!
Когда глазенки голубые
Мой сын на мир открыл впервые,
Твои увидел он поля.

Я бы могла издалека
К тебе, родная, возвратиться,
Будь я, как сказочная птица,
И быстрокрыла и легка.

Но не вернуться мне домой!
Весь мир со мною обезумел.
Сегодня ночью … Боже мой!
Сынок… Володя…Умер…

***

Роксану ищет сельский люд:
Сара с соседями своими
То знак друг другу подают,
То громко выкликают имя.

В белесой мгле, за пядью пядь,
Они прочесывают местность.
И правду страшно им узнать,
И тягостна им неизвестность.

Одно их мучает: «Куда
Запропастилась наша гостья?»
Нигде не видно и следа,
Напрасно все, хоть плачь от злости!

Но воля у Сары крепка:
– Нет, не устану, не отстану,
Не знать покоя мне, пока
Не разыщу Роксану!

***

Роксана воспаленных глаз
Со свертка своего не сводит
И плачет, плачет, с ног валясь
И к небу стон ее восходит.

И слышится на берегу:
– Как я земле тебе доверю?
Мертва при жизни, как смогу
Дышать я, пережив потерю?

В потоке быстрая вода
О камень бьется головою.
В Роксане мыслей череда
Несется бурей грозовою.

Так мало сил, а страх велик…
Как всплеска на пепелище,
Отчаянный взметнулся крик:
– Где христианское кладбище?

Сыночка примут ли в свою
Святую землю мусульмане?
Судьба! За что в чужом краю
Обречена я на страданье?

Куда ты занесла меня?–
На сердце горе тяжким гнетом…
Роксана шла, судьбу кляня,
К кладбищенским воротам.

***

Почтенный старец к ней из мглы
Выходит, медленно ступая;
И брови у него белы,
И борода – по грудь – седая.

Как перед встречей роковой,
Роксана молча задрожала
И только крепче сверток свой
К груди измученной прижала.

– Мир тебе, доченька! – Старик
С поклоном ей сказал негромко
И тотчас головой поник:
Он видит – в горе незнакомка.

– Отец! Мое дитя предай
Святой земле, приюту смерти.
Я потеряла отчий край,
Прошу тебя о милосердье!

Была бедняжка так жалка, –
Едва душа держалась в теле, –
Что на глазах у старика
Невольно слезы заблестели:

– Я сына потерял в бою,
Твоя земля его укрыла;
Теперь в твоем родном краю
Есть и родная мне могила.

Все судьбы сблизила война,
Всех мучают одни печали,
Одни страданья, боль одна,
И общими могилы стали.

Ты землю эту – мне поверь –
Чужой не назовешь отныне,
Как не чужая мне теперь
Земля далекой Украины.

Он сверток бережно берет,
Обернутый простынкой тонкой,
И слезы горестные льет,
Целуя мертвого ребенка.

Небесная светлеет синь,
И старца жаркая молитва
Кончается: «Да минет битва!
Да сгинет враг! Аминь».

***

Всю ночь напрасно пробродив,
Сара с большой толпой народа
Дорогою садов и нив
Пришла к кладбищенскому входу.

Какая общая тоска
Соединила на погосте
Рыдающего старика
С ее исчезнувшею гостьей?

А это тельце… Вне себя
Сара бросается к Роксане,
И слезы брызнули, слепя,
Из сердца вырвалось стенанье.

Лежит младенец, ничего
Не слышит. Крепко сжаты губки.
Пусть личико его мертво,
Он как цветок, прекрасный, хрупкий

Нет, не цветок веселый он,
Что солнцем вешним приголубен,
А нераскрывшийся бутон,
Который стужей зла погублен

Лежит он. Лоб его широк, –
Знак долголетия и счастья, –
Покой на веках тенью лег.
Недвижны белые запястья,

Молчит безгрешное дитя.
Что лепетало без умолку,

И легкий ветерок, грустя,
Ему расчесывает челку.

Боль матери – всего больней,
На сетованья нет ответа,
И птицы певчие рассвета
Печально кружатся над ней.

Малыш уже землею взят,
Рождая в людях скорбь и жалость,
А в небе голуби летят,
В слезах Роксаны отражаясь.

Краса – Роксана, дочь тоски!
О, как судьба тебя пытала!
Ты азиатские пески
Слезами щедро напитала.

Не диво, если расцветут
Цветы в песках былой пустыни
И если птицы счастья тут,
Жизнь возвестят отныне…

***

Рассвет развеял мглу, как сон,
И мир меняет одеянье:
Он золотом лучей пронзен
И тонет в солнечном сиянье.

И люди, вспомнив про дела.
Домой торопятся – как будто
Спокойной эта ночь была
И было тихим утро.

1944

МИРТЕМИР

(1910–1978)

Миртемир Турсунов родился 10 мая 1910 г. в семье дехканина в кишлаке Эски Икон Туркестанского района Казахстана. Грамоте выучился в школе своего кишлака. В 11 лет бежал в Ташкент, воспитывался в школе-интернате, в новометодных школах. Высшее образование получил в Педагогической академии. Работал в редакциях газет и журналов, был редактором в различных издательствах. Будучи консультантом в Союзе писателей Узбекистана, внес весомый вклад в воспитание молодых поэтов.

Интерес к литературному творчеству проснулся в Миртемире очень рано. Поэт вспоминал: «Мое первое стихотворение появилось в газете «Ёш ленинчи» в 1926 году.

Как поэт со своим видением, Миртемир скоро привлек внимание читателей. Первый его сборник, названный «Шуълалар қўйнида» («В объятиях лучей»), был опубликован в 1928 г. В него вошли стихи «Меҳнат» («Труд»), «Сўнгги хат» («Последнее письмо»), «Кураш ва тилак» («Борьба и желание»), «Ўзбек қизи Мастоной» («Узбекская девушка Мастоной»), «Бахт» («Счастье»), «Саҳро» («Степь»), «Меҳнат боласи» («Дитя труда»), «Ўт ёниб турса» («Когда горит огонь»). Сборник свидетельствовал о появлении в национальной литературе нового дарования, и хотя в некоторых стихах встречались труднопонимаемые строки и символы, излишняя риторика, туманные образы, они были несомненно отмечены печатью таланта.

Сборник «В объятиях лучей» был очень современным по своей тональности. В нем воссоздан художественный образ человеческого труда. Поэт славит труд, являющийся основой всего материального и духовного мира, созданного человеком.

Поэтический талант Миртемира расцвел еще ярче в последующем его творчестве. Встречающиеся в некоторых ранних стихах схематичность и туманная символика уступили место жизненно реальным образам. Многие стихи в сборниках «Зафар» («Победа», 1929), «Қайнашларим» («Мои волнения»),

«Бонг» («Набат», 1932), «Очлар улка-сида» («В краю голодных»), «Пойтахт» («Столица», 1936), «Ўч» («Месть», 1943), «Танланган шеърлар» («Избранные стихи», 1947), «Танланган асарлари» («Избранные сочинения», 1958), «Шеълар» («Стихи», 1961, 1964), «Янги шеърлар» («Новые стихи», 1967), «Қуш тили» («Язык птиц», 1970), «Тингла, ҳаёт» («Слушай, жизнь», 1974), «Киприкларим» («Мои ресницы»), «Излайман» («Ищу», 1976), «Ёдгорлик» («Память», 1978) – образцы высокохудожественной поэзии. Миртемир воспринял уроки поэтической школы наставников, глубоко изучал жизнь, был требователен к себе и тщательно работал над каждым своим произведением. Этот его труд, дающий замечательные результаты, скрыт в легкой, свободной поэтической манере.

Уже в 1930-е годы были созданы такие зрелые стихи, как «Шодиёна» («Радостное»), «Бахшининг айтганлари» («Сказания бахши»), «Аму қирғоқлари» («Берега Аму»), «Яли-Яли», «Яшил япроқлар» («Зеленая листва»), «Қора кўзлик» («Черные глаза»), «Бир шўўх» («Озорница»). В написанном под впечатлением знаменитого «Яли-Яли» Алишера Навои одноименном стихотворении Миртемира воспеваются созидательные народные силы, превращающие степи в сады.

Одной из важных особенностей поэзии Миртемира 1930-х годов является мастерское использование пейзажных образов для метафорического выражения идеи. Это определяет стиль таких стихотворений, как «Ўйлар» («Раздумья»), «Қизғалдоқ,» («Маки»), «Қоя» («Утес»), «Сени, болалигим» («Тебя, мое детство»), «Хайр, Тошкент» («До свидания, Ташкент»), «Лолазордан ўтганда» («Проходя поля тюльпанов»), «Аччисой», «Яшил япроклар» («Зеленые листья»). В них поэтические картины природы способствуют художественному выражению эмоций, тонкой передаче чувств лирического героя, его душевных переживаний.

Тема родной природы, неразрывно связанная с патриотическими чувствами, приобретает новое звучание в стихах поэта, созданных в годы Второй мировой войны. Воспевающие красоту жизни и очарование родного края стихотворения «Бу – менинг Ватаним» («Это – мое Отечество»), «Қирғоқ» («Берег»), «Вафо» («Верность»), «Денгиз бўйларида» («У

моря») пробуждают энергию, патриотические силы, желание защищать Родину от врага, призывают к героической борьбе с фашизмом.

Миртемир пишет знаменитое «Сталинград ҳимоячиларига Тошкент зиёлиларидан саломнома» («Приветственное послание ташкентской интеллигенции защитникам Сталинграда»). Раскрывая сущность войны, ведущейся против гитлеровских захватчиков, поэт обращается к бойцам от имени народа, призывая их прогнать с родной земли врага. Стихотворное послание включает около 200 поэтических строк. Его финальные строки пафосно отражают дух времени:

За попранную веру и свободу,
За пепелища на твоем пути,
За честь и правду своего народа
Фашизму всею кровью отомсти![1]

Проблемы военной поры отражены и в таких стихах Миртемира, как «Мен она бўлсам агар» («Если бы я был матерью»), «Сен – она!» («Ты – мать!»), «Бу – менинг Ватаним» («Это – мое Отечество»), «Она шаҳар» («Родной город»), «Ҳамшаҳар» («Земляк»), «Ўч» («Месть»), «Қирғоқ» («Берег»), «Ҳамшира» («Медсестра»). Лирическая мелодичность «мирных стихов» уступает место пафосному стилю, патетике, призванной отразить и поднять боевой дух сражающегося за свободу народа. Военная лирика Миртемира – в прямом смысле слова боевая народная лирика. Выраженные в ней чувства поэта зовут к единению, глубоко волнуют читателей.

В послевоенные годы по-новому раскрывается в творчестве Миртемира образ человека труда. В стихотворении «Эртанги кун» («Завтрашний день») трудовой народ назван творцом будущего страны, силой, способной изменить мир:

Инсон меҳнатидан ранг олур ҳаёт, Инсон меҳнатидан ўзгарур жаҳон, Ҳақикат туғилар ҳаёлдан ҳам, бот, Бутун кучлилардан кучлироқ инсон...

Труд человека красит жизнь земную, И жизнь меняется от века и до века. Мы истиною это именуем И повторяем: «Все от человека».

Поэт гордится тем, что призван воспевать идеалы дружбы народов:

Дўстлик сўзи – сўзларнинг нақши, Ҳеч сўз борми бундан ҳам яхши! Ўз юртимда мен ҳам бир бахши, Умрим кечар дўстликни куйлаб.

Есть слово «дружба». И оно всевластно, Покуда солнце в небе не погасло. И от него в душе и в сердце ясно. Есть дружба. И она всегда прекрасна .

Миртемир видит в дружбе между народами силу, рождающую радость, смелость, дающую человеку крылья. Такие его стихи, как «Элу юрт мақтови» («Во славу народа и страны»), «Бизга келинг» («Приходите к нам»), «Қирғиз халқига» («Киргизскому народу»), «Махтумқули тўйида» («На празднике Махтумкули»), «Барҳаётлик» («Вечная жизнь»), «Қозоғим» («Мой казах»), «Олмаотанинг қиши» («Зима в Алма-Ате»), являются лучшими поэтическими произведениями, посвященными дружбе народов, в узбекской литературе XX в.

Главная тема поэзии Миртемира – любовь к родному Узбекистану, главный герой – узбекский народ. Поэт обращается к этой теме и к образу национального героя вновь и вновь, каждый раз находя разные ракурсы ее освещения, новые, идущие от сердца слова:

Средь строк моих однажды навека
Стань гимном Родине моей, моя строка.

В стихотворении «Ёдгорлик» («Память», 1978), написанном Миртемиром в конце жизни, поэт заверяет, что любовь к Родине была целью и смыслом всей его жизни.

Я вырос средь народа моего,
Я жил с ним. И умру я за него.

К произведениям последнего периода творчества Миртемира относятся стихи «Онагинам» («О, мама!»), «Чанқоқлик» («Жажда»), «Киприкларим» («Мои ресницы»), «Қирқ, бир» («Сорок один»), «Бетоблигимда» («Когда мне нездоровится»). «О, мама!» – стихотворение о любви, нежности, о долге перед родителями, о священных чувствах, высказанных по-народному просто, глубоко, эмоционально.

Продуктивным было творчество Миртемира и в жанре песни. Поэт выражает в песнях мечтательно-романтические чувства и переживания, осваивает значимые в жизни народа и страны общественные проблемы. Песни Миртемира цельны, в них сильно искусство эмоционального воздействия, они покоряют своей мелодичностью. В этих песнях нет печали, пессимизма, напротив, они пробуждают в читателе воодушевление, увлекая его к высокому полету души. Так, в своей первой песне – «Танбурим товуши» («Голос моего танбура», 1926) Миртемир поэтически определил свое кредо, которому следовал всю жизнь:

Пусть землю огласит звук моего тамбура,
Взрываясь в молодых и пламенных сердцах,
Пускай его напев, стремительный, как буря,
Рождает отклики и в каменных сердцах.

В разные годы поэтом было написано множество песен, пробуждающих в слушателе оптимизм, жажду деятельности. Среди этих песен «Яли-Яли», «Мард йигит, ёринг бўлай» («Люблю тебя, о смелый юноша»), «Эл қўшиғи» («Песня народа»), «Қора кўзли» («Черноглазая»), «Боғ кўча» («Улица-сад»), «Шаҳримда бир гўзал бормиш» («Говорят, в городе красавица есть»), «Барно», «Устина» («При этом») «Боқиши» («Ее взгляд»), «Келмаган» («Не пришедшая»), «Аразлик» («Обида»). Пленительные песни Миртемира заняли прочное место в узбекской поэзии, вошли в богатейший фонд узбекского песенного искусства.

Плодотворно творчество Миртемира и в жанре дастана. Его перу принадлежит около двадцати больших и малых дастанов, среди которых: «Бонг» («Набат»), «Жанг» («Битва», 1930), «Хидир» (1932), «Номус» («Честь», 1934), «Аждар» («Дракон», 1935), «Очлар ўлкасида» («В краю голодных», 1936), «Сув қизи» («Русалка»), «Дилкушо» («Веселящий», 1937), «Ойсанамнинг тўйида» («На свадьбе Айсанам» 1938), «Кузи» («Ягненок»), «Бахшининг айтганлари» («То, что пел бахши», 1939), «Даре бўйида» («У реки», 1948), «Сурат» («Фотография», 1956), «Паттининг ҳасратлари» («Печали Патти», 1974), «Юз бир» («Сто один», 1974).

Вершиной творчества Миртемира, несомненно, является лирический дастан «Фотография». Он основан на реальных событиях из жизни поэта. Известно, что Миртемир в начале 1930-х годов был арестован и выслан в Дмитровский лагерь под Москвой, а затем отправлен на стройку канала Москва-Волга. Жена поэта оставила двухлетнюю дочь и поехала в Москву. Девочка вскоре умерла. Эту трагедию Миртемир отразил в дастане «Фотография».

Дастаны Миртемира различны по уровню мастерства. Если «Веселящий», «На свадьбе Айсанам», «Фотография» – целостные, зрелые произведения, то дастаны «Набат», «Аччисой» слабее в художественном отношении. В сущности, Миртемир не был чужд некоторой комплиментарности, компромиссов со временем, хотя шел на это редко. Язык стихов Миртемира отличается простотой, образностью. Поэт умело пользуется национальной словесной сокровищницей, прибегая к традиционной народной дидактике – мудрым изречениям, пословицам, поговоркам:

Тот, кто топчет розы в росах,
Тот в жилище вход грязнит,
У кого искривлен посох –
Тот и весь народ грязнит.
(«Ученый»)

У жизни нету сроков про запас.
Ведь день и ночь колеблются на грани.
Но смелый умирает только раз,
Бесчестный – что ни день, то умирает.
(«Туйчи, сын Эрйигита»)

Тесную связь с народной лирикой можно увидеть в таких стихах, как «Ухла, қўзим» («Спи, мой ягненочек»), «Кўзларим йўлингда» («Жду тебя»), «Қўшиқлар» («Песни»), «Яли-Яли». Стихотворение «Эркатой» («Баловень») полностью стилизовано под народную песню.

Миртемиром создано множество лирических и лироэпических произведений, которые внесли весомый вклад в развитие

узбекской поэзии. Достойны внимания заслуги Миртемира в искусстве перевода. Благодаря ему узбекский читатель получил возможность на родном языке прочитать русскую классику: «Руслан и Людмила», «Сказка о царе Салтане», «Сказка о рыбаке и рыбке» А. Пушкина, «Исмаил-Бей», «Песнь о купце Калашникове» М. Лермонтова, «Кому на Руси жить хорошо» Н. Некрасова, «Песнь о Буревестнике» М. Горького.

Миртемир перевел на узбекский язык кыргызский эпос «Манас» (совместно с Уйгуном), каракалпакский эпос «Кырк кыз» (совместно с Максудом Шейхзаде), поэму грузинского поэта Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», а также произведения Генриха Гейне, Эжена Потье, Абая, Хачатура Абовяна, Бердаха, Янки Купаны, Сильвы Капутикян, Назыма Хикмета, А. Суркова, А. Твардовского, Пабло Неруды, Самеда Вургуна, Аббаса Добилова. Его перу принадлежит перевод «Записок из мертвого дома» Ф.М. Достоевского.

В 1971 г. Миртемиру присуждено звание Народного поэта Узбекистана.

ЗУЛЬФИЯ

(1915 – 1996)

Зульфия родилась 1 марта 1915 г. в городе Ташкенте, в семье ремесленника. Здесь училась в новых школах, других учебных заведениях, в аспирантуре научно-исследовательского Института языка и литературы. Работала в Государственном издательстве «Узбекистан» («Уздавнашр»), в Союзе писателей Узбекистана, в редакциях газет и журналов. С 1953 по 1985 г. Зульфия являлась главным редактором женского журнала «Саодат».

Поэтесса была известным общественным деятелем республики, активно участвовала в ее культурной жизни. Особо следует отметить ее вклад в борьбу за укрепление мира на земле. В разные годы она была делегатом от Узбекистана на международных конференциях, посвященных борьбе за мир, которые проходили в Дели, Каире, Коломбо и других

городах. Выступая от имени узбекского народа, читала с трибун этих форумов и свои прекрасные стихи.

Зульфия с детских лет любила художественную литературу, особенно ее пленила лирика. Вспоминая свои юные годы, она писала: «Наполненные глубокими чувствами газели великого Навои, дастаны Физули, хрустальные строки Пушкина, мятежные стихи Байрона, проникнутые болью печальные стихи Лермонтова, простые и искренние образы Некрасова все более пленяли меня».

В 13 – 14 лет она уже пробовала писать сама. Первая публикация ее стихов состоялась в 1930 г., а уже в 1932 г. была издана первая книга юной поэтессы «Ҳаёт варақалари» («Страницы жизни»). Такие стихи сборника, как «Ёш тракторчига» («Молодому трактористу»), «Механик Қумри» («Кумри-механик»), «Озод қиз» («Свободная девушка»), «Бизлар» («Мы»), «Мактаб йулида» («По дороге в школу»), «Завод йўлида» («По дороге на завод»), «Пахта сари» («Хлопку»), были тепло приняты читателями.

Первая книга «Страницы жизни» и появившиеся в конце 1930-х годов сборники «Шеърлар» («Стихи»), «Кизлар кушиги» («Песня девушек») отразили динамику художественного роста Зульфии. В первом сборнике присутствует известная поверхностность, в последующих превалируют естественность и искренность, правдивость и взволнованность.

Основное содержание сборника «Песня девушек» составляет тема женской судьбы в новое время. Большинство стихов посвящены свободному труду, новой жизни, просвещению, патриотизму: «Сенинг мақтовинг» («Твоя похвала»), «Сени севардим» («Я любила тебя»), «Хаджар», «Нишондор қиз» («Девушка-орденоносец»), «Она кувончи» («Радость матери»), «Баҳор» («Весна»), «Аҳд» («Клятва»), «Студентка», «Кутиш» («Ожидание»), «Мартни кутганда» («Ожидая март»), «Баҳор кечаси» («Весенний вечер»).

Военно-патриотическая лирика Зульфии отражает актуальные темы тех лет. Вера в победу, героизм, любовь к Родине, проклятие врагу звучат в стихотворениях «Менинг Ватаним» («Моя Родина»), «Қўлимда куролу устимда шинель» («В руках ружье, на плечах шинель»), «Йигитларга» («Юношам»),

«Эримоқда қор» («Тает снег»), «Бизни кут» («Жди нас»), «Хижрон» («Разлука»), «Палак» («Вышивка») и других. Стихотворение «Вышивка» несет идею веры в победу. В самые трудные дни войны девушка в свободные минуты вышивала палак, который она должна была закончить к собственной свадьбе. Поэтесса в этом движении души девушки – заветном желании свадьбы, подготовки к ней – находит поэтическое содержание, отражает веру в победу, свободу и радость, которые она принесет.

Зульфие удалось в годы войны достичь выдающихся успехов в создании образов верной возлюбленной, самоотверженной женщины. Образ женщины-патриотки талантливо изображен в стихотворениях «В руках ружье, на плечах шинель», «В дни разлуки», «Гуллар очилганда» («Когда распускаются розы»), «Верность», «Икки шеър» («Два стихотворения»), «Сулув тонг» («Прелестный рассвет»). Они отражали смысл того времени, боевой дух военных лет.

В годы войны Зульфия, основываясь на историко-биографическом документальном материале, написала дастан «Фархадом звался он». Главный герой произведения – известный узбекский артист, пламенный патриот-воин Кабил-кари Сиддиков. Поэтесса сумела мастерски обобщить в образе главного героя отношение всей нации к фашизму. Начинается дастан со сцены в ташкентском театре, где исполняет партию Фархада обладатель редкого, удивительно волнующего голоса певец Кабил-кари. Вот как поэтически говорит об этом автор:

Внимая песне, тростники
Качнулись в лад ей у реки,
Внимая песне, соловей
Забыл мгновенно о своей.

Зульфия, описывая печальные и даже трагические события, могла создавать жизнеутверждающие произведения, зовущие к победе, преодолению трудностей. Эта особенность творчества поэтессы ясно видна в таких стихах, как «Кечир, қолдим ғафлатда» («Прости, я не знала»), «Баҳор келди, сени сўроқлаб» («Пришла весна, спрашивает о тебе»), «Ҳижрон кунларида» («В дни разлуки»), «Кўрганмидинг кўзларимда ёш» («Ты разве видел слезы на моих глазах?»), «Сен қайдасан,

юрагим» («Где ты, сердце мое?»), «Не балога этдинг мубтало» («На горе обрек ты меня»), «Юлдуз» («Звезда»).

Поэтесса откликалась на актуальные проблемы, чутко реагировала на них стихотворной строкой. Эта особенность ее творчества еще более очевидна в ее поэзии послевоенных лет. В этот период Зульфия опубликовала десятки книг самой разнообразной тематики. Это такие произведения, как «Хулькар» (1947), «Мен тонгни куйлайман» («Я воспеваю рассвет», 1950), «Дугоналар билан суҳбат» («Беседы с подругами», 1953), «Лирика», «Юрагимга яқин кишилар» («Близкие моему сердцу люди», 1958), «Гулларим» («Цветы мои»), «Танланган асарлар» («Избранное», 1959), «Шеърлар» («Стихи», 1963), «Водий туҳфаси» («Дар долины»), «Юрак ҳамма вақт йўлда» («Сердце всегда в пути», 1966), «Шалола» («Водопад», 1976), «Йиллар, йиллар» («Годы, годы», 1978), «Достонлар» («Поэмы», 1975), «Ўйлар» («Думы»), «Камалак» («Радуга», 1985), «Хотирам синиқлари» («Осколки памяти») наполненные любовью, добротой, несгибаемой верой в торжество разума.

Искренне, с присущей ей поэтичностью Зульфия создает образы узбекских женщин, показывает их красоту и ум, изменения, которые произошли в их восприятии мира. Так возникли живые образы добрых, нежных, верных, высоконравственных женщин в стихотворениях «Она» («Мать»), «Ўзбек қизининг овози» («Голос узбекской девушки»), «Зоотехник қиз» («Девушка-зоотехник»), «Чевар киз кушиги» («Песня вышивальщицы»), «Ҳамма сафарбар» («Всеобщая мобилизация»), «Икки ўртоқ» («Два товарища»), «Менинг меҳрибон онагинам» («Моя добрая мама»), «Бизнинг оналар» («Наши матери»). Стихи этого плана насыщены проникновенным лиризмом.

Зульфия придавала большое значение темам братства народов, борьбы за мир. Об этом прекрасные строки в стихах «Яқинлик» («Близость»), «Қозоғистон ўланлари» («Казахстанские напевы»), «Қайинзорда» («В березовой роще»), «Балхаш оқшоми» («Вечер у Балхаша»),«Кўкчатов» («Кокчетау»), «Қармоқ» («Удочка»), «Дўстимга» («Другу моему»), «Тожикистон хотиралари» («Воспоминания о Таджикистане»), «Жануб оқшоми» («Южный вечер»), «Чарджоу – Кунград».

Поэтесса утверждает мысль о силе дружбы, ее огромном значении в развитии общества. Написанное ею соответствует жизненной правде. Узбеку, герою стихотворения «Кокчетау», очень нравится казахская юрта, а звуки домбры баюкают его, как материнская колыбельная. Лирический герой свое очарование природой Кокчетава выражает такими словами:

У казахов спросите, красива ль гора Кокчетау,
Где чиста, как любовь, первозданная голубизна,
Отраженье в воде, как волшебную книгу читаю,
И чудесна ее новизна.

Среди произведений Зульфии, посвященных жизни зарубежных стран, борьбе народов за мир и дружбу, выделяется дастан «Мушоира» (этим словом обозначается состязание поэтов, турнир сочиненных экспромтом стихов). В нем рассказывается о событиях, произошедших на международной конференции прогрессивных писателей Азии и Африки, проходившей в 1956 г. в Индии, о состязаниях поэтов. Но это – лишь трамплин для развития дружбы между народами, гуманизма и борьбы за мир. Каждый участник поэтического состязания имеет свои национальные одежды, воспевает пейзажи своей родины и иносказательно восхваляет свой народ. Зульфия мечтает о том, чтобы поэты всей земли говорили о мире и добре, и свое произведение завершает этой священной надеждой:

Друзья, идите к нам под сень шатра,
Под сень добра.
Идите к нам! У нас мушоира!
Мушоира!

За произведения, посвященные темам борьбы за мир, дружбы народов, Зульфия удостоена индийской премии имени Джавахарлала Неру, международной премии «Нилуфар» и награждена орденом Болгарии «Кирилл и Мефодий».

В последние годы стихи Зульфии были посвящены темам семьи и долга, морали и нравственности, радости и молодости, любви и измены и другим «вечным» проблемам жизни. В сборниках «Юрак ҳамма вақт йўлда» («Сердце всегда в пути»), «Камалак» («Радуга»), «Водий туҳфаси» («Дар долины»), «Сени куйлайман ҳаёт!» («Тебя пою, жизнь!»), «Тонг ва

шом аро» («От рассвета до вечера») Зульфия поет о Родине и времени, о жизни и человеке, дружбе и честности, о любви и семейном долге – сердце ее живет, перебирая струны лирики.

Зульфия трудилась и в жанре художественного очерка, публицистики. Ее очерк «Айдын Сабирова» (1953), посвященный жизни и творческому пути одной из ярких представительниц узбекской литературы XX века, отмечен глубиной раскрытия образа героини. Заслуженный успех принесли Зульфие и написанные позже очерки «Дугоналар билан суҳбат» («Беседа с подругами»), «Паранжили хотин билан учрашув» («Встреча с женщиной в парандже»), «Бирлашган ҳолда илгарига» («Объединяясь, вперед»), «Коломбо кабутарлари» («Голуби Коломбо»), «Югославия хотиралари» («Воспоминания о Югославии»), «Шаҳринисо ҳакида» («О Шахринисо»).

Зульфия – мастер перевода. Ее перу принадлежат переводы на узбекский язык поэмы Н. Некрасова «Русские женщины», пьесы Мустая Карима «Ой тутилган тунда» («В ночь лунного затмения»), произведений М.Ю. Лермонтова, Леси Украинки, Назыма Хикмета, Амриты Притам, В. Инбер, Сильвы Капутикян, Марварид Дельбази, Светланы Сомовой и других авторов. Особенно удачен перевод поэмы Н. Некрасова, в нем сохранены дух оригинала, особенности авторской речи, прелесть и национальный колорит языка поэта.

Заслуги Зульфии оценены по достоинству. В 1965 г. ей присвоено звание Народного поэта Узбекистана, в 1985 г. она была удостоена звания Героя Труда, в 1994 г. награждена орденом «Дустлик».

МУШОИРА

Уже пришла вечерняя пора,
Сошла жара.
Идите к нам: у нас мушоира,
Мушоира!

Здесь близким друг становится далекий,
Здесь праздник мастерства,
Здесь рифмы соревнуются, и строки,
И чувства, и слова.

Чьи краски ярче? Глубже описанье?
Чья мысль остра?
Звенит, гремит поэтов состязанье–
Мушоира!
Для цветника поэзии восточной,
Для звонкого созвучья, мысли точной
Не нужен пышный или душный зал:
Поэт, придя сюда, с собою взял
Лишь песню, песню Нила или Ганга,
И только удивительный навес
С плодами нарисованными манго
Слегка нас отделяет от небес.
И вечер, голубей Бенгальского залива,
Нас окружает с четырех сторон,
И в блеске звезд, вдали горящих горделиво,
Свет наших ламп чудесно повторен,
А ветерок приносит с побережий
То запах трав, пронзительный и свежий,
В котором есть вечерняя роса,
То песню девушек индийских,
То птиц неведомых, но близких
Пленительные голоса.
Вы вдохновенья слышите приказ?
Веленье смелого пера?
Друзья, идите к нам, идите к нам!
У нас Мушоира!
На возвышении, украшенном ковром,
Что радугу напомнил бы по цвету,
Своим душевным делятся добром
Все те, кто к правде тянется и свету.
Да, в этом поэтическом саду
Есть малые цветы и мощные чинары.
Но вижу я: сейчас и молодой, и старый–
В одном строю, в одном ряду.
Обычаи Востока строги,
И в Индии мы их нарушить не хотим:
На радуге-ковре, скрестивши ноги,
Хозяева и гости, мы сидим.

И обувь разноцветная у входа,
Что сняли мы, когда сюда пришли,
Напоминает нам: так вот следы земли,
Где труд, где слава каждого народа!
Индийские сандалии видны
С подошвой деревянной из сандала.
Искусная рука их создавала
Умельца этой сказочной страны,
И если путешествовать я стану –
Надену их, пойду по Индостану!
Они явились из различных стран:
Ботинки эти сделаны Багдадом,
На этих – пыль Китая, а Иран
С Цейлоном оказались рядом,
Монгольский сапожок – с пенджабским каблучком.
Невольно обвожу я взглядом
Те туфли, что моим пошиты земляком,
Ташкентским мастером Ахмадом.
Благодарю тебя от всей души,
Сосед, твои изделья хороши.
И, может быть, сапожник из Кашмира
С тобою соревнуется, мой друг,
Во имя изобилия и мира
И тоже входит в наш звенящий круг.
Седоволосый, с юными глазами,
Что помнит Индию, облитую слезами,
Что видит радостный ее расцвет,–
У микрофона встал поэт,
Старейший в нашем состязанье,
Его участник и глава...
К чему певцу иносказанье?
Текут в душе рожденные слова,
В которых – воля и дерзанье.
Язык находят общий мастера
В такие вечера.
Идите к нам. У нас мушоира,
Мушоира!
Моя подруга, соловей Пенджаба,

Своим стихом вторгается в сердца.
Пусть нежен стих – нет, не звучит он слабо,
В нем сила матери и честь борца...

Читал стихи Вьетнам! читал Непал,
Читал таджик, и русский друг читал.
Чем были строфы ярче, задушевней,
Звенели чище и напевней,
Тем становились ближе нам, сродни,
Слипались в карту Азии они
И Африки, великой, древней.
И ветры, вырывая из сердец
Созвучья, уносили их далеко,
И Запад к миру звал певец,
И счастье возвещал земле Востока.
С поэтов сикхи не сводили глаз,–
Богатыри, что в битвах тверже стали.
Как пламя черное, их бороды сверкали,
Бенгальцы слушали с волненьем нас,
В одежды белоснежные одеты...
Все новые и новые поэты
Нам поверяли думы и мечты.
Стихи вставали, как мосты,
Для нашей дружбы, нашего сближенья -
Мосты любви и уваженья,
Мосты народной красоты.
О вечер Индии! И песен упоенье!
Неотделим от слушателя чтец,
И кажется: биенья всех сердец
Слились в одно сердцебиенье!
Друзей и близких славный круг
Уже в моей душе все шире, шире.
Сын Африки запел о мире,
И я почувствовала вдруг,
Как много вынес он, надеясь и страдая,
В боренье закалив слова свои,
И потому в глазах горит любовь святая,
Что солнце у него в крови...

Ты – весть о хлебе, благе и покое,
Не шутка, не игра –
Ты жизнь сама! Входи во все живое,
Мушоира!
Ты всех зовешь, кто строит, пашет,
Отбойный поднимает молоток,
Захочет–землю тканью опоясет,
Кто суть поэзии, душа ее, исток.
Они творят в ином, прекрасном роде.
Стихи не часто входят в их жилье,
Их книги – жаркая любовь к свободе,
Их вдохновенье – битва за нее.
Пусть примут все, кто трудится, участье
В соревнованье наших голосов,
Пусть все, кто сеет, все, кто строит счастье,
Услышат этот зов.
Друзья, поэзии живой и дерзновенной
Пусть блещет всюду огненный накал,
Чтоб мирный человек владел вселенной,
Чтоб только миру песни он слагал.
Друзья, идите к нам под сень шатра,
Под сень добра.
Идите к нам! У нас мушоира,
Мушоира!

1958

Себе

Что ж ты притихла? Зачем ты грустишь?
Радости в ясных глазах не видать...
Хочешь затворницей в келью уйти?
Мнишь ли ты в битве одна побеждать?
Где твоя воля, и гордость, и пыл?
Власть над разлукою? Смех над судьбой?
Взор, что и в сумраке пламенем был?
Где разминулась надежда с тобой?
Годы прошли? Не беда, что прошли!
С кем навсегда остаются они?
Неповторимая, в темной дали,

Жизнь озарила прошедшие дни...
Все устают на дороге. С людьми
Сядь, отдохни; это дружеский круг!
Сердце ли чье к тебе рвется – уйми
Боль его ран и направь его стук...
Если же чей-то стихает напев,
Смех беззаботный уходит из черт,–
Ты возврати ему песню и смех,
Хоть бы и собственной песне в ущерб...

...Тысячи замыслов, ждущих руки,
Взлетов и спадов, трудов и даров...
Ты исходила материки:
Вспомни!--и вычерпай кладезь дорог.
Выйди на поиск огня своего
Вспомни себя! (А верней – позабудь!)
Слушай! Из хаоса, из ничего
Сок исцеленья для мира добудь!
Выйди из немощи темных углов,–
Кто-то заждался пера твоего!
Выйди–и выжми из камня Любовь!
В ней осмысление вся и всего!
Не покоряйся же впредь бытию:
В реку ревущую смело входи!
Помни про лучшую песню свою:
Лучшая песня всегда впереди!

1969

САИД АХМАД

(1920 – 2007)

Саид Ахмад Хусанходжаев родился 10 июня 1920 г. в городе Ташкенте. Образование получил в Ташкентском государственном педагогическом институте им. Низами (1938 – 1941). В узбекскую литературу вошел в 1940-х годах как публицист. Пресса явилась школой роста и совер-

шенствования писателя. Он работал в газетах «Ёш ленинчи», «Қизил Ўзбекистон», в журналах «Муштум», «Шарқ Юлдузи», в Радиокомитете Узбекистана.

В формировании молодого таланта велика была заслуга Гафура Гуляма и Абдуллы Каххара. Саид Ахмад сам писал об этом: «Вообще, в жанр сатиры ввел меня Гафур Гулям. Известно, что он плодотворно работал в этом жанре в 30-е годы, создав очень хорошие образцы коротких, смешных рассказов. Я вошел в литературу под влиянием этих рассказов. Позже я познакомился с великим писателем ближе, стал непосредственно учиться у него, и это очень способствовало развитию моих наклонностей к сатире и юмору. После этого моими учебниками стали рассказы Абдуллы Каххара, в них я постиг искусство краткости, понял бесполезность многословия, важность нахождения слов с глубоким смыслом, поиска содержательных выражений».

На основе опубликованных с 1942 по 2003 г. книг писателя можно проследить путь его творческого совершенствования, определяемый этапами создания таких произведений, как «Эр юрак» («Мужественное сердце», 1942), «Фарғона ҳикоялари» («Ферганские рассказы», 1948), «Муҳаббат» («Любовь», 1949), «Кадрдон далалар» («Дорогие поля», 1949), «Чўл шамоллари» («Степные ветры» 1961), «Онажонлар» («Матушки», 1962), «Хазина» («Сокровищница», 1963), «Таъзим» («Поклон», 1966), «Қисса ва ҳикоялар» («Повести и рассказы», 1968), «Йўқатганларим ва топганларим» («Утерянное и найденное», 1999), «Қоракўз Мажнун» («Черноокий Меджнун», 2001), «Киприкда қолган тонг» («Рассвет, задержавшийся на ресницах», 2003).

Зрелость и глубину творчество Саида Ахмада обрело в послевоенный период, особенно в 1960-е годы. Он поднялся на высокую ступень новеллистического мастерства. Плоды этих лет – рассказы «Турналар» («Журавли»), «Матушки», «Песни весны»» Сокровищница», «Тўлқинлар» («Волны»), «Ҳайқириқ» («Крик»), «Чўл бургути» («Степной орел»), «Ўрик домла» («Урюк-домла»), «Лочин» («Сокол»), «Одам ва бўрон» («Человек и буран»), «Бўстон» («Сад»), «Тўйбоши» («Организатор свадьбы»). Они свидетельствуют о том, что

творчество Саида Ахмада включает в себя принципиально новые приемы создания рассказа и что он успешно продолжил развивать традиции своих предшественников А. Кадыри, Г. Гуляма, Айбека, А. Каххара. Действительно, как отметил профессор Лазиз Каюмов, «в рассказах Саида Ахмада воплощены мастерство психологического изображения Айбека, юмор Гафура Гуляма, повествовательный лаконизм Абдуллы Каххара».

Жизнь, искрящаяся в рассказах Саида Ахмада, привлекает читателей. Присущие узбекскому народу черты, обычаи, привычки, добрые традиции пронизывают сюжетную, образную, стилистическую систему этих рассказов. Это особенно очевидно в таких произведениях, как «Куда ва қудағайлар» («Сваты-сватушки»), «Сумбул» («Гиацинт»), «Лайлак келди» («Аист прилетел»), «Ялпиз ҳиди» («Запах мяты»), «Онажонлар» («Матушки»), «Хотинлар» («Женщины»), «Одам ва бўрон» («Человек и буран»), «Орият» («Честь»). Их пронизывают шутки, каламбуры, приемы народного острословия – аския, что придает рассказам неповторимый национальный колорит: «Ты не веришь моим словам? Хорошо. Сейчас арба сельпо укатит в степь. Езжай на ней, посмотри сам. Сними там сапоги и постой босиком полчаса на участке Наджим-ата, только не двигайся, тогда сам узнаешь. Если не прорастет из-под пятки твоей росток и не обрастет кроной на твоем плече, разрешу, не пикну – сними мою голову с плеч долой» (рассказ «Честь»).

В творчестве Саида Ахмада много сатирических рассказов, разоблачающих человеческие пороки – нечистоплотность, гордыню, хвастовство, заносчивость, клеветничество, сплетни, очковтирательство, формализм, буквоедство. Особенно ярки опубликованные в журнале «Муштум» миниатюры. Некоторые из них были успешно инсценированы на телевидении. В рассказах Саида Ахмада многообразные приемы сатиры и юмора, увлекательный сюжет, легкий стиль изложения и образный язык. Творчество писателя в период независимости подтверждает эти качества его прозы. Только в 1999 г. Саид Ахмад написал около 15 рассказов и очерков. Размышляя о них, сам писатель отметил: «Как мне кажется, и

как подтверждают отклики читателей книг и газет, эти рассказы, написанные мною в последние годы, составили лучший новеллистический цикл». Рассказы С. Ахмада «Мираж», «Азроил ўтган йўлларда» («Пути, по которым прошел Азраил») и «Черноокий Меджнун» посвящены трагическим событиям советского времени, о которых поведано ярко и впечатляюще.

Начиная с 1950-х годов Саид Ахмад продуктивно работает в жанре повести и романа. Быстро завоевывают известность такие произведения писателя, как повести «Дорогие сердцу поля», «Ҳукм» («Приговор», 1958), «Ғилдирак» («Колесо», 1990), трилогия «Уфқ» («Горизонт», 1964 – 1970) и роман «Жимжитлик» («Тишина», 1989).

«Дорогие сердцу поля» – первое крупное прозаическое произведение Саида Ахмада. В нем писатель стремился изобразить процесс освоения целинных земель, показать героев этого подвига послевоенных лет. Образы Назокат, Хашимджана, Джура-бая, Хаджимата, Раджаб-бобо вполне реальны и убедительны. Однако повести присуща черта, характеризующая в целом литературу тех лет, – преувеличение достижений, сокрытие недостатков, приукрашивание действительности.

Трилогия Саида Ахмада «Горизонт» является несомненным достижением узбекской литературы XX века. В ней прежде всего налицо осуществление идейно-художественной полифонии, присущей жанру эпической трилогии: усложненная поэтика, многогранность в изображении жизни, многоструктурная конфликтная система. Первая книга романа названа «Қирқ. беш кун» («Сорок пять дней»). Она посвящена 30-м годам XX века, героической всенародной стройке Большого Ферганского канала – этому общенародному трудовому подвигу. Во второй книге романа – «Ҳижрон кунлари» («Дни разлуки») – повествуется о трудной жизни народа во время войны, его борьбе, патриотизме, мужестве. Третья книга – «Уфқ, бўсагасида» («У горизонта») – посвящена первым послевоенным годам, основным событиям тех лет, освоению целинных земель. Широкомасштабное изображение жизни, освещение прекрасных душевных черт людей, особенно сельских жителей, отражение их великих дел и высоких мыслей состав-

ляют основу сюжета трилогии. Все коллизии, события, ситуации взаимосвязаны концепцией эволюционного изображения жизни страны почти 30-летнего исторического периода.

В его романе «Жимжитлик» («Тишина»), события которого относятся к первой половине 1980-х годов, сюжетную основу составляет история жизни одного совхоза и его директора Мирвали Рихсиева. Писатель раскрывает проблемы совхозного быта, ежедневный труд, потребности людей и на этом материале рассказывает о жизни всей республики. На первый взгляд кажется, будто жизнь в совхозе идет своим чередом, спокойно, тихо, размеренно. Но писатель изнутри показывает имеющиеся в ней противоречия, беспорядки, суматоху, граничащую с хаосом. Посему и название романа символично. Один из героев романа – Талибджан – говорит: «Сюда я приехал в поисках тишины и покоя». Ему в ответ Мирвали: «Тишину и покой человек обретает, когда умирает. В могиле». Сам же автор вплетает в сюжет романа свое заключение: «Наверное, искать тишину и покой в неспокойном XX веке – сама по себе большая глупость».

В романе «Тишина» много сложных в психологическом решении образов и среди них, прежде всего, главный герой – Мирвали. В нем сосуществуют два человека – хороший и плохой. Неслучайно писатель назвал первую часть романа «Бир танда икки одам» («В одном теле два человека»). И правда, Мирвали, с одной стороны, организатор, предприниматель, умелец, знаток своего дела, одаренный человек. Он вполне подходит на роль руководящего работника в масштабах республики, даже может возглавить какое-либо министерство. Однако в характере Мирвали преобладает самомнение, он стремится к славе, ему присущи такие черты, как подхалимство, клеветничество, рвачество, нечистоплотность, склонность к предательству и даже преступлению.

В романе Саид Ахмад ставит в центр общественного внимания серьезную проблему нравственности человека, в подчинении которого находятся люди. Через описание жизненного пути и трагической судьбы Мирвали писатель выдвигает идею: кто пренебрегает чистотой, правдивостью, справедливостью и гуманизмом, кто посмеет попирать их, в конце кон-

цов будет осужден. Драматичная судьба Хаджимурада Халматова тоже являет собой основание для утверждения этой мысли.

Саид Ахмад является также талантливым драматургом. Его комедии любимы зрителями. В 1976 г. он написал «Келинлар қўзголони» («Бунт невесток»), в 1980 г. – «Куёв» («Жених»), в 1990 – «Фармонбиби аразлади» («Фармонбиби обиделась»). Эти комедии основаны на бытующих в жизни конфликтах и насыщены веселым юмором. Писатель в свойственной ему манере изображает замечательные черты народного характера и вместе с тем зорко подмечает всевозможные изъяны в быту, с юмором разоблачает их.

Из всех комедий особой популярностью пользуется пьеса «Бунт невесток». Сюжет основан на истории одной семьи, где во главе с Фармонбиби живут семь ее сыновей и семь их жен, ее невесток. Автор взял под прицел незлого смеха мир семьи, для уклада которой характерны правдивость, чистота, порядок и дисциплина, высокая этика поведения и мораль, искренность и любовь. Но наряду с этим здесь встречаются и некоторые до смешного нелепые ситуации. Если иметь в виду, что комедия «Бунт невесток» создана в советское время и в ней участвуют 15 персонажей, то само стремление каждой семейной пары к независимости обретает очевидный общественно значимый смысл. Финал комедии абсолютно логичен и поучителен.

Образы комедии отличаются друг от друга психологическими характеристиками. Фармонбиби – яркий национальный характер, в нем воплощены материнские черты. В убедительном единстве сочетаются в этом образе самоуправство, строгость, граничащая порой с суровостью, упрямство и строптивость, но и честность, бережливость, экономность, правдивость, стойкость, любовь к детям и нежность. Автор подчеркивает свое уважение к героине, сумевшей преодолеть себя и не разрушить свою семью.

Язык персонажей пьесы «Бунт невесток» лаконичный, образный, живой. На протяжении всей комедии звучит искренний веселый смех. Этим веселым духом иронии и юмора напоено и содержание комедии «Жених». В пьесе воссоздан

образ известного селекционера-садовода Гани-ата. Поразительно тонко освещает автор драму одиночества, выстраивая ее в соответствии с требованиями жанра комедии.

Гани-ата не нуждается материально, но, будучи вдовцом, страдает от одиночества. В поисках выхода из этого положения он что-то все время предпринимает, и эти его действия вызывают веселый добродушный смех. Исконная народная мудрость, желающая семейным парам встретить старость вместе, находит здесь образное воплощение. Пьеса Саида Ахмада «Жених» имеет большое эстетико-воспитательное значение.

Заслуги Саида Ахмада достойно оценены узбекским государством. За роман-трилогию «Горизонт» он получил Республиканскую премию им. Хамзы. В 2000 г. Народному писателю Саиду Ахмаду присвоено звание Героя Узбекистана.

ЖУРАВЛИ

Здесь, за холмом, шум реки уже не был слышен. Тишину нарушал лишь одинокий журавлиный крик, исходивший почему-то не с высоты а откуда-то снизу. Ветер донес до меня запах ананасов.

Метрах в двухстах от пыльной дороги я увидел шалаш и сидящего возле него старика. Из шалаша соблазнительно пахло ананасными дынями. Мне захотелось утолить жажду ломтиком дыни, и я свернул к шалашу.

Старик сидел неподвижно, видимо, боялся спугнуть перепелок, слетевшихся к ловушкам на бахче. Он прислушивался к их щебету. Возле старика на арабском паласе примостился... журавль, поджав под крылья длинные ноги. Время от времени он поглядывал на красный диск солнца, уходивший за холмы, и выкрикивал что-то на своем птичьем языке. Каждый раз, когда журавль вскрикивал, его фиолетовый хохолок на голове колыхался и сверкал, словно шелковый, под лучами солнца. Я так был заворожен этой картиной, что чуть не споткнулся о чайник. Старик поднял голову и удивленно посмотрел на меня. Я вдруг вспомнил, что у сторожей на бахчах всегда бывают злые собаки, и замер, ожидая, что откуда-нибудь они сейчас выскочат и набросятся на меня.

Я испуганно спросил:

– Где ваша собака?

– Нет, нет у меня собаки,– ответил старик.– Пожалуйста, проходите. Не держу я собак – они могут искусать журавля.

Журавль, увидев чужого, поднялся и ушел за шалаш. Старик расстелил одеяло, пригласил меня сесть и, повернув голову в ту сторону, куда ушел журавль, проговорил успокаивающе:

– Не бойся, не бойся!– Затем обратился ко мне:– А вас какой ветер к нам занес, сынок? Вы не из начальства?

Не зная, как представиться, я растерянно помолчал, но все же ответил:

– Я гость вашего селенья, отец. Торопился к поезду, но услышал аромат дыни и завернул к шалашу, не смог пройти мимо. Теперь ваша воля: угостить меня или нет. Разумеется, я заплачу.

Старик недовольно нахмурился.

– Брать деньги с гостя на бахче – не крестьянское дело. У нас дыней угощают, а не торгуют. Принести вам, или сами выберете? Лучше сами сорвите, она вам вкуснее покажется. Пройдите в конец поля – там ананаски.

Старик, указав мне дорогу к грядкам, поднял чайник, о который я чуть не споткнулся, зачерпнул воды и занялся костром, с хрустом ломая о колено сухие ветки. Он крикнул мне вслед:

– Если хотите попробовать настоящую дыню, выбирайте ту, на которой трещинки от утренней росы, такие дыни излечивают от сорокалетних недугов.

Дойдя до конца бахчи, я замер от восторга: оттого ли, что ветер стих или воздух здесь был пропитан ароматом дынь,– запах кружил мне голову. Отовсюду слышалось легкое потрескивание, будто опытный продавец рвал ткань. Это покрывались сетью трещинок спелые, наполненные сахарным соком дыни. Около моих ног застрекотала перепелка, попавшая в ловушку.

В шалаш я вернулся с дыней в одной руке и с перепелкой в другой. У старика уже закипал чай. Взглянув на мою дыню, старик улыбнулся:

– Вот и видно горожанина, разве можно сказать, что ели дыню на бахче, если не съели ее на грядке, где она созрела.

С дружелюбной усмешкой старик вытянул из-за голенища нож и протянул мне. Затем из узелка, висевшего под самой крышей, он достал хлеб, сушеный урюк, сахар и стал готовить дастархан к чаю.

Я разрезал дыню и словно впервые в жизни дорвался до нее,сам не заметил, как съел всю. Старик протянул мне пиалу с крепким чаем. Пальцы у меня слипались. Старик рассмеялся.

–Вот какие сладкие у нас дыни,– приговаривал он, поливая воду мне на руки.– Это новый сорт, ананаски. Многие мечтают достать семена.

Солнце уже село, когда издали послышалось журавлиное курлыканье. Старик взглянул на небо и не отрывал глаз от далекого косяка журавлей, пока тот не исчез за горизонтом, растворившись в прозрачном, огненном занавесе заката. Журавль за шалашом забеспокоился и, словно собираясь взлететь, захлопал крыльями, расправляя их.

Давно уже стихли голоса улетевших птиц, а из-за шалаша все еще слышались тяжелые взмахи крыльев.

Лицо старика стало серьезным. Исчезла улыбка с губ, взгляд потускнел, и даже прибавилось морщин на лбу. Он озабоченно поднялся и принес журавля в шалаш.

–Эх, божья тварь. Соскучился по землякам? Сородичи твои полетели в жаркие страны. Ну, лети и ты с ними. Иди, иди! Ведь и ты такой же.

Журавль, шевеля фиолетовым хохолком, взволнованно и грустно глядел вдаль, вслед каравану, словно желал доброго пути своим братьям.

Я спросил:

–Откуда журавль? Давно он живет здесь?

–Ранней весной я получил телеграмму от сына Андрюши, – ответил старик.– Он сообщил, что едет в дальние края, и просил подождать, пока вернется. А я уже собрался было в Ленинград. И тут телеграмма, как гром с ясного неба. Уронил я арбуз, как говорится. После такой вести мне ничто не было мило. Очень соскучился по сыну! Ни есть, ни нить, ни спать не хотелось. Как-то раз я все-таки задремал и увидел сои: будто Фазлиддин, такой печаль-

ный, спрашивает меня, почему брат не пишет? И я скрываю от него, что Шамсуддин погиб. Затем вдруг, откуда ни возьмись, появился Шамсуддин, и, оказывается, он тоже в обиде на меня, что я не сообщил ему о гибели Фазлиддина. Тут я проснулся от множества голосов. Мне показалось, что чабаны гонят мимо дома отару овец. Взглянул во двор, а там кружатся и кричат журавли. Впервые тогда я увидел журавлей так низко. Стою, удивляюсь, слушаю их. Полчаса кружились они над моим домом с курлыканьем, таким жалобным, будто стон, а два журавля то резко спускались, чуть не ударяясь о карниз крыши, то поднимались, то опять опускались... Потом стая улетела к югу. А утром за домом я нашел этого журавля и понял, что произошло. Журавль был ранен. У него не хватило сил улететь дальше. С тех пор живет со мной. Очень привык. А теперь уже третий день мучается. Как увидит улетающих журавлей – не находит себе места.

– А летать он все еще не может?

– Может. Иногда куда-то улетает, а потом опять возвращается. Старик умолк, прислушиваясь к чему-то.

– Вы опоздали к поезду, сынок. Теперь уж не поспеете, поезд подходит,– сказал он, зажигая керосиновую лампу.

Через несколько минут послышался пронзительный гудок паровоза и сквозь частые ряды тополей замелькали освещенные окна вагонов.

– Я вам постелю, ночуйте здесь. Завтра поедете.

Он положил мне в изголовье скатанный халат и ушел проверять ловушки.

Осторожно шагая с грядки на грядку, чтобы не наступить на хрупкие стебли дынь, старик собрал перепелок в мешок. Походив за шалашом, он решил, наверное, что я уже сплю, на цыпочках вошел в шалаш и, подойдя к журавлю, безмолвно сидевшему в своем углу, что-то шепнул ему. Может быть, он поведал журавлю о своих детях. Значит, у него погибли два сына! В Ленинграде живет третий сын... Почему его зовут Андреем?

Я, протянув руку, на ощупь нашел спички и папиросы. Старик повернулся ко мне:

– Не спите?

– Что-то не спится. Старик молча подошел к лампе, погасил ее и сел подле меня, скрестив ноги. При лунном свете хорошо было видно лицо старика, обрамленное седой, словно светящейся бородой.

Было тихо. Слышалось стрекотанье кузнечиков или сверчков.

– Отец, я хочу спросить у вас... Заранее прошу прощения за любопытство.

– Пожалуйста, спрашивайте.

– Расскажите мне о ваших сыновьях и об Андрее. По-видимому, старик продрог, он потянул с пола одеяло и накинул себе на плечи. Луна вдруг скрылась, скрылось во тьме и лицо старика.

Он хотел что-то ответить, но вместо этого тяжело вздохнул. Так тяжело вздыхать может человек только при тяжкой утрате. Старик потер лоб, потрогал, бороду, тихонько хлопнул себя ладонями по коленям инаконец, сказал:

– О сынок, если бы человек не наделен был терпением, его давно задавило бы горе. Вот, видите, я еще жив, а думал, свалюсь и больше не встану. Я потерял двух сыновей. Двух! Когда началась война, моему первенцу, Шамсуддину, было двадцать два года, а младшему, Фазлиддину,– девятнадцать. Старшего не взяли в армию из-за зрения.

– А что у него, было с глазами?

– Во время тоя в честь рождения сына Умар-ходжа устроил фейерверк. Шамсуддин тогда еще не умел ходить, покойная жена уложила его спать в люльку. Надо же случиться беде! Один из зарядов угодил в люльку и там разорвался. Мальчику обожгло лицо и повредило левый глаз. Этот глаз совсем перестал видеть. Поэтому его взяли на трудфронт. А Фазлиддина призвали в армию. Я проводил его до станции Байтук. Был он в Ленинграде, писал нам. А Шамсуддин писал из Подгорья. Вы случайно не были в Подгорье?

И не дожидаясь моего ответа, старик продолжал: – Я был в Подгорье. Меня вызвали туда, когда устанавливали памятник. Там. в Подгорье, есть электростанция. Ког-

да немцы добрались до Подмосковья, эта станция стала снабжать током заводы и население столицы. Немцы не жалели ни самолетов, ни бомб, чтобы вывести станцию из строя.

Шамсуддин мой работал на выгрузке угля. Однажды, когда он шел па работу, вдруг объявили тревогу. В небе появился немецкий самолет. Одна из бомб угодила во двор детского сада, прямо в кучу песка. Рядом в доме находились дети. Шамсуддин выхватил из песка бомбу и кинулся с ней к реке. Но из-за своего зрения споткнулся, бомба взорвалась... Еще до конца войны я поехал туда, на его могилу. Детскому дому присвоили имя моего сына, а во дворе установили бронзовый бюст.

У старика дрогнул голос. Я что-то пытался говорить, чтобы успокоить его.

– Не надо, сынок, не утешайте меня. Поплачу, станет легче.

Потом он снова заговорил:

– Фазлиддину я не сообщил о смерти брата. Целый год он в каждом письме просил его адрес. А тут вдруг я получил второе черное письмо, где сообщалось, что мой меньшой утонул во время сражения. У бедняжки нет даже могилы. Вот и остался я...

В звездном небе словно взлетели качели – появилась еще одна журавлиная стая. Не отрывая взгляда от каравана, старик продолжал:

– Остался я одиноким, будто никогда не было у меня сыновей.

Не знал, куда себя деть, места, не находил, бродил, как помешанный.

Ясный день казался мне темнее ночи. Председатель наша, умница, взяла меня с собой в Андижан. В ту пору туда доставили детей из Ленинграда. Председательница будто невзначай показала мне этих ребят и уговорила взять на воспитание мальчика. Я и взял Андрюшку, измученного, слабенького. Поставил на ноги. А потом дошел до меня слух, что родственница разыскивает его. Я молчал, не мог отдать ребенка. Мальчик, когда подрос, стал часто вспоми-

нать Ленинград, отца, мать. Сердце мое обливалось кровью. Не выдержал. Сам пошел и попросил, чтобы разыскали в Ленинграде родителей Андрея Карпова. Оказалось, что и мать, и отец Андрея погибли во время блокады. Пришло сообщение, что мальчика давно ищет тетя. У него словно крылья выросли, готов был улететь туда. Собрались мы и поехали. Своими руками отдал мальчика его единственной родственнице. А сам опять осиротел... Опять тоска... Андрюша там учился, в Ленинграде, женился, родился у него сын – и назвал он сына Сабиром. Дал сыну мое имя – Сабир! Недавно гостили они у меня. Когда прощались на станции Байтук, внук так обнимал меня, целовал, говорил: «Дедушка, я приеду, буду жить у тебя!» Я им в вагон положил десяток огромных ананасок... Как вы думаете, довезли они их до Ленинграда?

– Конечно, довезли.

– Когда я отдал Андрюшу тетке, каждое утро просил у бога смерти. А теперь повидал внука и не хочу умирать, хочу дожить до его свадьбы. Жаль, годы у меня преклонные... Ох, довольно вспоминать, надо спать.

Старик умолк. Я долго не мог уснуть. Перед моим мысленным взором проходила жизнь этого человека.

Я уже начал засыпать, когда до моего слуха донеслись журавлиные крики. Будто где-то рядом хлопали крылья. Старик вскочил с постели, я тоже приподнял голову.

– Улетел!– с обидой и горечью выговорил старик.

Журавль, хохолком которого я любовался всего лишь несколько часов назад, летел к югу, вслед за стаей. Косяк, сделав полукруг, полетел обратно, к нему навстречу. Строй нарушился. Журавлиная перекличка походила на веселый разноголосый женский говор на свадьбе.

Наладив строй, журавли плавно покружились над нашим шалашом и ушли на юг к предрассветному небосклону. Старик ласково и грустно проговорил: – Ушел!

Каждую весну, когда я вижу журавлиный караван и любуюсь их полетом в бирюзовом небе, вспоминается мне одинокий старик на краю колхозной бахчи.

Едва услышу вдали журавлиное курлыканье, мне кажется, что воздух напоен ароматом ананасных дынь.

Как бы я хотел снова увидеть спускающегося к шалашу журавля с покачивающимся нежно-фиолетовым хохолком на голове!

Перевод Р. Бородиной.

ЭРКИН ВАХИДОВ

(родился в 1936 г.)

Эркин Вахидов (1936) – узбекский поэт и общественный деятель. Один из ярких деятелей современной узбекской литературы. Поэта по праву можно назвать продолжателем традиций классического жанра газели. Любовь к Родине, ее бескрайним просторам, вера в светлое будущее родного края была и остаётся самой значительной в творчестве Эркина Вахидова. Родился в 1936 году 28 декабря в Алтыарыкском тумане в семье учителя. Учился в Ташкентском государственном университете (ныне – Национальный университет Узбекистана) на филологическом факультете (1955 – 1960). После окончания учебы работал в разных издательствах и редакциях газет и журналов. Он был первым главным редактором журнала «Ёшлик» (1982). В 1983 году за сборник «Восточный берег» получил Государственную премию имени Хамзы. В 1999 году удостоен звания Героя Узбекистана.

Эркин Вахидов – поэт с ярко выраженной гражданской позицией. Его стихи наполнены тревогой за судьбу будущих поколений, автор стремится постичь глубинные духовные и нравственные процессы современной жизни. Таковы стихотворение «Башня» – о необходимости сохранять память прошлого; «Ночь в Самарканде» – о нерасторжимой связи времён; «Восточная легенда» – о смысле человеческой жизни;

«Сердце поэта», «Абай», «Потерянное стихотворение» – о гражданском предназначении поэта.

В стихотворении «Свободный край – Узбекистан» поэт воспевает самое драгоценное завоевание народа – свободу и независимость Родины. Эркин Вахидов обращается к историческому прошлому родной земли, когда «топтали орды хищно, зло, и на земле заметны раны». Поэт гордится тем, что извечное стремление к свободе и процветанию отчизны, выраженное в эпосах «Алпамыш», Тор-о лы» осуществляется в наше время, и он является непосредственным участником событий. Органично и точно сравнение родины с легендарным богатырским крылатым конем – символом мощи, силы и свободы. Бережно храня традиции, автор передает и свое самобытное восприятие любви. В стихотворении «Родник» перед читателем предстает девушка, сидящая у родника. Отталкиваясь от реального эпизода, поэт создает лирическую историю любви, вернее любви. Любовь лирического героя стихотворения подобна чистому роднику, исходящему из глубин земли. Героиня стихотворения одновременно и возвышенна, и проста в ожидании светлого чувства.

Особое место в творчестве Э. Вахидова занимает сатира. В циклах сатирических стихотворений «Анекдоты Дониш-кишлака» о Матмусе поэт высмеивает подхалимство, предательство, жадность, стяжательство. Стихотворения интересны разнообразием жизненных наблюдений, глубиной их осмысления, своеобразием выразительных средств. В басне «Страус» Э. Вахидов обыгрывает название птицы по-узбекски, состоящее из двух слов – верблюд и птица. Так рождается небольшое по объему, но очень меткое стихотворение о ничего не значащих людях, приспособленцах и трусах.

Эркин Вахидов – тонкий лирический поэт, и написанные им дастаны также отмечены вдохновенным лиризмом. Дастаны «Буюк ҳаёт тонги» («Рассвет великой жизни», 1960), «Орзу чашмаси» («Родник мечты», 1964), «Нидо» («Призыв»), «Куёш маскани» («Обитель солнца», 1970), «Бахмал» (1974), «Руҳлар исёни» («Восстание духов», 1979) и

по тематике, и по художественному исполнению – сильные, яркие произведения. Их содержание отличается глубиной и реалистичностью изображения жизни.

Первое произведение Э. Вахидова-драматурга – трагикомедия «Иккинчи тумор («Второй талисман» – было создано в 1960-е годы, а широко известная пьеса «Олтин девор» («Золотая стена») – в 1970 г. Эта комедия с успехом была поставлена на сцене драматического театра им. Хамзы в Ташкенте и много лет занимала прочное место в его репертуаре. Драма в стихах «Стамбульская трагедия» (1985) поднимает проблемы нравственной борьбы между чувствами человека и общественной моралью. Сюжет построен на жизненном конфликте. В драме три героя: джалал, его жена Саодат и его брат Искандар. Эти три образа, со своими характерами, мыслями, поступками, и являются носителями и проводниками идеи драмы. Драматург изображая горькую участь Искандара, с потрясающей силой показывает, насколько родная земля священна для человека – и это чувство ни с чем не сравнимо. Так тесно переплетает поэт личностную трагедию и идею любви к Отечеству, идею патриотизма.

Наряду с поэзией, Э.Вахидов много и плодотворно занимается переводческой деятельностью. Особенно высоко оценила критика его переводы «Персидских мотивов» С.Есенина и «Фауста» И.Гете.

Страус

Он говорил:
– Люблю покой и труд. –
Он говорил:
– Да полно суетиться! –
Верблюдам говорил, что он верблюд,
А птицам – настороженно! – что птица.

Он прожил жизнь – и он не прожил дня!
Плыл по теченью, ничего не знача.
Жил – страусом,
Как вся его родня:
Лицом в песок, глаза от жизни пряча.

Свободный край – Узбекистан

Еще картины прошлых лет
Встают сквозь горные туманы:
Запекшиеся средь камней –
От крови пролитой – тюльпаны.
Топтали орды хищно, зло,
И на земле заметны раны…
Но время новое прошло.
И ветры вольные над нами.
Узбекистан – свободный край,
Живи и расцветай садами!
Так воплотилась в явь мечта
И мрачные упали своды.
Освобожденья грянул час,
Мы – отроки твоей свободы,
Ее защитники, творцы
Сегодня и в любые годы.
Дух чистой веры не угас,
В сердцах горит надежды пламя.
Узбекистан – свободный край,
Живи и расцветай садами!

Ты, солнцем залитый простор,
Планеты всей раскрой объятья,
И предков мудрость возроди,
Другие высшие понятья,
Орлиной мощи достигай
Назло всем бедам и напастям,
Достойный мировых высот –
Как легендарный конь с крылами, –
Узбекистан – свободный край,
Живи и расцветай садами!

Родник

Играя россыпью волос,
Сидит она у родника.
В ней отражается родник,
Как в нем – заря и облака.

Он, как из сердца доброта,
Затем исходит из земли,
Чтоб петь о ней,
Пока над ним -
Ее прозрачная рука.

Две струйки слов,
Две струйки слез,
В одной – неверие и страх,
И ожидание любви –
В слезах другого ручейка.
То, забывая о себе,
Он только светится без слов,
То льется, будто бы во сне
Невнятный лепет языка.
Не заслоняй свое лицо
Горячим трепетом волос:
Пусть налюбуется родник,
Пока молчишь,
Сидишь пока.

Из сборника

Не подыскав стихам своим названья,
Я над стихами ставлю иногда
Звезду. В ночи, средь сонного молчанья,
И в шуме дня средь яркого сиянья,
Как верный страж стиха, – гори, звезда.
Гори в минуты радости глубокой,
Гори в часы печали одинокой,
И в зной гори. И в холод. И тогда,
Когда моя закатится звезда.

(Перевод Ю. Казанцева)

АБДУЛЛА АРИПОВ

(родился в 1941 г.)

Абдулла Арипов говорил следующее: «Поэзия входит в людские сердца, прежде всего для утоления духовной жажды, безграничной потребности, как удивительное волшебство. Поэтому я именую поэзию ребенком духовной потребности».

В нашей стране не найдется человека, кто бы не знал или не слышал о поэзии А. Арипова – Героя Узбекистана, народного поэта. Его сборник начинается со стихотворения «Первая любовь». Его стихи стали «крылатыми» и для влюбленных, и для музыкальных исполнителей. Лирические стихи, вошедшие в книгу, написаны талантливым поэтом в разные годы.

Узбекский поэт и общественный деятель Абдулла Арипов родился в 1941 году в селении Некуз Касанского района Кашкадарьинской области. В 1958–1968 годах был студентом отделения журналистики филологического факультета Ташкентского госуниверситета (ныне – Национальный университет Узбекистана). С 1963 по 1974 год работал в разных издательствах и учреждениях, в редакциях журналов «Шарқ Юлдузи» и «Гульхан (1974 – 1980), в Союзе писателей Узбекистана. Абдулла Арипов – лауреат Государственных премий республики имени Навои и имени Хамзы, в 1998 году А. Арипов удостоен звания Герой Узбекистана.

Абдулла Арипов быстро достиг высот поэтического мастерства. Он много писал, и с каждым годом рос его вклад в узбекскую национальную поэзию. Его стихотворения всегда своевременны, они волнуют и ум, и сердце. В 1965 году издан его первый сборник стихов «Митти юлдуз» («Маленькая звездочка»). После этого изданы поэтические сборники «Кўзларим йўлингда» (1966), «Милая мама» (1969), «Родник», «Руҳим» («Мой дух») (1971), «Узбекистан» (1972), «Удивление» (1974), «Ветер родины» (1976), «Лицом к лицу» (1979)

«Мечта прожитых лет» (1984), «Мосты доверия» (1989), «Язык птиц» (1991), «Муножот» (1992), «Тетрадь паломника» (1992), «Голоса хадисов» (1993), «Сайланма» (1996), «Сочинения» (В 4-х томах) (2001), которые определили эволюционную линию развития художественной системы поэта.

Поэзия А.Арипова глубока, широк мир ее тем, образов, сюжетов. Особое значение имеет созданный поэтом образ Родины. Каждый сборник А. Арипова, начиная с первого, и даже отдельные поэтические подборки вызывали много убедительных хвалебных рецензий. В статьях обзорного характера лишь два-три автора пытались оспорить достоинства молодого поэта. Так было в начале, в начале шестидесятых. Позднее и особенно сегодня в сознании критики Народный поэт Узбекистана Абдулла Арипов занял достойное место в ряду крупнейших узбекских мастеров. Но подлинное понимание качества этого мастерства критики, на наш взгляд, еще не сформировалось, оно еще впереди. И это несмотря на то, что признание таланта Абдуллы Арипова было и со стороны маститых собратьев по «литературному цеху». В своем творчестве Абдулла Арипов довольно часто использует «простые», «обычные», «бедные» слова, которые раскрывают свои многокрасочные оттенки на фоне возвышенной и редкой лексики. От этого поэзия становится более глубокой, чувственной и близкой читателю. В первых же стихах этого поэта поражают его фантазия, фантастика образов, необычайная метафоричность. Например:

Не устаю порою повторять
В пословицах народный ум. Он гибок,
Их слушать – значит, мудрость постигать,
Им следовать – не совершать ошибок.
Да гибок он…
Вот с пеною у рта
Галдит мужик о верности собачьей…
Когда твоя собака – может так,
А ежели, чужая - то иначе!

Вместе с тем творчество А. Арипова является феноменальным и подготовлено целым поколением литераторов предшествующего периода. Его творчество не замкнулось

в рамках какого-то одного направления литературного процесса – оно представляет собой своеобразный тип мировоззрения, который зависит не от собственно литературных факторов, а от причин гораздо более широкого масштаба. Расцвет творчества Арипова наступил тогда, когда художник стал ориентироваться на развитие традиции национального классического стиха, на разработку основ конкретно-реалистического стиля. Обращение к традициям классики, далекой и близкой, благотворно сказалось в целом на творчестве узбекского поэта.

Особенно ярко проявляется это в тех стихах, где он трогательно и, вместе с тем, просто пишет о Родине Так, стихотворение «Узбекистан» является одним из лучших произведений поэта. В нем есть строка, проходящая рефреном через все его творчество: «Узбекистан мой. Родина моя». При этом чувство Родины у поэта развито чрезвычайно ярко и размашисто.

Мой край родной, я о тебе пою,
Ты для меня – навеки несравненный!
Поэты славят Родину свою,
И голос их звучит во всей вселенной.
Летят их песни в дальние края
На серебристых крыльях неустанно,
А мой прекрасный край – земля моя
Она, как быль неспетого дастана!
Но немощно перо мое, друзья,
Узбекистан мой, Родина моя!

(Перевод С.Иванова)

Но, размышляя о «прекрасном крае», Абдулла Арипов смело переступает границы малой родины, где родился, живет. Родиной для него является весь земной шар, совсем небольшой, но взваливший на свои плечи и добро, и зло, и любовь, и ненависть, и с нелегким грузом устремленный к свету счастья.

Все стихотворение Абдуллы Арипова пронизано жизнеутверждающим оптимизмом. Причем поэт умеет видеть и чувствовать жизнь во всем её многообразии и неоднозначности. Он понимает всю сложность жизни, ее противоречия,

и оттого поэзия его живет, постоянно обновляется, как сама природа. Неизменной остается лишь его любовь к Родине.

Бывает в жизни радость и беда,
О них я тоже в полный голос пел.
Но лишь с тобою сердцем был всегда,
И лишь тебе соврать я не посмел.
Тебя обнять хотел я, но не смог,
Ты, словно небо, как былинка я…
Моя святыня, мой родной чертог,
Отчизна-мать, ты – Родина моя!

Вряд ли возможен подлинно большой поэт без чувства истории. Исторично и творчество А. Арипова. В чем же своеобразие его историзма?

Он всегда избегал прямых, поверхностных параллелей между прошлым и настоящим, между различными эпохами. Поэт уважает исторический опыт народа, относится к нему трепетно и бережно. Историзм Абдуллы Арипова избирателен, конкретен, органичен. Он активно использует великие имена не только той эпохи, но и современности:

Гнев Чингисхана кровью и огнем
Тебя сметал с земли бесчеловечно,
Но ты промчался сказочным конем
И все преграды одолел навечно!
Тебя, мой конь летящий, славлю я.
Узбекистан мой, Родина моя!

Поэт часто использует в своем творчестве фольклорные мотивы, образы, которые трактуются им не в привычном традиционном понимании, а несколько своеобразно и даже парадоксально. Вот как, например, обыгрывает А. Арипов известную узбекскую пословицу:

Собака лает – караван идет,
Об этом знает издавна народ!
Но ты завидной долей не считай
Всю жизнь идти – и слышать злобный лай.

По таким стихам А. Арипова физически ощутима неутоленная жажда порыва к народной духовности. Ощутима она во всем: в ритмике, в слове, способах осмысления, в стремлении писать «не о себе».

Дастаны Абдуллы Арипова: «Дорога в рай»(1978), «Ранжком»(1988), «Авиценна и смерть» (1997), «Великий Темур» («Соҳибқирон») – яркая страница в развитии узбекской лиро-эпики и являются образцом языкового и стилистического мастерства..

Драма в стихах «Сохибкирон» посвящена образу великого Темура, его деяниям и заслугам. Образ Амира Темура, его роль в истории освещены в реалистических традициях, но совершенно в новом ракурсе. В драме не превалируют описания битв, военных походов, сражений; в центре – личная жизнь героя, размышления о нем, о его идеях, проявлении его чувств – и в гневе, и в редкие минуты покоя. Темур предстает в драме как сын своей эпохи и своего народа. Он умный и виртуозный полководец, справедливый и мудрый правитель, ценящий религиозные и светские законы и права, которые он последовательно внедрял в жизнь. Как человек с безупречным вкусом, он понимал и ценил литературу и искусство. Однако А.Арипов не идеализирует своего героя. Автор показал противоречия в его мировоззрении, и трагические ситуации в его судьбе, и допущенные им просчеты. В финале драмы Амир Темур, вспоминая свои былые грехи и ошибки, с горечью подводит итог своей жизни. Лейтмотивом драмы звучат слова великого мыслителя Ахмада Яссави:

Как ни прекрасна цель, к какой стремишься,
Достичь ее мечом навряд ли можно.

Поэт категорически против кровопролития. Четко высвечивается уверенность в том, что сложные проблемы можно и должно разрешить всеобщим согласием, мирным путем.

Драма «Сохибкирон» глубока по своей идейной насыщенности, в трактовке образов,специфике построения сюжетной и композиционной линии, раскрытии драматических конфликтов. Структура конфликта произведения основана на столкновении и борьбе добра со злом, справедливости с несправедливостью, совести и бесчестием, верности с предательством.

А. Арипов – талантливый переводчик, перевел на узбекский язык «Божественную комедию» Данте, стихи Н.А. Некрасова, К. Кулиева и других поэтов.

САЙРАБСКАЯ ЧИНАРА

В благодатной тени, под чинарою древней
Собирал я круг близких, любимых друзей.
Здесь за чашей вина с пожеланьем везенья
Тост за тостом звучат голоса веселей.
Вот один, обративши свой взгляд на чинару,
Пожелал нам, чтоб каждый прожил её век.
И, воздав по заслугам оратору славу,
Веселились мы здесь, пока день не померк.
Может случай такой, неприметный и скромный,
Не пристало поэту в стихах воспевать.
Но, дав волю душе, в этом месте укромном,
В тихий час я хочу о былом помечтать…
И пригрезилось мне: целый мир покоривший,
Македонский в тоске под чинарой грустил.
А Великий Темур, гнев на милость сменивший,
Здесь рабу своему прегрешенье простил.
Свой приют от невзгод и коварства людского
Находил под чинарой скиталец-поэт.
О, Машраб, ты искал себе счастья простого.
О, Машраб, ты познал много горя и бед.
Здесь беглец и гонитель в молитвах просили:
«Дай спастись мне, о Боже!» – «Дай, Боже, догнать!»
А столетний старик, от тоски обессилев,
Чтоб еще век прожить рад чинарой сам стать.
Тленно все в этом мире и хрупком, и бренном -
Даже горы великие время крушит.
Хоть в почете Добро, почему непременно
Зло за ним по пятам неотвязно спешит?!
И когда Добродетель от муки чуть стонет,
Зло стократ возопит, словно было больней.
Как ни странно, но слух свой сочувственно склонит
Небосвод ко второму гораздо скорей.
Много в мире еще остается вопросов.
Много тех, кто пытался ответы найти
Тайна мира – чинара – хранитель заветов
Вечной мудрости знак на житейском пути.
Вновь по кругу мы пустим заздравную чашу.

Веселятся друзья – плавно речи текут.
А чинара? Молчит, внемлет пениям нашим,
Слышит грезы людей, … а века все идут.

БЛАГОДЕЯНЬЕ

Кого ни повидал наш старый свет?!
Ученым и святым в нем счета нет!
И кто б их ни спросил – В чем ваша цель?
– Благодеянье! – он в ответ имел.
Наш старый мир за столько долгих лет
Различных храбрецов являл на свет,
И если б их спросить – В чем ваша цель?
– Благодеянье! – отзыв был бы смел.
В полях истории, на скакунах войны
Сшибались – с грудью грудь – вожди страны
Когда бы их спросить – В чем ваша цель?
– Благодеянье! – отклик прогремел.

***

Доброта к доброте подходит,
То же с совестью происходит.
Нет хозяев на этой земле:
Гости сами, лишь в гости приходим.

***

«Одиночество добьет», – ты говоришь,
«Где бы голову склонить, узнать бы лишь…»
У тебя есть друг один? – Молчи тогда!
Солнце тоже в небесах одно всегда.

ВЕСТИ

Ежедневно различные вести слышим:
Наводнение где-то, а где-то торнадо.
Весь мир – это вести, и мы ими дышим,
Они каждый миг с нами: надо – не надо.

Ветер шалый приносит добрую весть,
Голубь в небе расскажет о чистоте.

А телефонам не надо ни спать, ни есть –
Они сортируют вести на своей «частоте».
Приходят вести с континентов дальних,
В них голос боли, гнев в них и печаль.
Из космоса глубин, из бездн астральных
Летят они к земле – здесь их причал.
И медленно дни протекают за днями,
На сердце тревожно – вестям нет конца.
Хоть мы и живем в одном городе с вами –
Не слышу я вас и не вижу лица.

ОСЕНЬ В УЗБЕКИСТАНЕ

Пойдем в поля осенние Отчизны!
Пойдем туда, где чистая заря,
Где тишина, и от избытка жизни
Устало дышит милая земля.

Пойдем со мной туда, где ждет роса
Босые ноги смуглого подростка,
А в полдень свищет белая лоза
И мед стекает в чашечку из воска.

Пойдем туда, где сад и листопад,
И легкий звон, и слабое мерцанье,
И труженицы просветленный взгляд,
И труженика доброе молчанье.

Вот горы те и тот счастливый край,
Который снился Навои седому,
Когда печальный крик вороньих стай
Перелетал от дома к дому.

Их было двое – осень и поэт.
Здесь говорил с ним карагач скрипучий,
А по лицу его клубились тучи
И пробегал прозрений вечный свет.

Смотри, как быстро вертится земля!

Как медленно добро на ней творится…
Пойдем туда, где тихая заря
И солнце в горы хлебные садится.

(Перевод с узбекского И. Шкляревского.)

МАТЬ

Сорвется в небе ночном звезда –
К кому-то день не придет уже.
И отзовется чужая беда
Легкой печалью у нас в душе.

Порой мне случается в поздний час
О матери моей вспоминать,
И кажется: небо должно упасть,
Когда умирает мать.

(Перевод с узбекского В. Муратханова.)

ГОРА АРОФАТ

У подножья священной горы Арофат,
Где сходились земные и звездные дали,
В одеяниях белых свершая обряд,
Книгу жизни несметные толпы листали.
Судный День – что такое? Меня ты спросил.
Я увидел его на пути к Арофату,
И слезою горячей песок оросил,
Сердцем чувствуя истины свет незакатный.
Отрешившись от всякой мирской суеты,
Перед Богом паломники все представали,
И шептали молитвы здесь до темноты,
Очищались и души свои исцеляли.
Шли калеки, и старцы ступали едва,
Вездесущего славя, моля о спасенье.
Дней и прожитых лет осыпалась листва,
Жизнь моя – ты в одно уместилась мгновенье.
И тогда же грядущего Судного Дня
Мне по воле Аллаха картина явилась:
Словно море кипело живого огня ...
Я прошел испытанье – и в том – Его Милость!

ЛЮДИ

И сходятся, и расстаются люди,
А встретятся ли вновь, кто даст зарок?
Пусть запоздавший путник гостем будет,
Смеркается уже, а путь далек.

Гость остается: подождет дорога.
Дает хозяин пить ему и есть.
Не всякий раз еды бывает много,
Но каждый раз все то, что в доме есть.

Хозяин гостю изливает душу,
И гостю тоже есть что рассказать.
Не надоест им говорить и слушать,
И замолкать, и начинать опять.

Речь сладкая течет и чай не жидкий,
Но снова ночь, и надо отдохнуть.
А утром сложит гость свои пожитки
И вновь отправится в свой дальний путь.

И друг у друга, чтя обычай свято,
Имен они не спросят, встав чуть свет.
Вновь суждено ль им встретиться когда-то?
Кто знает: может, да, а может, нет.

(Перевод с узбекского Н. Гребнева)

УТКИР ХАШИМОВ

(1941 – 2013)

Узбекский писатель и общественный деятель. Обладатель звания «Народный писатель Узбекистана», премии имени Айбека, Государственной премии. Первая книга – повесть «Степной простор» была издана в 1963 году. Она была высоко оценена Абдуллой Каххаром. Родился

4 августа 1941 года в махалле Думбирабад города Ташкента. Закончил отделение журналистики факультета филологии Ташкентского государственного университета (ныне – НУУз). Работал в различных издательствах и редакциях газет и журналов. Долгое время был главным редактором журнала «Шарқ Юлдузи» («Звезда Востока»). Был председателем комитета Олий Мажлиса Республики Узбекистан.

Творческий путь Уткира Хашимова начался с написания стихов и очерков. Первый его сборник был издан в 1962 году. Известны такие его сборники, как «Дела земные», «День мотылька», романы «Свет без тени», «Войти и выйти».

После этого были опубликованы: «Последняя жертва войны», «Сноха», «Любовь», «Один день дехканина», «Қуёш тарозиси», «Белые, пребелые облака» и другие рассказы и следующие повести: «Ветер веет» (1968), «День мотылька» (1970), «Прислушайся к своему сердцу» (1973), «Дела земные» (1982), «Дважды два – пять», «Квазары»; романы: « Нет света без тени» (1976), «Войти и выйти» (1985), «Жизнь, прожитая во сне» (1993). Пьесы Уткира Хашимова: «Поздравляем со свадьбой», «Рука руку моет», «Человеческая преданность», «Репрессия».

В 1991 году ему было присуждено звание «Народный писатель Узбекистана», за повесть «Дела земные» присуждена премия имени Айбека (1982), за роман «Войти и выйти» – Государственная премия (1986).

Нужно отметить, что большинство современных узбекских писателей, раскрывая различные грани психологии своих героев, показывают сложность, неоднозначность их внутренней сути, где нравственность борется с бездуховностью, проходя испытание на прочность таких «вечных» истин, как Добро, Любовь, Совесть. Исследованием нравственного закона Добра занимается и Уткир Хашимов в рассказе «Дорожное происшествие».

Это рассказ о трагедии личностной, глубокой, внутренней трагедии матери и сына. Прожив очень трудную жизнь, испытав голод и холод, тетушка Фазилат вырастила единственного сына хорошим и умным человеком и видела в нем

отраду и надежду своей старости. Но, как говорит сама героиня, «у каждого своя судьба ... что только ни делает она с человеком. Играет им как хочет...» Хуршид встретил свою судьбу в облике обеспеченной девушки Назиры, родители которой устроили им материально богатую жизнь. Назира руководствуется в жизни иными принципами, нежели теми, которые были приняты в бедной, но честной семье Хуршида.

Тетушка Фазилат чувствует, что невестке нежелательно ее присутствие, и чтобы не создавать сыну проблем, она, не задерживаясь в гостях, возвращается домой. Хуршид – человек тонкий, психологически проницательный, чувствует боль матери и ему тоже горько оттого, что не смог он сделать радостной ее старость: «Хуршид сидел хмурый, он все не мог забыть, как мать прижимала к себе узелок, торопясь поскорее уйти, словно стеснялась, боялась причинить сыну неудобства... На душе было скверно...»

«Аристократические» проблемы нарушили внутреннее духовное единство матери и сына и принесли несчастье им, но они не сделали счастливой и Назиру. Не случайно у нее нет детей – метафорически автор подчеркивает мысль о невозможности продолжения семьи, основанной на непонимании, на идеалах внешней красивости и внутренней бездуховности. Исчезла и любовь между Хуршидом и Назирой, – вытеснена в погоне за вещами, деньгами, машинами, званиями.

Случайная авария на дороге оказалась той лакмусовой бумажкой, которая выявила всю трагедию жизни: «Дверцы «Москвича» прогнулись внутрь, боковое стекло было разбито вдребезги. Странно... Хуршид не испытывал сожаления. Он смотрел на машину и думал о том, что вся его жизнь покорежена точно так же, как вот эта машина».

Случайное дорожное происшествие оказалось аварией на дороге жизни – судьба столкнула Хуршида с семьей, которая жила по законам совести, добра и любви. Эта встреча разрушила его иллюзии, но она восстановила истинные нравственные понятия в душе Хуршида. Он, наконец, понял истинную цену простого счастья, взаимопонимания и ува-

жения между людьми, которые невозможно измерить деньгами.

Основным психологическим средством раскрытия внутреннего содержания мира героя в рассказе «Дорожное происшествие» становятся мысли героев – размышления в форме внутреннего монолога над настоящим чередуются с воспоминаниями о прошлом. Прошлое, более прекрасное, хотя и очень трудное, было наполнено истинным смыслом, а настоящее проживается в погоне за «ложным» счастьем. И от осознания этого – боль матери и тоска ее сына.

Повесть «Дела земные» можно назвать поэтическим дастаном, посвященном узбекским матерям. В этом произведении нравственный выбор героя определяется двумя планами – национально-родовыми традициями, ментальностью и личностной картиной мира. Первый план подчеркнуто обозначен образом Матери, вбирающим в себя национально-народное сознание, второй – личностным «Я» героя, ведущего повествование в исповедальном стиле. Довольно оригинальной представляется в данном призведении и концепция пострения жанра повести. По сути – это особое повествовательное циклообразование, в котором доминантным моментом становится система межновеллистических связей. Повесть состоит из тридцати «больших и маленьких новелл», каждая из которых обладает сюжетной завершенностью, самостоятельной композицией. И вместе с тем все они логически связаны друг с другом, каждая последующая дополняет другую. Образ Матери, созданный Уткиром Хашимовым необычен степенью материнской любви, воплощающей не просто материнскую любовь к детям – это символ Высшего Абсолюта Любви, символически воплощающий всех матерей мира. Мать дарит свою любовь, тепло сердца не только своим детям, но и всем детям, нуждающимся в любви, независимо от национальности и пола. В этом качестве она индивидуальна и неповторима. Автор смог художественно доказать возможность обладания всеми положительными качествами одним человеком. Это Мать – и этим все сказано. Образ Матери в повести задан изначально как некое спасение в хаосе земного бытия и быта, но цельно он складывается от новеллы

к новелле, от воспоминания к воспоминанию – герой как бы заново воссоздает внутренний мир матери и через это открывает для себя истинную суть ее духовности. Произведение стало символом непрерывности жизни, преемственности рода человеческого, продолжающего свою нравственность в вечном союзе «мать и ее дитя» – союзе, преодолевающем забвение и смерть.

Достойна внимания и деятельность Уткура Хашимова в области романистики. Он внес несомненный вклад в развитие этого жанра, написав в 1979 году роман «Нур борки, соя бор» («Свет не без тени»), в 1986 – «Икки эшик ораси» («Меж двух дверей»), в 1992 году –«Тушда кечган умрлар» («Жизни, прожитые во сне»). В этих произведениях Уткур Хашимов, вопреки методу соцреализма, изобразил жизнь без идеализации. Его романы истинно реалистичны, жизнь в них представлена во всей сложности, совокупности противоречий. На совершенно новом жанровом уровне писатель продолжает в них развитие своих концептуальных тем, затронутых и обозначенных в новеллистике и повестях.

Талант Уткура Хашимова проявился и в драматургии. Его перу принадлежат сценические произведения, созданные в разных формах: «Хазон бўлган баҳор» («Увядшая весна»), «Инсон садоқати» («Преданность человека»), «Тўйлар муборак» («Поздравление со свадьбой»), «Виждон дориси» («Лекарство для совести»), «Қатағон» («Репрессия»).

Уткур Хашимов перевел на узбекский язык произведения Э. Хемингуэя, В. Шукшина, К. Симонова, А. Куприна и. других писателей. Многогранность таланта позволило У.Хашимову внести яркий и значительный вклад в развитие современной узбекской литературы

Народный писатель Узбекистана и общественный деятель скончался 24 мая 2013 года.

ДОРОЖНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

– Мать уезжать собралась...

Хуршид поднял голову от стола, заваленного чертежами, и рассеянно посмотрел на жену. На пороге стояла Назира, вытирая пухлые руки о фартук, надетый поверх атласного платья.

– Куда это она на ночь глядя?..

– Я ей уже говорила – Назира раздраженно повела плечами,– но разве ее переубедишь?

Хуршид взглянул на часы, которые красовались на книжном шкафу, занимавшем всю стену.

– Уже шесть. Полчаса осталось. Отвезти ее разве на машине? – он вопросительно взглянул на жену.

Назира снова пожала плечами: как угодно.

Уже давно Хуршид научился понимать смысл этих слов. Впрочем, это было не так уж трудно: эти два слова всегда означали: нет. Не раз с этого неопределенного и безличного «как угодно» начинались семейные ссоры.

– Как бы шеф не обиделся, ведь ты ему давно обещал, – так же равнодушно бросила Назира.

«Ясно, обидится»,– подумал Хуршид, нерешительно поднимаясь из-за стола. Он пересек комнату, увешанную яркими, как огонь, коврами, и вышел в коридор.

Тетушка Фазилат уже успела натянуть на ноги ичиги с калошами и, маленькая, сухонькая, сидела в кресле, прижимая к груди узелок с пожитками.

Материнский глаз безошибочно и сразу подмечает любую перемену в облике своего дитяти, но редко, когда ребенок, даже став взрослым, улавливает на материнском лице приметы времени. Только сегодня Хуршид словно впервые по-настоящему увидел свою мать, и ему показалось, будто стала она еще меньше, как-то вся ссохлась. Она повязалась рябеньким шерстяным платочком, прикрывавшим подбородок, и еще резче поэтому проступила на лбу и под припухшими глазами сетка морщинок.

– Приезжаете раз в год,– обиженно начал Хуршид,– и тут же обратно. Разве это не ваш дом?

Старуха еще крепче прижала к себе узелок и поднялась с кресла.

– Ты же знаешь, сынок, что Мавлюда одна.

– Мавлюда не девочка. Оставайтесь,– Хуршид просительно поднял на мать глаза, но тут же подумал: «Все равно не останется».

– Будь счастлив, сынок, мне нужно ехать.

– Ну тогда я вас отвезу...– еще не договорив этих слов, он с раздражением почувствовал на себе пристальный взгляд жены.

– Не надо, сынок, у тебя и так дел много,– сказала мать и понимающе улыбнулась.– Не такой уж дальний край наш Чиназ. Не в первый раз еду. Путь знакомый.

На автостанции было людно. В дальнем углу застекленного зала ожидания сладко дремал какой-то старик, прислонившись к своему мешку.

Женщина средних лет кормила грудью малыша. У самой кассы весело щебетала стайка молоденьких девушек.

Время от времени диктор внятно объявлял об отправлении или прибытии очередного автобуса. До отправления чиназского оставалось еще порядочно времени.

Тетушка Фазилат вышла на улицу. Короток зимний день. Уже начинало смеркаться. Над входом в автостанцию зажглась лампочка.

На ветках акаций все еще поблескивал выпавший накануне снег. На проезжей части дороги он уже успел растаять, но все еще белел у обочины и по берегам арыков.

Мальчик лет пяти пытался разбить каблуком лед. Женщина, сидевшая у лестницы на опрокинутом ведре, закричала:

– Порвешь ботинки, чтоб ты сдох!

– Не надо ругать ребенка, милая,– сказала тетушка Фазилат, и голос ее дрогнул.

– Э, пусть они сгинут, всю жизнь на них положила. Да еще отец пьет без просыпа.

«Господь бог,– подумала тетушка Фазилат, направляясь к подошедшему автобусу,– не дает детей тому, кто хочет их иметь». Она думала о сыне, у которого не было ребят.

Знала тетушка Фазилат и о ссорах сына с женой. И еще по одной причине она редко наезжала в город. Тетушка Фазилат чувствовала себя в квартире сына словно бы в ювелирной лавке – страшно повернуться, а то по неловкости чего доброго еще заденешь или разобьешь что-нибудь.

Автобус выехал на бетонированную дорогу и увеличил скорость. Фазилат устроилась на переднем сиденье и смо-

трела в окно. Небо прояснилось, бледный, словно замерз-ший месяц мчался вслед за автобусом. На полях лежал снег, и редкие деревья, казалось, были в цвету. Долина дремала под белесым лунным светом, будто видела сказочные сны. Тишина.

Много раз Фазилат проезжала здесь... «У каждого своя судьба,– думала старушка,– что только ни делает она с человеком. Играет им как хочет. А человек всё переносит».

Когда муж ушел на войну, Хуршид был грудным младенцем. Что поделаешь, небо высоко, земля тверда, как говорят люди. Она работала в колхозе, но прокормиться с сыном не могла. Хорошо соседка научила: «Вези молоко в город, все-таки какие ни есть деньги».

Председатель был человек сердобольный. Разрешил позже выходить на работу.

С рассветом Фазилат садилась в поезд с бидоном молока или катыка. Продавала его на шумной ташкентской улице. Потом снова бежала на поезд, а если не успевала, то возвращалась на попутной арбе; дома сразу же хватала кетмень и торопилась в поле.

Хуршид рос спокойным ребенком. Не капризным. Лежал себе под одеяльцем и молчал. Со временем Фазилат приобрела постоянных покупателей. Она уже не бегала по улицам, а разносила молоко прямо по домам. По сей день не может забыть Фазилат, как однажды заболел ее мальчик. Видно, промерз. Всю ночь она просидела у его постели и лишь к рассвету задремала. Когда она прибежала на станцию, поезд уже ушел. Что делать? Не ездить? Страшно, а вдруг покупатели откажутся от ее услуг. Полдороги она ехала на арбе, остальную часть пути прошла пешком, почти разутая, по снегу. И лишь к обеду принесла молоко в город. Ноги сводило судорогой, в калоши набился снег.

С тех самых пор и мучает ее ревматизм, а тогда пришлось долго пролежать в постели. Соседи ругали ее: разве сын тебе памятник поставит, о себе подумать не мешает. Но недаром говорят люди, что за темными и печальными днями непременно наступят светлые. И они наступили. Кончилась война. Вернулся израненный муж. Хуршид пошел в школу.

Потом родилась Мавлюда. Но недолгой была радость Фазилат: внезапно умер муж. Теперь ее единственной надеждой оставался сын.

Хуршид успешно окончил школу, поступил в институт. Она мечтала, что вот закончит сын учебу, вернется домой и она женит его на самой красивой девушке кишлака, сыграет свадьбу не хуже, чем другие. Однако и на сей раз надежды ее не сбылись. Хуршид благополучно закончил институт, но в кишлак не вернулся. Захотел учиться дальше. В аспирантуре. А потом вдруг взял и женился. Свадьбу сыграли в городе, и Фазилат отвезла сыну немудреное добро, которое копила для него столько лет.

В кишлаке посмеивались: «Сынок Фазилат нашел себе жену с квартирой, значит, не женился, а вышел замуж».

Она отмалчивалась – глупости все это. Ее сын будет ученым, пусть-ка ваши сыновья добьются того же. И живет он не с родителями жены, а в отдельной квартире.

«Слава богу,– думала Фазилат бессонными ночами,– Хуршид обзавелся семьей, квартирой. И машину вот купил». Но почему-то сама стала реже ездить к сыну. Она же не одна. Есть у нее Мавлюда. Может, дочь даст то, что ждала она от сына. Не все ли равно – сын ли, дочь ли, были бы они здоровы и счастливы.

Пронзительно взвизгнули тормоза, автобус остановился. Фазилат вздрогнула. Она прижалась к стеклу, увидела знакомый деревянный дом и тут только поняла, что приехала.

Фазилат сошла с автобуса, и сразу ее охватило беспокойство: «Господи, все ли в порядке дома?» Она побежала прямо через поле по затвердевшей грязи, чуть присыпанной снежком. Сердце тревожно билось, словно предчувствовало беду. Наконец, она увидела огонек в окне низенького приземистого домика, и сразу отлегло от сердца. Она остановилась и вытерла вспотевший лоб краем рябенького платочка.

***

Хуршид сидел хмурый, он все не мог забыть, как мать прижимала к себе узелок, торопясь поскорее уйти, словно стеснялась, боялась причинить сыну неудобства. Он пред-

ставил себе, как она сейчас забилась в уголок автобусной станции совсем одна, маленькая, сухонькая, в рябеньком шерстяном платке, повязанном так, что закрывает он почти всю нижнюю часть лица и морщинистые щеки. На душе было скверно.

Назира сидела перед большим зеркалом в углу комнаты с полным ртом шпилек и укладывала волосы, косясь на отражение мужа. Оба молчали, и никто из двоих не решался нарушить эту давящую тишину.

– Ты готов? – наконец спросила Назира, обернувшись.– Мы же не можем прийти словно гости, шеф обидится.

– Что ты так торопишься? Я ему не мальчик на побегушках. Хуршид нахмурился и поднялся с кресла. Назира раздраженно взглянула на мужа. Она ничего не сказала, но Хуршид знал, что думает она в эту минуту, сидя вот так, с приподнятой рукой, в которой была зажата последняя шпилька.

Кто спорит, Хуршид многим обязан Фаязу Махмудовичу. Шеф всегда был для него словно отец родной. Не всякий отец сделает для сына столько, сколько сделал Фаяз Махмудович для Хуршида. А сегодня Фаяз Махмудович защищает докторскую. Еще вчера он попросил Хуршида позаботиться о банкете, присмотреть, чтобы в ресторане, где был заказан ужин, все было в порядке; помочь встретить гостей и непременно приехать на машине – она может понадобиться.

Весь день Хуршид хлопотал о банкете. Теперь нужно пораньше приехать в ресторан, чтобы встретить гостей. Поэтому-то он и не смог отвезти мать домой.

Спускаясь по каменной лестнице, он снова подумал о матери: странная она все-таки, именно сегодня ей понадобилось вдруг уезжать.

Хуршид вошел в гараж и открыл дверцу машины. Мотор, по-видимому, остыл и не заводился. Он с силой нажал на стартер.

Ведь вот и эта машина приобретена благодаря Фаязу Махмудовичу. Как же Хуршиду не любить своего учителя? Разве смог бы он прожить на студенческую стипендию? После лекций приходилось бежать на товарную станцию и таскать грузы. Но об этом никто не знал, даже его товарищи

по общежитию. Так продолжалось все пять лет. И только на последнем курсе тайна его была раскрыта.

Однажды на товарной станции ему сказали, что надо разгру зить контейнер с мебелью. Был уже поздний вечер. Хуршид подошел к владельцу мебели.

– Если угодно, – сказал он,– я погружу вашу мебель на машину. Мужчина обернулся, и Хуршид, узнав его, обмер. Эта был Фаяз Махмудович. А ведь только вчера он сдавал ему экзамен по ядерной физике и получил пятерку, заслуженную, как сказал шеф.

Фаяз Махмудович понял, как нелепо чувствует себя сейчас его ученик.

– Ведь ваша фамилия, если не ошибаюсь, Авазов? Ну что ж, грузите!

После работы Хуршид проговорил с Фаязом Махмудовичем чуть ли не до утра.

– Вы мне очень симпатичны,– сказал доцент, расставаясь с Хуршидом.– Знания у вас обширны, вы серьезно относитесь к занятиям, думаю, вам непременно нужно поступать в аспирантуру.

А через неделю Хуршид уже работал в лаборатории Фаяза Махмудовича. А так как он был студентом выпускного курса, то в деканате не возражали.

...Мотор по-прежнему не заводился, и Хуршид нервничал.

В дверях гаража появилась Назира, закутанная в меховую шубку. Она нетерпеливо переступала ногами, обутыми в маленькие сапожки.

В тот день, когда они познакомились, Назира была в такой же шубке и вроде бы в таких же самых сапожках. В ту новогоднюю ночь на студенческом вечере Хуршид читал монолог Гамлета. И, наверное, читал хорошо – ему долго аплодировали.

После бала уже в троллейбусе он увидел красивую белолицую девушку. И почему-то никак не мог оторвать от нее взгляда. Девушка улыбнулась. Но заговорить с ней он не решался: «Такая красавица, куда уж мне». Девушка первая обратилась к нему.

– Вы настоящий Гамлет,– произнесла она улыбаясь,– но где же ваша Офелия?

– У меня нет Офелии, – дрогнувшим голосом ответил Хуршид. И на самом деле Хуршид сторонился девушек. «Главное – учиться, все остальное – потом». Откровенно говоря,и времени-то ухаживать за девушками не оставалось.

В тот вечер он узнал, что Назира учится на химическом факультете. Наверное, высокий, стройный и молчаливый парень приглянулся ей, а Хуршид – тот сразу влюбился без оглядки и уже не мог не встречаться с ней.

Весной Назира сказала, что в их дом зачастили сваты и родители мечтают выдать ее замуж. Хуршид встревожился. Он понимал, что сейчас ему не по средствам устроить настоящую свадьбу. Родители Назиры богаты и, конечно, хотят отпраздновать свадьбу единственной дочери как можно пышнее.

Хуршид поведал о своих сомнениях Фаязу Махмудовичу.

– Приведи ко мне девушку,– сказал тот,—я сам с ней поговорю.

А на сей раз счастье улыбнулось Хуршиду: отец Назиры, начальник торгового отдела района, оказался знакомым, чуть ли даже не приятелем Фаяза Махмудовича.

Свадьбу сыграли по всем правилам. Отец Назиры не поскупился для своей любимой дочери. И жалкие подарки тетушки Фазилат, матери Хуршида, даже не понадобились.

Легко было заметить, что мать Назиры не слишком-то довольна бедным зятем, и прибывшие из кишлака гости были приняты не совсем радушно. Хуршиду вспомнилось, что мать уехала огорченная чуть ли не на другой день после свадьбы.

И вот сегодня... тоже как-то не совсем ладно получилось. Интересно, не опоздал ли автобус?

Спина Хуршида вспотела, и он с досадой начал крутить ручку. Наконец мотор заработал. Хуршид осторожно вывел машину из гаража. Назира уселась рядом с ним на переднее сиденье и глубоко вздохнула.

– Господи, ну, конечно, мы уже опоздали! В чем в сущности дело, неужто папа взял себе хорошую машину, а нам подсунул похуже?

«Опять все то же, – раздраженно подумал Хуршид, осторожно продвигаясь по людной улице. – Будь прокляты эти машины и их деньги».

Хуршид так и не смог подавить вскипавшее в душе раздражение. С того самого дня, как они поженились, только и разговоров было, что о вещах, да деньгах, да машинах. Особенно неуютно чувствовал он себя среди так называемых «аристократических» друзей и знакомых жены. И отец Назиры и все их друзья с увлечением говорили о высоких ‘заработках, о «Москвичах» и «Волгах», о дорогих серьгах и прочих ювелирных изделиях, о том, что кто-то привез из Риги мебельный гарнитур за три тысячи и так далее и тому подобное.

Хуршид терялся среди этих людей и в их обществе чувствовал себя словно подопытная мышь под стеклянным колпаком. Ко всему прочему, у них с Назирой до сих пор не было детей. Но самое главное, Хуршид постоянно чувствовал себя должником этой семьи, семьи родителей Назиры: расходы на свадьбу, мебель, ковры, а вот теперь еще и эта машина.

До сих пор он тосковал о кишлаке, где прошли его детские годы, о своей семье. За их двором и садом протекает Анхор. Мальчишкой он не вылезал из воды, да и студентом, приезжая домой, любил окунуться в его холодные струи. Вылезши из воды, Хуршид, зажмурившись, долго лежал на песке, и перед глазами начинали плясать светящиеся лучики и солнечные кружочки. Постепенно они опускались все ниже и ниже и таяли в песке, а к Хуршиду подползала дрема. Все отдал бы он сейчас, лишь бы еще раз увидеть эти светящиеся кружочки. Приезд матери живо напомнил Хуршиду ту уже такую далекую теперь игру солнечных лучей.

Внезапно машину встряхнуло, и Хуршид посмотрел вокруг. Он осторожно обогнул застывшую на мостовой лужу и взял прежнюю скорость.

Полгода назад Фаяз Махмудович, полушутя, сказал отцу Назиры: «А почему бы вам не купить зятю машину?» И вот теперь у него свой «Москвич». И хлопот прибавилось. Да и

родители Назиры уже открыто говорят о том, что он слишком тянет с диссертацией.

И тут они правы. Три года Хуршид учился в аспирантуре. И вот уже два года работает, а конца диссертации не видно.

Хуршиду почему-то вспомнилось, что вместе с ним конкурсные экзамены в аспирантуру сдавала девушка из Хорезма. Они набрали одинаковое количество баллов, но прошел только он, Хуршид. Занимался он сложной проблемой, связанной с космонавтикой. Но в глубине души понимал, что с этой темой ему не справиться.

«Как же я запутался,– думал Хуршид.– И руководителя подвел: ведь чувствовал, что не осилю, зачем же было лезть на чужое, в сущности, место? Может, та девушка из Хорезма смогла бы?»

Но что пользы от этих запоздалых мыслей? Мало ли в науке случайных людей, точно так же превратившихся в мальчиков на побегушках при руководителях. Вот сегодня Фаяз Махмудович защищает докторскую, а он, Хуршид, будет разносить чай его гостям и потом еще развезет их по домам на этой самой машине.

Ход его мыслей прервал страшный грохот и истерический вопль Назиры. Он в ужасе рванул руль и повернулся к жене. Назира как-то странно согнулась, прижав обе ладони к лицу.

«Авария!»–молнией блеснуло в мозгу.

Хуршид резко вывернул руль направо, но руль не повиновался, и машина неестественно быстро начала сползать куда-то вбок. Хуршид в отчаянии оглянулся: огромный самосвал, подцепив буфером их маленький «Москвич», быстро катил его вперед. «Сейчас перевернемся, и самосвал пройдет по нашим телам»,– успел только подумать Хуршид.

Прошли минуты две. Самосвал внезапно остановился, и «Москвич», подрагивая, заглох.

«Живы!» Хуршид почувствовал, как холодный пот заливает ему глаза.

– Успокойся!– сказал он Назире, обнимая ее за плечи. Назира дрожала и громко плакала. Хуршид попытался открыть дверцу, но ее заклинило.

– Открой со своей стороны,– сказал он.

Назира нажала на ручку, шатаясь, вышла из машины, побрела к дереву и уселась прямо на мокрый снег. Едва передвигая ноги, Хуршид обошел «Москвич».

Дверца самосвала распахнулась, из машины выпрыгнул испуганный молодой парень. Он подбежал к Хуршиду, громко стуча кирзовыми сапогами.

– Живы?– задыхаясь спросил он. Он с трудом переводил дух, и тоненькие усы над его губой вздрагивали.

Хуршид не ответил и начал осматривать свою машину. Дверцы «Москвича» прогнулись внутрь, боковое стекло было разбито вдребезги. Странно... Хуршид не испытывал сожаления. Он смотрел на машину и думал о том, что вся его жизнь покорежена точно так же, как вот эта машина.

А вокруг уже собирался народ. Хуршид поискал глазами жену,– Назира стояла неподалеку, и какая-то старая женщина прикладывала к ее лбу снег.

На гомон и крик подоспел молодой инспектор и попросил зевак разойтись. Потом подошел к Хуршиду:

– Это ваша машина? Хуршид кивнул.

– Вы счастливо отделались. Из такой аварии мало кто выходит живым. Чей самосвал?

– Мой,– дрожащим голосом отозвался парень.

– Как это произошло?

– Он ехал слишком медленно,– начал объяснять парень.– Я хотел обогнать, а навстречу вдруг выскочила «Волга».

– Он разбил нашу машину, пусть теперь заплатит,– услышал Хуршид голос жены.

Назира стояла рядом, слезы уже высохли на ее глазах.

– Конечно, заплатит,– сказал инспектор, рассматривая документы парня.– Подадите в суд, с него взыщут.

Вдруг откуда-то появилась старушка в черной бархатной безрукавке поверх длинного платья и кинулась к шоферу:

– Сыночек, сыночек!– кричала она. Потом, повернувшись к инспектору, рыдая схватила его за руку:– Простите нас, ради бога, простите нас, ведь он у меня один!

Хуршид не понимал, о чем говорят люди, откуда взялась эта сухонькая старушка в черной бархатной безрукавке, до боли напомнившая Хуршиду его родную мать.

Сердце его захолонуло: эта старая женщина, кажется, мать парня-шофера. Хуршид приблизился к ней.

– Не нужно просить, мать, никто ничего плохого вашему сыну не сделает.

– Господи, дай бог счастья вашим деткам,– радостно вздохнула старуха и обняла Хуршида.

– Не хотелось ведь ехать,– сказал шофер.– Стоит только мужчине послушать бабу...– и он грубо выругался.– Жена привязалась – привези да привези маму. Мама к сестре уезжала. А моя соскучилась, понимаешь, по свекрови, не может без нее жить.

Хуршид улыбнулся. Ему вдруг стал симпатичен и этот ругающий жену шофер и сама жена – соскучившаяся, беспокоившаяся о свекрови.

– Будете подавать в суд?– спросил инспектор, составляя протокол при свете фонаря.

Хуршид молча посмотрел на Назиру.

– Это еще зачем?– сказал он.— Мы здесь сами договоримся. Мало ли что в жизни бывает...

Инспектор пожал плечами. Старушка улыбнулась Хуршиду.

Перевод Н. Владимировой, А. Атакузиева

ШУКУР ХОЛМИРЗАЕВ

(1940 – 2005)

Шукур Холмирзаев родился в 1940 году в селе Шахидлар Байсунского района Сурхандарьинской области. В 1957 – 1962 годах был студентом отделения журналистики филологического факультета Ташкентского государственного университета (ныне – Национальный университет Узбекистана), после окончания которого работал в ряде издательств и редакциях газет и журналов. Первая книга – повесть «На белом коне» – издана

в 1962 году. Вторую повесть молодого писателя – «Волны»- высоко оценил А. Каххар. Романы писателя: «Последнее пристанище» (1976), «Над пропастью» (1984), «Путешественник», «Страшилище» («Олабужи») (1991) «Динозавр» (1996). Пьесы писателя: «Банкет», «Черный овраг». Рассказы: «Восемнадцать бывает каждому» (1964), «Загадка судьбы» («Тақдир башорати») (1968), «Дороги, сопутники» («Йуллар») (1973), «Пойдем в горы» («Юр, тоғларга кетайлик») (1976), «Чўлоқ турна» (1978), «Глинные улицы» («Тупроқ кўчалар») (1978) «Язык птицы» (1982), «Последние дни героя» (1984), «На горы выпал снег» («Тоғларга қор тушди») (1986), «Последние дни Абдулла Наби-углы» (1983), «Эх, Эшниёз» («Эссиз, Эшниёз») (1988), «Луна за облаком» (1997) и др.

В рассказах «Прошла весна»(«Баҳор ўтди»), «Свобода», «Узбекский характер», «Жизнь вечна», «Если сдвинется тяжелый камень», «Луна за облаками», «Пленный беркут», «Синее море», «Хозяин коня» и других писатель философически раскрывает узбекский национальный характер и отношения человека с природой. В его небольшом рассказе «Пастух» как бы сосредоточиваются все «вечные» этические проблемы – проблема добра, любви, совести. Для героя рассказа, старика Остонакула, настолько важны идеалы добра и совести (даже в отношении больной скотины), что он готов понести наказание за свою «вину» (вовремя не зарезал больного вола), чем лишить жизни живое существо. Для старика больной вол – это не просто «мясо», это живое существо, способное чувствовать боль и страх. Старый пастух даже обращается к волу как к человеку: «– О, господи! Что же с тобой? Может, устал? Встань! Встань!». И не случайно автор рассказа так подробно описывает болезнь вола, психологически тонко подчеркивая боль и страдания, испытываемые животным. Шукур Холмирзаев делает нас сопричастными к приближающейся смерти, заставляет читателя испытывать жалость к мучениям живого существа: «Вол поднялся, кожа его дрожала. Он осторожно пошевелил хвостом. До самого Кукбулака вол не сорвал ни травинки. Его товарищи с хрустом поедали мелкий хворост, а старый вол едва брел, неве-

седый, с поникшей головой...» Старик Остонакул не просто жалеет умирающую скотину, он уважает тот труд, который исполнял вол. Старик не может нарушить основной нравственный закон жизни – плати за добро добром. Высокая нравственность старика и вменяется ему в «вину» руководством совхоза. Но он выше их обвинений, главное для него – следовать законам Добра.

Нравственная проблематика лежит в центре другого рассказа Шукура Холмирзаева «Жизнь вечна». Рассказ о главном агрономе колхоза Надыре Рузикулове – символичная история о человеке, пережившем свою «смерть» во сне. Человек грубый и в чем-то даже жестокий – ему ничего не стоит оскорбить тещу, бросить камень в собаку – вдруг, потеряв по своей вине близких и ощутив тоску одиночества, начинает задумываться над своей жизнью, размышлять о том, какой он человек. Чтобы обострить ситуацию оценки человеком своего «я», автор использует метафорическую «смерть» – Надыр засыпает, но сон свой ощущает как смерть. Таким образом, герой смотрит на себя как бы со стороны, за гранью реальной жизни и оценивает себя с позиций уже «прожитой» им жизни. Все его плохие и добрые поступки проходят перед глазами: «И умер, как собака... И дочь в последнюю минуту не увидел, и жене не сказал последнее «прости». А рабочие совхоза... Среди них много таких, кто уважал его, по-доброму к нему относился...» И он вдруг ощутил всю горечь того, что ничего нельзя изменить в этой жизни после смерти, что ошибки надо исправлять пока ты жив: «Все прошло, все уплыло... Ничего теперь не исправишь». И что самое удивительное, Надыр становится свидетелем того, как его несут хоронить. Его путь на кладбище символично отражает путь каждого человека к своему последнему месту на земле. Но Надыр, по ту сторону жизни, вдруг осознает мимолетность жизни и суету повседневного: «Такова жизнь человеческая: родился, рос, учился, работал, ругался с людьми, мирился. Думая о том, как жить, мыкал горе, любил. И вот умер. Близкие несколько дней поплачут, поголосят, а потом? Будут вспоминать о нем...» И он осознал главное в жизни – судить о тебе и вспоминать о тебе будут

по тем добрым и недобрым делам, которые ты творил при жизни. И только это имеет ценность, только это значимо и в жизни, и после смерти. И поняв суть вечного нравственного закона – твори Добро, он раскаивается и «оживает». Проснувшись в реальности, Надыр сделал то единственное, что теперь стало обретать для него смысл, – извинился перед соседом и пошел за семьей. «По дороге он вспоминал, как и за что его критиковали на собрании вечером, прикидывал, как исправить ошибки, изменить кое-что в работе». Шукур Холмирзаев ещё раз подчеркивает, что цель и назначение человека – это творить Добро и следовать нравственным традициям своего народа.

«ПАСТУХ»

Колхозная контора стояла под орешиной. Вдоль здания тянулось картофельное поле, а за ним – речка. Берега ее густо поросли кустами ежевики и джиды. На противоположном берегу, у самого подножья бугрящихся желтоватых холмов, теснилось несколько войлочных юрт, лачуг и загонов для скота. Контора была построена недавно, но стены ее внизу уже успели отсыреть и набухнуть. Над входом был прибит кусок кумача с надписью «Агитпункт-2». Он висел еще с весны и изрядно полинял под дождем и жарким солнцем. Слева от входа – кабинет начальника. Перед ним стул, на нем ведро воды и алюминиевая кружка, надетая на дужку ведра. В центре кабинета – большой стол. На столе – карта отделения совхоза. Обычно в конторе бывает пусто. Руководители отделения весь день на полях, в свободное время – дома, вечерами – в центре совхоза, на берегу реки Шерабад, что в тридцати километрах отсюда. В этот вечер в конторе было многолюдно. Начальник отделения, кассир, агроном, зоотехник, бригадиры. На повестке дня – проступок старика Остонакула. Старик стоит почти у самой двери, сгорбленный, с опущенной головой. Ему тяжело стоять, и он переступает с ноги на ногу. Из уважения к начальству палку он оставил в сенях.

– Ну что, отец, берете на себя вину? Старик исподлобья смотрит на сидящего в центре стола коренастого, широкоплечего начальника.

– Что тут скажешь, виноват. Щупленький зоотехник Турабай с плоским лицом – проведешь ладонью ото лба до подбородка, ни одной выпуклости либо впадины не обнаружишь – вскочил с места:

– Что же это такое, он хочет отделаться признанием своей вины? А я требую, чтобы он заплатил сколько положено за пестрого вола.

Начальник отделения сунул руку за воротник грязного коломенкового кителя, сморщил мясистое лицо и почесал шею.

– Вот досада, – сказал он, передернув плечами. – Выдохлись вы, что ли, отец? – Он уставился на старика. – А мы вам доверяли. Вы же еще днем увидели, что он заболел, нужно было тут же и прирезать. И не было бы столько разговоров.

– Он ночью сдох, ночью! – сказал зоотехник, – Я сам разрезал печень, она была абсолютно холодной! Старик просто уснул!

Старый Остонакул молчал. Он смотрел на двигающиеся губы зоотехника и кивал, соглашаясь.

Начальник отделения, кряхтя, поднялся с места:

– Все, отец, разговор окончен. Заплатите за вола.

– Он обвел взглядом присутствующих: – Будем считать, что вол сдох по недосмотру. Договорились? Старый Остонакул медленно поднял голову:

– Хорошо, сынок, я заплачу.

– Только не тяните! Вы не бедный и еще крепкий, родственники у вас тоже есть. Да и старуха небось припасла.

Вот так... Собрание окончено.

Старик отошел в сторонку и сложил на груди руки. Он хотел выйти последним, но бригадир подошел к нему и похлопал по плечу:

– Пошли, отец, пошли, – сказал он. – Теперь хорошенько присматривайте за волами. Пусть нагуливают жир. А то как бы не лишиться вам места.

Старик снова кивнул и вышел из конторы.

Начальство направилось к двум грузовым машинам, что стояли за зданием конторы, оживленно беседуя,

– быть может, и о нем, старом Остонакуле. А старик неторопливо двинулся вдоль картофельного поля, к берегу реки. Луна уже сияла на небе, и ее лучи разбивались о камни под водой. На другом берегу, у юрт, поднимался дымок, а под ним виднелся пылающий красный огонь. Вчера к вечеру старый Остонакул перегонял волов с Октумшукских холмов в аул, что на Кукбулакских холмах. Травы на пастбищах давно выгорели, но кое-что еще осталось. Белые и красные цветы красовались, колыхаясь на длинных стеблях, на рыхлой земле росли репейники, колючки, и волы поедали их. Когда все стадо уже спустилось с холмов, пестрый вол отстал и вдруг остановился. Он тряс головой, будто ему было тяжело держать рога, один из которых был давно сломан. Потом он подался назад, рванулся вперед и свалился набок. Старик, делая неловкие движения, заторопился и чуть ли не подбежал к волу,

– Чу, чу! – закричал он.

Но вол положил голову на землю с той покорностью, с какой бараны вытягивают шеи, завидев нож в руках мясника, и устремил взгляд замученных глаз на пастуха. Старик огорченно глядел на вола. Потом поднял ему ноги и начал оглядывать копыта – может, какой гвоздь влез? Нет. Старик подошел к морде вола и хотел открыть ему челюсть, но раздумал: «Если бы он проглотил железку, была бы пена». Старый Остонакул растерялся. Он поднял палку и ударил вола по крестцу. Вол поднял голову, но снова со стоном опустил ее на землю. – О, господи! Что же с тобой? Может, устал? Встань! Встань! – Старик обошел вола и крепко взял его за хвост. С силой крутанул, и вол со стоном поднял грудь и встал на передние ноги. Все еще держа хвост в руках, старик закричал: – Ну, скотинка! Вол поднялся, кожа его дрожала. Он осторожно пошевелил хвостом. До самого Кукбулака вол не сорвал ни травинки. Его товарищи с хрустом поедали мелкий хворост, а старый вол едва брел, невеселый, с поникшей головой. Он часто останавливался, будто прислушивался к чему-то. Родниковая вода образовала большую лужу поодаль. Волы вошли в лужу и стали пить. Потом долго облизывали губы

и носы, озираясь вокруг. Пестрый вол на минуту сунул нос в илистую воду и отошел от лужи. Он хотел снова лечь, но старик, заметив это, закричал на него и не дал ему лечь.
– Старуха, – сказал Остонакул жене, – пестрый вол заболел.
Старая Ойсулув, закусив зубами кончик белого марлевого платка и прищурив и без того небольшие глаза, задумчиво уставилась на старика. Потом, пропустив его вперед, сама пошла к загону. Она открыла боковую дверку и вошла вовнутрь. Волы разбрелись по загону, терлись друг о друга, обнюхивали остатки еды вместе с пылью, шевеля ноздрями, а несколько волов уже улеглись у края загона. Пестрый вол растянулся у самого входа. Он тяжело дышал. Старуха наклонилась к нему, упершись руками в колени, и стала внимательно разглядывать его. Потом быстро вышла, взяла совок, что стоял у котла, и прошла в юрту. Она отсыпала горсть гармалы из кулька, заткнутого между бревнами, сунула под него тлеющие угли и подула. Затем выглянула из юрты. Старик расстилал молитвенный коврик для вечернего намаза.

– Сглазили этого вола, что ли, а, старик? Кто его видел? – спросила старуха Ойсулув. – В последнее время он так хорошо вошел в тело.

Не глядя на жену, Остонакул ответил:

– Наверно, ты и сглазила.

Старуха понесла совок с дымящейся гармалой в загон. Она дважды обвела совок вокруг головы пестрого вола, подула, чтобы дым попал ему в морду. Потом положила совок и села ждать, когда прогорит гармала. Когда старуха расстелила скатерть для ужина, старый Остонакул вдруг резко поднялся и выдернул нож из ножен, висевших на поясном платке. Он вынул из ступы длинный брусок и начала точить нож. Старуха внесла шавлю на глиняном блюде.

– Поешь сперва! Никуда он не денется. Если часы его сочтены, что ж нам делать?

Старик вздохнул:

– Зоотехника, что ли, привести?

– В район пойдете? Тридцать верст не шутка. До тех пор... и помереть может.

чем я не осталась рядом с тобой?.. Вот так. После смерти вдруг выясняется, что покойный был хорошим человеком. Жене еще долго придется плакать. А теща? О боже, если ты так горячо любила зятя, почему же ты так дергала его и не давала покоя при жизни? Или она притворяется? Все плачут, и она плачет. А может, это искренне, может, она и на самом деле горюет? Да, в общем-то, не совсем уж не права была старуха. Хотела, чтобы жили хорошо, как люди. А ведь Надыр и на самом деле был невнимателен к семье. Холходжа, милиционер, любил повторять: «Ты – настоящий пролетарий». Наверно, в этом есть доля правды. Все прошло, все уплыло... Ничего теперь уже не исправишь. И директор совхоза плачет? Да, плачет. А почему бы ему и не плакать? Потерял такого прекрасного агронома – работящего, честного, добросовестного. Ведь Надыр был отличным работником. О чем думает сейчас директор? Наверно, эта внезапная смерть не просто удивила его... Может быть, он жалеет, что устроил Надыру такой разнос вчера на собрании? Думает: расстроился, не выдержал. Вот так и бывает. Критиковать тоже нужно умеючи. Крепкий, мол, молодой, выдержит – и давай его разделывать. А вот и не выдержал. Итак, главного агронома завернули в саван, положили в табут и понесли. Понесли на кладбище Кызылкоя. Все осталось позади. И жена, и дочь, и дом. Обида, тоска, сплетни. Работа. Совхоз. Рабочие... И кишлак остался. Есть в народе хороший обычай. Проходящие или проезжающие мимо хоть на минуту подбегают к носилкам с покойником и подставляют свое плечо. Пройдут несколько шагов и уступают следующему. Прочтут краткую молитву и уходят. Вот какой-то шофер остановил машину, выпрыгнул из кабины и побежал к носилкам. Кладбище. Почему-то здесь земля красноватого цвета. Надыр не был верующим. Но когда случалось проходить мимо кладбища, ему становилось страшно. Иногда он проходил здесь ночью, и уханье сыча преследовало его до самой кишлачной дороги: «Как здесь мертвые не боятся? Да ведь они же ничего не чувствуют? Мертвый есть мертвый. Будто камень...» Покойника опустили в могилу. Родной отец первым бро-

сил горсть земли. Какие странные люди. Почему они так спешат? Поскорее закопать главного агронома, избавиться от страшного зрелища. Горсть, еще горсть, еще... Тишина. Мертвая тишина. И это торчащее старое тутовое дерево. Стоит себе, будто ничего и не случилось. Только птицы летают. Вот на влажную землю опустилась ворона. Такова жизнь человеческая: родился, рос, учился, работал, ругался с людьми, мирился. Думал о том, как жить, мыкал горе, любил. И вот умер. Близкие несколько дней поплачут, поголосят, а потом? Будут вспоминать о нем... В совхоз придет новый человек – новый главный агроном. И отец и мать понемногу успокоятся. Молодую вдову станут сватать. На третий раз теща согласится выдать ее. А потом? Теща научит девочку называть нового мужа матери папой. Или?.. А Надыр ничего не почувствует, ничего не услышит. Он лежит в могиле. Как же это он умер? В тот день он вернулся с собрания, где его крепко критиковали, поругался с тещей, жена схватила дочку и ушла из дома вместе с матерью, на улице он кинул камень в собаку, и хозяин собаки обругал его. Потом он вышел на улицу, и в грудь ему ударил холодный ветер. Этот осенний ветер бы такой приятный, такой ласковый, что Надыру захотелось плакать. Потом... Надыр не выдержал всего этого – этой несправедливости и в гневе убил себя – умер. Кому от этого стало лучше? Кто его за это похвалил? Что было потом, что? Это усеянное звездами небо, эти белые звезды – все на месте. Деревья, дождь... Ветер. Жизнь Надыра продолжается и без Надыра... ...Расслабленный Надыр, сидящий на краешке айвана, вздрогнул, поднял голову, глубоко вздохнул и поднялся. Он закурил сигарету, постоял минуту и вышел на улицу. Сосед смягчился, простил ему собаку: «Ведь говорили же духовные наставники – хоть Каабу сожги и крестись на икону, но не тронь божью тварь – даже муравья не обидь». Надыр отправился к теще за женой и дочерью. По дороге он вспоминал, как и за что его критиковали на собрании вечером, прикидывал, как исправить ошибки, изменить кое-что в работе. Когда он еще сидел на айване, ему на голову упало несколько капель дождя. Теперь дождь полил

как из ведра. И вдруг пронзительно запахло терпким настоем деревьев и пожухлых листьев.

ЭРКИН АГЗАМОВ

(родился в 1950 году)

Эркин Агзам – литературный псевдоним Эркина Агзамова. Родился 10 августа в горном Байсуне, окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне – Национальный университет Узбекистана). Работал редактором на республиканском радио, редактором отдела журналов «Ёшлик» и «Гулистон», завотделом издательства литературы и искусства имени Гафура Гуляма. В 1992–1994 годах – заместитель директора агентства Национальной информации Узбекистана. С 1996 года – главный редактор журнала «Тафаккур». Депутат Олий Мажлиса Узбекистана I и II созыва.

Эркин Агзам – автор сборников рассказов и повестей «Ночь негаснувших огней» (1977), «Год рождения Атаи» (1981), «Ответ» (1986), «Дни, кроме праздника» (1988), «Влюбленная душа Коротышки» (2001), «Мир в цветах» (на русском языке, 1999), «Опаздывающий» (2002). По мотивам произведений Э. Агзама сняты художественные фильмы «Чантраморе», «Пешеход», «Дилхирож». Гуманизм, вечная борьба со всякими проявлениями насилия, стремление к духовной свободе – вот основной мотив, объединяющий в единое целое произведения писателя.

Рассказ Э.Агзамова «Племянница» свидетельствует об укреплении в узбекском рассказе аналитизма. В нем показаны житейская повседневность, будни человеческих отношений. Аспирант Буранов возвращается из института домой на автобусе и на одной из остановок видит сквозь окно сиротливо стоящую на улице девочку со стареньким чемоданом. Это - племянница Буранова, приехавшая из кишлака поступать в институт. Герой знает, что она должна была приехать,

что в большом городе она впервые, что, кроме него, дяди, у нее здесь никого нет. Все это он осознает - и не выходит из автобуса, продолжает свой путь. Начинающий ученый пытается проанализировать свой поступок и как нравственно здравомыслящий человек приходит к выводу, что совершил подлость. Но смысл рассказа, его проблематика в ином: почему, в силу каких обстоятельств наша житейская практика нередко входит в прямой конфликт с нашей же моралью, не заученной, а личностно осознаваемой? Почему мелкое, подленькое, себялюбивое часто берет верх в споре с элементарным человеческим долгом? Так, из частного жизненного эпизода, положенного в основу сюжета, вырастают образы, выходящие за пределы рассказанного случая.

Человек возвращается туда, где тепло идет не от печи, а от сердца, так разворачивается сюжет в рассказе Э.Агзамова «Яблоки Рамазана». Так, в новелистике Э.Агзамова личностное начало отходит на второй план, а точнее, обрастает линиями социально-бытовыми, приобретает общественную значимость. Начиная с этой новеллы, в его произведениях звучит мотив поисков нравственных начал действительности, ведущей к углублению психологизма характеров и обстоятельств. Рассказ Э.Агазамова обнажает природу равнодушия, бьет тревогу по поводу расплодившегося мещанства, живущего в мире придуманных нравственных ценностей, далеких от человеческих идеалов. Насколько бесхитростный и озорной Рамазан, не сумевший поступить в университет, выше, чище и нравственнее своих друзей. Так, они испытания совестью не выдерживают, и Рамазан, видящий смысл жизни не в теплой квартире с телефоном, а в искренней, бескомпромисной дружбе, которую он ставит выше всего на свете, и есть та высокая душа, активно направленная к добру, к людям. Его цель в жизни – творить добро, любить людей, прощая им слабости, переступая через привычные установки и правила.

ПЛЕМЯННИКИ

Скажем, в городе, в большом и шумном городе, где никто ни с кем не знаком, а если и знаком, то никогда не остановится, чтобы спокойно, не торопясь, расспросить о твоем

житье-бытье и в лучшем случае, кивнув, пробегает мимо, ты неожиданно встречаешь односельчанина...

– Э-э, это вы, Хакимбай? (К примеру.) Старшенький сын мастера? (Собеседник утвердительно кивает, почесывая шею. Вот теперь-то самое время, не торопясь, предаться воспоминаниям!)

– Гляди-ка! Когда я уезжал из кишлака, вы были еще совсем маленьким парнишкой. Выросли, вытянулись, скажите на милость! Все мы взрослеем, дружок. (Вздох.) Жизнь не стоит на месте. А в кишлаке я давненько не был. Все заботы-хлопоты, братец, времени и вовсе нет. Ох-хо-хо, Хакимбай, молодцом вырос! (Не находя больше слов, ты поправляешь на нем воротник рубашки.) Э-эй, молодец, молодец! А старик еще бодрый? (Слава богу, нашлась тема.)– Все там же трудится? В мастерской? Двери, рамы?.. Э-эх, был бы жив да здоров...

– Когда я приезжал в кишлак в последний раз, мы с ним в чайхане засиделись. Замечательный человек ваш отец, так меня насмешил, что я чуть кишки не порвал. (Слушающий, очевидно, и сам знает, какой замечательный у него отец, и слегка улыбается.) Да-а-а. А как кишлак? (С искренним интересом.) Небось благоустроился, переменился? Говорили, новый кинотеатр собирались строить? А Наби-щеголь? Все там же, работает? Забавный парень! (Кто там еще?) А шофер Асад? Здоров? Мы вместе учились. (Помнится, расквасил мне однажды нос в кровь.) Вот, не видимся, забываем друг друга! (А так ли это? Сам небось боишься ехать, чтобы тебе снова нос не расквасили. Ему, что ли, нужда ехать к тебе?) Что поделаешь, добываем свой кусок хлеба насущного. Такова наша участь, вот, живем, трудимся. (Ищем звезду, не замеченную Улугбеком в преданном забвению шумном царстве.)

– Ну, рассказывайте, каким это ветром к нам занесло? Поразвлечься? (Не повышать же квалификацию.) Ах, дружочек. Ну тогда прошу к себе. (Интересно, осталось в холодильнике, чем горло промочить?) Побеседуем по душам... Что? (Говорит: в следующий раз. Нет, нет, чего доброго, вернется в кишлак, ославит.)

Нет, нет, ничего и слышать не хочу. Приехали из кишлака в город и не зайдете ко мне? Стыдно, братец, пошли...

Если вдруг в городе, в большом городе, где никто ни с кем не знаком, а если и знаком, то зачастую не остановится, чтобы спокойно, не торопясь, расспросить о твоем житье-бытье, а в лучшем случае, кивнув, пробегут мимо, ты неожиданно встретил бы односельчанина. Как бы ты поступил?..

...Аспирант Давран Буранов возвращался вечером из института домой. Автобус, как водится, был набит битком – ни влезть, ни вылезть – а уж если влезешь или вылезешь, то наверняка лишишься нескольких пуговиц. Пот щедро заливал лица пассажиров.

Буранов вошел в автобус на кольце и поэтому сидел довольно удобно, занятый своими мыслями и не замечая шума и толкотни. Думал он о том, как сегодня его научный руководитель Азим Саатович прочитал ему грозное нравоучение: «Торопитесь, Давранджан. Обсуждение на носу. Подумайте хорошенько о дополнительной главе. Только об этом и думайте. На следующей неделе все должно быть готово. Я прочту. Чуть расслабитесь – вылетите из очереди. Гайбуллаева вы сами знаете: он суров и строг к своим ученикам, не такой сердобольный, как я. Так вот, откажитесь на время от всяких дружеских встреч, от всяких ненужных забот. Помните, именно сейчас вам дорога каждая минута...»

Сейчас он приедет домой, примет холодный душ, откажется от еды и сразу сядет за черновик главы, которую они приблизительно обговорили с руководителем. Нет у него ни минуты, даже, чтобы приласкать дочку. Не станет он и обсуждать с женой, какой подарок купить на свадьбу ее брату – разговор об этом ведется уже несколько дней. Дополнительная глава – и баста! Все остальные вопросы побоку. Кстати, сегодня по телевизору третья серия «Братьев Карамазовых». «Самая сильная»,– сказал Исмаил. Удивительно, как этого Исмаила хватает на все, как он успевает быть в курсе всех событий. И кино смотрит, и футбол не пропустит, и первый сдает на обсуждение свою научную работу, и еще находит время услужить своему руководителю. «Братья Карамазо-

вы»... Вот досада-то. Но дополнительная глава! За ночь он должен написать ее вчерне. Без всяких разговоров! Черновой набросок.

Когда автобус остановился у аптеки, Буранов поглядел в окно и... вдруг увидел девочку, сиротливо топтавшуюся у самого края тротуара. В руках у нее был старенький чемоданчик. Да и по виду она резко отличалась от проходящих мимо. В глазах замешательство, растерянность, испуг. Глядит на людей тоскливым взором. По лицу видно, что она не знает куда ей деться. И как же она похожа, как похожа на его племянницу.

Сейчас Буранов выскочит из автобуса и подойдет к ней. Тихонько и незаметно дотронется до ее плеча, девочка вздрогнет и испуганно обернется: «А?» Потом минуту постоит в недоумении и с криком: «Дядя, дядечка»,– кинется ему на шею. «Я знала, я так и знала, что мы встретимся,– скажет она.– Я так и думала, что встречу вас на улице,– так оно и получилось. У меня ведь нет вашего адреса». И дядя с племянницей пойдут домой. Городская тетя – его жена, встретит их возгласом: «Девочка... приехала!» И хотя встретит она гостью приветливо, на самом деле непременно подумает: «И в этом году отпуск пропал! Господи, то одно, то другое, вечные заботы, чтоб им пусто было»,– и эти мысли тоже отчетливо отразятся на ее лице.

За ужином пойдут долгие разговоры, расспросы. А племянница рот не закрывает: «Мама велела передать вам и тете низкие поклоны, дядечка, велела поцеловать малышку. И папа тоже. Печалятся, что давно не приезжаете. Мы все соскучились. А особенно о Фирузе. Иди сюда, сестричка, я тебя поцелую... Мама сказала, поезжай прямо к дяде, не ищи никакого общежития, там народа всякого много и готовиться к экзаменам будет тяжело. Дядя тебе поможет, он ведь обещал, когда приезжал к нам, обещал помочь устроить тебя в институт. Куда мне, по-вашему, поступать, дядечка, на доктора или на артистку?» И так засидятся они допоздна в разговорах о кишлаке, вспоминая родственников до седьмого колена. Назавтра дядя поведет племянницу устраивать в институт на доктора или артистку. А там яблоку упасть негде – все сдают

документы. «Справки о здоровье нет?.. Столько-то фотографий три на четыре... В аттестате отсутствует подпись учителя по труду...»– и еще какие-то претензии. «А мама сказала, что вы, дядя, все сделаете». Шум, гам, крик, целый караван личных автомашин, толпы солидных дядей, приведших своих любимых племянников и племянниц. Озабоченные, загадочные фигуры преподавателей, снующих взад-вперед, старающихся никого не слышать и не видеть. Наконец, после недельного ада – все в порядке, документы сданы. Теперь нужно садиться с ней рядышком и готовиться к вступительным экзаменам. А потом с ужасом в сердце заглядывать в окно, где идет экзамен, и смотреть, как племянница ходит этакой павой перед экзаменационным столом, (если на артистку) или мучиться, слушая, как она путает химические свойства этой, пропади она пропадом, глюкозы и фруктозы (если на доктора). Наконец выходит племянница, белая, как стена. «Провалилась, дядечка, провалилась! С какими глазами я теперь вернусь в кишлак?»– «Ладно, не плачь,– стараешься утешить ее и чувствуешь, будто сам провалился на экзамене.– В следующем году приедешь. Я тоже первый раз провалился, а на следующий год поступил, не плачь».

Назавтра племянница, обливаясь слезами, отправляется в кишлак и, рыдая, входит в дом. «Вот говорили, что дядечка поможет, а он и пальцем не шевельнул. А я не смогла хорошо подготовиться. Тетка зловредная, ни минуты покоя не дает: помой посуду, девочка, погладь дяде брюки, девочка. Погуляй с Фирузой, девочка... А дочка ихняя такая противная, избалованная, так за мою юбку и цепляется».

Отец племянницы, только что пропустивший рюмку, возлежит на деревянной кровати под лозой винограда. Покручивая усы, он злобно глядит на жену: «А что я говорил? Так и получилось. В наше время дяди, тети, племянники – все это ерунда. «Ах, племянничек!»–ты же всегда так стрекочешь. А приедет, не знаешь, куда посадить. В прошлом году пригласила в гости, и пришлось зарезать четырехлетнего барана. Теперь поняла, как твой племянничек тебя ценит? Племянничек, мол, устроит доченьку учиться на доктора! Гляди, как расхвасталась, дура! Устроил! Куриные твои мозги!»

Минуту он молчит, а затем продолжает: «Ладно, хорошо, что вернулась. По мне, это куда как хорошо. Самад-арбакеш сватал за своего сына, что из армии вернулся, отдам с закрытыми глазами».

«Папочка, я хочу доктором быть...»

«Попробовала и хватит, доченька! Теперь и врачуй, и танцуй там, куда отдадим. Кончено!»

«Мамочка-а!»

«Что поделаешь, доченька, судьба! Я ведь поверила твоему дяде, еле выпросила разрешения у отца. Что поделаешь, детка?»– бедняжка тетя вытирает слезы широким, словно мешок, рукавом.

Отец снова подает голос: «Только попробуй вспомнить о нем, о своем племяннике, посмотришь, что будет! Опозорил мою дочку. И меня опозорил. Такого племянника...»

Буранов... не сошел у аптеки. А автобус, как назло, долго стоял на остановке. Что-то скребло сердце Буранова. Он резко отвернулся от окна. «Нет, не она. Просто похожа. Разве мало людей, похожих друг на друга? Особенно сейчас, летом... Сколько их понаехало поступать... Не она это! Не она!..»

Над ним, выпучив глаза, стоит толстуха, вся в поту от жары. Ей явно не терпится сесть. Буранов с трудом отрывается от окна – не надо глядеть!

Наконец, автобус с трудом двинулся. Через некоторое время Буранов поднял глаза и снова увидел около себя толстуху. «Что за бесстыжий парень, с каких пор жду, что уступит место, а он и не шевелится. Сначала уставился в пол, теперь не отрывает глаз от окна – девиц разглядывает,– вот уж хам невоспитанный»,– читается на ее лице. Буранов действительно не отрывал глаз от окна. Но он не разглядывал никаких девиц,– в висках, как молоточки, стучали слова: «Не она! Не она! Нет, не она!..» На каждой остановке он приподнимался, чтобы сойти, но какая-то сила вновь вдавливала его в кресло. Дополнительная глава! Укоризненный взгляд Азима Саатовича, его грозное предупреждение: «Только об этом лишь думайте! Обсуждение на носу... Решающие минуты... Способные и ловкие ученики Гайбуллаева... Исмаил... «Братья Карамазовы», третья серия... Племянница, приехавшая

поступать учиться, а вместе с ней – заботы, суматоха. Нет, дополнительная глава, и баста! Сегодня ночью нужно набросать черновой вариант. Набросать – и никаких гвоздей. Нет, не она, просто показалось. Похожа – и все. Но ведь ужасно похожа. Что? Нет-нет, не она это вовсе! Не она!»

Буранов пришел домой, не приласкал дочку, выбежавшую к нему с криком «папа», выпил пиалу чая и заперся в своей комнате.

Он просидел за столом больше двух часов, но так ничего и не написал. На листе бумаги чернело лишь название дополнительной главы.

А какой у тети в кишлаке чудесный дом, с садом, с огородом! У искусственного водоема – хауза, под китайской грушей – роскошная, просто царская суфа – уляжешься на ней, протянешь руку и рви себе груши – не хочу. А как чудесно там вечером, ночью. Из-за виноградных плетей выглядывает луна. Теткин муж крутит усы и рассказывает, рассказывает... А уж тетка вьется вокруг тебя, как ночной мотылек. «Давранджан, плохо едите, не нравится? Что сготовить, миленький? Ах, невестушка, ешьте, родная. Фирузаджан, возьми вот это красное яблочко...»

Каждый год, приезжая в кишлак, он прежде всего идет к тете. Ему нравится и этот райский сад, и эта ночь на царской суфе, угощения, и заботливая, такая родная тетка, и вспыльчивый, разговорчивый дядька. В прошлом году, когда он был у них, тетя сказала: «Родненький, Гульчехра хочет быть артисткой». Давран вопросительно поглядел на дядьку и улыбнулся. Тот крутил усы и молчал. Городская невестка, жена Даврана, любезно зачастила: «Пусть поступает. И никаких общежитий, у нас места хватит»,– и, откусив кусочек красного яблока, с аппетитом захрумкала им...

«Вот и хорошо,– сказала тетя.– Сами устройте, сделайте из нее человека, милые мои, поручаю ее вам».– «Постараемся. Хочешь, курносая, артисткой быть?» Сидевшая почти у самой двери Гульчехра, обнимая Фирузу, разливала чай. Она покраснела и пробормотала: «Говорят, и доктором хорошо».

Ну вот, теперь она приехала в город учиться на доктора или на артистку.

Да, кстати, почему это она стояла одна на остановке? А где же ее подруги, где спутники? Не приехала же она одна из кишлака? Стоит сиротливо и смотрит тоскливо вокруг. В руках – старенький чемоданчик. И так не похожа она на тех, что проходят мимо. А в глазах растерянность, нерешительность, испуг.

Одна в большом, многолюдном городе, на остановке, растерянно смотрит на проходящих мимо, отыскивая родного дядю в толпе незнакомых людей. (Она думает, что здесь, как у них в кишлаке... «Эй, братец, где дом Эшмата?»– «А вон пройдете тополевую рощу и прямо под старым тутовым деревом калитка».) Дурочка. Она ведь впервые попала в большой город. Куда идти, у кого спросить? Она ведь не знает, что родной ее дядя только что бесстыдно проехал на автобусе мимо, хотя и увидел ее в окно, она не знает и того, что кто-нибудь из вот этих беззаботно проходящих мимо людей может причинить ей зло. Она не знает...

Буранова даже бросило в жар. Он спорил сам с собой, оправдывался... «Подлец, настоящий подлец».– «А может быть, это не она?» – «Неужели же ты не узнал родную племянницу? Что, у тебя чирей на глазу?» – «Времени в обрез. Ведь бывают же особые обстоятельства».– «Брось. Бывают дни, когда ты от безделья только в шахматы играешь, как это, по-твоему, расценивать? Что такое для тебя дополнительная глава? Две ночи – и все. А наставления руководителя – это так, желание припугнуть, он знает, что без грозных наставлений ты так и будешь тянуть до бесконечности. Племянницу, родную кровь, бросил одну на автобусной остановке. Закрыл глаза и проехал мимо, мерзавец, трус. Каким же нужно быть для этого подлецом. Забыл, что обещал тетке, когда она не знала, куда тебя посадить, чем накормить, как ублажить? По крайней мере, вспомнил бы хоть о ней, бесчестный. Ах, боже мой, ну потратил бы один вечер, не конец же света настал бы».– «А завтра, завтра? У кого есть время и силы водить ее по институтам?»– «Так ведь Барно дома сидит, она в отпуске.

С утра до ночи зевает и не отходит от телевизора. Ну, помогла бы хоть документы сдать. Не чужому помогла бы, а племяннице мужа. Она ведь тоже обещала, аппетитно заедая

свои обещания красными яблочками».– «Я боялся, что она не выдержит экзаменов, не поступит».– «Тоже нашел причину. Господи, ну не поступила бы, так что, всякое бывает. Ничего страшного. А может, и поступила бы, школу-то хорошо кончила. И не нуждается в твоей помощи. А может, испугался, что сдаст и будет жить у вас, как обещала твоя жена. А это лишние заботы.»– «Нет-нет, такое мне и в голову не приходило. Я думал только о работе, об обсуждении. Если мне не поторопиться, то...» – «Что? Лишишься высоких званий, веселых вечеринок, загородных прогулок? Вот в этом-то и все дело. Ты думал о том, что твой приятель Шермат пригласил тебя прокатиться за город в воскресенье. Верно? Ты думал, как бы поскорее закончить работу и успеть к воскресенью на «обмывание» очередной защиты. Верно? Да-а, хорош гусь. Ну опоздал бы на сей раз обсудиться, пропустил бы свою очередь, обсудился бы в следующий раз».– «Нет, не то, не то, я совершил подлость, себялюбец, вот я кто, не хотелось нарушать спокойствие».– «Ах глупец, ах, трус, мерзкий негодяй».– «Хватит. Хватит!»

Буранов вскочил со стула, накинул на плечи пиджак и нулей вылетел из дома. Он не ответил на встревоженный вопрос жены, сидевшей с дочкой на коленях у телевизора и наслаждавшейся третьей серией «Братьев Карамазовых».

На улице он остановил такси и отправился на остановку у аптеки. Всю дорогу он смотрел то в правое, то в левое стекло... Была уже ночь, людей на улице было мало. И на остановке в свете ночного фонаря маячили какие-то полупьяные парни. «Где-то здесь недалеко должно быть общежитие мединститута. Значит, она сошла с поезда, доехала на троллейбусе до аптеки, постояла здесь, подождала дядю, а потом, расспросив людей, пошла в общежитие». Он вспомнил о том, что не сообщил тете адреса своей новой квартиры, и теперь очень жалел об этом.

В вестибюле общежития худощавый старик вахтер в выцветшей тюбетейке и длинном чапане дремал на старом пожелтевшем диване. На стуле стояла электрическая плитка и на ней, булькая, кипел чайник. Приветливо поздоровавшись с вахтером, Буранов объяснил, что ищет племянницу.

– Знаем мы таких дядьев,– неожиданно грубо заворчал дед.

– Да вы поймите...

– И понимать не желаю. Нас сюда зачем поставили? Для того, чтобы мы в ночь-полночь открывали двери и пускали таких дядьев, как вы?– Он неожиданно легко поднялся с места.– Взрослый человек, а стыда нет.

– Да что вы такое говорите? Вы только подумайте, что вы говорите?

– Знаем, что говорим. Отправляйтесь отсюда. Давай, давай.– Старик подтолкнул Буранова к двери.– Такие фокусы со мной не пройдут. Дураков нету, пускать таких, а потом отвечай за вас. Даже самого господа бога не пущу, понятно? Служба у меня такая.

Буранов направился к двери и столкнулся с высоким лохматым парнем, который, проходя мимо, шепнул:

– Да суньте вы ему мелочишку...

Давран, считавший такие приемы позорными для себя, махнул рукой, с треском хлопнул дверью и вышел на улицу.

На остановке не было ни души, и лишь поодаль на чемодане сидела съежившаяся фигурка, опершись локтями на колени. Буранов подошел поближе. Парнишка, сидевший на чемодане, испуганно поздоровался и встал, его блестящие глаза глядели на дорогу.

– Чего ты здесь сидишь?

Парень вздрогнул, но тут же овладел собой и спокойно ответил:

– Да так...– Он посмотрел исподлобья на Буранова и осмелел:

– Мы с поезда, сторож не пускает, говорит, мест нет, приходи, мол, завтра.

– И куда ты собираешься идти?– спросил Буранов глухо.

– К брату пойдем.

– А где твой товарищ?

– Какой товарищ?

– Да ты все говоришь «мы» да «мы».

–Это я о себе.

Буранов рассмеялся. Парень, глядя на него, тоже заулыбался.

– А ты знаешь, где брат твой живет?

– Знаю. На Чиланзаре.

– Где именно на Чиланзаре? Чиланзар ведь большой.

– Найдем...– грустно улыбнулся парнишка.– На Чиланзаре. Около его дома большущий парк...

– Ты был у него раньше?

– Раньше мы не были, это брат, когда приезжал, рассказывал.

Любого бы рассмешила столь точная информация. Но Буранов не рассмеялся, он потер подбородок и снова спросил:

– А у тебя адрес есть?

– Был...– Парень вдруг огорченно вздохнул.– Был, клали мы его дома в карман, а с поезда сошли – нет...

– Хм, как же ты поедешь туда?– Буранов задумался: «С виду смышлеый, а на самом деле растяпа».

– А вот автобусов сколько,– сказал парень, показывая на приближающиеся к остановке автобусы.

– И ты думаешь, что все они едут на Чиланзар?

– А куда же?

– О господи, откуда ты свалился такой? Где твой брат работает?

– В Институте культуры,– сказал парень и с гордостью добавил:

– Преподаватель.

– А чего же ты не в Институт культуры поступаешь? Брат там работает...– Буранову вдруг стало неловко от своего вопроса.

– А мы хирургией интересуемся.

– Ага, прекрасно...– Буранов тронул парня за плечо.– Тогда так, товарищ будущий хирург, поедем к нам, переночуешь. А завтра найдем твоего брата. Идет?

Парень не отозвался, он снова отвел глаза в сторону, не поднимаясь со своего чемодана. Глядя на него, Буранов вспомнил, как сам впервые приехал в город. Перед дорогой мать прочла ему целое наставление: «Будь осторожен, в городе в минуту очистят, и сам не заметишь». Тогда он ехал в студенческий городок к своему односельчанину на такси и

не отрывал глаз от шофера: «Завезет куда-нибудь». Деньги у него были зашиты под подкладку пиджака, а в чемодане две-три смены белья и книги. Буранов улыбнулся: «И этот тоже выслушал дома наставления, уговаривать его бесполезно».

После недолгого раздумья он решил – нужно постараться испробовать все, чтобы парня хоть на эту ночь пристроить в общежитии. Парень согласился. Вахтер, увидев их, расшумелся, но Буранов воспользовался-таки советом патлатого и впервые в жизни тайком, как вор, сунул старику деньги: «Устройте его на ночь, завтра его брат заберет». Старик деньги взял, но снова разворчался: «Где я ему найду место?» И опять помог патлатый, который разговаривал в сторонке с невысокой худенькой девушкой. «Да пустите его,– сказал он,– в нашей комнате есть место».

Буранов вышел на улицу вконец расстроенный и все думал о своей племяннице, как же он и на сей раз не расспросил, там ли она? Возвращаться не хотелось, не хотелось видеть злющего старика-вахтера. «Наверно, она не здесь. Наверно, поехала в театральный».

Он остановил такси и подъехал к театральному институту.

Здесь дежурил не старик, а приветливая пожилая женщина.

А здесь все абитуриенты, дорогой,– сказала она с улыбкой, не выпуская из рук вязания.– Не буду же стучать во все двери ночью.

Ее зовут Гульчехра,– сказал Буранов с надеждой.

А здесь половина девушек Гульчехры,– засмеялась женщина.– Приходите утром, дорогой, вы найдете ее в институте.

Буранов снова вышел на улицу и остановился. Он поднял голову – во всех окнах горел свет.

Мигают, мерцают лампочки, выхватывая лица, руки. Мигают, мерцают... Разные одежды... Черные, синие, желтые – это парни; белые, красные, золотистые, голубые, зеленые – это девушки. Мигают, мерцают. Там, среди этих бликов и цветов, и Гульчехра. Но какая из них его племянница? Кто знает. Все они Гульчехры.

В эту ночь Давран Буранов вернулся домой поздно. Он устал. Нажав пальцем на дверной звонок, он вспомнил о дополнительной главе. Перед глазами мелькнуло сердитое лицо Азима Саатовича: «На время вам придется отказаться от всего. Именно в эти дни для вас дорога каждая минута...» И тут же он услышал грустный голос того паренька на остановке: «На Чиланзаре. А около дома большой парк...»

Перевод Н. Владимировой

Узбекская проза периода независимости

В создании того, что мы называем современным узбекским литературным процессом, участвуют сотни писателей различных поколений со своим художественным почерком, неравнозначным талантом и далеко не всегда предугаданным местом в истории узбекской литературы. Каждый из них в меру своей творческой самостоятельности выбирает свой путь. В данный период концептуальной линией развития узбекской литературы «становится ориентация на полифонию, охватывающую все основные структуры художественной системы – направленческую, стилевую, жанровую, проблемно-тематическую, сюжетно-композиционную и т.д.»[1]. Это, в свою очередь, спровоцировало рождение огромного количества новационных художественных произведений. Наиболее яркими экспериментами характеризуется узбекский малый жанр, который вобрал в себя практически все типы художественного мышления, характерные как для прозы, так и для поэзии, и для драматургии. В узбекской малой прозе начала XXI века обновляется концепция личности, возникает новый тип психологизма, связанный с закрытостью, сосредоточенностью на себе современного человека, попытками переоценить традиционные духовные ценности. В современном узбекском рассказе представлены разнообразные творческие искания и формы структурно-художественной трансформации. Он «... размыл четкие границы между реалистическим и модернистским типами художественного

[1] Мирзаев С. Узбекская литература XX века. – М.: Вост. лит., 2010. С.73.

сознания»[1], формируя внутри литературной системы множество стилевых направлений. Отечественная малая проза дает примеры художественного синтеза различных жанровых моделей, форм, конструкций. Так, Исажон Султон создает такие пограничные жанровые образования, как рассказ-раздумье («Чаша на воде» – «Сувдаги коса»), рассказ – семейная хроника (« Судьба» – «Қисмаг»); Улугбек Хамдам – рассказсновидение («Пиала воды» – «Бир пиёла сув», «Тюльпаны» – «Лола», «Забытые мелодии ная» – «Унутилган най навоси», «Камень» – «Тош» и др.), а произведение («В бездне сознания» – «Миямнинг ичида») Раимжона Рахмата можно назвать «рассказом-запиской». Повествовательная манера узбекских прозаиков свидетельствует, на наш взгляд, о жанрово-стилевом обновлении современного рассказа, стремлением к экспериментальным новациям. В ней вариативность мировидений, новые художественные решения связаны с постановкой вопросов духовно-нравственного порядка.

Несомненный интерес в этом отношении представляет рассказ И. Султона «Чаша на воде», написанный в 2010 году и являющийся неким сплавом разножанровых особенностей. Это и «рассказ-зарисовка», и «рассказ-мысль», и «рассказ-раздумье» с сильным элегическим началом, запечатлевший не только мгновенные лирические переживания, нюансы неопределившихся чувств, но и глубокую, преданную любовь к Отчизне. Все это звучит, без излишнего морализма, рассказ убеждает и подкупает читателя массой точно и верно схваченных деталей. В основе рассказа «Чаша на воде» лежит антитеза, образу Возлюбленной – Отчизны противопоставляется Море-Чужбина, а лодка на воде – человеческая судьба и *«...чаша плывет не как ей заблагорассудится, а по воле водной стихии»*[2]. Рассказ И. Султона, по сути говоря, цепь впечатлений, наблюдений, лирических зарисовок. Писатель выступает здесь незаурядным, тонким и вдохновенным мастером пейзажа – особенно – «ферганского», с его чистыми

[1] Гарипова Г.Т. Образ одинокого человека в национальной картине мира в узбекской новеллистике рубежа XX – XXI веков. // Ж. Преподавание языка и литературы». – Т., 2010 №4. С. 68.

[2] Здесь и далее даны переводы автора статьи.

акварельными красками, полутонами и задушевностью. Он удивительно передает очарование летнего вечера в кишлаке: *«точно тонкий занавес медленно и неторопливо спускается на деревья, на опоры виноградных лоз, на пыльные улицы, на аккуратно убранные поля – спускается тихо и бережно! Кое-где, во дворах можно увидеть семьи, оживленно беседующие за ужином под желтым светом фонаря, висящего на ветке айвы или яблони. Соседи угощают друг друга ужином. У очага слышен звон помытой посуды, которую раскладывают по местам. Вокруг стоит запах клевера, молока, запах свежесрезанных листьев тутовника, смешанный с ароматом базилика, растущего во дворе».* Реалистическая пластичность письма, соединяясь с лиризмом, создает почти музыкальное произведение, чему во многом способствуют рефреном звучащие строчки: «*Волны плещутся и бьются о лодку*». Колоритный, точно взвешенный и тонко обдуманный художественный язык создает совершенно новый образ Родины, любовью к которой пронизано каждое слово: «*…двух людей в лодке, которую вертит, словно соломинку среди бушующих волн, манит Отчизна. Страстные желания и мечты лишь о встрече с Ней. Возлюбленная моя, ты услада души… Я ощущаю всем своим существом неразрывную связь с Любимой, и, если ее не будет, мне остается лишь сгинуть в этой пучине».* Размытость сюжета, отсутствие фабульной развязки, множество лирических отступлений, открытое личное, субъективное мироощущение художника, неизбежно включающее в себя оценочный элемент с одной стороны и самостоятельность взгляда и чувства, свой взгляд на мир, открытость, прозрачность авторской позиции и патриотический пафос – с другой позволяет определить данный лирический рассказ как «рассказ – раздумье», способный вместить в себя судьбу человека, связанную с судьбой народа, нации, государства. Поэтому произведение И. Султона звучит с большой пронзительной силой и способно конкурировать с крупными обстоятельными вещами.

Раимжона Рахмата характеризуют иные творческие устремления. Он тяготеет к сюжетам отчетливым, фабульно напряженным и ясным. В его рассказах нет лирической

размытости и эскизности, которая свойственна художнику-лирику И. Султону. Но с И. Султоном его роднит то же стремление докопаться до сути человеческого характера, его соотнесенности с эпохой («Я и мир»), связать неразрывными реально существующими, но недостаточно еще познанными закономерностями развития человеческой психики. Его рассказ «В бездне сознания» (2011 г.) также представляет некий авторский эксперимент, в основе которого лежит художественный прием «поток сознания». Повествование в этом произведении настолько обнажено, концентрированно и емко, что читателю тяжело выдержать такую сгущенность фантазии вперемежку с жизненными реалиями. В рассказе отсутствует обращение автора к читателю через произведение, в каком-то ни было традиционном виде, посредством содержания или художественной формы. Автор ничего не «хочет сказать» и все смыслы, которые читатель находит, он вычитывает из текста самостоятельно. Привычка воспринимать произведение как высказывание автора, нацеленное на возможного адресата, в данном случае играет с читателем злую шутку. Этот прием художника позволяет вступить в своеобразную игру с читателем, вовлекая его в процесс чтения с неожиданными поворотами и резко контрастирующим финалом – определенным в своей одномерной конечности: это или смерть или окончательное тупиковое одиночество героя (как заблагорассудится читателю!). Р. Рахмат намеренно прибегает к такой крайности, чтобы показать, что причины страшной деформации сознания в нашей душевной несвободе, социальной заданности, запрограммированности, в неспособности разрешить извечный вопрос о смысле человеческого бытия. Писатель как бы подчеркивает, что наше безответственное отношение к собственной жизни, когда мы живем, не углубляясь в суть явлений, подчиняясь бытовым или клановым стереотипам, не может не разрушать нас изнутри, не калечить наше сознание, психику: *«Я не чувствую, не вижу своего тела, оно перестало существовать - все стало тьмой, осталась только одна способность – видеть. Больше ничего. Мне кажется, что душа моя покинула тело и стремительно летит в бескрайнюю темноту».* Форма сно-

видения, сочетание несочетаемого лишь на первый взгляд может показаться нехитрым приемом. Ведь предметом изображения здесь намеренно делается не некий вымышленный мир, а деятельность сознания, освобожденного во время сна от социальных условностей. Многослойное, хрупкое, ускользающее от однозначных толкований произведение Р. Рахмата все же имеет символический, обобщающий смысл. Это рассказ о внутренней несвободе человече-ских поступков, художественное объективное исследование того, в какой мере человек, полностью отдающий себе отчет в каждом шаге, вдруг осознает, что сам себе неподвластен. Его усилия, попытки вернуть светлую часть своей личности, оказываются безуспешными и нравственные критерии, обращенные внутрь самого себя лишь слабая попытка возвратить свое «Я»: «*...опять из постепенно уменьшающейся светлой части моего сознания послышался тонкий, печальный голос: ты еще не проснулся! Из темного уголка моего сознания медленно, как шипящая змея, выползла мысль: ты не сможешь проснуться, ты давно уже мертв*». Писатель до конца безжалостен в своей объективности по отношению к герою рассказа. Но смысл произведения не сводится к разоблачающему психологическому эксперименту. Идея намного шире – в утрате человеком способности самореализации, означающей, в конечном итоге, омертвение личности, так как внутренняя дисгармония разрушает двигательные силы внутреннего развития. Светлая часть сознания возвращает картины-вспышки из прошлой реальной жизни, создающие ощущение духовной защищенности и личностной свободы: *«...это девушка, которая в юности отвергла мою любовь и вышла замуж за другого; ...на кухне увидел свою бабушку: она накрыла на стол, заварила чай, вымыла пиалы и положила на край скатерти, перевернув их; Моя покойная бабушка не любила их, называла «ворами чужой земли»... Сосед наш постепенно присвоил себе всю землю пограничной зоны, разделяющую наши участки, каждый раз обрезая по чуть-чуть и нашу территорию»*, но эти мгновения истинной жизни вновь поглощает мрак повседневности. Форма дневниковой записи освобождает художника от условностей

жанра, позволяя свободно и глубоко реализовать свой замысел.

Жанровые новообразования в современной узбекской литературе свидетельствуют о специфическом художественном мышлении авторов. Они формируют новую модель повествования, нарушая пространственно-временные связи, усиливая символические знаковые элементы, ассоциативные цепочки и аллюзии. В рассказах периода независимости актуализируется философская установка на мифологизм и символизацию, которые расширяют и углубляют повествовательное пространство.

Узбекская прозаическая традиция использования образов-символов восходит к творчеству М.Бехбуди, А.Кадыри, А.Фитрата, Чулпана, Айбека и др. Хотя в 20-е годы XX столетия узбекская литература переживала процесс обновления и поисков модернистских новаций, но символизация как художественный прием была уже известна в классической поэзии Востока. Это явление было характерным и, можно сказать, основополагающим для нее. Затем эстафету подхватили наши «шестидесятники»: У. Хашимов, Т. Пулатов, Ш. Холмирзаев и другие, которые использовали символизацию с целью разрушить иллюзию жизнеподобия, нередко возникающую у читателей, чтобы подчеркнуть многозначность, большую смысловую глубину создаваемых ими образов.

Цель символизации в современном узбекском рассказе – в создании и постижении сегодняшней действительности. Писатели используют символы, создавая многозначные образы-обобщения, связанные с различными сторонами жизни людей. Причем в некоторых произведениях современных авторов образ-символ приобретает конкретность и национальную самобытность, отражающую ментальность узбекского народа.

Разработка «неопсихологизма», особое внимание к глубинным процессам человеческой психики, оригинальное использование символов и символических деталей присущи малой прозе У. Хамдама. В его рассказах «Камень» («Тош»), «Мусульманин» («Мусулмон»), «Пиала воды» («Бир пиёла сув»), «Тюльпаны» («Лола»), «Забытые мелодии ная» («Уну-

тилган най навоси») символы расширяют перспективу произведения, позволяют читателю на основе «авторских подсказок» выстроить цепь ассоциаций, воссоздающую общую картину современной жизни. Этот автор обладает незаурядным дарованием, все его произведения – это размышление о судьбе человека в широком контексте мировой вселенской жизни. В каждом из этих рассказов У. Хамдама ставится та или иная нравственная проблема. В своих произведениях писатель пытается не столько выявить причинно-следственные связи, сколько обнаружить созвучие стихии современности со стихией Природы. Автор ищет ту ноту, которая бы открыла путь к этому созвучию, тот ритм, который бы открывал возможность слияния «разнородных сред». В его рассказах четкий сюжетный каркас, композиция обычно не имеет ясно выраженного развития действия, кульминация сливается с развязкой, но при всей четкости формальных аспектов повествование являет собой как бы запечатленный в кадре момент (хоть и разной продолжительности) непрерывно движущегося стихийного потока жизни. Событийно действие не находит своей исчерпанности, конфликт поддается исследованию, но не разрешению. Сюжет хамдамовских рассказов строится по законам многоголосого музыкального произведения. Причем в каждом из рассказов писатель стремится отыскать такой аккорд, такое созвучие, которое могло бы служить одновременно и своеобразным аккумулятором и источником художественной энергии в рассказе. Таким элементом в рассказах Хамдама является символика. Образы-символы становятся рефреном обобщающим картины мира, способным мобильно подключаться к накоплению и трате энергии в рассказе. В «Мусульманине» такого рода аккумулятором становится сразу несколько образов-символов: образы птичек как символа совести, времени, судьбы и души; образ дерева – символ жизни; образ сада – философский символ, который подчеркивает связь времен, взаимопроникновение различных пластов жизни, родственных корней, молодого поколения, устремленного в будущее. В «Тюльпанах» – это напоенный звенящей нежностью и манящий образ тюльпана-мечты; скала – символ сложности

достижения цели; мотыльки – стремящиеся к жизненному «восхождению» люди. В «Пиале воды» – лейтмотив жажды, символизирует представление о невыполненном человеческом предназначении. Постепенно из рассказа в рассказ расширяется значение образов-символов пути, дали, движения: они выражают представление автора о вечном и преходящем в жизни людей, о судьбе личности и судьбах мира, создают «миф» о человеке и времени.

Наиболее ярким в структурно-художественном отношении представляется рассказ «Мусульманин», опубликованный в 2010 году в журнале «Ёшлик», №10, отразивший широкий круг противоречий и духовно-нравственных исканий автора. В героях-близнецах, Хасане и Хусане, писатель попытался уловить, запечатлеть движение нравственных идеалов нынешнего молодого поколения. В ключевые моменты личностного выбора героев автор создает образы-символы, проясняющие их отношение к жизни, способствующие самопознанию и духовному прозрению (образ мечети, образ сада, образ осыпавшегося дерева): «*Когда птичка взлетела, вместе с цветами трепещущей ветки, на которой она сидела, стали осыпаться цветы всего дерева, полностью обнажив его. Голое дерево казалось безнадежно мертвым. Но оно было ещё в таком возрасте, когда могло жить и плодоносить. И если в его корнях не заведутся черви, если оно выстоит под натиском стихий, то хочется верить, что следующей весной, оно вновь зацветет… Хотелось бы верить…*

Да, если дерево не устанет цвести, птичка тоже когда-нибудь обязательно вернется…».

Вообще символика является специфической особенностью художественной палитры авторов. Рассказчики используют два типа символов. К первому типу можно отнести символы, имеющие опору в культурной традиции. Они часть культуры, для их построения писатели используют язык мировой культуры, в принципе понятный более или менее осведомленному читателю. Конечно, каждый символ приобретает индивидуальные смысловые оттенки, близкие писателю, важные для него в конкретном произведении. Такими «куль-

турно-историческими» символами являются образы-символы «дороги», «пути», «моря», «сада», «неба», «полета», «бездны», «птицы». Ко второму типу можно отнести символы, созданные без опоры на мировую культурную традицию. Такие символы возникают на основе смысловых отношений внутри одного литературного произведения или ряда произведений. Таковы символы «камня», «арбы», «рыбы», «красных напомаженных губ женщины», «пиалы», «косы-чаши» и др., причем многие из них отражают ментальность народа.

Таким образом, для современного узбекского рассказа характерно стремление к глубинному познанию и исследованию человеческой души, включенной в противоречивую сложность мироздания. Узбекские писатели, отражая частные, мимолетные, «незначительные» моменты из жизни людей приходят к фундаментальным художественным обобщениям и исследование плоскости «Я-Я», субъективный индивидуализм позволяет познать, понять, признать жизнь и наметить духовные ориентиры. Прием полистилизма[1] в рассказах узбекских авторов имеет внутреннюю мотивировку – историческую, психологическую, сюжетную. Спецификой «авторского» сознания обусловлены такие художественные тенденции, как интерес к проблемам сегодняшнего дня, актуализация широкого спектра литературных традиций, интерес к феномену смерти, психическим отклонениям и сновидениям, тяготение к жанрово-стилевым экспериментам. Все это позволяет говорить об эволюции и динамике узбекского литературного процесса в целом и о его достойном движении в XXI веке, ориентированном на «…включенность в мировой литературный процесс нового столетия»[2].

Узбекская малая проза периода независимости – понятие неоднородное. Наряду с рассказами, представляющими пограничные жанровые образования, стремящиеся к экспериментальным новациям, жанрово-стилевым обновлениям, в современной узбекской литературе есть и произведения с

[1] Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: Учеб. пособие. М.: Изд.центр «Академия», 2003. С.521.

[2] Мирзаев С. Узбекская литература XX века. М.: Вост.лит., 2010, С.375.

традиционной структурой, где «художественное исследование реализовано на материале единичного события значимых, нечастных явлений действительности»[1]. В этих рассказах можно выделить некоторые «жанровые традиции», передаваемые из поколения в поколение узбекскими писателями-рассказчиками. Как отмечала ученый Н.В. Владимирова, «…несправедливо было бы не помнить о существовании национальных традиций, ставших фундаментом для подлинного развития жанра рассказа в узбекской литературе и самим своим наличием обусловивших возможность восприятия всех многообразных воздействий (тенденций) мировой литературы»[2]. Устойчивость жанровых традиций указывает на глубокие корни, уходящие в национальную почву. Мы имеем в виду, прежде всего те «органические элементы»[3], которые позволяют говорить об узбекском рассказе как о некоей целостности, имеющей свои национальные истоки и национальную специфику. В этих традиционных рассказах присутствует образ современника, собирательный портрет людей нашего времени. Для них характерно разрушение стереотипов и канонов соцреализма и резкое возвышение роли быта, человеческой микросреды, которая включает его семью, его быт, самый узкий круг его интересов и потребностей. Сюжеты узбекских рассказов данного типа сосредоточены вокруг бытовой жизни человека, его отношений с семьей и ближайшим окружением, его отношением к природе, духовному наследию. Но через бытовые темы и сюжеты отечественные авторы показывают и разрешают глубинные проблемы. К такому типу относятся рассказы Мухаммада Али, Хуршида Дустмухаммада, Шаходат Исахоновой, Хайриддина Султана, Саломат Вафо, Зульфии Куролбой кизи. Всех этих писателей объединяет не только тяготение к клас-

[1] Шубин Э.А. О национальном своеобразии русского рассказа // Русский советский рассказ. Очерки истории жанра / Под ред. Ковалева В.А. Л., 1970 С.24.

[2] Владимирова Н.В. О развитии прозаического жанра в узбекской литературе// Владимирова Н.В. Развитие узбекской прозы XX века и вопросы художественного перевода.– Т.: Фан, 2011. С.103.

[3] Утехин Н.П. Жанры эпической прозы. Л.,1982. С.46.

сической форме рассказа, но и попытки вскрыть внутренние пружины поведения героев, выявить взаимосвязи между средой и личностью, исследуемой в самых различных аспектах. Перед нами лишь штрихи эпической картины современной жизни. Но штрихи эти начертаны с удивительной точностью, детали продуманно сориентированы. Рассказы данных писателей характеризуются самобытной точкой зрения к изображаемому явлению, к любой ситуации обыденной жизни. В самой этой обыденности и заложен элемент всеобщности человеческого бытия и судьбы народа.

Сегодня можно выделить две жанровые тенденции в развитии классической малой прозы: тенденция новеллистическая с ее стремлением «к формальной точности, оголенности сюжетной конструкции, предельной лаконичности»[1] и тенденция «рассказовая», которую характеризует тяготение «к эпической широте, свободному построению сюжета, сближению с жанром повести, «сказовая» манера повествования»[2].

Так, к «рассказовой» тенденции можно отнести рассказы «Кичкирик» Хуршида Дустмухаммада и «Нон» («Лепешка»), «Алтойир юлдузи» («Звезды Алтоира») Мухаммада Али.

Если говорить о рассказе «Кичкирик» (2011г.) Хуршида Дустмухаммада, то эпико-романтическая величавость и возвышенность его во многом определяются своеобразным авторским взглядом, видящим человека в общей панораме природы. Широкое понятие времени создается не столько с помощью последовательного изложения человеческой судьбы, сколько в своеобразном воссоединении человека и природы, в утверждении этих взаимосвязанных сторон мира. Сюжет рассказа незамысловат: в реке Кичкирик утонула молодая женщина, двухнедельная невестка, ее тело пытаются найти все жители кишлака, в том числе и главный герой Султан, который недолюбливал эту «своенравную» речку. Эта трогательная история могла бы выглядеть мелодраматичной,

[1] Тюпа В.И. Новелла и аполог // Русская новелла. Проблемы теории и истории. Спб., 1993. С.27.

[2] Там же. С.31.

если бы она была написана в обычной, так сказать, бытовой манере. Но Хуршид Дустмухаммад прибёг в своем рассказе к напряженным патетическим краскам и к тому высокому, несколько условному языку романтического искусства, который помогает раздвинуть рамки частного эпизода до известной символичности.

Река Кичкирик в рассказе персонифицирована, она выступает той природной стихией, которая противостоит человеческой беспечности, безответственности и равнодушию. Выступая в роли судьи над глупостью и самонадеянностью людей, она забирает в свои недра самое дорогое – детей, молодых женщин, сильных мужчин.

Главный герой Султан, превозмогая страх и неприязнь к этой «норовистой» реке, решается найти утопленницу, но в итоге находит себя в самом себе, обретя гармонию с природой. Повествование об этом процессе включает в себя важные мысли. Прежде всего – мысль о том, что человеку, вовлеченному в природный круговорот, не нужно что-либо понимать: *«... Султан отдался воле течения, ни о чем ни думая, ни силясь ничего понять... Султан словно сговорился с Анхором, заключил договор о недопустимости преднамеренного вероломства...»*[1]. Освобождение от необходимости понимания связывается в сознании главного героя с чувством освобожденности и обновления себя в себе. Герой еще пытался размышлять над вопросами, на которые не только нельзя ответить, но их нельзя задавать. Эти вопросы связаны с представлением о существовании неведомого человеку сознания, владеющего тайной мира, о связи и непостижимости для человека этих тайн: «*...Упреки и обиды у Султана сменились интересом, даже уважением к Анхору... Султан почувствовал, что вот-вот встретится с этим чудом... Они (рыбки. – К.С.) указывали путь, направление движения... Он настолько сблизился с Анхором и его водами, что может деликатно просить его, делиться своими чистыми помыслами, а если надо кричать во весь голос, так кричать, что Кичкирик, хоть на миг приостановит свое движение*». Но главное открытие происходит в момент полного отказа от со-

[1] Здесь и далее даны переводы автора статьи.

знания, чувства, слуха. В этом состоянии полной растворенности вовне герой не видит ни неба, ни воды, ни земли. Он «*обмяк как каша – халим*», чувствуя лишь незримую дорогу, по которой произносились голоса: «*Смотрите, человек! Человек в воде!*». Так, только поняв Анхор, отказавшись от своей гордыни, главный герой смог понять и принять себя и, главное, спастись. Примечательно название реки «Кичкирик» («Крик»), что символизирует о зове, мольбе, призыве человека вернуться к своей сущности, вспомнить, что все вокруг, в том числе и человек – создание Творца. Только в единении с природой можно жить в гармонии с самим собой. Бережное и уважительное отношение ко всему позволит человеку выйти на качественно новый уровень духовности. Казалось бы, такая постановка проблемы не нова, но вечные темы, на то они и вечные, чтобы обращаться к извечным проблемам бытия, к вопросам, как жить, каким должен быть человек, что для него свято и вечно. В рассказе Хуршида Дустмухаммада процесс художественного переосмысления классических традиций, развиваясь по логике исторической преемственности, актуализирует формирование современной психологической концепции «Я – мир», которая типологически развивает глобальные нравственные проблемы.

В отличие от Хуршида Дустмухаммада, тяготеющего к адинамическому сюжету, Мухаммад Али создает предельно сжатую, концентрированную форму рассказа, насыщенную не столько действием, а эмоциями, позволяющими выразить ту или иную идею в предельно конкретном наглядном виде. Так, короткие, лаконичные и отрывистые фразы в рассказе «Нон» («Лепешка») создают в первую очередь ощущение авторской взволнованности, рожденной и организованной стихией воинствующей памяти. «Рассказовая» форма повествования позволяет автору талантливо реализовать тему памяти, сопряженную с идеей национального самосознания и итоговости пройденного узбекским народом пути. Особенностью рассказа «Нон» («Лепешка») является то, что он, будучи посвященным войне, по своему действию развивается во времени. Для рассказчика подобное обращение со временем требует большого мастерства, главным образом, компо-

зиционного, но зато при удачном и талантливом исполнении эта особенность, по-видимому, и придает так называемому «малому жанру» неожиданную монументальность и широту эпического дыхания. Весьма талантливо эта композиционная особенность, связанная со стремлением ввести в тесные рамки рассказа понятие «большого Времени», реализована в рассказе Мухаммада Али «Нон» («Лепешка»). Каждый народ на протяжении своей долгой истории пережил малые и большие войны, оставившие в его сознании традиции воинской доблести, славы и геройства предков, но эти мотивы, родившиеся в борьбе за национальную независимость и священные для каждой нации, неизменно соседствовали в народном сознании к миру, добру, справедливости и свободе от войн. И нет, пожалуй, другого, более распространенного, общечеловеческого по своему смыслу образа, чем образ скорбящей матери, оплакивающих детей, павших на поле брани. Этот образ проходит через всю историю человечества – от народного эпоса, Корана, Библии, Гомера до сегодняшних скульптур и памятников (в частности, памятника Скорбящей Матери, находящейся на Аллее Славы Площади Независимости в городе Ташкенте)…

Сюжет рассказа «Нон» («Лепешка») интересен всеобщей и символической проекцией авторской мысли, которая расширяет частную историю простой узбекской женщины по имени Жаннат (кстати, «Жаннат» в переводе с узбекского «Рай», что, весьма, символично) до широких пределов патетического гуманизма, объединяющих собой всех матерей Земли. Характерно, что Мухаммад Али в своем повествовании строит свой рассказ в двух планах: один общий, носящий почти открыто символический характер, и другой, приземляющий его, насыщенный густой плотной бытописью, что делает весь сюжет жизненно и материально удивительно и безусловно достоверным. Он, например, подробно описывает весь уклад старухи Жаннат, начиная с того, как она встает, одевается, молится и ежедневно на супе с утра до вечера, дожидается своего сына. Трагическая интонация в рассказе появляется лишь тогда, когда Жаннатой отпускает свою невестку восвояси и отказывается покинуть свой дом, несмотря на уговоры дочерей. С

этого момента весь налаженный уклад, кроме томительного ожидания сына, становится и в ее и в наших глазах как бы иллюзорным, ненужным, и все, что делает Жаннат, она, мы это чувствуем, делает механически. Жизнь, в сущности, уже ушла не только из этого крепкого дома, но и из ее, когда-то молодого, полного материнской жажды и нежности крепкого здорового тела. Не зря Мухаммад Али останавливает внимание читателя на внешнем физическом здоровье, крепости и силе главной героини, сумевшей без мужа выдать замуж двух дочерей и сыграть пышную свадьбу своему сыну; тем более поражает нас пагубность внутренних разрушений, которые обрекли мать на медленную верную смерть. Дети должны переживать своих родителей, чтобы дать новые ветви вечно зеленой и неумирающей жизни. Мать из рассказа Мухаммада Али пережила своего ребенка, и это противоестественно: смерть, не исторгнувшая из себя новых побегов жизни, принимает необратимый, всеуничтожающий и мрачно торжествующий характер. Потому-то все, что делает Жаннат, кроме ожидания встречи, делает как бы не она, не ее душа, и не ее разум, а лишь ее привычка – не более. Надкушенная лепешка, которая висела пятьдесят лет на стене и ждала своего хозяина, в конце рассказа раскалывается на мелкие кусочки. Эта деталь неожиданно для читателя производит тонко рассчитанный автором художественный эффект, производя сильное впечатление, трагедийного, но неизменно более высокого, катарсического смысла.

Особым образом стоит оговорить место женской малой прозы в современной узбекской литературе, имея в виду, что она выделена не на основании стилевых особенностей, а на основании гендеровской характеристики автора и проблематики. Женская малая проза – это рассказы, написанные женщиной о женщине. Конечно же, эти рассказы тяготеют к реализму, так как утверждают семейно-бытовые нормы, что говорит о праве женщины на сугубо женскую реализацию (дом, дети, семья), т.е. отстаивая традиционный набор ценностных позиций. Спецификой женского восприятия отличаются рассказы Шаходат Исахоновой, Дилбар Саидовой, Саломат Вафо, Зульфии Куролбой кизи.

Самые яркие имена в истории современной узбекской женской прозы – Саломат Вафо и Зульфия Куролбой кизи.

В рассказах «Аёл» («Женщина»), «Куланка» («Призрак») Зульфия Куролбой кизи с великолепным эстетическим чутьем совершает отбор того или иного материала. Она намеренно отказывается от какой-либо авторской оценки, вынесения так сказать приговора, погружая читателя как бы в поток жизни, только поток этот тщательно просеян ее эстетическим замыслом. В результате читатель наблюдает за жизнью, которая «как бы» течет, как она есть, при отсутствии «авторского повествования», благодаря таланту писательницы испытывает потрясение и мучается бедами, трагедиями, страданиями ее героев. В этих произведениях поражает какая-то необычайная концентрация, густота жизни, сжатой порою в миг. Наверное, это жизненное пространство героев до такой степени стиснуто и замкнуто, что превращается в «точку времени». Отсюда такая боль в сердце читателя. Осколки житейских историй, порою сентиментально выстроенных, но искренне и самозабвенно нарисованных в рассказах с легкостью можно экранизировать, настолько точны и релистичны характеры изображенных ею героев. Рассказ «Аёл» («Женщина») возник из живой жизни и при всей своей взволнованной лиричности подчинен исследованию переживаемых героиней эмоций и психологической наполненности этих переживаний. Автор стремится к извлечению экстракта чувств, экстракта настроений тем самым передавая психологический поток, сложное движение женской психики. Особенность композиции рассказа в его кольцевом характере. Произведение начинается и заканчивается описанием прекрасного утра, когда «лучезарное и сияющее» солнце просыпается и начинает согревать все вокруг, что позволяет читателю, несмотря на трагедию смерти, опоэтизировать образ Женщины. Зульфия Куролбой кизи превратила житейскую драму в историю о загадочной притягательности, обаянии, жизненной силе женственности, воплощенной в образе Назокат (грациозная, изящная). Стиль в рассказе «Аёл» («Женщина») Зульфии Куролбой кизи имеет специфические свойства: точность, лаконизм содержат за недоговоренностью, умолчанием глубокий подтекст.

Если в рассказе «Аёл» («Женщина») писатель продемонстрировала тонкость, щепетильность в отборе жизненного

материала, то в произведении «Куланка» («Призрак») она намеренно не уделяет внимания жизнеподобию. На первый взгляд, может показаться, что это авторский просчет, но Зульфия Куролбой кизи, на наш взгляд, намеренно опускает некоторые моменты в развитии действия, так как для нее было важнее показать действующих лиц не как объектов художественного наблюдения, а как субъектов этического выбора. Это позволяет говорить о попытке автора создать современный рассказ-притчу о Любви. Соседство неправдоподобного вымысла с достоверной реальностью в данном произведении помогает автору соединить приемы беллетристики (занимательная интрига, легкость усвоения, доступность разным возрастам и слоям населения, независимо от их образования, мелодраматичность и т.д.) с притчеобразным характером рассказа.

Писательская манера Саломат Вафо резко отличается от типично «женской прозы», к которой тяготеет Зульфия Куролбой кизи. У нее не возникает потребности иронией, изощренной образностью или сентиментальным жестом «снять» ужас жизни. Она бесстрашна и беспощадна. Ее стиль отличается предельным самовыражением, откровенностью, когда слово делает явление более масштабным, объемным. Напряженная интонация, внимание к звуковому облику слова несут в себе мощную эмоциональную энергию. Рассказы «Женщина, забывшая себя»[1], «Гора Бутан»[2] поражают оригинальным усилением авторского начала, укреплением экспрессивных элементов творчества, стремлением к самовыражению, созданию предельно субъективного мира. В них трагизм и значительность личного опыта, который она пытается передать, активизируя авторское начало повествования, обнажая, усиливая, форсируя авторский голос, не скрывая своего лица, не пряча его под маской вымышленного персонажа или предельно сближая свое «Я» с «Я» своих героинь. Кроме того, ее творчество отличается тем,

[1] Саломат Вафо. Женщина, забывшая себя // Звезда Востока. 2008. №1–2. С.7–10.

[2] Саломат Вафо. Гора Бутан Перевод с узбекского Тумановой Зои // Ж. «Дружба народов». 2010. №1. С.131–136.

что она попыталась вырваться за пределы традиционной для женского творчества любовной темы, хотя особое, присущее женщине повышенно-эмоциональное восприятие всего происходящего буквально пропитывает каждую строку ее произведений, посвященных другим вопросам. Рассказ «Гора Бутан» нельзя заключать лишь в рамки любовной проблематики. Вернее, она присутствует в произведении, но осложнена многими проблемами экзистенциального характера. Это произведение – поиски идеала, надежды на всепрощение, путей избавления от душевной сумятицы и житейской маяты. Саломат Вафо выстраивает многослойные мизансцены, где на первом плане двигаются ее персонажи, а далее возникают непроницаемые глубины, изредка взрываемые потоками света. Свою героиню Саломат Вафо лишает всяческой духовной опоры. Ей не за что зацепиться в этом мире. Ни божественная красота, ни религиозная истина не дают ей успокоения, не помогают приблизиться к духовной гармонии. *«Какие-то страхи заползали в слабую душу. Мысли о смерти... Как спастись от нее, как уберечься? Да, жизнь утомляет, она бесполезна, но... Безжалостна ты, жизнь! Чтобы вырваться из водоворота ужаса, я готова была весь этот мир, существующий уже множество тысяч лет, отвергнуть, отдать. Отдать весь, до последней частицы. О, Создатель, каким же Ты сотворил человека – слабым и переменчивым, способным к предательству...»*[1]. В этом она полностью принадлежит к нашей эпохе с ее разъедающими сомнениями и горьким опытом познания и разочарования.

Рассказ «Женщина, забывшая себя» – это вариант погружения в глубины человеческой психики и подсознания с непривычной и даже вызывающе обнаженной откровенностью. Но психологизм «потока сознания», призванного соединить природное и человеческое, разрушить грань, отделяющую внутренний мир человека от мира внешнего, заставляет испытывать не только одно потрясение, не только ужас от прочитанного и пережитого, а способствует проникновению в глубину явлений, постижению его сути, которые возможны

[1] Саломат Вафо. Гора Бутан Перевод с узбекского Тумановой Зои // Ж. «Дружба народов». 2010. №1. С.131.

только при «включении» работы подсознания. Автор здесь принципиально отказывается от фабулы, она попыталась в рассказе напрямую соединить свой внутренний мир с миром героини, т.е. воссоздать то «лирическое я», которое было, наверное, наиболее адекватным выражением строя ее мыслей и чувств. Человек с обожженными нервами, женщина без кожи – вот как можно было бы обозначить ее мироощущение в данном произведении.

Зульфия Куролбой кизи и Саломат Вафо обозначили своим явлением новый характер узбекской малой прозы. Это явление как бы перечеркнуло устоявшуюся второстепенную роль так называемой «женской прозы». Новая структура вечной женственности, подсознательные глубины женского интуитивного знания определили новый характер узбекского современного рассказа. Их женская интуитивность, активно реагируя на новый исторический опыт, вырабатывает энергию духовного сопротивления процессам размывания и подмены нравственных ценностей, утверждает общечеловеческий масштаб видения мира. Обе – и Зульфия Куролбой кизи, и Саломат Вафо – сказали новое слово своими рассказами, придали традиционным темам глубину и многогранность, подчеркнув их неисчерпаемость.

Таким образом, утонченный психологизм, тяга к темным подсознательным сторонам человеческой природы, исследование духовных аномалий и нравственных катаклизмов личности, оторванной большей частью от конкретно-социальных условий и обстоятельств – вот характерные черты рассказов с традиционной структурой. В этих рассказах ощутимо желание писателей не отставать от самых новейших веяний века, быть на уровне и даже впереди современных эстетических и духовных исканий культурного мирового сообщества.

ХУРШИД ДУСТМУХАММАД
(род. в 1951 году)

Журналист и писатель Хуршид Дустмуҳаммад родился в 1951году в Ташкенте. В 1969 – 1973 годах учился на факультете журналистики в Ташкентском государственном университете (ныне Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека). Работал в Издательстве «Фан» в журнале «Фан ва турмуш», газете «Қишлоқ ҳақиқати». С1986 года работал зав.отделом, зам. главного редактора, главным редактором журнала «Ёш куч». Работал главным редактором газеты «Ҳуррият», был председателем общества по поддержке и демократизации средств массовой информации Узбекистана. В настоящий момент работает в законодательной палате Олий Мажлиса Республики Узбекистан.

Хуршид Дустмуҳаммад – кандидат филологических наук, талантливый литературовед, известен своими критическими статьями. Его перу принадлежат переводы произведений Акутагава Рюноске на узбекский язык.

Первый рассказ писателя был опубликован в 1981 году в журнале «Гулистан», а первая повесть «Нигоҳ» («Взгляд») вышла в свет в 1987 году в журнале «Ёшлик». Он – автор сборников рассказов и повестей, романов «Ҳовли этагидаги уй» (1989), «Ҳижроним мингдир менинг», повестей «Паноҳ», «Оромкурси», «Сўроқ», «Соф ўзбекча қотиллик», «Ҳижроним мингдир менинг», романа «Бозор», книги «Жажман» (1995), «Озод изтироб қувончлари». В 2000 году – обладатель премии «Офарин».

Его киносценарий «Чаёнгул» (2000) с восторгом был встречен отечественными зрителями. Наиболее ярко и самобытно его писательский талант проявился в таких рассказах, как «Жимжитхонага йўл», «Нусхакашнинг мероскўри», «Беозор қушнинг қаргиши» ва «Жим ўтирган одам», «Кичкирик», представляющие яркую страницу современного узбекского рассказа.

КИЧКИРИК

(рассказ)

Ежегодно летом, сколько помнит себя Султан, трое-четверо ребятишек, да и взрослые мужчины погибают в Кичкирике. Вся махалля целыми днями, а иногда и неделями ищет пропавшего, и, хорошо, если он найдется в тот же день, а если нет, то через пять, семь… десять дней всплывает распухший, как барабан, труп бедняги где-то в западной части Анхора[1]. Были и без вести пропавшие… И тогда несколько дней все – и стар и млад – твердили: «Кичкирик взбесился!», «Кичкирик жаждет крови!», «Не приближайтесь к Кичкирику – у!». Но проходит время, тихое и размеренное течение Анхора успокаивает людей, забывается его дикий и необузданный норов. Одной из интереснейших особенностей человеческой натуры является то, что человек не представляет и даже мысли не может допустить, что именно с ним может что-то случиться, что именно он может попасть в водоворот и исчезнуть. Интересно и то, что с давних пор взрослые, казалось бы, здравомыслящие люди, прекрасно знающие непредсказуемый нрав Анхора, считают Кичкирик тихой и мирной речкой. Кто знает, может действительно какая-то часть Анхора может быть обманчиво степенной и спокойной, что и вводит людей в заблуждение…

Ни о чем таком не размышляя, Султан, босой, неторопливо вошел в реку и сделал пару шагов, ледяная вода резанула его по лодыжкам, маленькие, как кукурузные зернышки, камешки, покрывающие дно, защекотали пятки. Уже несколько дней его терзали странные мысли и чувства, они то, как будто и вели его за руку к берегу Анхора, подталкивали за плечи к воде. Он забыл обо всем: забыл, что с детства недолюбливал Кичкирик, ну не то что бы совсем не любил, но всякий раз при слове «Кичкирик» в его нежном детском сердце рождалась и сотрясала его тень жуткого необъяснимого панического страха; что, когда вместе со сверстниками учился плавать на мелководье Кичкирика и, освоив технику плавания саженками, наконец поверил в себя, поверил, что

[1] Анхор – большой оросительный канал.

пересилит страх, течение вдруг унесло его, и сколько Султан ни силился выплыть, вместо того, чтобы двигаться в сторону берега, он, не справившись с течением, несмотря на то, что смог два-три раза вынырнуть из воды, почувствовал, что какая-то дикая сила тащит его в самую бездну; ... потом он не помнил, что произошло,.. а придя в себя, повалился, обессилев на берегу под ивой, будто душа покинула его тело; что стоящие над ним толпой люди переговаривались между собой; что впоследствии, придя в себя, он стал посещать плавательный бассейн в центре города; что принял решение никогда не приближаться к этому коварному Анхору; что каждый раз, когда видел радостно кричавщих и плескавшихся детей, целыми днями не вылезавших из воды, сердце у него уходило в пятки. Ничто не могло отвлечь Султана: ни волшебное журчание воды, ни щебет ранних птиц, ни доносившийся издалека шум торопливо мчащихся по большой дороге авто.

Вода билась по коленям, голеням, а через минуту и по спине Султана. Он недолго размышлял, с какой стороны войти в воду, с наступлением лета вся местность вокруг железного моста, единственного над Анхором, превращалась в место отдыха ребятишек и разгоряченных жарой мужчин, река здесь была разливистой, текла размеренно и спокойно и только 50–60 саженей ниже русла Анхора резко сужалась, течение становилось более быстрым и порывистым.

Молодая невестка, бедняга, именно здесь хотела зачерпнуть ведро воды…

Султан, едва достигнув узкого места, нырнул, его тело привыкло к холодной воде, он предполагал, что его ждет, но течение, вернее глубинная его часть, вдруг как-то ускорилось, забурлило с двух сторон у прибрежных деревьев, он почувствовал, что его с легкостью закружило, точно клочок бумаги, или листок с дерева. Султан попытался слиться с направлением течения, и как бы то ни было, удержаться на плаву, в лицо ему била беспрерывно набегающая волна, он поворачивал голову то вправо, то влево, чтобы не сбить дыхание… но не для того же он вошел в воду, чтобы продемонстрировать мастерство, приобретенное во время посещений

плавательного бассейна, он решился на это, чтобы найти тело молодой невестки, вышедшей замуж всего пятнадцать дней назад! О том, что утонула невестка, он рассказал Башорат на следующее утро. Девушка с сожалением воскликнула: «Ах, несчастная!». Султану тогда показалось, что белые как молоко щечки Башорат стали еще белее. Через несколько дней девушка сама позвонила, интересуясь утопленницей, казалось, что поиск тела стал смыслом жизни его возлюбленной и, чем больше она интересовалась той бедняжкой, пропавшей в Кичкирике, тем больше казалось, что она возлагает на Султана определенные надежды.

Султана целую неделю не покидали мысли об этом: выходя из дому ни свет, ни заря и возвращаясь вечером, он всё расспрашивал жителей махалли, которые как и родственники, близкие, знакомые с утра до ночи безрезультатно бегали как угорелые по берегам Кичкирика, не теряя надежды, а Султан, не скрывая недовольства, восклицал: «А что водолазы? Неужели они ничего не могут сделать?!» На эти вопросы никто не давал вразумительного ответа, тогда он сам отправился к руководителю водолазов, который, не выслушав его даже для приличия, раздраженно махнул рукой, мол, не вмешивайся в нашу работу. Султан, пытаясь что-то прояснить, обошел берег реки, был у мелководья, обрыскал все прибрежные заросли – в общем, пешком обошел все, что мог, вот тогда то и зародились в его душе неожиданные неведомые чувства, Султан сердцем что-то почувствовал к Анхору, к его извилистому руслу, его бушующим водам, к волнам, которые, стремительно гоняясь друг за другом, то непринужденно играя, то пенясь и бурля, то кротко и нежно ласкаясь, шумят и жаждут чего-то. Ему показалось, что и Анхор почувствовал его состояние, и, будто в ответ на его чувства, водная стихия готова была выразить свою благосклонность и манила красивого юношу в свои объятья. Неожиданно Султан столкнулся с водолазом, всплывшим из глубин Анхора. Вокруг было безлюдно, Султан, не задумываясь, кинулся к нему с расспросами.

– Я перевидал много вод, но такого не встречал! – сказал коренастый водолаз, тяжело дыша и ругаясь. Его лицо, то ли от холода, то ли от сильного страха было бледно - синим.

А теперь… Султан почувствовал, как что-то то и дело цепляется и ударяется о его ноги и спину, и тут же понял, как несправедлив был к водолазу. Зимой, во время морозов, когда воды в Кичкирике становилось совсем мало, он, проходя по единственному во всей округе железному мосту, видел собственными глазами всякий хлам на дне реки: затонувшие ветки, металлолом, кости, части оград домов, домашнюю утварь, унесенную течением, всякие вещи, отходы, отбросы, бутылки, проволоку… истлевшие трупы крупного рогатого скота, собак и кошек… Весеннее половодье не в состоянии было все это расчистить! Водолазы наверняка подвергались опасности, цепляясь одеждой или обувью за железки или ветки! Может, и тело бедняжки невестки не всплыло поэтому в течение всей недели?!. И еще… Может, именно для того, чтобы очистить свое дно от всякого затонувшего хлама, Кичкирик ведет себя так непредсказуемо, неистово и своенравно?!.

Султан поплыл против течения, он был рад, что сила течения оказалась гораздо слабее, чем он предполагал, обогнув берег, окинул взглядом деревья, раскинувшие ветви над водой. Вдруг его ногу обвило что-то клейкое, похожее на ленту, оно было холоднее холодной воды! Змея что ли?! – внезапно вырвалось у Султана, и он, зажав голень, попытался оторвать холодную ленту. Не похоже на живое, если бы змея, то ужалила бы!.. Водоросли?.. Если так, то как ни тяни, ленты не оторвать. Султан ослабил ноги, повернул голову в сторону течения, в лицо била вода, он почувствовал, что если не освободит зацепившуюся ногу, ему грозит опасность и, расслабившись, отдался воле течения. Несколько секунд он плыл как утопленник. Терпел. Через мгновение холодная лента соскользнула, нога освободилась из петли. Султан пришел в себя, вынырнул и, наполнив грудь воздухом, не мешкая, поплыл против течения. Осмотрев все потайные и укромные места, хотел дать передохнуть рукам и ногам – не удалось, буйная волна бросала Султана из стороны в сторону; он, приняв удобное положение, оглядывался вокруг а, когда выпрямился на мгновение, его отнесло, хоть он и учитывал силу течения, продолжая плыть саженками. Он догадывался, до какой степени дикий норов у Кичкирика,

но, оставшись один на один с ним, впервые ощутил упрямство и силу вод Кичкирика!

Широко открыв глаза и не обращая внимания ни на злую волну, которая угощала его «пощечинами», ни на брызги воды, застилавшие глаза, Султан все плыл и плыл по Анхору, стараясь не упустить из виду трудно различимые с берега укромные места, веря что где-нибудь обязательно покажется подол желтого платья или хотя бы часть его. Приняв решение обследовать шаг за шагом всю реку Султан, то и дело нырял, соблюдая все предосторожности ныряльщиков, и старался достать до самого дна, его руки, голова, плечи обо что-то ударялись, но он не чувствовал боли, лишь ощущал всем телом: плечами, спиной, ногами как волны будто делились на слои от поверхности воды до самого дна, движущиеся с разной скоростью. Это мешало сохранять равновесие в воде.

Султан словно сговорился с Анхором, заключил договор о недопустимости преднамеренного вероломства, т.е. беспощадное течение ни в коем случае не могло покушаться на молодую жизнь юноши, верил, что не утонет, он ощущал, что у него хватит сил выстоять, а когда ему не хватало воздуха, он всплывал на мгновение на поверхность воды, и, как голодный, хватал воздух всей грудью, озирал оба берега, чувствуя, что отдаляется на все большее расстояние, снова и снова обсматривал все уголки, лелея надежду что-то обнаружить, и вновь плывя саженками против течения.

Странно, кто бы ни говорил об утонувшей невестке, обязательно делал акцент на том, что она была в желтом платье. Султан видел ее, кажется, раза два, когда она рано поутру поливала улицу и подметала, ей так шел новый наряд невестки, прекрасная молодая женщина на мгновение, перестав мести и соблюдая правила приличия, отходила в сторону, опустив голову, а Султан, который вот-вот должен был жениться, волновался, представляя как Башорат будет так же благовоспитанна, в такие моменты сладких и радостных грез он даже не отвечал как следует на застенчивое, едва слышное приветствие невестки. Эта красивая, обаятельная девушка вышла замуж за лысого соседа, которого с детства все звали «Мавла», «Мова», и теперь Султан пытался привыкнуть на-

зывать его полным именем «Мавлон», «Мавлонбек». Мавлонбек тоже рассказывал,.. что она была в желтом платье и узорчатой безрукавке. Молодой муж старался держать себя в руках, но Султан заметил, как он был растерян и осунулся за 2–3дня.

– Как мне быть теперь, ака?.. – спрашивал Мавлонбек, войдя в какой-то ступор. – С рассвета не отхожу от воды, ни слуху, ни духу – тишина.

Эти слова Султана коробили, но он не показывал вида Мавлону, потому что в таком состоянии человек верит до последнего, хватается за любой шанс. «Говорят, что в ночной тишине слышатся крики утонувших в Анхоре о помощи!..»

Слова молодого мужа «ни слуху, ни духу, тишина», выражающие последнюю все еще теплящуюся надежду, передаваясь из уст в уста, стали своего рода прискорбным анекдотом. Значит, Мавлонбек, веря разговорам о криках утонувших, не спал ночами и надеялся услышать в ночном плеске Кичкирика голос жены, человека, едва успевшего стать ему близким… «Эх, надо было позвать Мавлонбека на помощь», – промелькнуло в голове Султана. Вместо того, чтобы ждать жалобных криков о помощи утонувшего не найденного человека, лучше бы Мавлонбек был рядом, стоял на берегу и держал конец веревки, обвязав ею спину Султана, тогда течение не было бы таким опасным для него, и было бы легче шаг за шагом исследовать и поверхность, и дно Анхора. Либо вместе с водолазами… нет, они бы не позволили, это их твердое решение было известно Султану! Поэтому-то он и пришел к Анхору, когда было безлюдно, отважившись один на один сразиться с норовистым Кичкириком, непокорные волны которого, закручиваясь в большие и малые водовороты, старались с силой отнести Султана к западной стороне. Султан не надеялся, что будет легко, но как бы то ни было, он должен найти тело пятнадцатидневной невестки, которое вот уже неделю не могут найти, найти и передать несчастному соседу несостоявшемуся пятнадцатидневному мужу! Тело ныло, но он не обращал внимания ни на ломоту в плечах, ни на то, как горели пятки и голени, не чувствовал холода. Иногда он плыл саженками против те-

чения, иногда по течению, временами, собрав силы, нырял в воду и, коснувшись дна, вытаскивал попавшуюся под руки вещь, а когда не хватало воздуха или начинало щипать глаза, всплывал на поверхность. Если бы в это время появилась на берегу Башорат, Башоратхон!.. Если бы девушка увидела его, наверняка сильно бы перепугалась, растерялась, от волнения протянула бы руки к Султану, словно желая броситься в Анхор, просила бы своего Султана быть осторожным и не кануть в этой свирепой пучине, последовав за ним, рьяно подбадривала бы своего возлюбленного, вступившего в эту неравную схватку.

Эти мысли придали Султану сил. Он забыл все трудности. «Если Башорат поддержит, – сказал он, высунувшись из воды и осматривая Анхор сверху, – то я не отступлю, не изменю решения найти невестку, даже если в Кичкирике вместо воды будет огонь!..»

У берега внезапно появилась огромная собака, она, царапая землю и виляя хвостом, смотрела на него, затем, подняв голову, завыла, вслед за собакой показались мужчина и женщина, идущие под руку.

– Зачем в такой холод купаться! – воскликнула женщина, еще теснее прильнув к своему спутнику.

– Молодые же, молодые, – засмеявшись, весело ответил мужчина, – они не думают о болезнях!..

Султан отдался воле течения. С обеих сторон Анхора поднимались густые стены камыша-тамариска, покрывающие оба берега, в расщелине между ними текла вода, и он пожалел о том, что ему не пришло в голову взять с собой подводные очки, которые могли быть очень кстати. Унесенное водою тело могло застрять в этих камышовых зарослях. Сквозь них пробраться невозможно!.. Султану трудно было продвигаться. Тонкие длинные камышовые стебли мешали движению, и Султан с трудом раздвигал камыши вперед, назад, в разные стороны. Султан чувствовал, как малюсенькие рыбки ударялись хвостами о подошву его левой ноги, на всякий случай он потряс ногой, и рыбки бросились врассыпную, оставив ногу в покое. Султан двигался в сторону берега. Через какое-то время у его ног, между пальцами снова со-

брались рыбки, теперь среди них были более крупные, они, словно свирепые водные существа, пытались сбить его с ног, били хвостами. Пальцы, лодыжки, подошвы стало щипать, значит, его ноги изранены, из них течет кровь…

Султан покинул густые заросли камыша, выбираясь из воды, по колено увяз то ли в железках, то ли в ветках, и увидел, что по воде мутными кругами расплывается его кровь. По мере того как редели заросли камыша, усиливалось течение, Султан поплыл в сторону берега, где как пальцы какого-то злобного существа выпирали корни дерева, покрасневшие от воды. Он все-таки отважился схватиться за эти «пальцы». Берег был высоким, и он по грудь оставался в воде. Долгое время он не мог вдохнуть полной грудью. Голова его кружилась. Султан с надеждой посмотрел в небо, солнечные лучи постепенно приближались к самой середине Анхора. Оглядевшись по сторонам, на противоположном берегу он увидел большую ветку какого-то изогнутого дерева, доставшую до воды, течение то поднимало вверх, то опускало ее вниз, со стороны казалось, что ветка сердито хлещет воду. Султан не знал усталости от многочасового плавания, но теперь здесь… он с удивлением покачал головой, и, желая постичь нрав Анхора, долго и пристально глядел на воду. Он столько проплыл, столько раз нырял с надеждой, шаг за шагом исследовал всё дно!.. За время, проведенное в воде, казалось, с Кичкириком, с водой Кичкирика он нашел общий язык, почувствовал и понял его душу. Султан, стоя по грудь в воде, обессиленный и изнуренный, не отрывал глаз от Анхора и как будто изливал горбатым волнам родившиеся в душе упреки, обиды, волны, пенясь и клокоча, бурля и вздымаясь, в спешке догоняли друг друга. Анхор – это непостижимое человеческому разуму некое живое существо, и как всякое живое имеет свой характер, так и Анхор живет по своим правилам. Наполнять свое русло до краев водой есть образ и смысл жизни Кичкирика, поскольку его естество и судьба воплощены в поспешном течении воды.

Упреки и обиды у Султана сменились интересом, даже уважением к Анхору. Анхор не понял этого, его бесноватость и подводные течения замучили Султана – с правой стороны течение кажется спокойным и вялым, течение же с левой стороны мгновенно утянет в бездонную пропасть и поглотит, и если ногами еще можно было двигать, то тело сгибалось в три погибели от натиска бьющих в бока волн. Султан вспомнил брань и недовольство коренастого водолаза и … спокойно покачал головой, мол «это не так». Его мысли, отношение к реке изменились, теперь он… даже если Анхор не понял его, он понял Анхора, капризное течение не открыло ему свою душу, но человек всегда найдет путь к капризной душе…

Султан давно почувствовал, как что-то нежно поглаживает его лодыжки. Это что-то, длинное, соскользнуло с ног Султана и нежно обхватило его спину. Султан почувствовал, что вот-вот встретится с чудом, его сердце заволновалось и застучало в ожидании. Он осторожно опустил руки в воду, боясь неловким движением сбросить мягчайшую вещь, охватывающую спину. Что это могло быть, живое-преживое?! Его мысли стали сбивчивыми и прерывистыми, его охватило какое-то неясное чувство. Это что-то живое обхватило спину… похоже какой-то хлам или ткань, вообще в воде любая неживая вещь может показаться живой и превратиться в неведомое существо.

Кончиками пальцев, погруженными в воду, Султан нащупал это неживое существо, обхватившее его спину и грудь. «Неужели?!» – громко воскликнул Султан вне себя от радости. «А вдруг желтое?!», «А вдруг это платье невестки?!» Султан понял, что отпустив «пальцы» диковинного существа, он с шумом плюхнется в середину водного течения. Он был вне себя не от того, что бросился в быстротекущую воду, а от того, что держал в руке… что, что это?! Неужели все усилия Султана оказались не напрасными, что его смертельно опасные поиски… нашел подол желтого платья?!

Султана не унесло течением, двумя руками он схватил материю и стал медленно и осторожно наматывать на руку. «Лишь бы не оборвалось», - думал он и старался не делать резких движений. «В желтом! Была в желтом платье!... В желтом!..» В голове Султана звучало лишь это слово, он верил, что нашел.

Это ткань… настолько длинная? Так тяжело достать до зацепившегося места?... Султан осторожно и бережно наощупь добрался до зацепившегося места, схватил желтоватую ткань, нет, широкий подол желтого платья и… на протяжении недели не обнаруженной пятнадцатидневной невестки тру… «Нашел, Башорат! Нашел, дорогая Башорат!» – воскликнул Султан.

– Не только ваше имя, но вы и сами султан, – однажды сказала Башорат, положив свою голову ему на плечо. – Вы достойны любого султаната!..

«Свет моих очей, Башорат, вот сейчас, в эту минуту, в это мгновение, здесь, в воде, получит свое подтверждение!» Волнение Султана прибавило ему сил, он забыл об усталости и о боли. Тянул обеими руками желтоватую материю, наматывая на руку, перед глазами появилась стайка рыбок, мутная с раннего утра вода стала прозрачнее, он отчетливо видел, как снуют рыбки. Рыбки были цветными! Красные, желтые, зеленые!.. Они указывали Султану путь, направление движения. Плечи, грудь, живот, колени, кончики ног горели огнем. «Ничего страшного, потерплю! – сказал Султан и, стиснув зубы, стал продвигаться вперед, в сторону берега. Он почувствовал, что руки, затем и ноги перестают подчиняться ему и пожелал себе сил: «Ну! Ну-у!.. Не пасуй! Не пасуй, говорю! Эге-ге-гей!»…

«В этом Анхоре утопленники в полуночной тишине кричат и зовут на помощь …» Султан тоже… нет, он не кричит, у него пока нет намерения утонуть, сдавшись бурным волнам. Не подчинится, и не попросит пощады… Он настолько сблизился с Анхором и его водами, что может деликатно просить его, делиться своими чистыми помыслами, а если надо, кричать во весь голос, так кричать, что Кичкирик хоть на миг приостановит свое движение, воды станут прозрачными и русло обнажится. Название «Кичкирик» («Крик») так подходит ему, редкостное название!. По словам живых, утопленники «молча кричат», вернее их смертное молчание воспринимается живыми как крик. Вон, и слова Султана, обращенные к самому себе, со стороны воспринимаются как крик, как вопль. А между тем, до наступления темноты еще

уйма времени, до ночной тишины еще эхе-хе-хе… Вон солнце ярко светит, только… только оно светит неровно… кто-то толкает что ли… оно похоже на пламя, которое то вспыхивает, то угасает…

Султан внезапно перестал ощущать свой вес, руки-ноги стали бессильными, его охватило чувство тревоги. Какие бы усилия он не делал, он оставался неподвижным, ему не хватало воздуха. Появившееся между ног доброе, мягкое и безобидное существо приподняло Султана, мысли его были подобно полотну, обхватившему сначала ладони, затем предплечья. Султан перестал двигаться, руки его были туго охвачены, найденной желтой материей, которую он хотел, во что бы то ни стало вытащить и, которая обвила его полностью, он не мог скрыть своего изумления и волнения. От волнения он взмок. Тело стало мокрым не от воды, а от пота. Он несколько раз поднимал голову над водой желая выровнять дыхание, но потом уже не чувствовал в этом необходимости, он даже не заметил пятен крови, растворяющихся в воде. Существо, поддержавшее и приподнявшее его… Султан почувствовал, что он верхом на смирном коне, это ощущение длилось недолго, нет, проблески мыслей быстро исчезали, лошадь медленно стала высвобождаться из под него. Что делает лошадь в Анхоре?.. Это не лошадь, а рыба, но… если рыба, то похожа на лошадь. Рыба-конь!..

Султан никогда не слышал, что это существо обитает в водах Кичкирика, но даже если бы и услышал, то не поверил бы в эти сказки. Но вот теперь он видел его своими глазами, один из них посадил на себя тонущего Султана и … Султан обмяк как каша – халим[1]. Мягко, но решительно и отчетливо он сказал: «Я начну все сначала! Если нужно, пятнадцать раз войду в воду, но не остановлюсь, пока не найду!..»

До слуха Султана издалека доносились непрерывные крики. Султан хотел прислушаться, понять их, но не смог сосредоточиться. Ему показалось, что вода сильно нагрелась, Султан почувствовал, как его ноги резко ударились о твердый грунт. Хотел поднять голову, но не смог. Русло Анхора

[1] Халим – особым образом приготовляемая каша из очищенных зерен пшеницы и мяса.

к западу в районе кишлака расширялось и очень мельчало – вода в некоторых местах доходила до колен, в ней шумно плескались ребятишки, радостно кричали, гоняясь друг за другом.

– Смотрите человек! Человек в воде!

Султан смутно услышал этот крик. А солнце было в зените и ярко освещало мир, плечо Султана, посиневшее от холода, стало согреваться…

Перевод с узбекского Саодат Камиловой

УЛУГБЕК ХАМДАМ

(род. в 1968 г.)

Улугбек Хамдам (Улугбек Абдувахобович Хамдамов) – узбекский писатель и переводчик. Родился 24 апреля 1968 года в семье столяра в Юкори Равватской махалле Мархаматского района Андижанской области Узбекистана. В 1988 году поступил на филологический факультет Ташкентского государственного университета, который закончил в 1993 году. В 1992 году продолжил учебу в Турции в городе Коньё. В 1993 – 1994 годах работал преподавателем в Институте востоковедения. В 1994–1996 годах окончил аспирантуру при факультете узбекской филологии Национального университета Узбекистана. В 1997 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проблемы узбекской» чистой лирики «в поэзии 30-х годов XX века» (на примере стихотворений Айбека). В настоящее время работает над докторской диссертацией «Социально-психологическое основополагающее в эволюционном мышлении узбекской поэзии XX века». С 1997 года по настоящее время работает старшим научным сотрудником Института языка и литературы им. А. Навои Академии наук Узбекистана. С 2003 года – член Союза писателей Узбекистана. С 2009 года – главный редактор журнала «Звезда Востока».

РЕКА ДУШИ МОЕЙ

(рассказ)

Я очень люблю природу, потому что родился и вырос в кишлаке. И когда я покупал дом в городе, то я хотел, чтобы он находился в живописном местечке, где зелено, много деревьев, подальше от машин, людей. Найдя такое место, я купил себе подходящий домик. А потом… а что я мог потом? Начал жить как все…

Жить по-нашему, значит – работа… потом – дом… домашние заботы, хлопоты, проблемы детей… Так уж заведено. Говорят, это судьба, но всякий по-своему понимает это выражение. Это как клеймо – если приклеилось на лоб, то все – баста, до самой могилы будешь с ним жить… «Нельзя ли изменить судьбу?» – такие мысли приходили мне не однажды, каждый божий день, и это правда. Но… как видите, все снова – как всегда, как всегда – у каждого свое.

Судьба могущественна – всем ли это понятно, а еще таинственна и волшебна! Она предопределена Им как род, тело, цвет кожи. Ведь если ты Эшмат, как ты сможешь стать Тошматом? Вы хотите сказать, посредством пластической операции? Это очень частный разговор. На худой конец, даже если изменить внешность, то внутреннее содержание останется прежним. В душе всегда тот же: если Эшмат, то Эшмат, если Тошмат, то Тошмат! Не верите? Тогда слушайте. Если позволите, то расскажу кое-что из своей жизни…

Когда-то я твердо решил изменить если не свою судьбу, то хотя бы одну ее линию. Потому что я устал от своей жизни, от той, которая была, очень-очень устал. Она была похожа на строгого и безжалостного хозяина, который неустанно следил за мной и бесконечно выдавал сложные задания. Мне казалось, что у него и плетка была, с которой капала кровь. Это было не по мне. «Ладно, – думал я, – ладно, пусть бы он записал мне все задания и потом не вмешивался, а я все, без исключения, выполню. Но чтобы вот так стоять над душой, словно я в чем-то провинился, сердито смотреть, ругать, кричать, хлестать, ворчать… мне надоело…»

Десять лет жил я с такими мыслями и чтоб мне не жить, если за это время я отредактировал хоть одну линию своей

судьбы. Не то чтобы не хотел, хотел, но желание оставалось только желанием. Вот так и жил: с работы домой, из дома на работу – сновал, как ткацкий челнок, и в один из дней, как две капли похожих один на другой, знаете, с чем я повстречался лицом к лицу? С рекой!

«Что реке в городе делать?» – можете возразить вы, но скажу, вы опоздали, мне это в голову пришло раньше. (Потом моей жене.) Пришло… но что делать, эти воды хоть и назывались Анхором, но были такими полными, красивыми и быстрыми, что, чуточку повысив ранг, я назвал бы их рекой. От меня что убудет?.. Да, как только увидел я этот канал, тотчас у меня вылетело: РЕКА! Вот так я и стал называть его рекой.

– Неподалеку от нашего дома река есть, а?! – спросил я в тот же день жену. Она с удивлением долго и пристально смотрела на меня. – Да, – сказал я, смутившись, – что так удивленно смотришь?..

Супруга, молча подойдя ко мне, положила руку на мой лоб. И не сразу ответила на мой вопрос. Наоборот, начала говорить совсем о другом:

– Вы должны были пойти на родительское собрание к сыну – не пошли, классный руководитель звонила, я готова была от стыда сквозь землю провалиться. Очень просила, бедняга…

– А-а-а! – воскликнул я, открыв рот. – Бес попутал, на самом деле из головы вылетело!

– А в прошлый раз вы поставили свою дочь в неловкое положение, так долго заставили их с подругой вас ждать. Сегодня – река… Какая река? Тот грязный арык в начале улицы, в котором вода еле-еле сочится, вы рекой называете? Нет, тогда вас точно бес попутал!..

Я промолчал. Потому что, если подумать, жена моя на все сто процентов права. Дело даже не в реке, потому что она реку, как и я, не видела раньше. Арык!.. Почему-то я не мог припомнить. Может и есть. Из-за того, что я слишком занят, я забываю то одно, то другое. Мне кажется, это не рассеянность. Мои мысли слишком заняты всякого рода мелкими делами! В последнее время я сделал привычкой записывать

их на клочке бумаги и носить его с собой, как слепой палку. По-другому никак не получается. Я не успеваю все выполнить. Не верите, вот один список. Вчера вечером составил, читайте: 1) Собачку на дверной замок! 2) Свадебный подарок на свадьбу Сарвара. 3) По дороге электрочайник на работу (вчера сгорел). 4) Компьютер сына отвезти мастеру. 5) Заплатить за электр. 6) Справку из поликлиники (дочь не ходит на физкультуру). 7) Базар (картошка, лук, морковь, мясо, хлеб, масло…). 8) Подкачать шины на машине. 9) Справиться о здоровье родственников с Юнусабада (их дедушка умер). 10) Старичка соседа отвезти к лекарю на Карасу (уж очень просил он). 11) Пойти на гап.

Этот список – только на сегодня, обратите внимание. На завтрашний день я составлю новый. Исключив законченные дела, оставшиеся я внесу в новый список. Но сколько ни пиши – срочных дел не уменьшается. И список растет изо дня в день, не сокращаясь ни на йоту. Однако в претензиях жены есть правда: разве может забыть отец дела, связанные с единственным сыном и единственной дочерью. Ладно, родительское собрание, но забыть о дочери с подругой, которые ждали меня напротив Алайского базара – это совсем никуда не годится. Как вспомню, до сих пор не по себе. Что и говорить. Но их не было в списке. Поэтому я и забыл. Если бы жена накануне напомнила, я бы включил под номером пять или десять, вот тогда было бы все в порядке. Сегодня человек, как машина, например, как компьютер. Что задумал, зафиксировал в уме или на бумаге – этим и будет занят. Мне так кажется… часто.

В списке – не основные дела, а второстепенные, дополнительные, выполняемые по ходу других. Главное дело – оно другое. Утром в 9.00, как только я прихожу на работу, прячу этот список в карман. Потому что работа для сотрудника – священная обязанность. Нельзя смешивать с ней домашние, личные дела, знакомых, друзей и прочие мелочи. Настало время 18.00 – пожалуйста – кончай работу и доставай свою бумажку. И, пожалуйте, суета сует! У меня еще и на телефоне есть напоминания. Как только оторву глаза от списка, тут же «пилик-пилик», и на экране высвечиваются краткие записи того, что

необходимо сделать. Например, «мет. 21.00», значит, в 21.00 надо быть у метро. Потому что мой одноклассник уезжает на заработки, его надо проводить. «Нот. 18.20» – это значит, надо быть в 18.20 у нотариуса, потому что есть дела, связанные с документами на машину, и так далее.

В тот день, окончательно завершив все дела на работе и по списку, я возвращался домой. Вдруг моя машина отяжелела и накренилась на бок. Сразу понял: шина проколота. Остановился – точно, так и есть. Вытащил запаску. Заменил. А испорченное колесо положил в багажник. Завтра надо отвезти чтобы починили, значит, в список его надо включить первым. Хотел взять бумагу и карандаш, чтобы сразу, не откладывая, записать, вижу – руки черные, перепачканные. И пластмассовая бутылка с водой, которая всегда при мне в машине, куда-то запропастилась. Оглянулся по сторонам, и… хотите верьте, хотите нет, увидел воду, величаво текущую совсем рядом со мной! Удивительно! Изумлению моему не было границ. Ведь я жил в ста шагах. «Неужели столько времени?!» – повторял я, как попугай. На самом деле, столько времени я не видел ее! Она текла полноводно, извиваясь так плавно-плавно, кокетливо-жеманно, что слов не найти описать ее. Я же любитель природы! Грош цена моей любви, если я столько времени не замечал этого. Кому сказать – наверняка не поверят. Но это правда, почти десять лет я не замечал, что около моего дома течет Анхор, и только сейчас впервые увидел его!

Жизнеутверждающую тайну воды знает лишь тот, кто томился жаждой. Все мое существо во мгновение ока превратилось в жажду сердца, и я бросился к берегу Анхора. Внезапно лицо, руки, тело ощутили успокаивающую прохладу воды, «ох!» непроизвольно вырвалось у меня. Наклонившись, я пригоршнями черпал и разбрызгивал воду из плавно текущего Анхора. Лучи заходящего солнца смешивались с каплями воды, окрашивая их в разные цвета, в один миг создав яркую радугу, я опьянел от счастья, у меня закружилась голова. Словно на мгновение я вновь превратился в маленького мальчика. Погрузился в цветной мир детства. Я чувствовал, величавая и спокойная, но в недрах сильная и

бурливая вода словно смывала с моего сердца боль, и мне захотелось кричать как безумному. Это так. Ибо повседневные заботы, переполнив мое сердце, стали болью и состарили меня. А Анхор поставил этому точку, да! В движении воды я увидел отражение своего детства. Да, лик своего детства! Счастью и радости не было предела. Я забыл о времени. Остался у воды. Гляжу на нее, и почему-то на самом донышке сердца рождаются мысли о приходе в этот бренный мир и о конце, никогда ранее меня не посещавшие. Размышляя об этом, я понял, какими мелкими, несерьезными, неважными были все мои дела, и забеспокоился, не находя себе места. Я был обижен на себя, на дела, на судьбу. В моей душе проснулось желание жить по-другому, по-другому работать, все-все в жизни изменить. Я слушал мелодию текущей воды и понимал, что это песня о мире и человеке. В этой песне есть все о человеке. Я не хотел уходить от воды, мне захотелось броситься в ее объятия. Я знал, если я так поступлю, омою все свое существо всеочищающей водой – я стану другим человеком. Без этого мои мысли об обновлении – чепуха, бред…

Сначала я решительно снял рубашку, но когда уже собирался стянуть майку, меня остановила своим вызывающе резким звуком неожиданно сработавшая сигнализация. Одновременно раздался свисток, и над ухом прозвучал громкий голос: «Ваша машина?» – строгий голос продолжал: «Вы что, здесь купаться хотите? Вы в своем уме? Нельзя!!!»

Я, натянув майку, накинул на плечи рубашку и волей-неволей отошел от воды. Не понимая в чем дело, я недоумевал, нерешительно стоя у воды.

– А ну-ка, предъявите документы!

Я подошел к машине, вынул документы и подал их инспектору ГАИ.

– Что я нарушил, командир? – спросил я, собравшись с мыслями.

– У вас серьезное нарушение, – сказал инспектор, посмотрев документы. – Здесь остановка запрещена, будто сами не знаете! Да еще купаетесь в запрещенном месте, – иронично усмехнулся, глядя на меня, инспектор.

– Второе в вашу компетенцию не входит. Это вас совершенно не касается. К тому же у меня не было намерения купаться, я и не купался. Не придумывайте! – стал закипать я.

– Ах, так! – инспектор вытащил из сумки чистый бланк и стал что-то писать. – Вам и первого будет достаточно.

Так я остался без водительского талона. До этого у меня забрали права. Теперь еще это. Все плохо. Придется заново сдавать экзамен. Неуважительные и грубые слова инспектора: «Садитесь в машину и уезжайте отсюда!» – переполнили чашу терпения. От былого настроения не осталось и следа. Мне даже захотелось подраться с инспектором, не потому, что он забрал талон, а за последние его дерзкие слова. Захотелось, но стало стыдно. Ну что это, взрослый человек, к тому же нарушил правила, что еще?..

С надтреснутой, как выпавший из рук арбуз, душой я сел в машину и дал газу…

* * *

Не прошло и трех дней, как почувствовалось отсутствие машины. В руках у меня опять список, о котором вы знаете, мозги заняты работой, всякими проблемами, но нет основного средства, которое помогало их решить – тягача, помощника нет. Не замедлили сказаться последствия. Не прошло и недели, список увеличился вдвое. Жена недовольна, сам нервничаю… но что поделать – не успеваю. Быт – это гроб, не зря говорят. Нас всего четверо маленьких, как цыплята, но желаниям и потребностям нет конца: на праздник всем учителям надо купить подарки; детей необходимо отвезти на базар и приодеть к празднику; приближается день рождения мамы – в прошлом году не смог поехать, в этот раз нельзя отложить; дома жена больная – нужно завезти документы на ее работу, затем к себе на работу; работа… потом в аптеку за лекарствами… если посчитать, голова кругом, в глазах темно. Временами я начинаю ненавидеть реку. Ведь из-за нее столько проблем на мою больную голову! Если бы не очарование реки, не увлекся бы, да, не увлекся! Хоть и с трудом, но справлялся же я. Все дела делал, успевал. Все были благодарны мне – родители, жена, друзья-приятели, окружающие

и множество далеких и близких людей. Повстречал реку, и все пошло наперекосяк, да!..

* * *

Скоро внешние жизненные проблемы переселились внутрь: я стал видеть нелепые сны. Особенно резкий звук инспекторского свистка буравил мой мозг, как сверло. Поэтому и во сне, и наяву я стал осторожным. Наяву-то ладно, но во сне… вот что было странно. Ведь и бедняк, и богач не властны перед сном, все равны, я это знал. А я… Что делать, будто мне наяву недостаточно, я и во сне пугаюсь: потому что мне снится река, мне хочется подойти к берегу. А когда подхожу… самое странное происходит: откуда-то слышится звук свистка, и я в холодном поту открываю глаза. И уже не могу сомкнуть глаз до рассвета. Днем стараюсь много и увлеченно работать, сделать как можно больше. Потому что сильно устав, я засыпаю уже без сновидений. Но хорошо, что в этом мире всему есть предел. Часто бывает, что работы невпроворот. В такие моменты я серьезно задумываюсь: для чего человек приходит в этот мир, для чего живет, для чего мучается? – и не нахожу ответа. Потому что везде и во всем лишь мучительный, никогда не кончаемый труд. Труд прославляет человека! Разумный человек никогда, ни в какие времена в этом не сомневался. Но труд труду рознь. Вот об этом я много думаю. Непрерывно ломаю голову о ежедневную суету современного человека. Какой он создал мир вокруг себя, а потом сам превратился в его раба! Если нужны аллегории, скажу: современный человек решил построить себе дом, чтобы жить в нем припеваючи, но не может никак его закончить. Так всю жизнь он и занят постройкой этого дома: месит глину, делает кирпичи, штукатурит… эх-хе-е, есть ли этому конец? С одной стороны, строит, с другой – с такой же скоростью дом рушится. Словно когда-то заведомо, еще у истоков этой работы, все обдумав, кто-то решил: «Этот дом никогда не будет построен!» Но людям невдомек – не знают они, что строительству не будет конца, мучаются, стараются. Мне вспоминается миф о Сизифе. Вы тоже его помните. Ну, тот Сизиф, который напрасно все старался

вкатить на вершину горы тяжелый камень, кто его не знает? Мне хочется объявить на весь мир: «В каждом из нас живет Сизиф, мы – Сизифы, каждый из нас!» Но эти мысли остаются при мне. Если заговорю об этом, знаю, что стану посмешищем для всех. Быть посмешищем – не трагедия, но я понимаю, что говорить об этом бесполезно. Что, я один понял сущность мира? Все знают, но никто не придает этому такого значения. Лучше бы я не останавливался около реки, не стоило останавливаться. Потому что у всех внутри всегда звучит свисток. Свисток предостерегает от того чтобы отвлекаться, свистит, чтобы быть как все, жить как все: чур, чуррр!..

* * *

Много воды утекло после событий, связанных с инспектором ГАИ. Я, кое-как сдав экзамен, получил водительские права. Жизнь моя вошла в обычное русло, я опять погрузился в океан своих дел и забот: у меня снова машина, в руках список, на плечах гражданский, сыновний, отцовский, супружеский, дружеский и другие долги, составляющие суть движения к познанию… Как я мог думать о реке, подойти к ней, отвлечься от дел? Однажды увлекшись, какие невзгоды пережил! Сколько времени я потерял, сколько проблем нажил, сколько мучались я и мои близкие! Зачем еще раз подвергать себя опасности? Река… сколько хлопот мне она доставила, и если я опять окажусь у ее берега, несомненно, мучений снова прибавится. Все это так, и я не подойду к ней, даже если по делам мимо проезжать буду – не остановлюсь.

Даже если захочу остановиться, то не смогу: вон, на каждом шагу, инспектор… О, Боже, в других местах их гораздо меньше. Что они все здесь собрались? На каждом шагу свистят и машут красной палочкой! В такой ситуации, даже если захочешь, остановиться около реки не сможешь: прогонят свистки и красные палочки.

Теперь, выходя из дому и возвращаясь, я поглядывал на реку: хотите верьте, хотите нет, но всегда на берегу было полно инспекторов, больше никого не было видно. «Поэтому я и не видел раньше реки, – понял я. – Потому что толь-

ко красные палочки мелькали и заставляли сворачивать… кажется. О Боже-е-е, – говорю я с изумлением, – как я мог тогда остановиться, чтоб поменять колесо на машине, приблизиться к воде? Еще и посидеть на берегу, вымыть руки, побрызгать водой, увидеть радугу в лучах заходящего солнца и получить столько удовольствия. Интересно, где тогда были красные палочки? Куда запропастились бдительные инспектора? Почему не свистнули предупреждающе?»

Да ладно, что бы ни было, теперь мне нет дела ни до красных палочек, ни до реки. По мне, пусть даже закроют ту улицу. Сколько я страдал! Вся жизнь моя перевернулась. Главное, чтобы я мог приезжать и уезжать из дома, и все…

* * *

Прошли годы словно вода.

Я больше не отвлекался.

У меня машина, в руках список, в мыслях все взятые под контроль ответственные дела.

Я давно забыл о реке в центре города, рядом с моим домом.

Только… только однажды ночью все вознесенные молитвы рассыпались в прах… Однажды, выполнив все дела из длинного списка, ночью я увидел сон. В нем… в нем я снова повстречался с рекой…

И за ней никто не присматривал…

И она, переполненно вздымаясь, извиваясь, свободно катила свои воды…

И меня ждала она…

И я по ней соскучился!..

Торопясь, исполненный восторга, задыхаясь от волнения, я кинулся к ее берегу. Наклоняясь, пригоршнями жадно пил. Стал брызгать водой на листья деревьев. Снова появилась радуга: цветная – цветная!..

И она заполнила мир!..

И мир расцвел радугой…

И я невольно встал с места. Встал, и почему-то положив руку на грудь, вытащил лист бумаги. На листке был список завтрашних дел: дли–ииииииииииинный!

И я бросил его в реку без сожаления…

И я себя почувствовал свободным от оков, вольной птицей!

Почувствовал мир, ощутил запах неба…

Горбатые волны реки унесли список. Не поглотили, нет! Они подержали его, покрутили, поиграли с ним как мячиком, поиздевались… Я не мог даже представить, что тяжелая ноша, мучившая и не оставлявшая меня всю жизнь в виде бесконечных дел, так легко станет игрушкой свободных волн, я был поражен.

И я опять положил руку на грудь. В руке появился свисток. Не задумываясь, я с силой швырнул его в воду. Ах, если бы вы испытали капельку того наслаждения, что испытал я! Боль и тяжесть в груди, тревоги, неприятности… все-все утекло вместе с этим проклятым свистком! Да, исчезло!!!

Я снова засунул руку за пазуху и вынул оттуда какие-то палочки. Посмотрев на них, я узнал. Они. Эти палочки – те красные палочки, которые предостерегали меня всю жизнь, не позволяя подойти к реке. Потом… знаете что? Машина!!! Да-да, моя машина! Она громоздилась у меня в душе.

Я выбросил ее в свободные волны… Все выбросил! Ничего не оставив, выбросил.

Все вытащил и выбросил в воду, все, что мешало мне встречаться, общаться с рекой!..

И все это стало игрушкой волн.

Снова я засунул руку за пазуху, но там было пусто.

И я почувствовал облегчение…

Передо мной осталась река – великая река со своей неповторимой мелодией!..

И в этот миг я… проснулся…

Проснулся и почему-то торопливо засунул руку за пазуху…

Перевод с узбекского Саодат Камиловой

Стихотворные размеры и жанры восточной поэзии:

Диван – собрание лирических стихотворений.

Касыда – главный жанр дивана, парадная ода, состоящая из вступления и самого славословия адресату.

Рубан – одна из самых распространенных стихотворных форм лирической поэзии народов Востока. Четверостишие, как правило, философского содержание, в котором рифмуются первая, вторая и четвертая строки, а третья остается без рифмы. Иногда после рифмы следует редиф (своеобразный припев, стоит обычно в конце каждой строки после рифмы).

Газель – широко распространенный жанр в узбекской, уйгурской, азербайджанской, туркменской, а также персидской и таджикской литературе. Небольшое лирическое стихотворение, состоящее из не менее трех, но и не более двенадцати бейтов, зарифмованных монорифмой. Как правило, основное содержание газели – любовь, ее радости и печали. Под влиянием восточной поэзии форма газели в последнее столетие появилась также в русской и даже западноевропейской литературе, чаще всего в переводах восточной классики. Газель – древнейшая форма восточной поэзии, создателем которой является и в современной поэзии. Благодаря усилиям поэтов нашего времени тематика газели значительно расширена, хотя форма остается традиционной.

Туюг – термии тюркоязычной классической литературы. Отдельное четверостишие, зарифмованное омонимами. Непревзойденным мастером туюга был выдающийся поэт-классик Лутфи.

Маснави – (араб. – «сдвоенный») – термин таджикско-персидской и тюркоязычной класической литературы, используется также и в современной поэзии, а также в больших эпических формах, дастанах и т. д.

Первым памятником тюркской письменной литературы, написанным маснави, является поэма «Кутадгу билиг» («Искусство быть счастливым») Юсуфа Баласагунского, созданная в XI веке.

Мухаммас – термин восточной классической литературы. Пятистишие.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 4
Устное народное творчество. Эпос. 5
Алпамыш 6
Часть первая. Песнь третья 7
Песни 10
Сказки 14
Латифа 25
Пословицы и поговорки 27
Загадки 30
Древние письменные памятники 32
Махмуд Кашгари «Словарь тюркских наречий» 32
Юсуф Хас Хаджиб Баласагуни 37

Литература XIV-начала XV века.

Предшественники Алишера Навои 40
Пахлаван Махмуд 40
Абдурахим Хафиз Хорезми 42
Лутфи 45
Дурбек 50
Юсуф Амири 56
Саккаки 57
Атаи 59
Гадои 60

Литература XV века

Алишера Навои 67
Литература XVI–XVII веков. 111
Захириддин Мухаммад Бабур 111
Бабарахим Машраб 124

Литература XVIII – первой половины XIX века.

Увайси 127
Нодира 135
Гульхани 138